

67

1682 82

№ 5 отдѣла.
№ 38 книги.

10 ЯНВ 1891 957
Листок возврата

6-0-3 1886

26 04

29 01

27 05 82 3

20 1 09 10

1 00 1 35

2 802 0

ссыл

Г.Н-ок з.2468 т.50000

Моск

Россия и русский говор.
в первой половине XVIII в.

Записки и замечания г. Эрнста Микшля.

Издание редакции исторического
журнала

"Русская старина".

СНГ 680
1891

С.-петербург
Типограф В.С. Балашева, Батумск. кв.
1891г.

Д 67
1682

едакція „Русской Старины“, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ изданія этого историческаго журнала (1870—1891 гг.), напечатала весьма много матеріаловъ, касающихся исторіи XVIII вѣка.

Въ этомъ ряду, записки различныхъ людей, нерѣдко высоко стоявшихъ по своему положенію, дѣятелей и участниковъ въ разныхъ историческихъ событіяхъ, конечно, занимають первое мѣсто. Не перечисляя длиннаго ряда всего, въ этомъ отношеніи, представленнаго „Русскою Стариною“ въ ея двухъ стахъ пятидесяти шести кнѣгахъ и въ отдѣльныхъ выпускахъ, какъ напр., Записки генераль-прокурора князя Якова Петровича Шаховскаго, (род. 1705, † 1777 г.) и друг., мы лишь напомнимъ, что имѣли истинное удовольствіе напечатать въ высокой степени замѣчательные мемуары генерала Манштейна, съ 1727-го по 1744 г., въ переводѣ съ подлинной французской рукописи автора. Рукопись эта хранится въ дворцовой библіотекѣ города Павловска и составляетъ собственность августѣйшаго владѣтеля этого города — великаго князя Константина Николаевича, съ благосклоннаго соизволенія котораго и былъ выполненъ помянутый переводъ со-трудницею нашего журнала В. В. Тимошукъ, подѣ

СВЕРЕНО

929 $\frac{24}{67}$

СВЕРЕНО
1900 г.

КНИЖЕ СЪЕДИ ОССР
Гос. Публ. Науч. Библиотек
Библиотека

непосредственнымъ наблюденіемъ покойнаго начальника главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ тайнаго совѣтника К. К. Злобина.

Равнымъ образомъ, на страницахъ «Русской Старины» были представлены, въ переводѣ съ нѣмецкой рукописи, примѣчанія историка Герарда Миллера на извѣстные письма о царствованіи императрицы Анны Иоанновны — lady Рондо (1730—1740), — рукопись эта также хранится въ упомянутой библіотекѣ дворца города Павловска.

Въ настоящей книгѣ редакція „Русской Старины“ представляетъ отдѣльнымъ изданіемъ немаловажный, для отечественной исторіи XVIII вѣка, сборникъ историческихъ трудовъ графа Эрнста Миниха, относящійся къ той-же эпохѣ, отъ кончины императора Петра Алексѣевича, до восшествія на престолъ его дочери, Елисаветы Петровны.

Такимъ образомъ, содержаніе этой книги слѣдующее:

I. Записки графа Эрнста Миниха, сына фельд-маршала, написанныя имъ въ Вологдѣ, въ ссылкѣ, въ 1758 году, и которыя были изданы въ первый разъ, на русскомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ, въ 1817 г.; это изданіе, давно уже сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью, перепечатано здѣсь дословно и намъ пріятно сообщить извѣстіе Арведа Яковлевича Юргенсона, что представляемый здѣсь русскій текстъ почти тождественъ съ отысканнымъ имъ недавно, въ одномъ частномъ архивѣ Германіи, подлиннымъ нѣмецкимъ текстомъ этой рукописи.

II. Второй трудъ гр. Эрнста Миниха, вошедшій въ настоящее изданіе, это — «Замѣчанія на Записки генерала Манштейна»; впервые эти Замѣчанія появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825—1828 гг., въ вы-

держкахъ, искаженныхъ цензурою и изд.-редакторомъ этого журнала — покойнымъ П. П. Свиньинымъ.

Намъ посчастливилось получить ту именно рукопись этого интереснаго труда, которою несомнѣнно пользовался издатель «Отечественныхъ Записокъ», дѣлая изъ нея выдержки. Рукопись эта оказалась въ бумагахъ покойнаго военнаго историка А. В. Висковатова, и мы ее дословно передали въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 359—410 и 565—616.

Нынѣ эти «Замѣчанія», какъ то доказано изслѣдованіемъ А. Я. Юргенсона — несомнѣнно принадлежація перу графа Эрнста Миниха, совершенно у мѣста являются въ настоящемъ сборникѣ, вслѣдъ за «Записками» того же автора.

Далѣе читатель найдетъ историко-критическое изслѣдованіе Арведа Яковлевича Юргенсона о томъ и другомъ изъ вышеназванныхъ трудовъ графа Эрнста Миниха. — очеркъ жизни гр. Эрнста Миниха, — родословіе его фамилии, — описаніе и рисунокъ герба рода графовъ Миниховъ; алфавитный указатель и систематическое оглавленіе составляютъ остальную часть настоящаго сборника.

Книга украшена довольно рѣдкимъ портретомъ автора Записокъ, каковая гравюра, между прочимъ, интересна въ томъ отношеніи, что впервые явилась въ печати при книгѣ: «Русскіе полководцы», Сиб., 1845 г., какъ изображеніе не графа Эрнста Миниха, а его отца, фельдмаршала гр. Бурхарда Христофора Миниха. Таковую ошибку издателя біографій «Русскихъ полководцевъ» указалъ Дм. Алед. Ровинскій; его любезной обязательности въ содѣйствіи всякому научному дѣлу мы обязаны сообщеніемъ настоящей гравюры.

Оригиналъ, съ котораго награвированъ этотъ портретъ, принадлежалъ, какъ сообщаетъ Дмитр. Алксн. Рѣвинскій,

(«Собр. гравиров. портретовъ», изд. Д. А. Рѣвинскаго, т. II, стр. 1334), генералу Самсонову, былъ на портретной выставкѣ 1872 г. и фотографированъ въ «Альбомѣ» А. М. Душева, л. 22. Настоящая гравюра передана здѣсь искуснымъ рѣзцомъ художника Ив. Ив. Матюшина, ученика славнаго русскаго гравера на деревѣ—академика Лаврентія Авкс. Сѣрякова († 1881 г.).

Книга мѣстами украшена заставками и вишнетками,—рисунки почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ, маститаго профессора Федора Григорьевича Солнцева (род. 1800 г.).

Михаилъ Семеновскій

15-го апрѣля 1891 г.
Спб.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе СТР.
III—VI

Записки графа Эрнста Миниха.

I. Служба Бурхарда Христофора Миниха до его
пріѣзда въ Россію 1— 9

Участіе Миниха въ войнѣ за испанское наслѣдство (5).—Дѣла въ Польшѣ; поступленіе Миниха на польскую службу (6).—Баронъ Герцъ предлагаетъ ему вступить въ шведскую армію (8).—Несогласія съ Флемингомъ.—Дуэль съ Бонафу (9).—Кн. Григ. Фед. Долгоруковъ склоняетъ Миниха вступить на службу Россіи.

II. Первые годы службы Бурхарда Миниха въ Рос-
сін; событія отъ кончины Петра I до вступленія
на престолъ Анны Іоанновны. 10— 23

Договоръ, заключенный Минихомъ съ Петромъ I.—По-
строеніе Ладожскаго канала; Петръ Великій обозрѣваетъ
работы (10—13).—Эрнстъ Минихъ отправленъ отцомъ
въ Женеву (13).—Екатерина I жалуетъ Миниху орденъ
Александра-Невскаго (16).—Производство Миниха въ
генераль-поручики; его сынъ возвращается въ Россію
(17).—Сверженіе кн. Меншикова; власть переходитъ къ
кн. Долгорукимъ (18).—Минихъ возведенъ въ графское
достоинство (20).—Конгрессъ въ Соассонѣ; домогатель-
ства гр. Головкина (20).—Кончина Петра II.

III. Избраніе Анны Іоанновны и первые годы ея царствованія 24— 35

Совѣщаніе верховнаго совѣта; ограниченіе самодержавія (24). — Неограниченная власть восстановлена; ссылка кн. Долгорукихъ; коронованіе (26). — Учрежденіе новыхъ полковъ; Минихъ пользуется благоволеніемъ государя (27). — Триумвиры: Биронъ, Левенвольде, Остерманъ (28). — Учрежденіе кабинета; преобразованія въ арміи, по начертанію Миниха (29). — Приемъ Эрнста Миниха императрицею и принцессами (32). — Сватовство фрейлины Трейденъ (33).

IV. Война съ Польшею, 1733 года. Осада Гданска. 35— 49

Кончина короля польскаго (35). — Генераль Ласси отправленъ съ войскомъ въ Польшу (36). — Главное командованіе арміи ввѣряется Миниху (38). — Осада Гданска (39). — Неудавшаяся атака Гагельсберга (40). — Прибытіе російскаго флота на Гданскій рейдъ. — Побѣгъ Станислава (43). — Условія, на которыхъ долженъ былъ сдать Гданскъ (45). — Станиславъ Лещинскій (48).

V. Походы 1736—1737 годовъ. 49— 64

Нападеніе на русскіе предѣлы крымскихъ и кубанскихъ татаръ (49). — Лунное затменіе предвѣщаетъ туркамъ неудачную войну (50). — Взятіе перекопской линіи (51). — Польскій сеймъ предоставляет Курляндіи избрать себѣ герцога (53). — Взятіе Бахчисарая (54). — Разореніе татарскихъ крѣпостей (55). — Походъ 1737 г. Минихъ, подобно Моисею, ведетъ армію черезъ степь (57). — Осада и взятіе Очаковской крѣпости (60).

VI. Третій походъ и событія при дворѣ въ 1738 г. 61— 74

Походъ 1738 г. (66). — Обычаи, соблюдаемые при рускомъ дворѣ во время свадебъ фрейлинъ сего двора (67). — Эрнстъ Минихъ женится на баронессѣ Менгденъ (68). — Сватовство принца Брауншвейгскаго (69). — Торжества, сопровождавшія бракосочетаніе принцессы Анны (72—74).

VII. Походъ и событія 1739 г. 74— 84

Первыя дѣйствія противъ турокъ (74). — Побѣда подъ Ставучанами (75). — Взятіе Хотина (76). — Военнопленные и трофеи (77). — „Поносный“ Прутъ сдѣлавъ честнымъ; русскія войска вступаютъ въ Молдавію (78). — Фельдмаршалъ Минихъ подступаетъ къ Яссамъ (79). — Торжества по случаю заключенія мира съ турками (81). — Награды; фельдмаршалъ Минихъ получаетъ орденъ св. Андрея Первозваннаго (82). — Придворныя празднества (83).

VIII. Послѣдніе дни жизни и кончина императрицы Анны Іоанновны 84— 96

Рожденіе принца Іоанна (84). — Болѣзнь императрицы Анны (84). — Герцогъ курляндскій Биронъ обрѣтаетъ себѣ регентство (84—86). — Принцъ Іоаннъ объявленъ наследникомъ престола (88). — Принцесса Анна уклоняется отъ вмѣшательства въ дѣла государственныя (89). — Кончина императрицы (90). — Изображеніе Анны Іоанновны и главнѣйшихъ ея дѣяній (91). — Вліяніе Бирона, образъ жизни императрицы, ея вкусы и привычки (95—96).

IX. Регентство Бирона 97—106

Декларация о регентствѣ (97). — Биронъ арестуетъ многихъ лицъ (99). — Кн. Черкасскій открываетъ герцогу о существованіи заговора (101). — Оскорбленіе герцога Брауншвейгскаго (103). — Минихъ склоняетъ принцессу Анну дѣйствовать рѣшительно (104). — Регентъ арестованъ (106).

X. Правленіе Анны Леопольдовны 107—120

Поведеніе графа Бурхарда Миниха (108). — Награды и повышенія (109). — Изображеніе Анны Леопольдовны (110, 111). — Трактатъ, заключенный съ Пруссіей (113). — Погребеніе Анны Іоанновны (113). — Минихъ получаетъ награды отъ иностранныхъ дворовъ и графское Римской имперіи достоинство (114). — Неудавшіеся переговоры маркиза Ботта (116). — Интриги Остермана (117). — Фельдмаршалъ Минихъ требуетъ отставки и получаетъ ее (118). — Поворотъ въ политикѣ русскаго двора (120).

Замѣчанія на Записки Манштейна.

- XI. Событія въ Россіи отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Анны Іоанновны. 125—135

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I (126).— О родственникахъ Екатерины I (127).— О семействѣ пастора Глюка (128).— Поступокъ Петра II противъ бабки его (128).— О царицѣ Евдокии изъ рода Лопухинныхъ (128).— Извѣстія о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при російскомъ дворѣ (129).— Пронски графа Бассевича къ возведенію на російскій престолъ Екатерины I (130).—Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ голштинскій (132).—Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I (132).—Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль (132).— О князѣ Меншиковѣ (133).—О предлаженіи бракосочетанія царевны Елизаветы Петровны съ марграфомъ Браденбургскимъ (134).

- XII. Начало правленія Анны Іоанновны. 135—145

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II (135).— О графѣ Остерманѣ (136).— Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта (137).— О стараніи Анны Іоанновны приобрѣсти на свою сторону приверженцевъ (138).— О фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ (139).— О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи. Продолженіе о Биронѣ (140).— О португальскомъ принцѣ донѣ Эмануэлѣ (141).— Адмиралъ Сиверсъ (141).— О китайскомъ посольствѣ (142).— О размовкѣ графа Бурхарда Миниха съ Бирономъ (143).

- XIII. Войны, веденныя въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. 145—154

Отправленіе Бурхарда Миниха въ Польшу (145).— Осада Гданска (146).— Прибытіе французской флотиліи на помощь къ Гданску (146).— Объ отправленіи фран-

цузскихъ военноплѣнныхъ (147).—Почему мало пользы приобрѣтено отъ турецкой войны (147).— О графѣ Ласси (148).— Разсужденіе о кампаніи Россіи въ 1736 года (148).— О покореніи Очакова (151).—О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтою (152).—О кампаніи, въ 1737 году произведенной (153).—О письмѣ графа Миниха къ князю Лобковичу (153).— Объ умерщвленіи шведскаго маіора Ципклера (154).

- XIV. Послѣдніе годы царствованія и кончина императрицы Анны Іоанновны. 154—174

Причина несчастія и казни кабинетъ-министра Артемія Волынскаго (154).—Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны (156).—Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ ея правленію (163).

- XV. Регентство герцога Вироца. 174—185

Обозрѣніе Виронова регентства (174).— Содѣйствіе графа Бурхарда Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его (184).— Объ исканіи Минихомъ господарскаго достоинства (185).

- XVI. Правленіе принцессы Анны Леопольдовны. 185—199

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Бурхарда Миниха (185).— Милости, оказанныя правительницею (187).— Гр. Б. Минихъ не получалъ отъ правительницы отказа на просьбы свои (188).— Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ (188).— О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха (189).— Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза (190).— Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза де-Вотта къ російскому двору (191).— Замѣшательство російскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію (191).— Происки вѣнскаго министерства (192).— Мнѣніе графа Миниха о предложенномъ союзѣ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами (194).— Объясненіе графа Миниха съ правительницею (194).— Увольненіе графа Бурхарда

Миниха (195).—Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись (196).—О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною (197).—О приѣмѣ маркиза де-ла Шетарди.—О фрейлинѣ баронессѣ Мепгденъ (198).—О предложеніи правительницѣ вступить на престоль (199).—О намѣреніи уступить шведамъ Кексгольмъ (199).

XVII. Переворотъ, совершенный цесарвною Елисаветою Петровною 200—206

Причины, побудившія Елисавету Петровну къ вступленію на престоль, и мѣры, для того принятыя (200).—Причины, погубившія правительницу Анну Карловну (Леопольдовну) (201).—Разрушенные замыслы маркиза де-ла-Шетарди (202).—Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго государства Анны Карловны (Леопольдовны) (203).—Ссылка графовъ Бурхарда Миниха, Остермана, Головкина и другихъ (206).

XVIII. Біографическія свѣдѣнія о Минихахъ и о другихъ иностранцахъ, бывшихъ на службѣ Россіи. 206—216

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха (207).—Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Бурхардѣ Минихѣ (209).—Примѣчаніе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки (213).—Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольде (214).—Объ взятіи въ казну имѣній, принадлежавшихъ женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ (115).—О графѣ Эрнстѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала (215).

XIX. Внѣшнія и внутреннія событія въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. 216—222

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею (216).—Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Иоанновны (216).—Причины несогласія между графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ и маркизомъ де-ла-Шетарди (217).—Объ уничтоженіи императрицею Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ пра-

вительницы Анны (217).—О заключеніи мира со Швеціею (218).—О графѣ Левендалѣ (218).—О генералѣ Кейтѣ (219).—О заговорѣ противъ императрицы Елисаветы Петровны (220).—О французскомъ послѣ, маркизѣ де-ла-Шетарди (221).

XX. Историко-критическое изслѣдованіе Арведа Яковлевича Юргенсона. Главы I—VI: о Запискахъ гр. Миниха.—Главы VII—XIV: о Замѣчаніяхъ гр. Эрнста Миниха на Записки о Россіи генерала Манштейна. — Перечень историческихъ статей Арв. Я. Юргенсона. 223—284

XXI. Очеркъ жизни графа Эрнста Миниха, 1707—1788 гг. Составила В. В. Тимошукъ 285—306

XXII. Родословіе графовъ Миниховъ. 307—314

XXIII. Гербъ рода графовъ Миниховъ 315—316

XXIV. Указатель личныхъ именъ 317—328

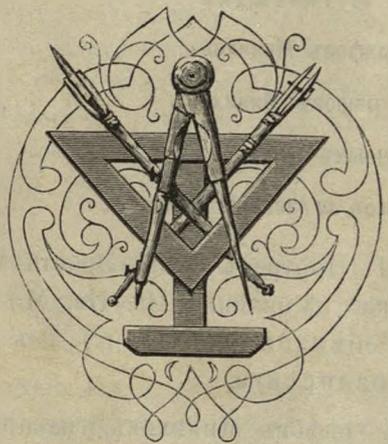
XXV. Систематическое оглавленіе книги VII—XIII

Приложенія: I. Портретъ графа Эрнста Миниха. Гравюра на деревѣ, исполнилъ художникъ Ив. Ив. Матюшинъ съ гравюры на стали Робинзона (1845 г.) изъ собранія Дмитрія Александровича Ровинскаго.

II. Гербъ рода графовъ Миниховъ, гравировалъ художникъ Авг. Ив. Даугель.

III. Визѣтки и заставки — почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ, проф. Федора Григорьевича Солнцева.

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1747 — 1788.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖИЗНИ И СЛОВОТЪМЪ ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА.

Изданіе ГИССОНИ СТАРШИНА.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 МАРТА 1891 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1707 — 1788.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ КНИГѢ „ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ГР. МИНИХА“.

ИЗДАНИЕ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 МАРТА 1891 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

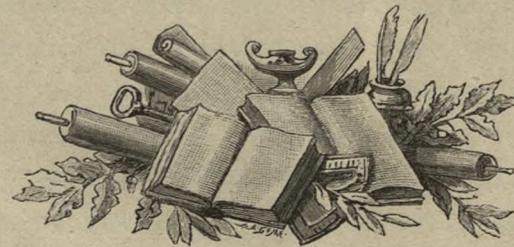
ЗАПИСКИ
ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА

СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА,

писанныя имъ для дѣтей своихъ въ Вологдѣ

въ 1758 г.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

1891.

Кздаваемая книга подъ названіемъ: Записки графа Миниха, сына, находилась весьма съ давняго времени въ собраніи рукописей одного любителя отечественной исторіи и словесности. Содержаніе оной—относящееся до одной изъ эпохъ, заслуживающихъ наибольшаго любопытства и вниманія; предметы, описанные слогомъ, имѣющимъ всю простоту и ясность истины; недостатокъ свѣдѣній историческихъ довольно подробныхъ о происшествіяхъ, въ первой по ловинѣ минувшаго вѣка случившихся въ отечествѣ нашемъ,—внушили ему мысль доставить публикѣ пріятное занятіе изданіемъ сей книги въ свѣтъ. Не нужны для нее хвалы, ни пространныя предисловія къ читателямъ. Имя сочинителя извѣстно не потому только, что отецъ его занималъ важнѣйшія мѣста въ войскахъ и правительствѣ Государства и имѣлъ великое участіе въ описанныхъ событіяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ одно вліяніе его дѣйствовало на оныя; но и по собственнымъ своимъ качествамъ, которыя показали Россіи и свѣту въ сынѣ Миниха человѣка прямодушнаго (и въ семъ несхожаго съ отцомъ), съ чувствіями благороднѣйшими, съ сердцемъ кроткимъ, съ твердымъ духомъ и разсудкомъ отличнѣйшимъ. Въ прочемъ, сколь бы строги ни были судьи изъ читателей, въ книгѣ сей и тѣ найдутъ много обстоятельствъ, особливо касающихся до царство-

ванія и домашней жизни императрицы Анны Иоанновны, кои удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ ихъ любопытству. Сей награды достаточно для издателя, имѣющаго въ виду одну пользу отечественной исторіи и желающаго способствовать распространенію познаній столь нужныхъ для Россіянина, и по нещастію до нынѣ столь рѣдкихъ.

Еурхардъ Христофоръ графъ Минихъ и Христина Лукреція Вицлебена суть родители, которымъ я одолженъ жизнію. Я родился въ 1708 году генваря 10 дня новаго штиля, неподалеку отъ Еттингена, въ Швабской деревнѣ, именуемой Гейнсфуртъ. Отецъ мой, котораго покойная мать моя по обыкновенію тогдашнихъ временъ всегда на походахъ сопровождала, состоялъ въ гессенъ-кассельской службѣ маіоромъ и находился въ походѣ съ корпусомъ гессенъ-кассельскихъ войскъ, состоящимъ на жалованьи Англинской и Голландской державъ и выступившимъ тогда изъ Италіи въ Брабандію.

Мать моя, не желая остаться одна, принуждена была, на другой день по разрѣшеніи мною отъ бремени, ѣхать далѣе, что и дозволяли ей ея силы.

Въ малолѣтствѣ моемъ и по самой утрехтской мирѣ, отецъ мой не только имѣлъ случай военному искуству въ наилучшей школѣ обучиться, но также щастіе во многихъ походахъ, учивенныхъ имъ подъ предводительствомъ двухъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, а именно: принца Евгенія Савойскаго и герцога Марльбургскаго, пріобрѣсть славу храбраго и искуснаго офицера.

При семъ примѣчательно, что онъ на многихъ въ сію войну происходившихъ сраженіяхъ не больше одного раза былъ раненъ. Сіе воспослѣдовало подъ Дененомъ, гдѣ одинъ французской драгунъ, которому онъ тотчасъ сдаться не хотѣлъ, ранилъ его кинжаломъ въ грудь и потомъ отвели плѣнникомъ въ Камбрай. Въ семъ городѣ имѣлъ онъ благопріятный случай, какъ о томъ самъ по свидѣтельству многихъ отзывался, не токмо познакомиться съ тогдашнимъ архіепископомъ, славнымъ Фенеломъ, но также

принятымъ быть отъ него съ великимъ снисхожденіемъ и съ особеннымъ уваженіемъ.

По заключеніи мира остался онъ полковникомъ по 1717 годъ въ гессенской службѣ, и въ сіе время, по опытности его въ инженерной наукѣ, препоручено ему отъ ландграфа гессенъ-кассельскаго построить каналъ, соединяющій близъ мѣстечка Сибурга, нынѣ Карлсгаузенъ именуемаго, рѣку Димель съ Везеромъ. Сію работу привелъ онъ большею частію къ окончанію, какъ послѣ, въ уваженіе медлительнаго производства въ службѣ незначныхъ владѣльцовъ, принялъ онъ намѣреніе вступить въ службу которой либо высокой державы, для показанія своихъ заслугъ и способностей, а сіе надѣялся онъ тогда обрѣсти въ Польшѣ.

Здѣсь король Августъ, послѣ сраженія подъ Полтавою, рѣшившагося къ нещастію Карла XII, хотя и сидѣлъ паки на престолѣ, однако колебался на ономъ, доколѣ не былъ подтвержденъ по силѣ мирнаго трактата между шведами и россіянами. Не взирая на худое положеніе дѣлъ въ Швеціи, поляки не хотѣли еще настоящему подвергнуть себя повиненію, и ихъ такъ называемая конфедерация не мало наносила королю безпокойства: конфедераты настояли особенно на томъ, чтобы саксонскія войска изъ государства вышли; ибо король принужденъ былъ держать ихъ въ Польшѣ какъ для собственной безопасности своей, такъ и для прекращенія великихъ, происходившихъ въ то время, безпокойствъ; но какъ сіи войска большею частію содержались на иждивеніи поляковъ, то общественно взирали на нихъ какъ на неприятныхъ и крайне обременительныхъ гостей. Наконецъ чрезъ посредство Россіи заключенъ миръ и между прочихъ статей мирнаго постановленія договоренось: саксонскія войска вывести изъ Польши и для защищенія ея учредить корпусъ войска изъ двѣнадцати тысячъ человекъ пѣхоты и драгунъ, который въ мирное и военное время содержать на иждивеніи республики.

При таковыхъ обстоятельствахъ дѣлъ въ Польшѣ, отецъ мой предложилъ королю Августу свои услуги, которыя приняты весьма благосклонно, такъ что онъ въ томъ же 1717 году произведенъ генералъ-маіоромъ польской и саксонской арміи, и вскорѣ потомъ получилъ препорученіе учредить новый пѣхотный полкъ изъ четырехъ баталіоновъ, который по днесь извѣстенъ подъ именемъ польской коронной гвардіи.

Въ корпусѣ семъ долженъ былъ состоять фельдмаршалъ графъ Флемингъ дѣйствительнымъ, а мой отецъ командующимъ полковникомъ. При чемъ сдѣлано условіе, чтобы отецъ мой сперва одинъ нѣсколько лѣтъ пользовался всѣми полковничьими доходами и раціонами, которые по нынѣшнее время на весьма значную простираются сумму; а послѣ раздѣлялъ бы ихъ съ фельдмаршаломъ графомъ Флемингомъ, или по крайней мѣрѣ предоставлялъ для него извѣстную часть отъ оныхъ ежегодно.

Коль скоро означенное распоряженіе сдѣлано, приказалъ отецъ мой оставшейся въ Гессенъ-Касселѣ фамилии своей пріѣхать въ Варшаву, гдѣ я по пріѣздѣ моемъ на девятомъ году возраста своего опредѣленъ прапорщикомъ въ упомянутую гвардію; ибо доселѣ я состоялъ въ томъ же званіи въ гессенской службѣ въ Кетлерскомъ пѣхотномъ полку.

Хотя по возстановленіи мира въ Польшѣ отецъ мой не имѣлъ случая оказать свои таланты на войнѣ, однако же другія его знанія и способности въ короткое время снискали ему уваженіе и благосклонность отъ короля. Онъ имѣлъ пребываніе свое всегда въ Варшавѣ и жилъ въ домѣ, нанятомъ у епископа плоцкаго. Въ контрактѣ съ хозяиномъ договорились они, чтобы епископъ, на случай пріѣзда его по нѣкоторымъ дѣламъ въ городъ, имѣлъ нѣсколько покоевъ въ томъ же домѣ для своего жительства. Между тѣмъ случилось въ 1718 году, когда означенный епископъ стоялъ у насъ на квартирѣ, что его люди въ кухнѣ, гдѣ также и наши работали, разложили на очагѣ весьма сильный огонь, отъ чего въ трубу выкинуло и послѣ цѣлый флигель дома выгорѣлъ. Епископъ, подъ предлогомъ будто бы пожаръ произошелъ отъ неосторожности нашихъ людей, требовалъ, чтобы отецъ мой за причиненный убытокъ заплатилъ, и по полученному отказу просилъ на него о томъ въ судѣ. Сіе тяжёбное дѣло продолжалось нарочито долго; наконецъ епископъ перенесъ дѣло въ Римъ и отецъ мой получилъ отъ папы, который безъ сумнѣнія не вѣдалъ, что писалъ къ еретнику грамоту, въ которой его святѣйшество увѣщевалъ епископа удовольствоваться. Не взирая на сіе, споръ между ими долгое время безъ рѣшенія оставался какъ напоследокъ самъ король вошелъ въ посредство, и епископа удовлетворилъ, обѣщавъ его племяннику аббату Салудкому, нынѣшнему гротъ-канцлеру польскому, значное пожаловать епископство.

Въ томъ же году проѣзжалъ чрезъ Варшаву славный и несчастный мужъ, баронъ Герцъ. По старинному знакомству присталъ онъ въ нашемъ домѣ, и дружба его къ отцу моему, равно какъ можетъ быть и желаніе сманить отъ короля Августа искуснаго генерала, простирались до того, что онъ не токмо предлагалъ отцу моему генераль-поручичье мѣсто въ шведской арміи, но также по силѣ данной ему полной мочи, вручилъ на показанный чинъ патентъ собственноручно: но дѣло сіе осталось безъ дальнѣйшаго успѣха; ибо Карлъ XII въ томъ же году подъ Фридрихсгамомъ застрѣленъ, а сожалѣнія достойному барону Герцу отсѣчена голова въ Стокгольмѣ.

Въ 1719 году курфиршескій саксонскій принцъ, послѣ бывшій король польскій, сочетался бракомъ съ ерцгерцогинею Марією Іозефою въ Вѣнѣ. Король, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ владѣльцовъ тогдашнихъ временъ, вознамѣрился принять свою невѣсту съ величайшею пышностью и съ рѣдчайшими увеселеніями и празднествами. Всѣ первѣйшіе чиновники были туда отозваны, а равно и отецъ мой получилъ повелѣніе пріѣхать въ Саксонію. Онъ взялъ съ собою всю фамилію свою и мы пріѣхали въ половинѣ іюля мѣсяца въ Дрезденъ. Празднества открылись въ августѣ мѣсяцѣ великолѣпнымъ въѣздомъ, при чемъ саксонскій генералитетъ составлялъ особенный конный корпусъ, котораго велъ отецъ мой, какъ младшій тогда генераль, а фельдмаршалъ графъ Флемингъ оный корпусъ замыкалъ. Какіе въ протчемъ при семъ случаѣ въ теченіе шести недѣль происходили увеселенія, объ ономъ можно видѣть во многихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Самое рѣдкое, по мнѣнію моему, зрѣлище при томъ было возобновленіе стариннаго и столь славнаго каруселя, гдѣ всѣ прежніе употребительные законы и правила соблюдаемы были найточнѣйше.

По окончаніи сихъ увеселеній возвратились мы въ Польшу и пріѣхали въ концѣ того года въ Варшаву. Не много спустя отецъ мой пришелъ въ несогласіе съ фельдмаршаломъ графомъ Флемингомъ. Сему не хотѣлось долѣе соблюдать вышеизображеннаго условія, постановленнаго при учрежденіи гвардейскаго полка. И когда отецъ мой не намѣренъ былъ ему уступить, то графъ Флемингъ подучилъ нѣкоторыхъ офицеровъ сдѣлать доносъ, что они распоряженіемъ и управленіемъ отца моего при полку недовольны. При семъ случаѣ дошли такъ-же до свѣдѣнія отца

моего нѣкоторыя оскорбительныя рѣчи отъ одного штабъ-офицера, по прозванію Бонафу, котораго онъ, по поводу сего, вызвалъ на поединокъ и ранилъ пулею въ грудь. Опасаясь худыхъ слѣдствій когда раненый умретъ, отецъ мой за благо рассудилъ скрыться въ монастырѣ, гдѣ и пребывалъ нѣсколько недѣль, пока Бонафу изъ всей опасности вышелъ.

Въ сіе время король возымѣлъ желаніе обзрѣть каналъ, строившійся по его повелѣнію въ увеселительномъ замкѣ Уяздовѣ, подъ главнымъ надзираніемъ отца моего. Королю надлежало ѣхать мимо того монастыря, гдѣ отецъ мой укрывался. Пріѣхавъ къ оному, приказалъ онъ остановиться и вызвать моего отца, котораго посадя въ свою карету, поѣхалъ въ вышеозначенный замокъ уяздовъ. Провода нѣсколько часовъ на обзрѣніе канала и изъявъ на то свое удовольствіе, возвратился онъ въ городъ, и посадилъ моего отца изъ кареты въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его взялъ. Между тѣмъ вражда фельдмаршала графа Флеминга отъ часу болѣе возрастала. И хотя король внутренно любилъ отца моего, однако же власть графа Флеминга падъ распоряженіями мыслей государя его не допустила слѣдовать его склонностямъ, чтобы отца моего отъ пронырствъ упомяутаго фельдмаршала защитить. Даже дошло до того, что фельдмаршалъ графъ Флемингъ приказалъ отцу моему объявить домовый арестъ. Когда же онъ собственно былъ саксонскій фельдмаршалъ, а въ Польшѣ и имявно при коронной гвардіи не другое что какъ полковникъ, напротивъ чего отецъ мой былъ и польскій генераль-маіоръ и вице-полковникъ въ коронной гвардіи и собственно состоялъ подъ командою Гросъ-Фельдгера Синавскаго, то сей почелъ поступокъ графа Флеминга предосудительнымъ правамъ и власти своей, приказалъ того же дня отца моего извѣстить, что онъ даруетъ ему свободу, и не имѣетъ уважать объявленнаго ему отъ фельдмаршала графа Флеминга ареста; а въ протчемъ можетъ полагаться на его покровительство. Графъ Флемингъ принужденъ былъ гнѣвъ свой смирить, но послѣ по сему дѣлу никакихъ уже дальнѣйшихъ слѣдствій не оказалось.

Во время сихъ раздоровъ князь Григорій Федоровичъ Долгорукой находился россійскимъ посланникомъ при дворѣ польскомъ; неудовольствіе отца моего извѣстно ему было; почему онъ и воспользовался симъ случаемъ уговорить его, съ обѣщаніемъ величайшихъ выгодъ, въ Россійскую вступить службу.

Въ исходѣ 1720 года умеръ мой покойный дѣдъ, Антонъ Гинтеръ Минихъ, постановя, по силѣ духовной, отца моего единственнымъ наслѣдникомъ родового и благопріобрѣтеннаго имѣнія его. По полученному извѣстію о кончинѣ его, просилъ отецъ мой у короля позволеніе съѣздить въ свою родину, что и получилъ неукоснительно съ награжденіемъ пяти сотъ червонныхъ на путевые расходы.

Вмѣсто чтобъ ѣхать въ Олденбургъ, отправился онъ въ началѣ 1721 года подъ чужимъ именемъ въ Санктпетербургъ, но недалѣе доѣхалъ какъ до Риги, потому что здѣсь встрѣтилъ уже императора Петра Великаго. Тутъ сдѣлалъ онъ на шесть лѣтъ договоръ съ такимъ условіемъ, чтобы не прежде какъ по прошествіи перваго года получить чинъ генераль-порутчика. Въ прочемъ какъ уже около сего времени, а именно въ маѣ мѣсяцѣ 1721 года, война со Шведами прекратилась, то онъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ, нежели что князь Долгоруковъ въ Варшавѣ обѣщалъ; такъ что вмѣсто 8000 курантныхъ талеровъ ежегоднаго дохода, въ Польшѣ получаемаго, имѣлъ онъ теперь не больше, какъ 2400 рублей.

Изъ Риги отправился онъ въ свои вотчины для принятія ихъ въ свое владѣніе и для окончанія расчетовъ съ братьями и сестрами объ оставшемся наслѣдствѣ.

Между тѣмъ просилъ онъ короля объ увольненіи отъ службы, которое получивъ, отписалъ къ моей покойной матери, дабы она въ Гданскъ пріѣхала и тамъ дождала его. И такъ мы всѣ пустились изъ Варшавы водою и по десятидневномъ путешествіи пріѣхали въ Гданскъ благополучно. Черезъ нѣсколько недѣль прибылъ къ намъ отецъ мой, и потомъ всѣ вмѣстѣ предпріяли мы путь чрезъ Кенигсбергъ, Пруссію и Курляндію въ Россію.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1721 года пріѣхали мы въ Ригу. Сей городъ, по силѣ заключеннаго между Россією и Швецією мирнаго трактата сдѣлался въ семь году новою пограничною крѣпостію Россійской Имперіи. Отсюда отецъ мой поѣхалъ одинъ въ Санктпетербургъ, распорядилъ тамъ все нужное для своего домоводства, и по прошествіи двухъ мѣсяцовъ возвратился опять въ Ригу, дабы съ собою взять всю фамилію свою.

Я оставленъ одинъ въ Ригѣ, обучаться въ тамошней городской школѣ, и отданъ въ пенсіонъ въ ректору означенной

школы, весьма ученому мужу, по прозванію Горнику. Отъ роду было мнѣ тогда около 14 лѣтъ, и великую имѣлъ я охоту къ ученію; но къ сожалѣнію моему кромѣ латинскаго и частію греческаго языка, другому въ сей школѣ весьма мало научиться могъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ, отецъ мой за благо разсудилъ послать меня въ Женеvu, но напередъ приказалъ явиться въ Петербургъ, куда я и пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1723 года. По пріѣздѣ моемъ предложилъ мнѣ отецъ мой на выборъ, желаю ли я быть ученымъ или военнымъ челоукомъ; я рѣшился на первое.

Въ оное время Петръ Великій имѣлъ помышленіе Ладогскій каналъ, необходимо нужный къ облегченію торговли и промысловъ жителей въ Санктпетербургѣ, привести къ совершенному окончанію. Хотя посредствомъ небольшого канала, соединяющаго рѣку Тверцу и Мсту неподалеку отъ Вышняго Волочка, водяная коммуникація была уже свободная отъ Каспійскаго моря даже до Санктпетербурга: однако-же какъ всѣ припасы надлежало провозить по Ладогскому озеру, на которомъ плаваніе во время сильныхъ вѣтровъ и бурей столько опасно было для плоскодонныхъ барокъ, употребляемыхъ обыкновенно для провоза Россійскихъ продуктовъ, что ни одного почти не проходило года безъ знатнаго урону и гибели людямъ и товарамъ; то, дабы отвратить таковую неудобность въ перевозѣ припасовъ, императоръ Петръ Великій предпріялъ рѣку Волховъ, впадающую въ Ладогское озеро, и рѣку Неву, изъ онаго вытекающую, соединить посредствомъ канала, чрезъ что озеро оставалось въ сторонѣ и судоходство никакой опасности не подвергалось.

Сей каналъ, простирающійся вдоль берега Ладогскаго озера, пріемлетъ свое начало у Новой Ладogi и кончится у Шлиссельбурга: длина онаго содержитъ 104 версты или 15 нѣмецкихъ миль, ширина 70, а глубина подъ водою 10 англійскихъ футовъ. Онъ составленъ большею частію изъ однѣхъ прямыхъ линий въ двѣ, три и четыре версты и не дѣлаетъ большихъ угловъ, кромѣ что въ одномъ мѣстѣ находится кривизна, произшедшая отъ оплошности прежняго къ строенію сего канала употребленнаго инженера; но отецъ мой исправилъ сей недостатокъ сколько возможно было. Берега онаго канала были съ начала деревянные,

но послѣ сдѣланы каменные. И какъ многіе небольшіе ручьи, разливающіеся на обширное пространство весной, когда снѣгъ начнетъ таять и сходить, протекають съвозъ сей каналъ: то съ обѣихъ сторонъ, при впаденіи и выходѣ оныхъ, подѣланы прочныя шлюзы, частію дабы управлять водою сихъ ручьевъ и частію дабы удерживать и не впускать песку и илу, которые они съ собою наносятъ. Начало канала при Новой Ладогѣ на нѣсколько футовъ выше, нежели конецъ при Шлиссельбургѣ; почему теченіе воды въ немъ весьма примѣтно бываетъ: однако-же дабы въ весьма сухіе годы не происходило никакой остановки въ судоходствѣ, то построены по обоимъ концамъ два большіе и главные шлюзы, посредствомъ которыхъ воду въ цѣломъ каналѣ останавливать и въ случаѣ нужды на нѣсколько футовъ возвышать можно.

Хотя на построеніе вышеописаннаго канала слишкомъ до милліона рублей потрачено, однако все, что ни было изготовлено оказалось въ такой неисправности, что императоръ намѣренъ былъ прежняго директора отпустить; почему поѣхалъ онъ туда вдругоредь обще съ моимъ отцемъ, который, изъяснивъ ему подробно всѣ учиненныя погрѣшности, представилъ новый проектъ, по которому и препоручено ему отъ императора важное сіе строеніе продолжать. Отецъ мой дѣйствительно приступилъ къ произведенію работы; но не получилъ ни того числа денегъ, ниже людей, сколько сперва ему обѣщано.

Петръ Великій, по коронованіи супруги своей въ Москвѣ въ 1724 году, предпринялъ возвратный путь въ Санктпетербургъ и мимоѣздомъ хотѣлъ обозрѣть новопроизводимую отцемъ мою работу. Онъ пріѣхалъ на каналъ осенью тогоже года. Отецъ мой показывалъ ему часть канала, простирающуюся на 10 или 12 верстъ, что дѣлаетъ полторы мили, въ совершенной отдѣлкѣ; но только воды еще не впущено, дабы доставить императору удовольствіе лично видѣть впускъ оныя. Какъ скоро онъ работу въ означенномъ положеніи осмотрѣлъ, то пошелъ къ плотинѣ, которая воду удерживала, и приказалъ ее проломить. Позади плотины стоялъ небольшой ботъ, котораго императоръ едва лишь увидѣлъ, въ то же мгновеніе возымѣлъ охоту въ него сѣсть и спуститься въ каналъ съ быстростремающею водою. Сопутниками его были мой отецъ и еще одинъ унтеръ-офицеръ вмѣсто штур-

мана. Ботъ плылъ по каналу съ несказанною быстротою; при чемъ императоръ не могъ отъ радости воздержаться, снималъ неоднократно съ себя шляпу, и махая оною надъ головою, кричалъ: ура! Удовольствіе его было столь чрезвычайное, что онъ, стоя въ ботѣ, обнималъ, цѣловалъ и благодарилъ отца моего за исправное совершеніе сея работы. Послѣ сего императоръ зашелъ въ домъ отца моего, и отъужинавъ и переночевавъ, продолжалъ на другое утро свой путь въ Санктпетербургъ,—наказавъ отцу моему тудаже пріѣхать, дабы разсудить и переговорить о средствахъ къ скорѣйшему окончанію канала. Когда сей монархъ прибылъ въ вышепомянутую столицу, то въ первомъ присутствіи своемъ въ сенатѣ представилъ въ какомъ состояніи нашелъ онъ новую работу, выхвалялъ отца моего и объявилъ, что онъ по совершеніи оной знатнаго заслуживаетъ награжденія. Но что касается до сего послѣдняго, то императоръ собственно отъ своей особы ничего болѣе сдѣлать не могъ, поелику онъ спустя нѣсколько мѣсяцовъ скончался.

Отецъ мой, желая доставить мнѣ лучшее воспитаніе, нежели какъ я въ ту пору въ Россіи имѣть могъ, отправилъ меня въ Женеvu въ исходѣ ноября тогоже года. Покойная мать моя проводила меня съ Ладогскаго канала даже до Санктпетербурга. Въ декабрѣ мѣсяцѣ свершилось обрученіе великой княжны Анны Петровны съ его высочествомъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, и на семь торжествъ имѣлъ я честь въ послѣдній разъ видѣть Петра Великаго.

Нѣсколько дней послѣ сего торжества предпринялъ я свой путь чрезъ Ригу, Кенигсбергъ и Гданскъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ честь представленнымъ быть покойному королю прусскому Фридриху Вильгельму на такъ называемой парадной площади. Его величество всемилоостивѣйше навѣдывался у меня объ обстоятельствахъ отца моего, который ему былъ извѣстенъ. Здѣсь получилъ я отъ родственника нашего, саксонскаго министра господина Сума, которой изъ учтивства принялъ меня въ свой домъ, многія рекомендательныя письма въ Женеvu. По пріѣздѣ въ Аншпахъ, имѣлъ я удовольствіе увидѣться съ моею теткою съ матерней стороны, супругою тамошняго оберъ-гофмаршала господина Кинсберга, а равно и честь быть представленнымъ вдовствующей маркграфинѣ и малолѣтному ея сыну, которые къ столу

своему меня пригласили. Послѣ сего былъ я на посѣщеніи у другой тетки моей, которая была въ замужествѣ за Эттингскимъ оберъ-егермейстеромъ господиномъ Ласпергомъ. Въ домѣ сей тетки жила покойная бабушка моя госпожа Анна Дебора Себахъ, вдовствующая Вицлебена: для сей послѣдней, какъ легко догадаться можно, былъ я не непріятный гость. Но нѣскольконедневною пребываніи отправился я далѣе, и проѣздомъ обозрѣвъ въ Ульмѣ, Шафгаузенѣ, Солотурнѣ и Лозаннѣ всѣ библіотеки, церкви и надгробныя по старинному нѣмецкому обряду обстоятельнѣйше, пріѣхалъ, въ исходѣ марта, въ Женеву благополучно и въ добромъ здоровьи.

Здѣсь услышалъ я, что императоръ Петръ Великій въ 28 день генваря 1725 года скончался, и супруга его императрица Екатерина приняла престолъ Россійскій.

Въ Женевѣ первая моя забота была, чтобы отыскать хорошій пенсіонъ. Между многихъ предложенныхъ мнѣ еще въ Берлинѣ, выборъ мой палъ преимущественно на домъ г. пастора и профессора философіи Езекииля Галлатина, прелюбезнаго и ученѣйшаго мужа, котораго память за его любовь и дружбу, равно какъ и всего семейства его ко мнѣ, по сей часъ для меня пріятна и драгоценна. Я посовѣтовался съ нимъ, какимъ образомъ наиболѣе полезно распорядить мое ученіе и упражненіе въ наукахъ, и расчелъ, сколько все оное будетъ мнѣ ежегодно стоить. Нашедъ, что мои расходы по крайней мѣрѣ на тысячу спеціевъ талеровъ простираться имѣютъ, отписалъ я объ ономъ къ отцу моему, который и согласился отпускать означенную сумму, не взирая на малые тогдашніе его доходы. Въ первый годъ слушалъ я приватныя лекціи философическія о естественномъ и народномъ правѣ и объ институціяхъ; при чемъ обучался также танцованію, фехтованію и музыкѣ. Въ слѣдующемъ году ходилъ я къ новопрѣхавшему профессору Неккеру на лекціи о нѣмецкомъ общественномъ правѣ, вмѣстѣ съ принцомъ Кульмбахскимъ, послѣ бывшимъ маркграфомъ Барейтскимъ, двумя принцами Саксенъ-Гильдбурггаузенскими и съ принцемъ Шварцбургъ-Рудольфстатскимъ; далѣе обучался я верховой ѣздѣ, держалъ учителя для италіанскаго языка, упражнялся въ исторіи и во французскомъ шгалѣ, учился рисовать и сдѣлалъ начало въ алгебрѣ; но въ сей послѣдней наукѣ успѣлъ столь мало, что вскорѣ

потомъ забылъ даже первыя начальныя основанія. Къ математикѣ съ малолѣтства моего не имѣлъ я никакой склонности, хотя отецъ мой и понуждалъ меня къ тому. Я къ сожалѣнію моему не могъ преодолѣть своего къ ней отвращенія, о чемъ теперь, какъ обрѣтаясь въ ссылкѣ сіе пишу, соболѣзную тѣмъ болѣе, что при самомъ пріѣздѣ моемъ въ заточеніе возчувствовалъ я къ означенной наукѣ чрезвычайное желаніе, почитая ее неизчерпаемымъ источникомъ къ разогнанію докучливыхъ мыслей; но къ изученію ея снабдѣнъ токмо нѣкоторыми недостаточными книгами, надъ которыми долженъ нынѣ ломать мою голову.

Кромѣ сей внутренней укоризны, которую я самъ себѣ дѣлаю, намѣренъ я привести еще нѣкоторыя обстоятельства, касательно поведенія моего въ Женевѣ, съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы мои дѣти примѣръ изъ того взяли и старались подобнаго избѣгать и уклоняться.

Въ томъ-же домѣ въ Женевѣ, гдѣ я жилъ, стояли сверхъ нѣмцовъ, многіе молодые англичане, и между ними двое братьевъ по прозванію Спенцеры, изъ которыхъ старшій наслѣдовалъ потомъ титулъ и знатное имѣніе своего дѣда, славнаго полководца, герцога Марлбургскаго. Съ младшимъ братомъ, который былъ тогда весьма острый и къ роскоши склонный человѣкъ, жилъ я слишкомъ годъ въ тѣсномъ союзѣ дружбы, и въ его бесѣдѣ многія въ молодыхъ моихъ лѣтахъ шалости надѣлалъ.

Между другихъ рекомендательныхъ писемъ было при мнѣ одно къ находившемуся тогда въ Женевѣ французскому резиденту господину де-ла-Клозюру, что всеконечно къ великой моей пользѣ служить могло, еслибы я прилежнѣе сталъ искать обхожденія съ симъ тонкимъ, благонравнымъ и разумнымъ мужемъ; но стыдливое свойство, принятое мною въ Ригской школѣ, гдѣ всѣ мои товарищи вообще низкаго происхожденія были, произвело, что я сдѣлался застѣнчивъ, и нѣкоторымъ образомъ убѣгалъ людей меня по старѣе, или такихъ мужей, которыхъ считалъ несравненно разумнѣе себя. Ежедневное обращеніе съ большою частію такъ сказать невышлифованныхъ англичанъ и другихъ подобныхъ имъ молодыхъ людей, въ коихъ обществѣ въ праздные часы учился я чрезъ кусты и рвы скакать, отвлекло меня отъ бесѣды съ мужами превосходныхъ качествъ и отъ обхожденія съ благонравными женщинами совершенно, такъ

что я отъ того нерадиво сталъ посѣщать школы, и мало успѣвалъ въ свѣтскомъ обращеніи; и по тому самому, спустя много времени, принужденъ былъ въ обществахъ между открытыхъ и оживленныхъ людей играть прежалкую роль нѣмого.

Осенью 1727 года получилъ я печальное извѣстіе о скоропостижной кончинѣ моей матери, которая за добродѣтель и за похвальныя качества свои общественно была почитаема.

Вскорѣ потомъ прислалъ ко мнѣ отецъ мой радостное извѣстіе, что императрица Екатерина пожаловала ему новоустановленный орденъ св. Александра Невскаго и сверхъ того въ подарокъ нѣсколько тысячъ рублей.

Въ апрѣлѣ того-же года получилъ я отъ отца моего приказаніе поѣхать въ Италію. И такъ въ началѣ маія отправился я въ сообществѣ двухъ англичанъ и одного нѣмца изъ Женевы въ Туринъ.

Здѣсь въ короткое пребываніе мое успѣлъ я познакомиться токмо съ фельдмаршаломъ Ребиндеромъ, который былъ урожденный лифляндецъ, съ французскимъ посланникомъ господиномъ Камбизомъ и съ англійскимъ министромъ господиномъ Геджесомъ.

Не прожилъ я въ Туринѣ и одного мѣсяца, какъ пришло туда извѣстіе, что императрица Екатерина скончалась и Петръ Второй вступилъ на престолъ. Между тѣмъ какъ я обольщался пріятными мыслями обозрѣть достопамятности въ Италиі, отписалъ ко мнѣ отецъ мой, чтобы я какъ можно скорѣе послѣшилъ въ Санктпетербургъ.

Но когда онъ позабылъ прислать ко мнѣ вексель, и у меня для толь дальняго пути денегъ не доставало, то я нашелся принужденнымъ съ остальными червонцами возвратиться въ Женеву и тамъ занять потребную сумму за поручительствомъ бывшаго моего хозяина господина Галлатина; онъ склонился охотно къ сему, и какъ я предложилъ о томъ прежнему моему банкиру, то сей отвѣчалъ, что ему не надобенъ упомянутый поручитель, который хотя и честный человекъ, но долговъ больше, нежели достатка имѣеть, и для того лучше вѣрить моему честному лицу, и дать сколько нужно мнѣ денегъ для продолженія пути моего: почему и отпустилъ онъ мнѣ на мѣстѣ триста талеровъ испанскими пистолями.

И такъ поѣхалъ я чрезъ Бернъ и Базель въ Стразбургъ, и оттуда чрезъ Баденъ въ Эттингенъ, посѣтилъ тамъ вдругоредь покойную мою бабушку и тетку госпожу Ласпергъ; имѣлъ также честь свидѣтельствовать мое почтеніе князю Эттингскому и у него обѣдать. Я показывалъ ему разные рисунки, сдѣланные мною въ Женевѣ. Напротивъ чего онъ приказалъ принести свой планъ крѣпости Филипсбургской, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и изъяснялъ все свои проекты, относительно поправленія укрѣпленій оной; а произведеніе сей работы остановилось единственно за неотпускомъ денегъ изъ имперской казны. Изъ Эттингена отправился я къ моей теткѣ госпожѣ Кинсбергъ, которая тогда въ деревнѣ жила, а отъ нее въ Аншпахъ, гдѣ госпожѣ маркграфинѣ и ея сыну вторично засвидѣтельствовалъ мое почтеніе, продолжалъ свой путь далѣе.

По пріѣздѣ въ Берлинъ, провѣдалъ я отъ російскаго министра графа Головкина, что отецъ мой пожалованъ генераль-поручникомъ и шефомъ инженернаго корпуса, и сверхъ того отъ императора Петра II даны ему земли въ Лифляндіи въ потомственное владѣніе. Королю былъ я вдругоредь представленъ на парадной площади и имѣлъ тутъ честь въ первый разъ подвѣденъ быть къ наслѣдному принцу, нынѣ владѣющему королю прусскому Фридриху II; отсюда поѣхалъ я далѣе чрезъ Гданскъ и Кенигсбергъ въ Ригу, и прибылъ въ началѣ августа въ Санктпетербургъ.

Отецъ мой находился въ ту пору при Ладогскомъ каналѣ, такъ что изъ моихъ родныхъ засталъ я въ Петербургѣ одну токмо старшую сестру мою, которая была у ея высочества великой княжны Елисаветы Петровны фрейлиною. Однако-же, коль скоро отецъ мой о моемъ пріѣздѣ извѣстился, пріѣхалъ онъ тотчасъ въ городъ.

Римско-императорскій министръ графъ Рабутинъ, который съ достославнымъ успѣхомъ, не задолго до кончины императрицы Екатерины I, заключилъ въ 1726 году между російскимъ и вѣнскимъ дворами извѣстный союзническій трактатъ, по силѣ котораго Карлъ VI, въ случаѣ нападенія на него, имѣеть получать отъ Россіи тридцать тысячъ человекъ вспомогательнаго войска, обрѣтался тогда еще въ Санктпетербургѣ, и будучи сопряженнымъ въ дружбѣ съ командиромъ, согласился

по прошенію сего взять меня къ себѣ и употреблять къ посольскимъ дѣламъ. Но по пріѣздѣ моемъ лежалъ онъ при смерти боленъ, и нѣсколько дней спустя потомъ умеръ, и какъ чрезъ то означенное намѣреніе испровергнулось, то отецъ мой вмѣстѣ со мною возвратился къ каналу, который нашель я больше, нежели на половину отдѣланнымъ.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль получили мы извѣстіе, что князь Меншиковъ сверженъ и въ ссылку сосланъ. Сего человѣка блаженной памяти императоръ Петръ I изъ самаго низкаго состоянія возвелъ на высочайшія степени чиновъ и достоинствъ не за отмінныя его дарованія или знанія, но за то, что онъ по нраву монарха во всѣхъ случаяхъ умѣлъ угождать безподобно и главнѣйше снискалъ его благоволеніе тѣмъ, что онъ часто брался за дѣла, которыя императору отъ другихъ невозможными представлены, и старался ихъ произвести, чего-бы они ему не стоили. Сверхъ того въ особѣ императрицы, которая одолжена ему за начало своего щастія, имѣлъ онъ мощную защитницу, и по возшествіи ея на престоль состоялъ въ величайшей знати и силѣ. По кончинѣ ея можно было почитать его регентомъ имперіи, особливо какъ онъ отправилъ герцога Голштинскаго и его супругу на фрегатѣ въ Киль, дабы свободнѣе и съ неограниченною властью всѣми управлять дѣлами. Молодаго императора взялъ онъ къ себѣ въ домъ и уже обручилъ его съ своею старшею дочерью. Онъ располагалъ, что когда будетъ тестемъ монарха, то власть его утвердится непоколебимо; а потому и началъ пренебрегать всѣми знатнѣйшими въ имперіи чиновниками. Самому императору и его сестрѣ великой княжнѣ Наталіи не давалъ онъ ни малѣйшей вольности даже въ самыхъ малозначущихъ дѣлахъ; чрезъ что окружавшимъ молодымъ господамъ не трудно было помрачить его въ мысляхъ императора.

Фамилія Долгорукихъ, уповаю скорѣе достигнуть выгоды, ожидаемыхъ отъ одного изъ своихъ, а именно князя Ивана Алексѣевича, начинавшаго входить въ милость къ императору, употребила наипаче сего своего родственника для низверженія князя Меншикова. Имъ удалось въ дѣлѣ семъ успѣть до того, что какъ однажды дворъ находился въ Петергофѣ, а князь Меншиковъ въ городѣ остался, то молодой императоръ открылся нѣкоторымъ находившимся тамъ знатнымъ особамъ въ неудовольствіи

своимъ на поступки князя Меншикова и что онъ желаетъ отъ него избавиться. По семъ изъясненіи положено было общественно, ненавидимаго князя отъ службы отставить, и тѣмъ-же часомъ данъ одному гвардейскому маіору приказъ, объявить ему объ ономъ и его самого арестовать.

Баронъ Остерманъ былъ тогда знаменитѣйшій мужъ въ имперіи и другъ отца моего. Сей получилъ неукоснительно обще, съ извѣстіемъ о паденіи князя Меншикова, повелѣніе пріѣхать въ Санктпетербургъ для занятія президентскаго мѣста въ военной коллегіи; по пріѣздѣ его сдѣлано ему сіе лестное привѣтствіе, что кромѣ его нельзя иному лучшему надзирателю ввѣрить армию.

Остерманъ имѣлъ большую фамилію и за множествомъ поручаемыхъ ему дѣлъ, не доставало ему времени смотрѣть самому за своимъ домоводствомъ. Сіе побудило его помышлять о другомъ бракѣ. Когда же старшая сестра моя находилась фрейлиною при ея высочествѣ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то сіе самое и подало ему поводъ сей дворъ посѣщать не рѣдко и познакомиться съ гофмейстериною, вдовствующею графинею Салтыковою, урожденною Мальченою (фонъ-Мальцанъ), и оба положили сочетаться бракомъ.

Между тѣмъ баронъ Остерманъ предъявилъ новый доводъ добрыхъ расположеній своихъ къ отцу моему тѣмъ, что предложилъ для меня выгодное мѣсто. Происходившіе тогда между такъ названными вѣнскими и ганноверскими союзниками споры положено было разрѣшить въ назначенномъ конгрессѣ въ Соассонѣ во Франціи; когда же російскій дворъ, какъ выше упомянуто, приступилъ къ вѣнскому союзу, то и намѣревались отправить знатное посольство на означенный конгрессъ. Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, министръ при французскомъ дворѣ, и графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, министръ при берлинскомъ дворѣ, были къ тому назначены; но послѣдній отправилъ одинъ сіе посольство, потому что князь Куракинъ вскорѣ послѣ сего въ Парижѣ умеръ. И такъ баронъ Остерманъ доставилъ мнѣ мѣсто при семъ посольствѣ въ званіи дворянина посольства съ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ и 200 рублей на проѣздъ въ Берлинъ къ графу Головкину.

Около сего времени вторая сестра моя Христина Елисавета сговорена была за лифляндскаго дворянина барона Югана

Генриха Менгдена, и отецъ мой обѣщалъ ей десять тысячъ рублей въ приданое.

Въ разсужденіи старшей сестры, казалось будто бы также для нее женихъ сыскался. Новый императорскій наперсникъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, возъмѣлъ къ ней столь великую склонность, что повидимому намѣренъ былъ на ней жениться. Но какъ наконецъ его родители и другіе родственники не соглашались, то все дѣло и рушилось къ величайшему счастью для моей сестры.

Въ исходѣ января 1728 года императоръ Петръ II предпринялъ путешествіе въ Москву для коронованія. Отцу моему препоручена была должность главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ; а я, спустя нѣсколько дней, отправился въ Берлинъ.

Благосклонный приемъ, каковой по пріѣздѣ моемъ имѣлъ я отъ графа Головкина и отъ его супруги, урожденной графини фонъ-Дона, былъ уже началомъ особенной любви и дружбы, кою четыре года непрерывно пользовался я въ домѣ сей добродѣтельной четы. Мы отправились въ Соассонъ не прежде какъ чрезъ два мѣсяца. Между тѣмъ коронованіе императора Петра II совершенно въ Москвѣ, и графъ Головкинъ при извѣстіи объ ономъ получилъ также повелѣніе установить радостное на сей случай празднество. Въ сходствіе чего графъ Головкинъ далъ великолѣпный обѣденный столъ, котораго король удостоилъ своимъ присутствіемъ, въ вечеру балъ и вечерній столъ купно съ иллюминаціею. Въ прочемъ означенный день торжества для коронованія достопамятенъ въ нашей фамиліи, потому что отецъ мой и его потомки въ графское возвышены достоинство.

Наконецъ графъ Головкинъ получилъ свои векселя, уполномочія и инструкціи. Послѣднія содержали главнѣйше ту силу, дабы онъ крайнее употребилъ домогательство исходатайствовать титулъ императорскій отъ тѣхъ державъ, которыя не согласны еще были придавать онаго російскимъ государямъ. Сверхъ того препоручено также особенно пещись объ интересѣ герцога Голштинскаго, касательно возвращенія шлезвигской земли. Сколько онъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ успѣлъ,—объ ономъ ниже упомянуто будетъ.

Въ концѣ маія отправились мы въ Соассонъ. Но отъѣхавъ

не далеко, старшіе два сына графа Головкина получили коръ въ мѣстечкѣ, именуемомъ Горнбургъ, не въ дальности отъ Брауншвейгской границы, и мы принуждены были тутъ недѣли на двѣ остановиться. Въ сосѣдствѣ на дачѣ господина Минхгаузена, называемой Линденъ, имѣлъ тогда жительство старый герцогъ Антонъ Улрихъ Бланкенбургской обще со своею супругою. Графъ Головкинъ, желая отдать свое почтеніе сему герцогу, дѣду нашего государя, поѣхалъ къ нему, взявши меня съ собою. Я имѣлъ честь у ихъ свѣтлостей обѣдать и герцогиня распрашивала меня, какъ новопрѣзжаго изъ Россіи, подробнѣйше обо всемъ, касающемся до молодаго Императора и его сестры. По окончаніи стола, пріѣхали туда же два старшіе принца Бевернскіе, внуки упомянутаго герцога, а именно вступившій вскорѣ потомъ въ правленіе герцогъ Брауншвейгскій и сочетавшійся послѣ въ Россіи съ принцессою Анною Мекленбургскою принцъ Антонъ Улрихъ. Подъ вечеръ сдѣлали мы пріятную прогулку въ лѣсу до самыхъ воротъ города Волфенбителя, и около ночи графъ Головкинъ возвратился со мною опять въ Горнбургъ.

Коль скоро больные наши оправились, поѣхали мы далѣе. Не успѣли добраться до Гама въ Вестфалии, какъ опять на другомъ дитяти и даже на самой графинѣ коръ высыпала. И такъ мы принуждены были снова простоять слишкомъ двѣ недѣли. Изъ Гама продолжали мы нашъ путь безпрепятственно даже до Везеля; здѣсь графиня Головкина почувствовала тяжкую боль въ груди, потому что она рано въ дорогу пустилась, но чрезъ 12 дней пришла опять въ состояніе сносить трясеніе отъ дороги. Изъ Везеля поѣхали мы чрезъ Мастрихтъ въ Бриссель, гдѣ вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ герцогъ Арембергской посѣтилъ графа и графиню, и какъ графъ въ провожаніи одного меня взаимное отдалъ посѣщеніе упомянутому герцогу, то и пригласилъ онъ насъ къ вечернему столу, при которомъ находились еще состоявшій во французской службѣ графъ Деламаркъ и славный сочинитель Жанъ Баптистъ Руссо. Присутствіе сего послѣдняго произвело, что разговоръ о важныхъ матеріяхъ не долго продолжался, но вскорѣ принялъ нарочито насмѣшливый тонъ.

Изъ Брисселя отправились мы въ Монсъ, оттуда повертели въ Лаферъ, и наконецъ, при пушечной пальбѣ, прибыли въ Соассонъ благополучно; но поелику послѣ первыхъ до пріѣзда нашего

бывшихъ двухъ или трехъ собраній, въ которыхъ кромѣ вымѣна нѣкоторыхъ уполномочій ничего другаго не сдѣлано, всѣ посланники поѣхали за кардиналомъ Флери въ Парижъ; то графу Головкину не возможно было одному что-нибудь въ разсужденіи дѣлъ здѣсь произвести, и потому онъ, оставя всю фамилію свою въ Соассонѣ, поѣхалъ обще со мною и съ однимъ секретаремъ въ упомянутую столицу.

Въ Парижѣ застали мы князя Александра Борисовича Куракина, который по смерти отца своего оставленъ во Франціи для дѣлъ, до Россіи касающихся, и ожидалъ токмо пріѣзда графа Головкина, дабы самому отправиться въ Москву.

Графъ Головкинъ неукоснительно поѣхалъ въ Версаль, имѣлъ свиданіе съ кардиналомъ Флери, равно какъ и съ хранителемъ печати господиномъ Шовелиномъ, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и отъ перваго представленъ королю въ качествѣ министра, на конгрессъ назначеннаго.

По прошествіи одного мѣсяца, собранія въ Соассонѣ опять открылись, почему и графъ Головкинъ паки туда возвратился. Но какъ въ его уполномочіяхъ означенъ императорскій титулъ, не отъ всѣхъ еще державъ признанный, то многіе не соглашались ихъ принять и слушать. Римско-императорскіе посланники, не взирая на постановленный между обоихъ дворовъ союзъ, были изъ числа первыхъ, которые на то возражали наисильнѣйше. А шведы представляли, что отъ нихъ призванъ сей титулъ для Петра I, и послѣ для императрицы Екатерины I, единственно для особъ, а отнюдь не для потомковъ ихъ. Послѣ многихъ словопреній дѣло сіе рѣшилось тѣмъ, что упомянутыя уполномочія приняты на сей разъ, съ торжественнымъ однакожъ возраженіемъ на изображенный въ оныхъ титулъ.

Послѣ двухъ собраній господа уполномоченные опять всѣ разъѣхались и въ то уже время видно было, что въ Соассонѣ не много надѣлано будетъ. Почему графъ Головкинъ вознамѣрился со всею фамилією своею поѣхать въ Парижъ. Здѣсь проводили мы всю зиму и я, получивъ опасную горячку, едва было не умеръ.

Еще въ бытность нашу въ Соассонѣ пришло ко мнѣ отъ отца моего извѣстіе, что онъ сочетался бракомъ съ вдовствующею графинею Солтыковою. Вскорѣ послѣ ихъ брака мачиха моя

предприняла путешествіе въ Мекленбургъ для свиданія съ родственниками своими, взявши съ собою моихъ двухъ сестеръ, Софію и Луизу: первую выдала она замужъ за прусскаго полковника Мальцана, а другую отправила къ старой госпожѣ герцогинѣ въ Бланкенбургъ, гдѣ была она не долѣе одного года придворною фрейлиною и послѣ выдана сею герцогинею замужъ за франконскаго дворянина, оберъ-шталмейстера маркграфа Аншпахскаго, барона Шаумберга.

По сіе время находился я однимъ дворяниномъ посольства при графѣ Головкинѣ, а тутъ получилъ я товарища въ особѣ молодого нынѣ владѣющаго графа Нейвидскаго, котораго мать была графиня Дона и двоюродная сестра графини Головкиной.

Въ майѣ мѣсяцѣ 1729 года поѣхали мы опять, и притомъ въ послѣдній разъ, въ Соассонъ, ибо по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, въ которые никакихъ дѣлъ тамъ производимо не было, не хотѣли больше и слышать о конгрессѣ, а казалось, что дворъ версальскій учинился нынѣ средоточіемъ переговоровъ. Итакъ предъ исходомъ лѣта возвратились мы обратно въ Парижъ для непремѣннаго тамъ пребыванія.

Здѣсь проводили мы время весьма пріятно. Графъ Головкинъ былъ акредитованъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, получалъ по тридцати шести тысячъ рублей годоваго жалованья и содержалъ великолѣпный домъ. Похвальное свойство его души и привѣтливость произвели въ короткое время въ націи толикое къ нему уваженіе, что знатнѣйшее дворянство не токмо его посѣщало, но со своей стороны озабочено такъ же было доставлять ему всякое невозможное увеселеніе.

Что до меня касается, то старался я совершенное снискать знаніе во французскомъ языкѣ, для изученія котораго не думаю, чтобы который либо молодой человекъ изъ россіянъ напередъ меня во Францію былъ посланъ, при чемъ успѣлъ я въ ономъ нарочито такъ, что когда графъ Головкинъ въ Петербургъ отозванъ и отправленіе дѣлъ мнѣ ввѣрено, то я былъ уже въ состояніи донесенія мои писать на французскомъ языкѣ.

Между тѣмъ фамилія Долгорукихъ почти всю власть въ Россіи въ свои руки захватила. Молодой императоръ принужденъ былъ обручиться съ сестрою своего наперстника; но лишь токмо мы о семъ извѣстились, какъ графъ Головкинъ чрезъ нарочнаго

получилъ неожиданное извѣстіе, что Петръ II въ 19 день генваря 1730 года скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Іоанна Алексѣевича, приняла російскій престолъ.

Въ правленіе покойнаго императора Петра II всѣ дѣла государственныя рѣшались въ такъ названномъ верховномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ пяти или шести особъ, и въ которомъ князь Долгорукой ой больше всѣхъ голосу имѣлъ. Лишь токмо молодой императоръ свой духъ предалъ, то означенный совѣтъ съѣхался на совѣщаніе о наслѣдіи имперіи. Кончиною Петра II пресѣклось мужеское колѣно императорскаго дома, почему князь Долгорукой и его сообщники почли сіе обстоятельство удобнымъ случаемъ, власть російскихъ государей нѣкоторымъ образомъ ограничить. Они не чаяли въ томъ ошибиться, когда, не взирая на степень родства или на перворожденіе, поднесутъ престолъ російскій такой государынѣ, которая будетъ имъ благодарна за оказанное ей преимущество, и слѣдовательно изъ признательности подтвердить всѣ, какія ни будутъ ей представлены, условія.

И такъ выборъ палъ, какъ выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примѣчательнѣйшія предложенныя ей статьи были слѣдующія:

- 1) безъ усмотрѣнія и согласія высокаго совѣта никакого въ дѣлахъ государственныхъ не подавать рѣшенія, слѣдовательно,
- 2) не объявлять войны и не заключать мира.
- 3) Никакихъ не налагать поборовъ или налоговъ.
- 4) Никого за преступленіе въ оскорбленіи величества не осуждать къ смерти въ одной тайной канцеляріи и ни у единого дворянина не конфисковать имѣнія, безъ яснаго доказательства на учиненное имъ вышеозначенное преступленіе.
- 5) Безпрекословно довольствоваться опредѣляемымъ на содержаніе ея особы и придворнаго штата годовымъ доходомъ.
- 6) Казенныхъ вотчинъ никому не дарить.
- 7) Не вступать въ бракъ и не назначать наслѣдника престола.

Послѣ сего къ новой императрицѣ, обрѣтавшейся въ Митавѣ, отправлены депутаты, между коими предводителемъ былъ князь Василій Лукичъ Долгорукой, какъ возвѣститъ ей о избраніи ея, такъ и упомянутыя статьи предложить на утвержденіе.

Сія до формы правленія касающаяся перемѣна не могла быть столь скрытна, чтобы не спровѣдалъ объ оной камергеръ

покойнаго императора графъ Густавъ Рейнгольдъ Левенвольде, котораго старшій братъ, послѣ бывший оберъ-шталмейстеръ у императрицы Анны Іоанновны, жилъ тогдѣ въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ въ Лифляндіи, и съ давняго уже времени преданъ былъ герцогинѣ Курляндской. Дабы увѣдомить сего и чрезъ него императрицу объ ономъ дѣлѣ какъ можно скорѣе, не нашелъ камергеръ графъ Левенвольде инаго удобнѣйшаго средства, кромѣ какъ послать своего скорохода, въ крестьянской одеждѣ, къ нему съ письмомъ въ Лифляндію. Вѣстникъ, нанявъ сани, скоро поспѣлъ туда, такъ что старшій графъ Левенвольде успѣлъ отправиться въ Митаву и пріѣхать туда цѣлыми сутками ранѣе, нежели депутаты. Онъ первый возвѣстилъ новоизбранной императрицѣ о возвышеніи ея и увѣдомилъ о томъ, что братъ къ нему писалъ въ разсужденіи ограниченія самодержавія. При чемъ онъ далъ свой совѣтъ, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую послѣ нетрудно разорвать, изволила подписать, увѣряя, что нація не долго довольна быть можетъ новымъ аристократическимъ правленіемъ, и что въ Москвѣ найдется уже способы всѣ дѣла въ прежнее привести состояніе. Послѣ сего откланявшись, безъ замедленія возвратился въ свои деревни.

Депутаты пріѣхали въ Митаву спустя одинъ день. Императрица безпрекословно подписала предложенныя условія и неукоснительно предприняла свой путь въ Москву.

Здѣсь обрѣталась она, такъ сказать, подъ опекою Долгорукихъ, и заимствовала отъ императорскаго достоинства однимъ токмо титуломъ; но спустя нѣсколько недѣль многіе дворяне и большою частію изъ офицеровъ гвардіи подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Трубецкаго и князя Черкаскаго, кои были послѣ кабинетскими министрами, поднесли императрицѣ прошеніе, въ которомъ содержалось, что какъ они между извѣстныхъ статей находятъ нѣкоторыя предосудительными для государства, и монархическую власть полагаютъ наименѣе полезною для своего отечества, то ея императорское величество просятъ всеподданнѣйше, дабы она благоволила нововведенный образъ правленія отрѣшнить и управлять имперією съ неограниченною властію по примѣру ея предковъ. Прошеніе, какъ легко представить себѣ можно, принято наиблагосклоннѣйше, гвардія собрана на площади

предъ дворцомъ, условенныя статьи разорваны и монархинѣ новая учинена присяга въ вѣрности. Вскорѣ потомъ знаменитѣйшіе изъ фамилии Долгорукихъ въ домахъ ихъ арестованы, обвинены въ преступленіи оскорбленія величества, суждены и сосланы въ Сибирь въ заточеніе.

Когда императрица усмотрѣла, что симъ утвердилась она на престолѣ, то и совершенно коронованіе въ 28 день апрѣля стараго стилиа и всѣмъ въ иностранныхъ государствахъ пребывающимъ министрамъ сообщено, дабы они въ знакъ сей радости торжественныя празднества установили, на что и потребныя суммы денегъ къ нимъ доставлены. Графъ Головкинъ получилъ на сей конецъ шесть тысячъ рублей и отправилъ празднество для коронаціи слѣдующимъ образомъ: онъ пригласилъ къ себѣ слишкомъ сто человекъ знатныхъ особъ обоого пола. Шевалье Орлеанской, побочный сынъ прежняго регента, гроссъ-пріоръ малійскаго ордена во Франціи, отдалъ на сей случай графу Головкину свой собственный домъ, именуемый Летамплъ. Торжество открылось около шести часовъ вечера концертомъ. Послѣ того былъ великолѣпный ужинъ, во время котораго какъ фасадъ дома, такъ и садъ освѣщены были огнями. По окончаніи стола начался балъ, и спустя два часа явились на оной нѣсколько сотъ масокъ по билетамъ. Веселости продолжались во всю ночь и не прежде какъ въ семь часовъ утра кончились.

Въ семь самомъ году императрица Анна Іоанновна умножила лейбъ-гвардію двумя новыми полками, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ 1,200 человекъ рейтаръ, а другой изъ трехъ баталіоновъ или 2,800 человекъ пѣхотныхъ солдатъ. Учрежденіе послѣдняго препоручено графу Левенвольду, тогдашнему генералъ-адъютанту императрицы, который и пожалованъ подполковникомъ того полка. При семъ примѣчательно, что по сдѣланному проекту упомянутый пѣхотный полкъ не изъ настоящихъ російскихъ рекрутъ, но изъ такъ называемыхъ однодворцевъ или украинцовъ набранъ, а офицеровъ опредѣляли въ оный не иныхъ, кромѣ лифляндцовъ или другихъ чужестранныхъ. Намѣреніе при семъ было такое, чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ, что кажется для тогдашнихъ временъ и не безнужно было; но какъ начали по малу отъ предположенныхъ правилъ какъ

въ разсужденіи рядовыхъ, такъ и офицеровъ отступать, то въ послѣдующее время оказалось, что успѣха другаго при семъ не было, кромѣ какъ что само по себѣ опасное уже воинство сдѣлано многочисленнѣе.

Отецъ мой съ 1728 года отправлялъ должность главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ, а лѣтомъ жилъ онъ большею частію при Ладогскомъ каналѣ и продолжалъ сію работу съ крайнимъ раченіемъ. Императрица не токмо предоставила ему упомянутыя упражненія, но также во изъявленіе своего удовольствія пожаловала ему орденъ св. Андрея.

Въ 1731 году отправился онъ въ Москву и снискалъ въ короткое время благоволеніе монархини и дружбу тогдашняго оберъ-камергера Бирона.

Сей любимецъ счастья былъ человекъ благопріятнаго по наружности вида, съ здравымъ разсудкомъ и съ острымъ проицаніемъ. Хотя онъ ни одного языка по правиламъ говорить не умѣлъ, однако, по природному краснорѣчію своему, въ состояніи былъ мысли свои ясно изображать и какое бы ни случилось положеніе—защищать. Онъ былъ щедръ и любилъ великолѣпіе, но при всемъ томъ разумный домоводецъ и врагъ расточенія. Въ обхожденіи своемъ могъ онъ, когда желалъ, принимать весьма ласковый и учтивый видъ; но большою частію казался по внѣшности величавъ и гордъ. Честолюбіе его не имѣло никакихъ предѣловъ; то недовѣрчивость, то легковѣріе причиняли ему нерѣдко многое напрасное безпокойство. Онъ былъ чрезмѣрно вспыльчивъ и часто обижалъ изъ предускоренія; естли случалось иногда, что онъ погрѣшность свою усматривалъ, то хотя и старался опять примириться, однакоже никогда не доводилъ до изустнаго изъясненія, но довольствовался тѣмъ, что обиженному доставлялъ стороною какую-нибудь пріязнь или выгоду. Естлижъ кто, напротивъ того, сдѣлалъ предъ нимъ однажды проступокъ, тотъ не могъ уже надѣяться на его великодушіе, ниже при искреннѣйшемъ принесенномъ своемъ раскаяніи. Малѣйшее покушеніе вредить ему у императрицы было непростительное преступленіе, и его мщеніе простиралось даже до жестокости. Основаніе къ счастью своему положилъ онъ еще въ Курляндіи, и вліяніе его на сердце тогдашней вдовствующей герцогини было при избраніи ея столь извѣстно, что отправленные въ Митаву депутаты

имѣли секретное приказаніе отъ сей государыни исходатайствовать обѣщаніе, чтобы Бирону не ѣхать въ Москву, а остаться въ Курляндіи. Но сіе продолжалось не долго; ибо когда самодержавіе опять возстановлено, и Долгорукіе въ ссылку сосланы, то упомянутый любимецъ явился паки въ полномъ сіяніи своемъ. Потомъ власть его возрасла до такой степени высоты, что я, будучи девять лѣтъ очевиднымъ свидѣтелемъ, нахожу мало примѣровъ въ исторіи, съ которыми сравнить оную можно.

Кромѣ сего, такъ сказать, всемогущаго любимца, состоялъ также Карлъ Густавъ старшій графъ Левенвольде въ толь великой силѣ, что хотя и не занималъ онъ никакой должности въ министерствѣ, однако никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и соглашенія; даже самъ Биронъ, который ни съ кѣмъ другимъ не хотѣлъ дѣлить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколѣ онъ живъ былъ, при себѣ терпѣлъ, но также, чему дивиться должно, нѣкоторымъ образомъ его боялся.

Личныя свойства и качества графа Левенвольда дѣйствительно заслуживали почитанія. Сверхъ остраго и пронизательнаго разума, имѣлъ онъ совершенно честное сердце, былъ великодушень, безкорыстенъ и охотно вспомоствовалъ всѣмъ, кои съ правымъ дѣломъ или просьбою къ нему прибѣгали. Онъ жилъ весьма умѣренно и безъ великолѣпія. Видъ его былъ важень, но не непріятень и въ домашнемъ обхожденіи находили его веселымъ и шутливымъ. Друзьямъ своимъ дѣлалъ онъ добро, и кто однажды вошелъ къ нему въ любовь, тотъ чрезъ наговорки и клеветы не скоро лишался оныя. Но буде онъ однажды кого возненавидѣлъ, то уже бывалъ вовсе непримиримъ.

Доброе согласіе между двумя вышеименованными мужами и вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ было въ тогдашнее время наисовершеннѣйше. Послѣдній сдѣлался необходимо нуженъ своимъ искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ, обширными познаніями внутренняго состоянія имперіи и прензачнымъ слогомъ въ сочиненіяхъ. Отецъ мой съ давняго времени пользовался его дружбою и рекомендованъ отъ него новому оберъ-камергеру съ весьма хорошей стороны; почему не прошло еще и двухъ недѣль по пріѣздѣ его въ Москву, какъ онъ со всѣми наивозможными знаками благоволенія введенъ въ общество сихъ триумвировъ и вскорѣ потомъ, за долговременные и обременен-

тельные труды свои, знатный получилъ подарокъ. Ибо когда не за долго предъ симъ судоходство по Ладогскому каналу открылось и симъ самимъ выполнилось толь полезное для Петербурга намѣреніе великаго основателя сего града, то въ награжденіе пожаловано ему сорокъ тысячъ рублей, и почти въ то же время упалое мѣсто фельдцейхмейстера.

Императрица для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ учредила тайный совѣтъ или такъ называемый кабинетъ, назначивъ членами онаго канцлера графа Головкина, графа Остермана и князя Черкаскаго; отецъ мой былъ къ нимъ приобщень.

Для исправленія военнаго состоянія подалъ онъ монархинѣ разныя начертанія, которыя одобрены и для исполненія ему поручены.

При російской арміи національные офицеры получали доселѣ половину оклада противъ чужестранныхъ того же чина, такъ что напримѣръ: иностранный капитанъ имѣлъ жалованья по 15 рублей въ мѣсяцъ, а російскій токмо по 8 рублей. Таковое отличіе естественно производило больше зависти, нежели бодрости въ послѣднихъ. Отецъ мой изыскалъ способъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ напрасныхъ издержекъ при полкахъ доставить изъ таковой сбереженной суммы для каждаго класса офицеровъ единообразное жалованіе, и въ сходствіе сего новаго учрежденія національный полковникъ получалъ триста рублей противъ прежняго.

Другой проектъ состоялъ въ заведеніи кадетскаго корпуса, дабы въ немъ отъ четырехъ до пяти сотъ молодыхъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей воспитывать и обучать какъ тѣлеснымъ и военнымъ упражненіямъ, такъ и чужестраннымъ языкамъ, художествамъ и наукамъ.

Третій проектъ относился до учрежденія двѣнадцати кирасирскихъ полковъ на нѣмецкомъ основаніи: таковое умноженіе войскъ почиталось нужнымъ наиболѣе потому, что російская конница состояла изъ однихъ токмо весьма неисправныхъ драгуновъ, съ которыми противъ тяжелой конницы совѣмъ никакого или весьма малаго успѣха ожидать было можно. Но дабы опредѣленная на содержаніе арміи сумма оставалась всегда въ своемъ штатѣ, намѣрены были извѣстное число драгунскихъ полковъ уничтожить, и съ начала учредить токмо три изъ

вышепомянутыхъ полковъ. Одинъ изъ сихъ долженъ былъ имѣть отца моего полковникомъ и навсегда прозываться Миниховымъ полкомъ.

Въ майѣ мѣсяцѣ сего 1731 года получилъ я извѣстіе, что императрица пожаловала меня камеръ-юнкеромъ, и тогда же присланъ ко мнѣ на сіе званіе патентъ, равно какъ и вексель для принятія годоваго по сему званію жалованья, ибо по тогдашнему обыкновению камергеры и камеръ-юнкеры получали жалованье свое впередъ.

Вскорѣ потомъ, когда императрица вознамѣрилась вмѣсто древняго разбитаго и преогромнаго московскаго колокола, висѣвшаго на Иванѣ Великомъ, заказать вылить другой въ девять тысячъ пудовъ, или въ три тысячи шесть сотъ центнеровъ голландскаго вѣсу, то и препоручено мнѣ отыскать въ Парижѣ искуснаго челоуѣка, дабы сдѣлать планъ колоколу купно со всѣми размѣреніями. По сей причинѣ обратился я къ королевскому золотыхъ дѣлъ мастеру и члену академіи наукъ Жермену, который въ сей части преискуснѣйшимъ почитался механикомъ. Сей художникъ удивился, когда я объявилъ ему о вѣсѣ колокола и сначала думалъ, что я съ нимъ шутилъ; но какъ послѣ увѣрилъ я его, что имѣю высочайшее на то повелѣніе, то онъ взялся сіе исправить. Принесли ко мнѣ планъ, вручилъ я его графу Головкину для отсылки. Но колоколь послѣ отлить не по назначенному сему плану, а по другому содержанию еще въ двѣ тысячи пудовъ тяжелѣе вышепоказаннаго вѣса. Онъ вылился весьма красиво и удачно и стоялъ уже въ готовности, чтобы поднять на колокольную, какъ по несчастію въ бывшій въ 1737 году въ Москвѣ большой пожаръ отъ упавшаго на него загорѣвшаго бревна разшибся и чрезъ то сдѣлался неспособенъ для употребленія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1731 года графъ Головкинъ получилъ высочайшій рескриптъ: французскій дворъ оставить и въ званіи посланника отправиться къ генеральнымъ штатамъ въ Гагу; а я оставленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франціи. На сіе опредѣлено мнѣ по три тысячи рублей годоваго жалованья и еще по триста рублей на посылки курьеровъ, конвертовъ и прочаго и на мою собственную исправку прислано 1,000 рублей. Графъ Головкинъ вскорѣ потомъ имѣлъ отпускную аудіенцію и по

окончаніи оныя представилъ меня королю, которому при семъ случаѣ, сверхъ употребительнаго обыкновенія, имѣлъ я честь подать вѣрющую о себѣ грамоту.

Спустя двѣ недѣли, благодѣтель мой графъ Головкинъ со всею фамиліею своею отправился въ Гагу. Прощаніе наше было пренѣжное, и мы не безъ слезъ разстались. Оба, какъ графъ, такъ и графиня, изъявили особенную ко мнѣ любовь, и я признаюсь, что они обходились со мною въ своемъ домѣ не какъ съ чужимъ, но какъ съ роднымъ своимъ сыномъ.

Такимъ образомъ, на 23 году возраста моего, имѣлъ я уже публичное званіе при одномъ изъ первыхъ дворовъ европейскихъ. Но не прошло еще и шести мѣсяцовъ, какъ по желанію отца моего повелѣно мнѣ указомъ возвратиться въ Санктпетербургъ, гдѣ весь дворъ тогда обрѣтался.

Отецъ мой не сообщилъ мнѣ никакого увѣдомленія о своемъ въ разсужденіи меня намѣреніи; а въ указѣ значилось, что отсутствіе мое будетъ недолговременно. Почему откланялся я у кардинала де Флери и тогдашняго хранителя печати министра иностранныхъ дѣлъ господина Шовелина, съ такимъ отзывомъ, что я вскорѣ назадъ возвратиться имѣю.

Въ исходѣ февраля 1733 года выѣхалъ я изъ Парижа и чрезъ Страсбургъ продолжалъ свой путь въ Россію.

Въ Берлинѣ провѣдалъ я отъ тогдашняго при прусскомъ дворѣ російскаго министра графа Ягужинскаго, что отецъ мой не давно пожалованъ генераль-фельдмаршаломъ. Проѣздомъ чрезъ Пруссію посѣтилъ я старшую сестру мою въ Ризенбургѣ, гдѣ ея мужъ, подполковникъ баронъ Мальцанъ, съ нѣсколькими эскадронами буденброкскаго кирасирскаго полка стоялъ въ гарнизонѣ. Сей приказалъ, дабы меня почестить, выступить одному эскадрону и въ моемъ присутствіи произвести всѣ обыкновенныя ихъ екзерциціи.

Въ пограничномъ городѣ Ригѣ засталъ я сестру мою Менгденъ обще съ ея мужемъ, который тогда былъ лифляндскимъ ландратомъ. Туда же не за долго предо мною прибылъ старшій графъ Левенвольде, который ѣздилъ къ вѣнскому и берлинскому дворамъ за нѣкоторыми препорученными ему важными дѣлами. Едва лишь успѣлъ я посѣтить его, какъ онъ продолжалъ путь свой далѣе. Чрезъ два дни отправился и я оттуда, и какъ я

догналъ упомянутого графа въ Дерптѣ, то онъ принудилъ меня перейти въ свою коляску, дабы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать до назначеннаго мѣста.

Въ началѣ апрѣля пріѣхали мы въ Санктпетербургъ благополучно, и я имѣлъ удовольствіе послѣ пятилѣтняго почти отсутствія увидѣть отца моего въ добромъ здоровіи и въ величайшемъ достоинствѣ.

Коль скоро я переодѣлся, то онъ повезъ меня съ собою ко двору и представилъ императрицѣ, обрѣтавшейся тогда въ покояхъ оберъ-камергера Бирона. Императрица удостоила меня всемилостивѣйшаго принятія, равно какъ и отъ упомянутого любимца и его супруги при томъ находившихся принять я весьма учтиво и благосклонно. На другой день отецъ мой поѣхалъ со мною къ тремъ императорскимъ принцессамъ, а именно герцогинѣ Мекленбургской, сестрѣ императрицы, великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, дочери Петра Великаго, и къ принцессѣ Аннѣ, племянницѣ императрицы. Принцесса Анна не имѣла больше пребыванія своего со своею теткою, а жительствовала въ большомъ дворцѣ, гдѣ пользовалась всѣмъ императорскимъ придворнымъ штатомъ. Отъ всѣхъ вышеименованныхъ принцессъ принять я съ отличною благосклонностью и удостоился такой почести, которая тогда однимъ знаменитѣйшимъ особамъ воздавалась, а именно, что онѣ соблаговолили поцѣловать меня въ щеку.

По пріѣздѣ моемъ открылъ мнѣ отецъ мой намѣреніе свое, женить меня на придворной фрейлинѣ Трейденѣ, родной сестрѣ оберъ-камергерши Биронъ. Я не успѣлъ лишь за два дни съ нею познакомиться, какъ уже принужденъ былъ выступить съ формальнымъ изъясненіемъ своей любви. Отвѣтъ ея содержалъ холодное благодареніе за мое предложеніе, купно съ дружескимъ напоминаніемъ, дабы я здраво разсудилъ самъ въ себѣ, что она всегда слаба и больна бываетъ. На такое откровенное объясненіе почелъ я за лучшее отвѣчать, что я весьма охотно предлагаю мои услуги ходить за нею въ ея болѣзняхъ. Непосредственно послѣ сего приказано мнѣ просить у оберъ-камергерши позволенія и соглашенія на сію женитьбу. Отъ нея получилъ я слѣдующій отзывъ: что она умѣетъ личныя мои качества и честь, оказываемую мною сестрѣ ея, цѣнить по достоин-

ству, и что готова способствовать моимъ намѣреніямъ, коль скоро увѣрена будетъ о взаимной склонности ея сестры. Но вскорѣ оказалось, что таковая ожидаемая склонность имѣла зависѣть не отъ любви, но отъ устоянія начинавшаго уже колебаться благоволенія императрицы къ отцу моему.

Когда я пріѣхалъ въ Санктпетербургъ, то, какъ выше упомянуто, нашелъ отца моего въ величайшей милости у императрицы и въ наилучшемъ согласіи съ оберъ-камергеромъ Бирономъ. Императрица не задолго предъ тѣмъ пожаловала ему десять тысячъ рублей въ подарокъ и сверхъ того купленъ въ казну собственный его недавно построенный домъ, находившійся въ отдаленной части города, за двадцать тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ переѣхалъ въ другой назначенный ему домъ подлѣ императорскаго дворца. Сего еще не довольно было, но приказано проломать въ его домѣ стѣну, дабы онъ, не выходя на улицу, могъ проходить изъ своихъ комнатъ въ покои любимца.

Дѣлами былъ онъ обремененъ до чрезвычайности; ибо въ званіи военной коллегіи президента управлялъ онъ всею сухопутною силою; въ кабинетѣ засѣдалъ онъ въ званіи генералъ-фельдцеймейстера; инженернаго корпуса былъ онъ главный начальникъ и надъ всѣми крѣпостями главный надзиратель; въ то же время занимался онъ учрежденіемъ кадетскаго корпуса и новыхъ кирасирскихъ полковъ; смотрѣніе за ладогскимъ каналомъ осталось за нимъ по прежнему, и даже полиція какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ состояла въ его вѣдѣніи. Нельзя было большимъ довѣріемъ пользоваться, какое на него возлагали, и словомъ сказать, ни единое дѣло мимо его рукъ не проходило. Но сіе продолжалось не долго и чрезвычайный его кредитъ началъ по малу упадать для нижеслѣдующихъ причинъ.

Въ гвардейскихъ полкахъ за благо разсуждено касательно, состоящихъ въ каждой ротѣ капитанъ-поручиковъ, сдѣлать перемѣну и ихъ всѣхъ отставить, поелику въ напольныхъ полкахъ сихъ чиновъ не находилось, и слѣдовательно почли ихъ также ненужными въ гвардіи; почему и положено было всѣхъ ихъ выпустить въ армію и тамъ опредѣлить каждому по чину; а именно: старшихъ преміеръ-маіорами и младшихъ секундъ-маіорами. Сія толь неожиданная перемѣна была совсѣмъ не по вкусу означенныхъ

господь, которые большею частію были молодые люди изъ знатнѣйшихъ домовъ и желали у мѣстъ своихъ оставаться до того, пока не поступятъ въ капитаны, дабы послѣ при выпускѣ въ армію вступить полковниками или бригадирами. Отцу моему препоручено означенное перемѣщеніе произвести, и потому нельзя было миновать, чтобы, по образу другихъ, не сдѣлать показанной реформы и въ Измайловскомъ полку, въ которомъ графъ Левенвольде былъ подполковникомъ. Сей находился въ оное время въ чужихъ краяхъ и не прежде объ ономъ узналъ, какъ когда пособить не можно было. Чувствительность его по сей причинѣ была столько тронута, что онъ отъ того же часа непримиримую къ отцу моему возымѣлъ ненависть; почему лишь токмо онъ возвратился изъ своего путешествія, то и началъ потрясать кредитъ и власть отца моего.

Графъ Остерманъ, будучи недоволенъ, что отецъ мой не хотѣлъ почасту въ кабинетѣ соглашаться съ нимъ въ мнѣніи, а притомъ онъ умѣлъ своего брата, тогдашняго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Миниха, какъ бы для надзиранія надъ нимъ ввести въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, не упустилъ въ семь случаевъ вспомошествовать графу Левенвольду.

Къ сему присовокупилось еще, что онъ, не вѣдая тайнаго соглашенія, состоявшаго уже между вѣнскимъ дворомъ и оберъ-камергеромъ, ввязался въ одно такое дѣло, которое намѣреніямъ послѣдняго совершенно было противно и уже отвергнуто какъ неудобопріемлемое. Разстроенное здоровье короля Августа Второго и вскорѣ ожидаемая его кончина привели кардиналу де-Флери на мысль опять посадить Станислава Лещинскаго на польскій престолъ; почему находящійся въ Санктпетербургѣ повѣренный въ дѣлахъ по прозванію Магнавъ (Маньянъ) получилъ повелѣніе сообщить объ ономъ российскому двору и знатныя предложить обѣщанія, буде выбору означеннаго государя не будетъ препятствовано. Сии предлагаемыя обѣщанія состояли въ нижеслѣдующемъ: императорскій титулъ признавать, извѣстныя ежегодныя платить вспомогательныя деньги и турковъ склонить, дабы они паки уступили Азовскую крѣпость; или буде она вооруженною рукою взята будетъ, то уговорить турковъ заключить миръ неукоснительно.

Съ сими предложеніями упомянутый повѣренный въ дѣлахъ

былъ у Остермана, но сей короткими словами ему отказалъ. Послѣ сего обратился онъ къ отцу моему, которому выше изображенныя условія показались столь выгодны, что онъ, хотя дѣло сіе и не принадлежало къ его части, взялся представить объ оныхъ оберъ-камергеру. Сіе онъ исполнилъ, но не съ другимъ какимъ успѣхомъ, кромѣ что пріобрѣлъ толь ненавистное тогда прозваніе французскаго сообщника.

Вскорѣ послѣ сего возвратившійся изъ вѣны оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде лишь токмо о вышеозначенномъ извѣстился чрезъ оберъ-камергера, какъ употребилъ сей случай въ свою пользу, началъ на отца моего наговаривать, поступки его осуждать и изображать опаснѣйшимъ человѣкомъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ неминуемое слѣдствіе было, что о свадьбѣ моей совсѣмъ не стали помышлять; но старались совокупными силами разорвать съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы она съ государственною важностію сопряжена была. И такъ не замѣшкали произвести оное въ дѣйство. Генераль-маіоръ Бисмаркъ, котораго графъ Левенвольде перевелъ изъ прусской въ российскую службу, долженъ былъ посвататься и получилъ ее безъ дальнихъ околичностей.

Въ началѣ 1733 года воспослѣдовавшая кончина короля Польскаго потревожила вторично едва возстановившуюся тишину въ Европѣ. Тутъ главнѣйше зависѣло отъ удачи которой либо изъ участвующихъ державъ, дабы поставить въ республикѣ новую верховную главу. Вѣнскій дворъ состоялъ съ российскимъ въ наилучшемъ согласіи съ того времени, какъ императоръ Римскій прислалъ къ оберъ-камергеру двѣсти тысячъ гульденовъ въ подарокъ на покупку Шлезскаго господства Вартенбергскаго. Ни единый изъ сихъ двухъ дворовъ не желалъ видѣть тестя короля французскаго на польскомъ престолѣ и Биронъ, упоенный мыслями сдѣлаться со временемъ герцогомъ курляндскимъ, искалъ склонить выборъ на такого кандидата, который былъ бы ему одному за то обязанъ и изъ признательности способствовалъ его намѣреніямъ въ разсужденіи упомянутаго герцогскаго достоинства.

Почему, какъ скоро въ Санктпетербургѣ о вышеозначенномъ приключеніи извѣстно стало, то опредѣлено было выборъ короля польскаго себѣ предоставить, возстановленію Станислава

на престолъ всемѣрно препятствовать и доставить корону Пиа-сту, то есть природному поляку. На сей конецъ оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде, будучи снабденъ богатыми векселями, отправленъ къ республикѣ чрезвычайнымъ посломъ.

Но деньги французскія предупредили россійскихъ, и Станиславъ склонилъ уже на свою сторону примаса государства и многихъ иныхъ знатныхъ особъ. А которые держались еще россійской стороны, тѣ объявили, что они безъ подтвержденія арміею ничего произвести не могутъ. Графъ Левенвольде обѣщалъ имъ сію помощь и вскорѣ потомъ уѣхалъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, лишь токмо представилъ онъ о состояніи дѣлъ въ Польшѣ, какъ неукоснительно посланъ къ стоящимъ на границѣ войскамъ указъ вступить въ Литву и прямымъ путемъ походъ свой направить въ Польшу. Главная команда надъ сею арміею естественно долженствовала достаться отцу моему, поелику онъ былъ фельдмаршаломъ, но происходившее между имъ, оберъ-камергеромъ, оберъ-шталмейстеромъ и графомъ Остерманомъ несогласіе было причиною, что его обошли, и во оскорбленіе его препоручена главная команда тогдашнему генераль-аншефу Лассію. Однако упомянутый корпусъ лишь токмо половину дороги къ Варшавѣ совершилъ, какъ пришло извѣстіе, что Станиславъ отъ французской партіи избранъ и объявленъ королемъ.

Въ то же самое время спровѣдали, что при семъ случаѣ произошелъ раздоръ, и къ россійской сторонѣ приверженные, по учененномъ формальномъ на то возраженіи, перешли въ Прагу на ту сторону Вислы, гдѣ ожидали прибытія россійскихъ войскъ, дабы подъ покровомъ ихъ новый предпринять выборъ короля.

При чемъ можно было предвидѣть, что на семъ сеймѣ больше согласія и меньше шума, нежели на первомъ происходило; поелику не токмо при императорскихъ дворахъ объ избираемомъ кандидатѣ условленность совершенно, но также толпа диссидентовъ давно склонна была тому же самому доставить корону. Сей кандидатъ былъ курфирстъ саксонской, сынъ покойнаго короля, избранію котораго императоръ римскій съ начала прекословилъ, потому токмо, что онъ дотолѣ не хотѣлъ признавать прагматической савецціи; но какъ послѣ онъ на то согласился и обѣщалъ оберъ-камергеру стараться препятствовать

раздѣленію Курляндіи на воеводства, то сдѣлался отнынѣ единственнымъ искателемъ, котораго упомянутый дворъ желалъ видѣть на польскомъ тронѣ.

Между тѣмъ приближеніе россійскихъ войскъ столько уже подѣйствовало, что Станиславъ для избѣжанія опасности принужденъ былъ обще съ примасомъ, французскимъ посланникомъ и многими вельможами спастись въ Гданскъ, подъ прикрытіемъ полка коронной гвардіи. Изъ прочихъ его сообщниковъ въ Варшавѣ остались токмо Потоцкій, воевода Кіевскій; Тарло, воевода Люблинскій, и Кастелланъ Терскій, коихъ вся сила состояла изъ нѣкоторыхъ такъ названныхъ польскихъ знаменъ, съ коими разбѣжжали они около и внутри Варшавы.

Какъ скоро генераль Лассій достигъ береговъ Вислы, то явились къ нему начальники противной Станиславу партіи, и объявили, что готовы выполнить по желанію россійской императрицы, въ разсужденіи выбора короля. Настоящее выборное мѣсто, называемое Вола, находилось на той сторонѣ рѣки, гдѣ Варшава лежитъ. Но какъ другая партія вскорѣ послѣ ухода Станислава всѣ мосты сняла, и времени терять не можно было, то обрядъ избранія совершенъ на томъ самомъ по сію сторону Вислы находящемся полѣ, на которомъ въ шестнадцатомъ столѣтіи Гейнрихъ-де-Валоа былъ избранъ, и тутъ въ 5 день октября новаго штиля единогласно утверждена за вышеупомянутымъ курфирстомъ польская корона.

Во время сего происшествія, оставшіеся въ Варшавѣ конфедераты извѣстили россійскаго и саксонскаго министра, дабы они изъ города выѣхали, и какъ сіи того не сдѣлали, то, по прошествіи назначеннаго срока, разграбили домъ перваго, а къ квартирѣ другаго подвезши пушки, стрѣляли ядрами. Но когда на семъ приступѣ убито у нихъ отъ 30 до 40 человекъ, то ярость ихъ укротилась и находящіеся въ домѣ саксонскаго посланника люди истребовали капитуляцію, по силѣ которой предоставлена имъ свобода перебраться въ домъ императорскаго посланника Вельцега, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ оба вышеупомянутые министры прибѣжище свое имѣли.

По объявленіи королемъ польскимъ Августа III и по построеніи новыхъ мостовъ, приказалъ генераль Лассій арміи своей переправиться чрезъ Вислу, оставя нѣсколько полковъ въ городѣ, изъ котораго поляки въ самой скорости убѣжали.

Дабы скорѣе возстановить тишину, императрица повелѣла, чтобы другой знатный корпусъ изъ Украины вступилъ въ Польшу. Съ другой стороны вошла туда саксонская армія, и когда сія овладѣла Краковымъ, то новоизбранный король тамо и коронованъ.

При всемъ томъ состояніе дѣлъ приходило часъ отъ часу въ большее замѣшательство; непріятельская сторона все еще полагалась на помощь Франціи и о другомъ королѣ, кромѣ Станислава, слышать не хотѣла. При чемъ весьма трудно было сію кочующую и все мѣста опустошающую толпу усмирить; ибо она нагдѣ на одномъ мѣстѣ не останавливалась и прежде разсѣяна, нежели побита быть могла.

Для лучшей въ семъ дѣлѣ успѣшности необходимо требовалось, чтобы паче всего стѣснить и заключить самого Станислава и его сообщниковъ, почему къ генералу Лассію присланъ указъ, оставя токмо гарнизонъ въ Варшавѣ, приступить съ остальными войсками къ упомянутому городу. Онъ поспѣлъ туда уже поздно въ осени, содержалъ его нѣкоторымъ образомъ въ блокадѣ; но за недостаткомъ въ сильнѣйшихъ понудительныхъ пособіяхъ, не могъ ничего больше предпринять.

Между тѣмъ прошла зима и наступилъ уже февраль мѣсяцъ 1734 года, а Гданскъ ни на какія предложенія не соглашался. Оберъ-камергеру показалось сіе весьма медлительно. Онъ извѣдалъ расторопность и предпримчивость отца моего во многихъ случаяхъ, и такъ ненависть принуждена была уступить необходимости, и отецъ мой сверхъ ожиданія получилъ главную команду надъ арміею въ Польшѣ, равно какъ и управленіе надъ осадю Гданска. Онъ отправленъ былъ весьма поспѣшно и скрытно, и въ двѣнадцать дней пріѣхалъ подъ прусскимъ прикрытіемъ въ лагерь, расположенный подъ означеннымъ городомъ. Тутъ нашелъ онъ корпусъ, состоящій изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, изъ которыхъ однакожъ едва восемь тысячъ человѣкъ въ состояніи были службу свою нести. Потребной для осады тяжелой артиллеріи совсѣмъ тамъ не находилось, а притомъ и нельзя было ожидать оной изъ російскихъ гаваней прежде какъ въ іюнь мѣсяцѣ.

Городъ Гданскъ укрѣпленъ регулярно, снабденъ хорошою внѣшнею фортификаціею и многими вокругъ лежащими шанцами; съ одной стороны былъ онъ неприступенъ, по причинѣ потоплен-

ной земли; гарнизонъ въ городѣ, къ которому польская коронная гвардія и новоучрежденной маркизомъ де Монти драгунскій полкъ принадлежали, состоялъ, по крайней мѣрѣ, изъ десяти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска. Все укрѣпленія прикрывались достаточнымъ количествомъ исправныхъ пушекъ. Въ военной аммуниціи не имѣлось никакого недостатка, а хлѣба въ купеческихъ анбарахъ находилось столько, что жители купно и съ гарнизономъ нѣсколько лѣтъ продовольствіе имѣть могли. Есть-ли при семъ взять еще во уваженіе присутствіе короля. знатнѣйшихъ особъ государства и французскаго посланника, который именемъ своего государя обѣщавалъ городу не токмо скорую помощь, но также полное за убытки возмездіе,—то не можетъ показаться страннымъ, что магистратъ и граждане расположены были охотиѣе все вытерпѣть, нежели оставить дарованное покровительство отъ такого государя, который довѣріе свое возложилъ на ихъ вѣрность.

На другой день по пріѣздѣ отца моего, послалъ онъ во Гданскъ письменное объясненіе такого содержанія, что онъ имѣетъ повелѣніе огнемъ и мечемъ раззорить городъ, есть-ли обыватели онаго чрезъ одни сутки не рѣшатся признать Августа своимъ королемъ и Станислава купно съ его сообщниками выдать. Но отвѣтъ на сіе гласилъ, что они почитаютъ Станислава законнымъ королемъ своимъ и до послѣдней крайности обороняться стануть.

По полученіи сего отзыва непріятельскія дѣйствія начались неукоснительно. Наступленіе сдѣлано на первое предмѣстіе, Шотландомъ именуемое, гдѣ находились городскія войска, и по сильномъ сраженіи, на которомъ около ста человѣкъ съ непріятельской стороны убито, россияне овладѣли онымъ. Очередь вскорѣ дошла потомъ до нѣкоторыхъ шанцовъ, которые тожъ російскими войсками заняты; но къ городу еще нельзя было приступить формально, за недостаткомъ въ потребной для осады артиллеріи.

Невеликій понесенный въ людяхъ уронъ при завладѣніи упомянутыхъ шанцовъ возбудилъ въ отцѣ моемъ желаніе отнять у непріятеля одинъ извѣстный укрѣпленный пригорокъ, съ котораго весь городъ подъ пушечнымъ стоялъ выстрѣломъ. Сей пригорокъ называется Гагелсбергъ, который имѣетъ столь выгодное положеніе,

что есть-либъ удалось его взять, то бы всеконечно вскорѣ за симъ и сдача Гданска воспослѣдовала. Въ ночи на 28 число апрѣля стараго штиля всѣ нужныя къ тому приготовления были сдѣланы. Планъ атаки былъ такой, чтобы три тысячи человѣкъ, къ которымъ въ подкрѣпленіе присоединены еще пять тысячъ человѣкъ, наступили на означенный пригорокъ со слабѣйшей стороны. Назначенныя для приступа войска скрытно и въ наилучшемъ порядкѣ подведены уже были почти къ подошвѣ укрѣпленій, и нападеніе одной колонны съ столь хорошимъ произведено успѣхомъ, что нѣкоторые гренадеры вошли уже на валъ и завладѣли одною батареею. Но какъ по несчастію предводители двухъ другихъ колоннъ убиты непріателемъ, войска пришли въ безпорядокъ и чрезъ то атаку по предписанному плану произвести было невозможно, то по сей причинѣ предпріятіе сіе не имѣло надлежащаго успѣха и съ нашей стороны убито великое множество людей потому наиболѣе, что ожесточенные солдаты лучше желали погибнуть на мѣстѣ, гдѣ сильнѣйшій огонь производился, нежели отступить и жизнь свою спасать; даже оставшіеся въ живыхъ послушались не прежде, пока подоспѣвшій туда генералъ Лассіи ихъ не уговорилъ.

Потеря отъ 900 до 1,000 человѣкъ не могла бы за великое почестіе при осадѣ, подобной производившейся подъ Лилемъ во Фландріи, гдѣ въ 1708 г. безуспѣшный приступъ стоилъ 6,000 человѣкъ гренадеровъ, но въ толь малочисленной арміи, какая подъ Гданскомъ стояла, означенная потеря тѣмъ чувствительнѣе была при дворѣ, что тутъ ни къ какимъ непріятнымъ извѣстіямъ не пріобыкли, и потому уныніе распростерлось столь великое, что думали будто отецъ мой со всѣмъ своимъ корпусомъ прогнанъ и разбитъ гданскими войсками. Напротивъ того, сей будучи затрудненіями больше раздражаемъ, нежели утраченъ, не лишился бодрости своего духа, но начатыя для осады приготовления, какъ то окопы и рвы, продолжалъ съ обыкновенною прозорливостью своею безостановочно.

Обрѣтающіяся въ Гдансѣ войска вскорѣ послѣ означеннаго произшествія многократныя и сильныя дѣлали вылазки, но по причинѣ хорошихъ къ отраженію ихъ сдѣланныхъ распоряженій всегда возвращались обратно въ городъ безъ всякаго успѣха.

Столь же безуспѣшно было предпріятіе поляковъ войти

въ Гданскъ, а имянно: корпусъ изъ восьми до десяти тысячъ конныхъ поляковъ, преданныхъ Станиславу, имѣя помышленіе подъ предводительствомъ Каstellана Терскаго присоединиться къ войскамъ въ Гданскѣ, приблизились уже на нѣсколько миль къ городу и нѣкоторые форпосты принуждены были назадъ отступить; но когда отецъ мой отрядилъ противъ нихъ генерала Лассія, то упомянутый Каstellанъ возвратился вспять прежде, нежели Лассіи на встрѣчу ихъ вышелъ.

Тотчасъ послѣ неудачнаго наступленія подъ Гагельсбергомъ отецъ мой искалъ силу свою увеличить частію многими назадъ возвращенными деташиентами и частію нѣкоторыми изъ Варшавы по высочайшему повелѣнію къ нему присоединившимися полками. Такожь между симъ временемъ получилъ онъ двѣсти бомбъ купно съ четырьмя мортирами, присланныхъ къ нему скрытно отъ короля Августа изъ Саксоніи на почтовыхъ коляскахъ, и подъ названіемъ багажа герцога Вейсенфельскаго. Прибытіе оныхъ было для отца моего гѣмъ паче пріятно, что онъ по необходимости принужденъ былъ приказать выстрѣленные изъ города ядра собирать и оными опять заряжать свои пушки.

Но въ разсужденіи осады, не взирая на показанное новое пособіе, оставалось все въ прежнемъ положеніи, и знатнѣйшими обѣщаніями непрестанно обольщаемые жители Гданска меньше всего помышляли о томъ, чтобы сдаться; маркизь де Монти заступалъ тамъ не токмо мѣсто посланника, но также и полководца и слѣдовательно входилъ во всѣ потребныя къ защищенію города распоряженія. Онъ далъ своему двору увѣреніе, что естьли къ нему не больше какъ двѣ тысячи французскихъ войскъ прислано будетъ, то онъ надѣется съ оными и съ находящимся въ городѣ гарнизономъ принудить россіянъ осаду оставить. Почему французское министерство и отозвалось мнѣніемъ своимъ, что нужно повелѣть три баталіона въ Дюнкирхенѣ на суда посадить и отправить въ Гданскъ.

Коль скоро отецъ мой о семъ извѣстился, то предпріалъ онъ сему вспомогательному войску пресѣчь путь къ городу посредствомъ сильнаго ретраншаментана. Упомянутые три баталіона вскорѣ потомъ приплыли въ устьѣ рѣки Вислы. Командующій ими бригадиръ Деламотъ, развѣдавъ положеніе мѣсть, усмотрѣлъ невозможность овладѣть ретраншаментомъ и симъ путемъ

пробратся въ городъ; почему съ своими войсками сѣлъ онъ опять на суда и отправился обратно въ Зундъ. Но французскій посланникъ при датскомъ дворѣ господинъ Плело, молодой и вспыльчивый человѣкъ, не хотѣлъ повѣрить донесенію стараго и опытнаго бригадира въ разсужденіи найденныхъ имъ препятствій, а объявилъ ему, что оное предпріятіе, чего-бы ни стоило, необходимо въ дѣйство произвести должно; на каковъй конецъ онъ, посланникъ, вознамѣрился самъ принять команду надъ вышеизображенными тремя баталіонами. Бригадиръ Деламотъ отвѣчалъ, что онъ въ семъ случаѣ не отречется состоять подъ его командою и слѣдовать за нимъ, куда онъ ни пожелаетъ.

Между тѣмъ отецъ мой получилъ сверхъ вспомоgetельнаго войска отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ изъ Варшавы, еще нѣсколько пушекъ съ принадлежащимъ къ тому припасомъ изъ Ревеля чрезъ Пиллавскій и Елбингскій порты.

Не много спустя французы прибыли опять на Гданскую рейду, вышли на берегъ и расположились лагеремъ подъ шанцомъ при устьѣ рѣки Вислы. Новый полководецъ ихъ графъ Плело не терялъ ни мало времени, но на другой же день повелъ ихъ прямо къ ретраншаменту. Ретраншаментъ былъ вышиною въ полтора человѣка и со внѣшней стороны выложенъ бревнами на подобіе стѣны. Напереди его сдѣланъ засѣкъ изъ вырубленныхъ деревъ и сучьевъ. Французы, не смотря на сильной противъ нихъ производимой огонь, пробрались сквозь означенной засѣкъ съ удивительною бодростію. Дошедъ до крутизны ретраншаменты, господинъ Плело усмотрѣлъ поздно, что тутъ дѣлать нечего; но не имѣвъ еще времени раскаяться въ своей предускорительности, убить пушечнымъ ядромъ. Послѣ чего господинъ Деламотъ приказалъ бить тревогу для отступленія и по потерѣ около двухъ сотъ человѣкъ отошелъ опять къ устью рѣки Вислы, гдѣ не долго мѣшкая перебрался на близъ лежащій песчаный островъ и расположился тутъ лагеремъ.

Упомянутое наступленіе по сдѣланному условію долженствовало быть подерѣвлено сильнымъ нападеніемъ изъ города, но послѣднее воспослѣдовало не прежде какъ уже французы отступили, и слѣдовательно тѣмъ легче оное отразить было можно.

Извѣстіе, полученное при дворѣ о сей одержанной надъ неприятелемъ побѣдѣ, развеселило паки оберъ-камергера, опеча-

леннаго послѣднею неудачною подъ Гагелсбергомъ атакою. Онъ не могъ воздержаться, чтобы не открыться мнѣ искренно, что отецъ мой симъ достохвальнымъ подвигомъ приобрѣлъ паки всю его довѣренность. Нѣкоторые кресты ордена св. Лудовика, снятые съ убитыхъ офицеровъ и въ Петербургъ присланные, показывали здѣсь за рѣдкость, съ великимъ величаніемъ, каждому при дворѣ.

Два дни спустя послѣ упомянутой небольшой побѣды, прибылъ въ лагерь къ отцу моему герцогъ Юганъ Адольфъ Саксенъ-Вейсенфельскскій съ корпусомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ человѣкъ Саксонскаго войска. Въ то же почти время явился, наконецъ, на Гданской рейдѣ и россійскій флотъ, состоящій изъ 17 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бомбардирныхъ галіотовъ съ давно ожидаемою и для осады потребною артиллеріею.

Напротивъ того стоявшая въ сихъ водахъ съ нарочитаго времени французская эскадра исчезла. Она состояла изъ трехъ военныхъ кораблей подъ командою преискуснаго морскаго офицера, по прозванію Бараля. Сей конечно не могъ бы столь легко убѣжать отъ россійскаго флота, естлибы о приближеніи онаго не увѣдомился отъ одного по невѣдѣнію впередъ забѣжавшаго фрегата, которымъ онъ овладѣлъ, не учинивъ ни единого выстрѣла. Капитанъ на упомянутомъ фрегатѣ былъ одинъ извѣстный изъ французской въ россійскую службу вступившій офицеръ, по прозванію Фремери. Сей не имѣя въ своей инструкціи ни малѣйшаго извѣщенія о разрывѣ мира съ Франціею, былъ столь неостороженъ, что по приглашенію господина Бараля, стараго своего знакомца, взшелъ на его корабль, и не успѣлъ лишь тутъ оглядѣться, какъ его фрегатъ окруженъ тремя линейными кораблями и съ угрозами потопленія всѣхъ людей принужденъ былъ сдаться.

По прибытіи флота бомбардирные галіоты расположились неукоснительно насупротивъ песчанаго острова, гдѣ французы судьбины своей ожидали и вскорѣ принуждены были сдаться на слѣдующей капитуляціи: чтобы они изъ своего лагеря со всѣми воинскими снарядами выступили и на россійскомъ флотѣ отправились въ одинъ на Восточномъ морѣ лежащій, но неименованный портъ; а послѣ, коль скоро придутъ нужныя для ихъ перевоза суда, во Францію обратно отпущены быть имѣютъ.

По подписаніи сей капитуляціи, отецъ мой переправился на островъ для обозрѣнія онаго, принялъ отъ нихъ приличествующія фельдмаршалу почести, приславіемъ къ нему знамень, и послѣ того далъ приказъ посадить ихъ на суда.

По привезеніи тяжелой артиллеріи, по прибытіи саксонскаго корпуса, такожь по занятіи устья рѣки Вислы и послѣ неудачнаго покушенія французовъ, равно какъ и послѣ нѣсколькихъ учиненныхъ пробъ новопривезенными 360 фунтовыми бомбами, несчастные обыватели Гданска начали напоследокъ къ мирнымъ склоняться расположеніямъ.

Они просили перемирія на одну недѣлю, въ чемъ однакоже имъ отказано. Между тѣмъ двое прусскихъ агентовъ работали, то въ російскомъ лагерѣ, то опять въ городѣ, открыть путь къ примиренію. Наконецъ, магистратъ получилъ также дозволеніе прислать нѣсколькихъ депутатовъ въ главную квартиру при Орѣ для переговоровъ. Предложенныя отъ отца моего за основаніе оныхъ условія были слѣдующія: Станислава, примаса государства, маркиза де-Монти, купно со всѣми въ городской службѣ состоящими войсками и чужестранными офицерами, выдать государственными военнопльнниками; королю Августу III учинить въ вѣрности присягу; отъ императрицы російской, чрезъ отряженныхъ изъ первыхъ членовъ совѣта депутатовъ, испросить прощеніе въ ихъ непокорливости; за убытки заплатить одинъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей, и сверхъ того выдать артиллеріи выкупъ, за звонъ въ колокола во время осады, триста тысячъ голландскихъ червонныхъ.

Во время сихъ переговоровъ случилось происшествіе, которое понудило обременить обывателей Гданска тягчайшими условіями. Сіе былъ побѣгъ Станислава. Сей, судьбою то возвышаемый, то паки низвергаемый государь, услыша, что требуютъ выдачи его особы, рѣшился тайнымъ образомъ убѣжать изъ города. На сей конецъ переодѣлся онъ въ крестьянское одѣяніе и съ однимъ провожатымъ генераломъ Штейнфлихтомъ, сѣвши въ рыбацью лодку, переѣхалъ чрезъ потопленную часть Гданской области и по шестидневномъ странствованіи, на которомъ его вольность и жизнь въ непрерывной опасности находились, добрался, наконецъ, до прусскаго мѣстечка Маріенвердера.

Магистратъ не упустилъ, чтобы тѣмъ же часомъ не сооб-

щить объ ономъ произшествіи къ отцу моему извѣстія и по чести и совѣсти засвидѣтельствовать, что никто другой кромѣ маркиза де-Монти не зналъ о побѣгѣ Станислава. Отвѣтъ отца моего гласилъ тако: «буде бы оказалось, что магистратъ самамалѣйшее въ семъ побѣгѣ принималъ участіе, то платежныя штрафныя деньги еще на одинъ милліонъ рублей увеличены быть имѣютъ».

Гданскъ нарочитое время колебался сомнѣніемъ согласиться-ли или нѣтъ на толь обременительныя и поносныя условія. Маркизь де-Монти написалъ также къ отцу моему письмо, въ которомъ, упираясь на народное право, возражалъ онъ на требуемое задержаніе его особы; но напротивъ того въ отвѣтъ ему сообщено, что привилегіи его званія не могутъ больше быть совмѣстны съ его лицомъ, потому что онъ въ продолженіе осады, вмѣсто должности блюстителя мира, отправлялъ должность непріятельскаго предводителя. При чемъ и магистрату обозначено, что буде маркизь де-Монти тѣмъ-же часомъ не сдастся, то непріятельскія дѣйствія неукоснительно начаться имѣютъ.

Большая часть польскихъ знатныхъ въ городѣ находившихся особъ просили равномѣрно о дарованіи имъ вольности, и общали короля Августа признать законнымъ государемъ своимъ. Имъ сказано въ отвѣтъ, дабы они ожидали прибытія короля Августа.

Между тѣмъ, отъ французскаго посланника получено другое письмо, въ которомъ онъ всѣми святыми заклинался, что магистратъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о побѣгѣ Станислава не имѣлъ, но что онъ одинъ о томъ зналъ и всѣ распоряженія къ тому сдѣлалъ; почему охотнѣе соглашается отдаться въ суровѣйшій плѣнъ, нежели допустить, чтобы для одной его персоны новая искра вражды воспалилась.

Когда затрудненіе сіе прекратилось и городъ на все прочее согласился, то, наконецъ, въ 7 день іюля 1734 года заключенъ договоръ и немедленно у однихъ городскихъ воротъ поставленъ російскій карауль.

Первѣе всего къ исполненію приведенныя статьи были обезоруженіе набранныхъ для Станислава войскъ и отправленіе взятаго подъ арестъ маркиза де-Монти. Двѣсти тысячъ рублей, купно съ тридцатью тысячами червонныхъ за звонъ въ колокола,

обязанъ былъ городъ заплатить на мѣстѣ; а остальная сумма распложена на срокъ, и до совершенной уплаты всего долга устье рѣки Вислы, занятое саксонскими войсками, задержано вмѣсто залога. Въ разсужденіи-же отпущенія милліона рублей за побѣгу Станислава, указано магистрату съ просьбою своею отнестись прямо къ російскому двору. Польскимъ знатымъ особамъ дозволено до прибытія короля остаться въ городѣ. Но какъ при-мась, несмотря на многообразныя изъявленныя ему и всему его дому знаки милости отъ императрицы, преимущественно способствовалъ къ выбору Станислава, а притомъ и не хотѣлъ отнюдь признавать короля Августа; то онъ за сіе, равно какъ и маркизь де-Монти арестованъ и впредь до указа отправленъ въ Елбингъ.

Послѣ упомянутыхъ распоряженій, отецъ мой въ провозаніи герцога Вейсенфельскаго и всего російскаго и саксонскаго генералитета поѣхалъ въ городъ, гдѣ послѣ благодарственнаго молебствія учинена королю Августу въ вѣрности присяга.

Немного дней спустя прибылъ король въ находящейся въ недалности отъ Гданска монастырь Оливскій, и принималъ тамо торжественныя изъявленія знаковъ приверженности какъ отъ города, такъ и отъ обрѣтавшихся въ немъ во время осады польскихъ вельможъ. Послѣдніе представлены отъ отца моего, который, по благосклоннѣйшемъ отъ монарха приѣмѣ и по донесеніи ему обо всѣхъ доселѣ для приступа къ городу учиненныхъ распоряженіяхъ, имѣлъ честь угостить его въ своей квартирѣ обѣденнымъ столомъ, къ которому слишкомъ сто человекъ приглашены были.

По недолговременномъ пребываніи король отправился въ Варшаву, и прощаясь съ отцомъ моимъ, повторилъ увѣренія свои въ признательности и пожаловалъ шпагу и трость, драгоценными камнями осыпанная въ подарокъ.

Симъ образомъ кончилась четырехъ-мѣсячная и судьбу двухъ королевъ разрѣшившая осада города Гданска.

Російскій флотъ съ тремя французскими полками какъ-бы съ добычею возвратился обратно въ Кронштатъ. Тридцать или сорокъ человекъ шведскихъ офицеровъ, находившихся при оборонѣ города, несмотря что явнаго разрыва мира съ ихъ націею еще не было, отправлены на галіотѣ въ Стовегольмъ при письмѣ;

а отецъ мой, назначивъ мѣста и порядокъ для отшествія состоящихъ подъ его командою войскъ, поѣхалъ самъ прямо въ Санкт-петербургъ.

Тутъ хотя онъ, повидимому, принять благосклонно, однако, въ самой вещи не такъ, какъ ожидалъ и какъ оказанныя имъ услуги требовали. Причиною тому было родившееся въ оберъ-камергерѣ подозрѣніе, будто отецъ мой за знатную отъ французовъ полученную сумму денегъ потакнулъ побѣгу Станислава. Ничто другое какъ одно лживое письмо отъ легкомысленнаго офицера, посланнаго для приѣма денегъ въ Гданскъ и утвердившагося на рѣчахъ двухъ тамошнихъ ремесленниковъ, показалось подозрительному любимцу нарочито убѣдительнымъ документомъ. Но за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, оставилъ онъ все сіе дѣло при одномъ подозрѣніи, и никогда не имѣлъ бодрости объ упомянутомъ обвиненіи объяснить отцу моему, который безъ сумнѣнія сталь-бы требовать удовлетворенія за оскорбленіе своея чести.

Еще до возвращенія его пріѣхали гданскіе депутаты въ Санкт-петербургъ и имѣли публичную при дворѣ аудіенцію, на которой бургомистръ Валенъ приличную и весьма трогательную говорилъ рѣчь. Они имѣли въ просьбѣ своей такой успѣхъ, что другой наложенный на нихъ милліонъ былъ имъ отпущенъ. Но остатокъ перваго обязаны они были, въ сходствіе капитуляціи, взнести въ годовой срокъ.

Въ происходившее при дворѣ по здачѣ Гданска торжество, явились ввечеру на балъ господинъ де-ла-Мотъ съ двумя полковниками маркизами де-Беллефономъ и де-ла-Люцерномъ. При чемъ имѣли они честь допущены быть къ рукѣ императрицы, которая также ихъ привѣтствовать изволила.

Упомянувъ о сихъ французскихъ чиновникахъ, не могу оставить, чтобы не пріобщить здѣсь еще слѣдующаго: когда они обще съ своими войсками сдались на такомъ условіи, что имѣютъ быть отвезены въ который-либо портъ въ Восточномъ морѣ, для отправленія ихъ оттуда на транспортныхъ судахъ обратно во Францію; то вмѣсто того, чтобы итти въ Зундъ, какъ они думали, повезены они прямо въ Кронштатъ. Причина сего поступка была тогда-же объявлена бригадиру де-ла-Моту, дабы онъ сообщилъ о томъ къ двору своему, и имянно слѣдующая: что импе-

ратрица отнюдь не желаетъ постановленной съ ними капитуляціи нарушить; но какъ французская эскадра безъ предварительнаго объявленія войны взяла въ плѣнъ одинъ російскій пакетботъ купно съ двумя галіотами, и еще фрегатъ Митава именуемый, и послѣдній отвела даже во Францію; то ея величество за нужное находитъ равное употребить задержаніе, доколѣ съ французской стороны упомянутый фрегатъ, купно съ прочими судами, съ полнымъ ихъ снарядомъ, не будутъ возвращены и сданы въ которомъ-либо російскомъ портѣ, и что между тѣмъ задержанные офицеры и войска имѣютъ получать все потребное для своего содержанія. Въ сходствіе чего, коль скоро они на сухой путь высажены, то и отправили ихъ въ лежащее между Санкт-петербургомъ и Нарвою мѣстечко, гдѣ будучи снабдены всѣми стѣстными припасами изобильно, стояли въ лагерѣ до того, какъ требуемое возвращеніе воспослѣдовало и какъ пришли суда для отвезенія ихъ во Францію.

Между тѣмъ о Станиславѣ учинилось гласнымъ, что онъ пребываніе свое утвердилъ въ Кенигсбергѣ въ Пруссіи, и обнаруженнымъ для поляковъ манифестомъ увѣщевалъ, дабы они не поколебались въ вѣрности къ нему, при обѣщаніи сильнѣйшаго отъ французскаго двора вспоможенія. Означенный манифестъ подѣйствовалъ столько, что даже нѣкоторые сенаторы, кои повергнулись къ королю Августу въ Гданскѣ, опять къ нему обратились, а другіе, какъ то: воевода кіевскій Потоцкій и воевода люблинскій Тарло, въ различныхъ мѣстахъ продолжали свои грабительства и опустошенія; но когда послѣдніе отъ россіянъ разбиты, а французскаго вспомогательнаго войска къ нимъ не пришло, то какъ вышепоименованные, такъ и другіе непокорливые вельможи искали съ королемъ по возможности своей примириться.

Весною 1735 года отецъ мой вторично посланъ въ Польшу не столько для прекращенія тамошнихъ безпокойствъ, сколько для распоряденія войсками къ выступленію изъ Польши, гдѣ пребываніе ихъ было уже не нужно, и для приведенія ихъ въ движеніе къ новымъ военнымъ операціямъ.

Императоръ Карлъ VI ради Станислава навлекъ себѣ войну со стороны Франціи, и неукоснительно просилъ отъ російскаго двора обѣщанной по силѣ трактатовъ помощи. Въ сходствіе чего

генералу Лассію данъ указъ, дабы онъ выступилъ къ Рейну съ 12,000 человекъ войска и соединился съ арміею принца Евгенія: но лишь токмо онъ въ назначенное мѣсто пришелъ, то заключенъ миръ между обѣихъ державъ, и слѣдовательно принужденъ былъ со своимъ корпусомъ назадъ возвратиться.

Прежде нежели окончу я рассказываніе мое о судьбѣ Станислава, за нужное нахожу упомянуть объ одномъ происшествіи, которое другой цѣны не имѣетъ, кромѣ только, что относится къ одной изъ моихъ сестеръ. Когда Станиславъ, оставя всю надежду къ полученію польскаго престола, изданнымъ отъ 12-го числа маія 1735 года манифестомъ предписалъ привязаннымъ къ его сторонѣ польскимъ поданнымъ оружіе низложить и его судьбу Провидѣнію Божию предоставить, то предпринялъ онъ возвратный путь свой чрезъ Берлинъ во Францію. На семъ пути проѣзжалъ онъ чрезъ небольшое прусское мѣстечко, Ризенбургъ именуемое, гдѣ мой зять, тогдашній подполковникъ Буденброкскаго кирасирскаго полка баронъ Малцанъ, стоялъ съ однимъ эскадрономъ въ гарнизонѣ. Какъ скоро онъ спровѣдалъ, что упомянутого подполковника жена была дочь фельдмаршала графа Миниха, то тѣмъ-же часомъ пріѣхалъ къ ней на посѣщеніе и кофею откушать. Первый вопросъ его былъ тотъ: какія она извѣстія объ отцѣ своемъ имѣетъ? И какъ она отвѣчала, что съ нарочитаго времени никакихъ свѣдѣній не получала, да и не знаетъ гдѣ онъ нынѣ обрѣтается, то онъ и предложилъ, что еслии она къ нему писать хочетъ, то бы ввѣрила ему свое письмо, а онъ надежно его доставитъ, потому что имѣетъ еще весьма хорошее знакомство въ Польшѣ.

Отецъ мой, какъ выше сказано, отрядивъ корпусъ войска подъ командою генерала-аншефа Лассія къ Рейну, пошелъ самъ съ остальными въ Польшѣ расположенными войсками въ Украину, дабы тамъ составить противъ турокъ и татаръ двѣ арміи, одну подъ собственною своею, и другую подъ командою упомянутого генерала.

Тогдашняя многочисленная и военными опытами искусившаяся російская армія привела императрицу въ состояніе ощутительнымъ образомъ отмстить извѣстнымъ разбойническимъ сосѣдямъ. Сіи сосѣди были крымскіе и кубанскіе татары, которые съ нѣкоторыхъ лѣтъ частыя на пограничныя провинціи чиня

нападенія, множество тысячъ людей увозили съ собою въ невольничество. Какія ни были на то дѣланы Портѣ Оттоманской представленія, но всегда понапрасну, и непрестанный отзывъ отъ нея гласилъ такъ: что она сама не въ состояніи татаръ обуздывать. Когда же сія отговорка казалась нелѣпою, потому наиболѣе, что доказательно было, что въ лежащихъ при устьяхъ Днѣпра и Дона крѣпостяхъ Очаковѣ и Азовѣ непрестанно турецкія войска стояли, и слѣдовательно упомянутые татары безъ воли и вѣдома Порты насильствій въ Россію производить не могли; то и положено обоихъ, укрывателей и воровъ, атаковать и главнѣйшимъ разбойническимъ гнѣздомъ, а именно Крымомъ, овладѣть.

Для облегченія сего завладѣнія, за нужное почли начало сдѣлать осадю Азова. Къ сему предпріятію назначенъ былъ новопожалованный фельдмаршалъ и отъ римскаго императора въ графское достоинство возведенный генералъ Лассій. Но какъ онъ еще не возвратился, то между тѣмъ временемъ отецъ мой еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1736 года, взявши нѣсколько въ окрестности Азова стоящихъ войскъ, напалъ съ оными на турокъ нечаянно и въ ночное время завладѣлъ на островѣ въ Дону лежащимъ и городъ прикрывающимъ шанцомъ Литтикомъ. При семъ, можетъ статья, покажется нѣкоторымъ примѣчательно, что въ самый тотъ часъ, какъ онъ далъ повелѣніе къ упомянутому нападенію, случилось на небѣ лунное затмѣніе. Но можно ли сіе почитать какимъ либо предзнаменованіемъ, о томъ оставляю судить другимъ; только знаю я заподлинно, что въ старину ни единый прорицатель не усумнился бы въ подобномъ случаѣ изъ такого явленія заключить, что тому народу, который, какъ турки, въ своемъ гербѣ луну имѣютъ, несчастнѣйшая война предвозвѣщалась. Когда потомъ приказалъ онъ нѣкоторые посты занять, различные редуты для прикрытія войскъ сдѣлать, и городъ съ сухопутной стороны совсѣмъ заключить, то и препоручилъ, до прибытія фельдмаршала графа Лассія, главную команду генералу Левашеву, а самъ отправился накіи въ Украину для нужныхъ распоряженій къ крымскому походу.

Крымъ отдѣляется отъ Украины пространною степью, въ ширину и длину съ лишкомъ сто верстъ содержащею. На сей степи растетъ хорошая и высокая трава, но водою столь недо-

статочна, что во многихъ мѣстахъ на 12 или 15 миль ни одного ручейка не попадается. Упомянутая трава такое имѣетъ свойство, что лѣтомъ высыхаетъ совершенно и легко загарается, такъ что отъ того великое пространство степи въ кратчайшее время выгорѣть можетъ. Въ сію степь, какъ самый прямой и кратчайшій путь въ Украину, пріѣзжаютъ татары, когда захотятъ зимою напасть на російскія провинціи, гдѣ производятъ свои насильствія съ тѣмъ большею способностію, что сами живутъ довольны одною горстью снѣга; а напротивъ того ихъ лошади пріобучены разрывать передними ногами снѣгъ, и доставая изъ подъ него траву, оною и кормятся.

Изъ сего описанія само по себѣ оказывается, коликой опасности регулярная армія можетъ зимою или лѣтомъ подвергаться на сей степи, если-бы походъ ея лежалъ черезъ оную. По сей причинѣ отецъ мой предпочелъ дать кругъ, пустился сперва вдоль здѣшняго берега рѣки Днѣпра до небольшого разстоянія отъ Крыма, потомъ поворотя влѣво, шествовалъ прямо на Перекопскую линію.

Сей сухой ровъ, пересекающій Крымскій перешеекъ и содержащій въ длину семь верстъ или одну нѣмецкую милю, простирается отъ Чернаго даже до Азовскаго моря; ширина онаго содержитъ 12 и глубина семь сажень. На немъ находится одинъ токмо каменный мостъ, и на той сторонѣ моста лежитъ крѣпость Оръ, иначе Перекопъ именуемая.

Какъ скоро, въ сходствіе вышеупомянутаго, російская армія отъ Днѣпра сюда поворотила, то татары вышли уже къ ней на встрѣчу, отвѣдать своего щастія многократными нападеніями; но вскорѣ отъ полковыхъ пушекъ отступили они на такое разстояніе, что ихъ стрѣлы мало или совсѣмъ ничего не дѣйствовали. Когда-же они и тутъ долго мѣшкали, то начали бросать въ нихъ изъ мортиръ бомбы, отъ которыхъ они какъ прахъ отъ вѣтру разсѣялись.

Между тѣмъ армія, при ежедневныхъ почти встрѣчающихся вылазкахъ, подступила къ самой линіи, позади которой вся татарская сила стояла подъ Перекопомъ. Отецъ мой, дабы раздражить ихъ, приказалъ неукоснительно бросить нѣсколько бомбъ въ упомянутую крѣпость, и въ наступающую ночь далъ повелѣніе войскамъ протянуться вдоль линіи; а на другой день предъ

разсвѣтомъ пощастливилось ему со всею арміею перейти чрезъ помянутый глубокой и крутой ровъ, чего татарысо всѣмъ не воображали. Они, не въ дальности оттуда, числомъ около 80.000 человекъ, подъ предводительствомъ ихъ хава, покоились въ пріятномъ снѣ, и отнюдь не думали, чтобы такъ скоро и въ темную ночь переправиться было можно.

Наутріе, какъ скоро свѣтъ наступилъ, отецъ мой намѣренъ былъ атаковать ханскій лагерь; но непріатели, увидя столь близкую и неизбѣжную гибель свою, обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностію, что никоимъ образомъ нельзя было ихъ достигъ, выключая, что донскіе казаки нагнавши нѣкоторыхъ побили и другихъ въ полонъ взяли. Между добычею, полученною упомянутыми казаками при семъ случаѣ, находилась коляска татарскаго хана, на двухъ колесахъ, краснымъ сукномъ обитая, да еще его зрительная трубка. Сія была англійской работы и столь хорошая, что отецъ мой сторговалъ ее за деньги у казаковъ и въ слѣдующихъ походахъ никакой другой кромѣ сей не употреблялъ.

По обращеніи татаръ въ бѣгство, російское войско того-же дня приступило къ крѣпости Перекопской, и по нѣсколькихъ выстрѣлахъ гарнизонъ оная, состоящій изъ трехъ или четырехъ сотъ янычаръ и нѣсколькихъ татаръ, сдался. Тамошній магазинъ найденъ съ худымъ запасомъ; но что касается до артиллеріи, россияне получили въ добычу шестьдесятъ пушекъ между которыхъ нѣкоторые имѣли російскія клейма, и попали сюда въ прошломъ еще столѣтіи, послѣ несчастнаго похода въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Василья Васильевича Голицына.

За два дни до пріѣзда курьера, отъ отца моего отправленнаго съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ въ Санктпетербургъ, императрица соизволила послать меня въ Варшаву съ орденомъ св. Андрея къ королю Августу. Въ прочемъ, касательно сего возложеннаго на меня препорученія, ничего инаго примѣтить не имѣю, кромѣ только, что король пожаловалъ мнѣ брилліантовый перстень цѣною въ 1,200 рублей и еще тысячу червонныхъ въ подарокъ.

Но прежде нежели я намѣренъ былъ предпринять возвратный путь свой, прошли почти три недѣли, въ теченіе которыхъ мирный сеймъ въ Варшавѣ продолжался, и между прочимъ рѣшена также судьба Курляндіи къ удовольствію російскаго двора.

Курляндское дворянство за девять лѣтъ до того пользовалось правомъ, оспориваннымъ республикою до сего послѣдняго сейма. Въ 1727 году хотя Фердинандъ, послѣдній герцогъ Кетлерскаго поколѣнія, въ живыхъ еще находился; но какъ за старостію лѣтъ нельзя было ожидать отъ него наслѣдниковъ, то упомянутое дворянство единогласно положило, избрать ему наслѣдника, и сей выборъ палъ на Морица графа Саксонскаго, побочнаго сына короля польскаго Фридриха-Августа. Какъ скоро сіе извѣстнымъ учинилось, то республика отправила туда депутатовъ съ такимъ повелѣніемъ, чтобы новый герцогскій выборъ объявить недействительнымъ, и курляндцамъ обозначить, что ихъ земля, послѣ смерти герцога Фердинанда, на воеводства раздѣлена и къ польскому королевству приобщена быть имѣеть. Я не намѣренъ вступать здѣсь въ описаніе происшествій, воспослѣдовавшихъ касательно сего въ правленіе императрицы Екатерины I, а имянно: что російскія войска въ Курляндію вступивъ изгнали графа Саксонскаго, и что князь Меншиковъ домогался, дабы новый герцогскій выборъ на него палъ; поелику обо всемъ ономъ въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ подробнѣйшія содержатся извѣстія.

Въ семъ положеніи находились дѣла даже до вышеупомянутаго послѣдняго сейма. Но какъ оберъ-камергеръ Биронъ увидѣлъ, что король польскій, которому онъ личныя оказалъ услуги, на престолѣ нарочито утвердился, а притомъ также многомощнѣйшихъ вельможъ польскихъ разными обѣщаніями склонилъ онъ на свою сторону, то почелъ сей самый случай за удобнѣйшій, предоставляя курляндцамъ право выбора, открыть самому себѣ путь къ герцогскому достоинству.

Почему російскому министру при польскомъ дворѣ графу Кейзерлингу препоручено наусильнѣйше домогаться на помянутомъ сеймѣ, чтобы раздѣлъ Курляндіи отмѣнить, и право выбора тамошнему дворянству предоставить.

Признательность короля, равно какъ и вельможъ польскихъ, и соображеніе слѣдствій, могущихъ произойти въ случаѣ отказа на желаніе толь высокомогущей заступницы, какова была императрица російская, произвели, что въ послѣднемъ собраніи часто упоминаемаго сейма положено и утверждено торжественнѣйше предоставить курляндскому дворянству толико желанную вольность избирать себѣ государя по своему произволенію.

Въ самое то время, какъ дѣло сіе рѣшилось, находился я въ совершенной готовности къ отъѣзду; почему и имѣлъ случай принести первый оберъ-камергеру толь важное и радостное извѣстіе.

По возвращеніи моемъ въ Санктпетербургъ, услышалъ я не токмо о взятіи города Азова, но еще, что отецъ мой безпрепятственно продолжая свой походъ даже до Козлова, на западномъ берегу Крыма лежащаго порта, овладѣлъ симъ мѣстомъ, отъ всего гарнизона и большей части жителей оставленнымъ.

Прежде нежели онъ туда отправился, отряженъ генераль-поручикъ Леонтьевъ съ нѣсколькими тысячами человекъ войска подъ Кинбурнъ, укрѣпленное мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣпра насупротивъ Очакова. Леонтьевъ овладѣлъ сею крѣпостью съ небольшимъ трудомъ; а при томъ получилъ еще богатую добычу, состоящую изъ лошадей, рогатаго скота и барановъ, которыхъ татары для безопасности своей туда пригнали.

Изъ Козлова простирался походъ, при провожаніи непрерывно окружающаго армію непріятели, въ Бакчисарай, столицу татарскаго хана. Сей городъ найденъ почти совсѣмъ опустошеннымъ, и сверхъ нѣкоторыхъ старыхъ людей, никого другаго тамъ не было, какъ трое или четверо католическихъ патеровъ, одинъ французскій консулъ и нѣсколько жидовъ. Какіе ни обрѣтались въ домахъ пожитки и приборы, отданы солдатамъ въ добычу и всѣ строенія выжжены. Дворецъ хана равномерно въ цѣлости не оставленъ. Онъ построенъ на турецкій вкусъ весьма красиво. Столы и скамьи въ комнатахъ были опрятныя, цвѣтами обмалеванныя, другіе опять позолоченныя или вылакированные. На среднемъ дворѣ стояла баня мраморная, въ которой самая чистая вода фонтанами била. Все сіе толь великолѣпное зданіе въ нѣсколько часовъ разграблено и въ пепель обращено. Любопытнѣйшія и позолоченныя украшенія съ кровлею отосланы отъ отца моего въ Санктпетербургъ.

Ахмечеть, обыкновенное мѣсто пребыванія такъ называемаго Калга султана, или полководца татарскаго, подобной участи былъ подверженъ. Неприсяте утрашился російскихъ войскъ до того, что скрывшись въ горахъ, показывался оттуда арміи не иначе, какъ малыми толпами и притомъ издали. Почему отецъ мой не имѣлъ великихъ затрудненій пробраться до Кафы, величайшаго

и богатѣйшаго города въ Крыму, и онымъ завладѣть. Но къ чувствительнѣйшему его прискорбію отъ жаровъ и суши тамошняго воздуха произшедшія въ арміи болѣзни усилились столько, что и половины здоровыхъ не находилось; да и сіи отъ безсилія едва ходить могли. Сей ради причины нашелся онъ принужденнымъ назадъ поворотить, и сей отступъ совершенъ безъ всякихъ со стороны непріятели препятствій.

Перекопъ, равно какъ и Кинбурнъ, до основанія раззорены; находившаяся въ обонхъ сихъ городахъ артиллерія, купно съ плѣнниками, увезена и армія, послѣ похода около двухъ мѣсяцовъ продолжавшагося, расположилась въ Украинѣ на зимнихъ квартирахъ.

Поелику изъ опытовъ извѣдано, что въ нездоровой и отъ самихъ жителей въ различныхъ мѣстахъ опустошенной землѣ, чѣмъ многочисленнѣе бываютъ войска, тѣмъ болѣе болѣзни между ими распространяются, къ тому же какъ по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ подтверждался слухъ, что турки дѣлаютъ великія къ войнѣ приготовленія; то при дворѣ положено и опредѣлено въ наступающемъ году главную армію обратить противъ сихъ послѣднихъ, а татаръ занимать въ ихъ землѣ посредственнымъ токмо корпусомъ.

Карль VI, не взирая, что онъ въ недавномъ еще времени отъ веденной съ Франціею войны освободился, обязанъ былъ по требованію Россіи, за данное ему въ прошломъ году въ походѣ къ Рейну вспомогательное войско, или лучше сказать, дабы впредь въ случаѣ нужды сильнѣйшее получить пособіе, новую съ турками предпринять войну. Сколь съ начала обѣ императорскія арміи повидимому ни были согласны, что каждая должна будетъ порознь дѣйствовать противъ непріятели; однакожь вскорѣ между нихъ въ разсужденіи операцій толикое произошло несогласіе, что онѣ во всю войну мало пособія одна другой подавали. Съ римско-императорской стороны представляли, что великій визирь съ отборнѣйшимъ корпусомъ турецкаго войска противъ нихъ выступилъ, и потому требовали, чтобы 20 или 30 тысячъ человекъ російскаго войска прислать къ нимъ на помощь. Напротивъ того со стороны Россіи отзывались, что приступъ къ одной или другой на сей сторонѣ лежащей крѣпости, какъ то Очакова или Бендеръ, развяжутся у нихъ руки,

то есть, что великій визирь принужденъ будетъ знатный корпусъ отъ своего войска отдѣлить и чрезъ то силу свою ослабить. Но каждая сторона при своемъ мнѣніи оставалась, а упрекамъ и укоризнамъ не было конца.

Если бы первое представленіе отца моего отъ двора было одобрено, то многотрудные и опасные марши чрезъ степи были бы отвращены. Ибо мнѣніе его съ самаго начала было, чтобы сперва атаковать турокъ въ Молдавіи, и къ тому концу взять кратчайшую и способнѣйшую дорогу, а именно, чрезъ южныя провинціи Польши. Но сіе представленіе опровергалъ оберъ-камергеръ Биронъ, который, до избранія своего герцогомъ курляндскимъ и до признанія въ семь достоинствъ отъ республики, нужнымъ почиталъ по берегамъ поляковъ и ни въ какомъ случаѣ не наносить имъ отягощенія. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы отецъ мой равномѣрно не признавалъ за нужное, первѣе всего овладѣть Очаковымъ, дабы отнять чрезъ то у непріятеля способъ, атаковать съ тылу дѣйствующую въ Крыму вторую армію. Что я упомянулъ о маршированіи войска чрезъ степи, оное относится собственно токмо до похода въ 1738 году. Но въ нынѣшнемъ походѣ, о которомъ теперь говорить стану, необходимо требовалось держаться путемъ сихъ опустошенныхъ мѣстъ; поелику переправа чрезъ протекающую тамъ рѣку Бугъ нигдѣ не бываетъ столь удобна, какъ токмо не въ дальнемъ отъ устья оныя разстояніи.

И такъ начертанный къ сему походу планъ состоялъ главнѣйше въ томъ, чтобы овладѣть лежащею при устьѣ Днѣпра и Чернаго моря крѣпостью Очаковымъ; потомъ, буде въ семь предпріятіи пощастливится, посадить нѣсколько войскъ на суда и вдоль береговъ отправить въ Бѣлградъ, дабы сіе гнѣздо буджакскихъ татаръ истребить. Для исполненія послѣдняго предпріятія назначена построенная въ Брянскѣ и опредѣленная для перевоза потребныхъ къ осадѣ орудій флотилія.

Въ концѣ апрѣля 1737 года, когда армія на той сторонѣ Днѣпра насупротивъ Черволачны собралась, отецъ мой пошелъ прямымъ путемъ въ степь, между Днѣпромъ и Молдавіею и отъ польской границы даже до Чернаго моря простирающуюся. Естественное качество сей обширной страны сходствуетъ съ вышеописанною крымскою степью. Трава на ней растетъ столь высо-

кая, что достаетъ по самое брюхо лошадямъ, и притомъ весьма питательна. Грунтъ земли вообще плодоносенъ такъ, что произрастаетъ не токмо лучшую спаржу и разныя огородныя и цѣлительныя травы, но также вишни довольно вкусныя, и нѣкоторый родъ дикихъ персиковъ, растущихъ малыми кустами. Дичины, какъ то: зайцовъ, рябчиковъ, куропатокъ и перепеловъ, находится тамъ превеликое множество и къ ловлѣ столь не пріобычны, что солдаты нерѣдко окруживъ зайца хватали руками. Напротивъ того, нигдѣ не видно тамъ дровянаго лѣсу, кромѣ небольшихъ кустарниковъ; да какъ и сіи встрѣчаются изрѣдка и не вездѣ, то часто раскладывали огонь для варенія пици изъ лошадиного навоза и сушеной травы. Недостатокъ въ водѣ есть главнѣйшій порокъ въ сихъ впротчемъ толико пріятныхъ мѣстахъ. Ибо хотя многія рѣки, какъ то Бугъ, Днѣстръ и иные небольшіе впадающіе въ нихъ ручьи, протекаютъ въ оныхъ; однако, разстояніе пространства земли между упомянутыхъ рѣкъ и ручьевъ столь обширно, что во многихъ мѣстахъ случается ѣхать по цѣлому дню, пока отъ одной рѣки до другой добраться можно.

Собранная къ сему походу армія состояла отъ 50 до 60 тысячъ человекъ регулярнаго войска, и изъ 10 до 12 тысячъ донскихъ, запорожскихъ и украинскихъ козаковъ, не включая притомъ погонщиковъ и другихъ въ обозѣ служащихъ людей.

Сей многочисленный народъ цѣлыя полгода питать въ пустынѣ не трудно, статья можетъ, показалось бы израильскому полководцу Мойсею; но отцу моему причиняли потребныя къ тому распоряженія тѣмъ больше труда и докуеи, что тѣ самые люди, на которыхъ возложено доставлять провіантъ въ армію, поступали съ превеликою и безотвѣтною нерадивостію, и потому нужный запасъ для арміи никогда въ надлежащую пору не привозили. Въ Украинѣ закупилъ онъ отъ 40 до 50 тысячъ воловъ, дабы на нихъ везти полугодовой запасъ стѣстныхъ припасовъ, купно съ разными полевыми приборами въ слѣдъ за арміею. Къ послѣднимъ принадлежали также многія порожія бочки, которыя распределены по всемъ провіантскимъ фурамъ по одной на каждую; въ сихъ бочкахъ везли воду, когда разстоянія пространства земли между рѣкъ попадались обширныя, и въ потребномъ случаѣ можно было употребить ихъ также для настилки понтонныхъ мостовъ; поелику тутъ стоило токмо нѣсколько

бочекъ подъ навьюченную фуру веревками подвязать, чтобы изъ того сдѣлать часть пловучаго моста.

При чемъ упряжка воловъ доставляла еще и ту не меньше важную выгоду, что коль скоро провіантъ на нихъ везомый изойдетъ, то послѣ били воловъ и говядину раздѣляли между солдатъ.

Симъ образомъ обезпечено было содержаніе войскъ. Но дабы толь великій запасъ прикрыть, и безпрепятственно продолжать маршированіе, на которомъ каждодневно надлежало опасаться, чтобы не быть окружену отъ разъявжающихся бѣлградскихъ и липканскихъ татаръ, подвигалась армія въ видѣ баталіона каре, въ срединѣ коего находился провіантъ, артиллерія и весь обозъ. Почему когда татары со всѣхъ сторонъ встрѣчали копьями рейтаровъ и полевыми пушками снабдѣнный фронтъ, то не долго противъ онаго стояли; а обыкновенно отходили послѣ небольшихъ стычекъ съ расположенными по угламъ баталіона каре гусарами и донскими козаками. Сверхъ того, для отвращенія опасности настоящей въ томъ, чтобы отъ загараія травы не учинился вредъ провіанту и пороховому магазейну, равно какъ и людямъ и скоту, повелѣно и накрѣпко подтверждено, чтобы съ той стороны, куда огонь распространяться начнетъ, немедленно копать широкіе рвы; кромѣ что въ каждомъ полку имѣлось въ готовности извѣстное число метель и деревянныхъ лопать, которыми солдаты помянутый огонь тушить обязаны были.

Когда армія—маршируя около двухъ мѣсяцовъ, достигла разстояніемъ на три мили по сю сторону отъ Очакова, то въ первый разъ показались тутъ турки. Они, частію спаги, частію-же боснаки и арнауты, числомъ до шести тысячъ человекъ, выступили всѣ на лошадяхъ на встрѣчу арміи россійской, желая оную развѣдать, а притомъ и показать опытъ храбрости своей. Коль скоро они приблизились, то посланы противъ нихъ гусары и донскіе козаки, которые по кровопролитномъ сраженіи принудили ихъ возвратиться въ городъ. Одинъ взятый при семъ случаѣ въ плѣнъ татарскій мурза объявилъ, что трехъ-бунчужный сераскиръ-паша за нѣсколько дней туда пріѣхалъ, что гарнизонъ въ городѣ состоитъ слишкомъ изъ 20 тысячъ человекъ и что вскорѣ ожидаютъ туда еще нарочитаго вспоможенія.

Послѣ сего отецъ мой представлялъ состоящимъ подъ его

командою генераламъ, что хотя еще не подоспѣли потребныя къ осадѣ орудія, везомыя Днѣпромъ, однако онъ мнѣніемъ своимъ полагалъ, что необходимо нужно городъ замкнуть и чрезъ то пресѣчь путь приближающемуся вспомогательному войску. Въ сходствіе чего армія, подвинувшись далѣе, въ 1 день іюля имѣла Очаковъ въ своемъ виду.

Очаковъ лежитъ на углу, который составляется отъ устья Днѣпра, именуемаго въ семъ мѣстѣ Лиманомъ, и отъ берега Чернаго моря. Грунтъ земли тамошней содержитъ весьма твердую иловатую породу, и на полторы мили въ окрестности ни одного стебелька травы не видно. Крѣпостныя укрѣпленія состояли изъ восьми нерегулярныхъ полевыхъ камнемъ одѣтыхъ болверковъ и изъ двойнаго сухаго рва. На валахъ стояли металлическія пушки числомъ около ста. Съѣстные припасы можно было безпрепятственно туда привозить по Черному морю, доколѣ россійская флотилія не пришла. Въ городѣ находились одинъ сераскиръ, семь пашей и двадцать тысячъ отборнаго войска; а предъ лиманомъ стояли также на якорѣ нѣсколько турецкихъ галеръ.

Какъ скоро упомянутый многочисленный гарнизонъ увидѣлъ россійскую армію, то большая часть онаго, выступя изъ крѣпости какъ бы на показъ, расположилась въ боевой строй. Напротивъ того отецъ мой приказалъ своей арміи стать въ линію въ образѣ полумѣсячія, и положи ружья на плеча съ музыкою идти противъ нихъ и прямо къ городу. Тутъ сераскиръ, не желая вступить въ сраженіе, отступилъ назадъ въ городъ неукоснительно. Россійская же армія, прогнавъ всѣхъ турокъ изъ ихъ редутовъ, которые въ обрестныхъ садахъ города находились, остановилась при наступающей ночи разстояніемъ на одинъ пушечный выстрѣлъ отъ города.

Еще въ ту-же самую ночь начали рвы копать, равно какъ и бомбы бросать въ городъ. Послѣднія произвели столь хорошій успѣхъ, что въ городѣ, наполненномъ тѣснымъ деревяннымъ строеніемъ, въ разныхъ мѣстахъ вскорѣ сдѣлались пожары; и когда на разсвѣтъ продолжали бомбардированіе сильнѣе прежняго, то не токмо весь городъ пламенемъ былъ объятъ, но и пороховый магазинъ съ преужаснымъ трескомъ взорванъ.

Сии печальныя обстоятельства побудили сераскира выслать

одного депутата и просить перемирія на 24 часа. Отвѣтъ на сіе былъ, чтобы онъ со всѣмъ гарнизономъ своимъ отдался въ военный плѣнъ, и на размышленіе дано ему не больше времени, какъ одинъ часъ, съ такимъ напоминаніемъ, что если онъ прежде исхода часа не рѣшится, то ни единый человѣкъ пощаженъ не будетъ. Но какъ послѣ провѣдали, что сераскирь обрѣтался на той сторонѣ крѣпости у берега моря и съ нѣсколькими людьми покушался убѣжать на галерахъ, то за нимъ въ догоню посланы гусары и козаки; а армія въ то-же время сдѣлала нападеніе на непріятеля, который, оставя огнемъ пожираемый городъ, бросился въ покрытую дорогу. При семъ случаи отецъ мой изъяснилъ столько усердія и мужества, что самъ пѣшій командовалъ баталіономъ Измайловской гвардіи, и знамя онаго собственными руками водрузилъ на гласисѣ. Сраженіе было весьма кровопролитное и съ обѣихъ сторонъ упорнѣйшее. Турки стояли до самой головы покрытые за палисадами и стрѣляли очень мѣтко, потому что ружья свои могли прислонять къ палисадамъ. Сколь часто ни летали вокругъ ядра, но отецъ мой, не устрасаясь оныхъ, не сходилъ со своего мѣста и не прежде уговорили его оставить оное, пока не показали, что его шляпа въ двухъ мѣстахъ и складки на мундирѣ по обѣимъ сторонамъ прострѣлены. Принцъ Брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ, обрѣтавшійся на семъ походѣ волонтеромъ, находился непрерывно при немъ, и оба по щастію ни на одинъ волосъ вреда не получили, не смотря что подлѣ нихъ стоящій пажъ упомянутого принца застрѣленъ и его адъютантъ-подполковникъ Геймбургъ двумя пулями раненъ. Наконецъ сѣлъ онъ на лошадь, дабы посмотрѣть, что въ другихъ мѣстахъ происходило. Но и тутъ не меньшей подвергался опасности; ибо не тою лошадью подлѣ нимъ въ голову ранена и чапракъ прострѣленъ, но сквозь сертукъ его, который по щастію былъ разстегнутъ и нѣсколько отъ тѣла сдвинутъ, пролетѣла въ самый шовъ на спинѣ пуля, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда. Куда ни обращался онъ, всюду усматривалъ преужасное пораженіе отъ сильнаго огня непріятельскаго. Храбрый генералъ Левендаль раненъ въ руку, а генералъ Кейтъ въ колѣно.

Напоследокъ послѣ отчаянной обороны слишкомъ два часа, и когда непріятели за недостаткомъ въ порохѣ бросали вокрестъ

топорами, крючьями и лопатами, вломились наши въ покрытую дорогу. Тутъ убивство еще не прекратилось, поелику яростный и неукротимый солдатъ російскій никому не дѣлаетъ пощады; турки съ отчаянія новую получили бодрость, и обороняясь саблями и длинными ножами до послѣдней капли крови, многихъ побѣдителей съ собою во гробъ унесли.

Около двухъ тысячъ человѣкъ турокъ убѣжавшихъ, какъ выше упомянуто, къ морскому берегу, спаслись удачливо на своихъ галерахъ. Но почти столько же народа плывучи къ онымъ пребѣдственно потонули: ибо всѣ суда, коль скоро стрѣлять въ нихъ стали, поднявъ якоря, отвалили отъ береговъ съ величайшею поспѣшностію.

Послѣ толь ужаснаго пораженія, изъ тридцати тысячъ человѣкъ, частію воиновъ и частію обывателей, находившихся за нѣсколько часовъ въ семъ несчастномъ мѣстѣ, спасли жизнь свою не болѣе какъ пять тысячъ человѣкъ, считая женъ и дѣтей. Въ числѣ плѣнниковъ былъ также и сераскирь-именуемой Аггія, паша, человѣкъ разумный, благонравный и собою статный. Онъ былъ зять отрѣшеннаго великаго визиря Али-паши, и во время управленія его государственными дѣлами, находился оберъ-штальмейстеромъ при султанѣ.

Изъ семи пашей, состоявшихъ подлѣ упомянутымъ сераскиромъ, остался токмо одинъ въ живыхъ, а имянно, комендантъ крѣпости Очаковской, а между другихъ плѣнниковъ инога знатнаго чиновника не было, кромѣ Османа-бея, сына погибшаго паши герцеговинскаго. Сей, имѣя отъ роду не больше 13 лѣтъ, командовалъ уже тремя тысячами человѣкъ босняковъ. Пріятный его видъ и веселый нравъ побудили отца моего взять его къ себѣ, по возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ представить императрицѣ, которая, по переименованіи его въ христіанскій законъ, возвысила въ дворянское достоинство съ проименованіемъ воина и пожаловавъ ему земли, опредѣлила пажемъ ко двору. Добыча, полученная при завоеваніи Очакова, была весьма знатная, не смотря, что многое огнемъ истреблено, такъ что солдаты понесли съ собою полныя шляпы турецкихъ червонцовъ. Отецъ мой выкупилъ у нихъ множество драгоценныхъ вещей, какъ то: золотыхъ и бриліантами осыпанныхъ саблей, кинжаловъ, конскихъ приборовъ и часовъ, для поднесенія императрицѣ,

королю польскому и оберъ-камергеру Бирону въ подарокъ; что послѣ и исполнено.

На другой день послѣ взятія Очакова, или паче послѣ сраженія, отправлено благодарственное молебствіе на гласисѣ крѣпости. Армія выступила вся въ строй и произвела обыкновенный троекратный бѣглый огонь. Послѣ сего повели сераскира мимо всего фронта въ шатеръ отца моего, который пригласилъ его къ своему столу. Пришедъ сюда, спросилъ его отецъ мой: какъ російскія войска ему кажутся? Онъ отвѣчалъ: что лучшихъ во всю жизнь свою не видалъ. И какъ первый на сіе сказалъ, что господинъ сераскиръ, по мнѣнію его, не имѣетъ причины пожаловаться на ихъ храбрость, то сей далъ въ отвѣтъ: «еслибы они не столь храбрые люди были, то не уповательно, чтобъ я въ сей день имѣлъ честь свидѣтельствовать мое почтеніе російскому господину генералу-фельдмаршалу».

Съ извѣстіемъ о сей важной одержанной побѣдѣ отправилъ ко двору отецъ мой своего тогдашняго генеральс-адъютанта и роднаго племянника подполковника Вильдеманна, который произвелъ тамо чрезвычайную радость, ибо тамъ вовсе не знали еще, что армія подѣ Очаковъ пришла. Придворные не оставили отцу моему приложить извѣстное реченіе: *Veni, vidi, vici*, то есть: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Вѣстникъ пожалованъ отъ императрицы полковникомъ и получилъ двѣ тысячи рублей въ подарокъ. Что до меня касается, я награжденъ, въ день отправленія при дворѣ торжества о сей побѣдѣ, камергерскимъ ключемъ, котораго семь лѣтъ дождался.

Сколь ни велико было отца моего желаніе предпринять еще какое либо важное дѣйствіе противъ непріятели, однако невозможно было иначе приступить къ непріятели, какъ либо пойти подѣ Бендеры, на что долговременное по степи странствованіе требовалось; либо, высадя войска на берегахъ Чернаго моря, искать его далѣе внутри земли. Первое почиталось неудобнымъ, какъ за неполученіемъ еще потребной къ осадѣ артиллеріи, такъ равно и по причинѣ описаннаго въ сіе время года случающагося загоранія изсохшей травы; а на другое надлежало бы употребить флотилію, но суда оныя столь плохо были построены, что по учиненнымъ опытамъ нельзя было на нихъ ходить, а кольми паче дѣйствовать на Черномъ морѣ. Почему отецъ мой, учи-

нивъ все нужныя распоряженія для починки Очаковской крѣпости, заложивъ внѣ оныя множество редутовъ и оставя тутъ генераль-маіора Бахметева съ 6,000 человекъ войска, съ годовымъ провіантомъ и нарочитою аммуниціею, принужденъ былъ рѣшиться съ остальною арміею предпринять возвратный походъ въ Украину. На семъ походѣ, гдѣ многія кровопролитныя происходили сшибки съ высланными изъ Бендеръ для развѣдыванія турками, приказалъ онъ для свободнѣйшей коммуникаціи не токмо заложить большой шанецъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ Бугъ въ Днѣпръ впадаетъ, но еще подѣлать нѣсколько редутовъ вдоль большой дороги даже до російскихъ границъ.

Едва токмо войска на зимнихъ квартирахъ расположились, какъ пришло извѣстіе, что корпусъ турокъ и татаръ числомъ до 40 тысячъ человекъ подѣ предводительствомъ Гензія паши, приближась къ Очакову, приступилъ къ осадѣ онаго. Возвратиться туда съ арміею было невозможно, по причинѣ наступившей зимы и за чрезмѣрною отдаленностію. Почему наилучшее средство оставалось токмо единое: чтобы въ самой скорости отправить туда по Днѣпру, на которомъ судоходство еще открыто было, сильное вспоможеніе на подкрѣпленіе гарнизона въ Очаковѣ. Отецъ мой сдѣлалъ было уже все нужныя къ тому приготовленія и намѣревался самъ туда поѣхать, какъ получилъ отъ храбраго генераль-маіора Штоффеля, который не за долго предъ симъ вмѣсто генераль-маіора Бахметева туда переведенъ, радостное донесеніе, что непріятель, осаждая двѣ недѣли крѣпость безъ всякаго успѣха и по потерѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, принужденъ былъ, оставя свое предпріятіе, отступить назадъ, покинувъ на мѣстѣ почти всю свою аммуницію.

Сіе произшествіе заслуживало тѣмъ большаго уваженія, что отъ усилившихся болѣзней, къ которымъ и язва даже присоединилась, изъ всего гарнизона не больше какъ 1,500 человекъ въ состояніи были носить оружіе. Отецъ мой особенную имѣлъ причину радоваться сему случаю, ибо таковое неудачное непріятельское покушеніе яснымъ служило доказательствомъ, что завоеванное имъ мѣсто не маловажно для Турокъ, или и не простое гнѣздо было. Приѣхавшаго къ нему съ симъ извѣстіемъ курьера, сына генераль-маіора Штоффеля, отправилъ онъ неукоснительно въ Санктпетербургъ, да и самъ туда-же

отъѣхать приготовился. Дворъ, какъ казалось, доволенъ былъ нынѣшнимъ его походомъ. Отъ императрицы принять онъ весьма благосклонно; а оберъ-камергеръ Биронъ, новоизбранный горцогъ Курляндскій, не преминулъ обласкать его всѣми признаками почести.

Учрежденный въ Немировѣ, небольшомъ мѣстечкѣ въ Подоліи, конгрессъ, по желанію турокъ, — разъѣхался опять безъ всякаго успѣха; а римско-императорскія войска, имѣвшія съ начала щастливый въ Венгріи походъ, окончили оный столь неблагополучно, что фельдмаршалъ графъ Секендорфъ отозванъ въ Вѣну къ отчету. И потому необходимо нужно было со стороны Россіи принять наудобнѣйшія мѣры къ открытію новаго похода.

Графъ Остейнъ, римско-императорскій министръ, равно какъ и нарочно для того отправленный въ Санктпетербургъ генераль-поручикъ маркизъ де-Ботта, настояли, чтобы къ ихъ арміи въ Венгрію отправить корпусъ вспомогательнаго войска. Но когда о семъ дѣлѣ предложено къ разсужденію, то отецъ мой утверждалъ, что полезнѣе для Россіи непріятеля въ двухъ различныхъ мѣстахъ атаковать и чрезъ то понудить его большую часть силы своей отъ Австрійцовъ отвлечь, нежели здѣшнюю армію отдѣляемымъ отъ нее корпусомъ ослабить. Мнѣніе его принято и опредѣлено воинскія операціи не тоьмо въ Крыму продолжать, но также обратить оныя противъ Молдавіи; а чтобы кратчайшую и способнѣйшую взять туда дорогу, и имянно чрезъ Польшу, оное для нѣкоторыхъ частныхъ видовъ на сей разъ еще не дозволено; но надлежало по примѣру израильтянъ пустынею проходить въ обѣтованную землю, то есть походъ предпринять туда чрезъ обширную степь.

Прежде нежели я приступлю къ описанію сего похода, за нужное считаю въ кратцѣ упомянуть о томъ, что въ сіе время съ самимъ мною происходило.

Родившаяся во мнѣ склонность къ придворной фрейлинѣ баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ довела меня до того, что я прозьбою своею утруждалъ монархиню о милостивомъ дозволеніи взять ее себѣ въ замужство, и вскорѣ потомъ приключившаяся со мною болѣзнь отъ простуды заставила меня проситься

на теплыя воды въ Ахенъ. Какъ первое, такъ и другое разрѣшено отъ императрицы всемилостивѣйше, и отецъ мой, давно уже желавшій видѣть меня супругомъ, въ разсужденіи перваго былъ чрезвычайно доволенъ и радъ.

Не много дней спустя потомъ отецъ мой отправился въ Украину, а я остался на нѣсколько еще недѣль въ Петербургѣ и выѣхалъ не прежде какъ въ исходѣ февраля 1738 года. Отклавшись монархинѣ, получилъ я у себя на дому двѣ тысячи рублей на дорогу въ подарокъ.

Что касается до похода въ семь году подъ предводительствомъ отца моего, имѣю объявить, что войска шли при всѣхъ прежнихъ и вышеописанныхъ распоряженіяхъ вторично чрезъ степь и прямо къ Днѣстру. На той сторонѣ Днѣстра и не подалеку отъ Бендеръ собралась многочисленная турецкая армія съ намѣреніемъ воспрепятствовать переправѣ російскихъ войскъ. По долговременномъ походѣ, на которомъ частыя и сильныя, особливо при нѣкоторыхъ забираніяхъ фуража, стычки съ непріятелемъ происходили, достигъ отецъ мой береговъ упомянутой рѣки. Но Запорожскіе козаки, которые одни на ту пору проводниками были, вели его по незнанію своему такъ дурно, что онъ не токмо встрѣчалъ весьма неудобныя дороги, но и вышелъ прямо на глаза расположившагося на другой сторонѣ рѣки лагеремъ непріятеля. Тамошній берегъ въ длину на нѣсколько миль простирался сплошь весьма крутой и каменистый; а турецкій лагерь прикрывался изъ камня высѣченнымъ ретраншаментомъ, и сверхъ того многочисленною снабдѣнъ былъ артиллерією.

Когда за симъ казалось невозможно имѣть здѣсь какой либо успѣхъ въ предпріятіи, то отецъ мой, послѣ нѣсколькихъ для виду въ ретраншаментъ учиненныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, поворотилъ въ право, и подвинулся вдоль рѣки по выше. Намѣреніе его было, чтобы частію встрѣтить узкое мѣсто для переправы, и частію заманить непріятеля перебраться чрезъ рѣку и вступить въ сраженіе. Последняго ожидалъ онъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нарочно сдѣлалъ видъ, будто бы походъ свой прямо къ Хотину направилъ. Но думать должно, что Турки на сей разъ не имѣли охоты драться; ибо безъ всякихъ дальнихъ предпріятій слѣдовали они за Россійскою армією на

другомъ берегу, пересылая на сію сторону однихъ токмо Татаръ для обезпокоиванія нашихъ войскъ. Однажды толпа янычаръ въ ночное время отважилась на маленькихъ судахъ чрезъ рѣку переѣхать и при выступленіи арміи въ походъ атаковать арьергардъ; однако столь хорошо отъ сей приняты, что по потерѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, едва успѣли остальные кое какимъ образомъ убраться на другую сторону.

Симъ образомъ отецъ мой почти до самаго Хотина подвинувшись, и не находя никакого средства цѣли своей достигнуть, къ тому же при наступившей осени болѣзни между солдатъ день ото дня умножались, расудилъ онъ за благо походъ сей окончить. Но какъ не ловко было чрезъ степь возвратиться, потому наиболѣе, что Татары во множайшихъ мѣстахъ траву на ней выжгли, то рѣшился онъ свою армію раздѣлить на колонны, изъ коихъ послѣднюю себѣ оставилъ, и сопроводить ее чрезъ часть Польскаго владѣнія къ Россійской границѣ. Хотя коронный гетманъ графъ Потоцкій и дѣлалъ на то возраженіе отъ имени республики, но въ отвѣтъ ему сообщено, что нужда законъ измѣняетъ; что въ проходъ арміи всѣ припасы за наличныя деньги покупаемы будутъ, и что, въ случаѣ причиненнаго какого либо вреда, за весь убытокъ заплачено быть имѣеть.

Такъ кончился походъ 1738 года, и хотя на ономъ никакихъ новыхъ завоеваній не приобрѣтено, однако Россійскій солдатъ, при славѣ своей за приобрѣтенную храбрость и при спокойномъ духа расположеніи, сохраненъ и сей разъ совершенно.

Съ операціями австрійскихъ войскъ въ Венгріи происходило въ семь году несчастливѣе, нежели въ прошломъ. Ибо кромѣ, что они на многихъ сраженіяхъ рѣдко побѣдителями отходили, потеряли еще крѣпость Орсову со всею находившеюся въ ней артиллеріею, и наконецъ въ пребѣдственномъ состояніи возвратились на зимнія квартиры.

Въ сихъ оставляю я на время объ арміи, дабы упомянуть въ кратцѣ о моей свадьбѣ и объ употребительныхъ при семъ въ тогдашнее время обрядахъ при дворѣ Россійскомъ.

Когда придворная фрейлина выходитъ за мужъ, то получаетъ она отъ двора не токмо приданое деньгами, смотря по службѣ

ея, но также парадную постель со всѣмъ приборомъ, кусокъ серебрянаго глазету на платьѣ подъ вѣнецъ, два куска богатаго штофу на другія платья и тысячу рублей на полотно и кружева. Свадебный столъ, а купно и балъ, даетъ императрица своимъ иждивеніемъ при дворѣ. За день предъ тѣмъ гофъ-фурьеръ приглашаетъ къ оному какъ штатсъ-дамъ и придворныхъ чиновъ, такъ и иностранныхъ министровъ и всѣхъ знатныхъ обоого пола особъ первыхъ четырехъ классовъ, считая отъ фельдмаршала до генераль-майора. Но великихъ княженъ обязанъ самъ женихъ просить, дабы онѣ удостоили своимъ присутствіемъ его свадьбу. Въ назначенный день утромъ въ десять часовъ собираются упомянутыя гости во дворецъ, и пока невѣста наряжается, къ каковому наряду императрица обыкновенно жалуетъ собственныя алмазныя вещи, то извѣстныя къ тому назначенныя особы въ разныхъ придворныхъ каретахъ въ шесть лошадей ѣздятъ въ жениховъ домъ, и знатнѣйшій изъ сихъ провожатыхъ сажаетъ жениха подлѣ себя въ карету и отвозитъ во дворецъ. Послѣ сего сопровождаютъ невѣсту, шедшую тогда между двухъ великихъ княженъ, изъ покоевъ императрицы, для вѣнчанія. Сіе происходитъ либо въ соборной, либо въ придворной церкви. Буде въ первой, то шествіе бываетъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди ѣдутъ верьхами придворные трубачи и литаврщики; за ними гофмаршалъ съ жезломъ въ рукѣ, въ открытой коляскѣ; потомъ всѣ приглашенныя мужеска пола особы по двое въ каретѣ въ шесть лошадей, и наконецъ женихъ съ тою самою особою, которая за нимъ въ домъ пріѣзжала. Послѣ сего слѣдуютъ дамы по парно въ каретахъ, и заключеніе дѣлаютъ великія княжны съ сидящею насупротивъ ихъ невѣстою. По обвѣнчаніи такимъ же порядкомъ возвращаются во дворецъ. Но когда бракосочетаніе совершается въ придворной церкви, то хотя тутъ меньше пышности происходитъ, однако ходъ въ церковь открывается всегда играніемъ на трубахъ и литаврахъ, которыя одинъ изъ гайдуковъ несетъ на спинѣ своей по залу. Какъ скоро всѣ гости изъ церкви возвратятся, то каждый садится по чину за большой и великолѣпный столъ. Среднее мѣсто занимаетъ женихъ съ невѣстою; по правую руку невѣсты сидятъ великія княжны и такъ далѣе прочія дамы; а по лѣвую руку жениха садится знатнѣйшій изъ всѣхъ мужеска пола

особь, и за нимъ другіе, каждый по чину. Во время стола играетъ инструментальная и вокальная музыка и при питіи за здравія всѣхъ на трубахъ и литаврахъ. Балъ начинается по полудни въ пять часовъ и продолжается обыкновенно до девяти часовъ вечера. Заключение бала составляетъ старинной изъ нѣмецкой земли перенятый танецъ, въ которомъ гофмаршалъ съ жезломъ въ рукѣ предшествуетъ; оный состоитъ изъ толикаго числа паръ, сколько замужнихъ особъ находится. Когда симъ образомъ трижды протанцуютъ, или паче пройдутъ, то женихъ съ невѣстою подходятъ къ императрицѣ для принесенія своей благодарности, и послѣ того всѣ пары, съ музыкантами впереди, проходятъ чрезъ дворцовыя комнаты и далѣе по лѣстницѣ до самаго низу. Тутъ невѣста садится съ оберъ-гофмейстериною или съ штатсъ-дамою въ карету, а женихъ съ тою особою, которая утромъ за нимъ пріѣзжала, и потомъ всѣ особо приглашенные гости пріѣзжаютъ въ домъ новобрачнаго; здѣсь угощаютъ ихъ вечернимъ столомъ, по окончаніи котораго молодыхъ отводятъ въ спальню. Но пока сіи въ почивальное платьѣ переодѣваются, гости пьютъ изъ бокаловъ разныя здорovia, что и продолжается до того, какъ наконецъ женихъ къ нимъ выйдетъ и, опроставъ пребольшой бокалъ, пожелаетъ имъ доброй ночи. На другой день утромъ молодые ѣздятъ во дворецъ, гдѣ вдругорядъ приносятъ благодаренія сперва императрицѣ и потомъ великимъ князьямъ. Въ полдень угощаютъ они своихъ родственниковъ и друзей, а въ вечеру ѣздятъ паки во дворецъ на балъ и наконецъ великолѣпнымъ ужиномъ во дворцѣ же кончится все сіе торжество.

Для моей свадьбы императрица назначила 20 день февраля 1739 года. И какъ отецъ мой за нѣсколько недѣль до того изъ Украины возвратился въ Петербургъ, то имѣлъ не токмо время все нужное въ своемъ домѣ распорядить, но также удовольствіе лично при томъ находиться. И такъ по наступленіи означеннаго дня, совершилось торжество свадьбы моей со всѣми вышеописанными обрядами.

Невѣста моя, фрейлина Менгденъ, была разубрана брилліантами, отъ императрицы пожалованными наивеликолѣпнѣйше. Старшій сынъ герцога курляндскаго пріѣзжалъ за мною на домъ и потомъ вѣнчаніе въ присутствіи монархини совершалъ

лютеранскій пасторъ, по прозванію Нацціусъ, въ большомъ залѣ во дворцѣ. За столомъ сидѣли великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна Мекленбургская, по правую сторону невѣсты; а подлѣ меня по лѣвую руку находился Антонъ Ульрихъ принцъ брауншвейгскій. По окончаніи бала, вмѣсто перваго, отвозилъ меня упомянутый принцъ домой. Невѣста же, за отсутствіемъ оберъ-гофмейстерины, сопровождаема была туда штатсъ-дамою. Послѣ сего въ вечеру былъ ужинъ и какъ за онымъ, такъ и послѣ онаго бокалы безумолкновенно вокругъ ходили. На другой день отецъ мой далъ большой обѣденный столъ чужестраннымъ министрамъ и другимъ знатнымъ обоего пола особамъ; въ вечеру другой балъ и ужинъ, какъ обыкновенно водилось, былъ при дворѣ.

Въ приданое получила жена моя отъ императрицы четыре тысячи рублей деньгами, купно съ другими вышеименованными подарками. Сверхъ того собственныхъ своихъ имѣла она еще наличными деньгами 5,000 талеровъ албертовыхъ. По силѣ свадебнаго контракта, отецъ мой утвердилъ за мною вотчину Ранценъ въ Лифляндіи, купленную имъ за 22,000 рублей; да женѣ моей обязался выдать 18 тысячъ рублей, то есть въ двое противъ того, сколько она съ собою принесла.

Между тѣмъ въ кабинетѣ работали уже надъ планомъ для новаго похода. Несчастные два похода римско-императорскихъ войскъ въ Венгрію и колкія жалобы ихъ, будто они непрестанно величайшей непріятельской силѣ подвержены бывають, понудили, что наконецъ приступлено къ наиспособнѣйшему средству ихъ облегчить и прямо чрезъ Польшу вступить въ Молдавію. Съ таковымъ проектомъ отправился отецъ мой въ армию и въ концѣ апрѣля выступилъ съ нею въ походъ.

Но прежде нежели стану описывать военныя дѣйствія сего года, нужно мнѣ, не прервавъ связи оныхъ, сказать о восполѣдовавшемъ въ сіе время при Россійскомъ дворѣ происшествіи, а имянно о бракосочетаніи принцессы Анны, племянницы императрицы Анны Іоанновны, съ принцомъ Брауншвейгскимъ Антономъ Ульрихомъ.

Сей принцъ, племянникъ императрицы Римской, отозванъ по одобренію Вѣнскаго двора уже въ 1733 году въ Россію, для сочетанія бракомъ съ принцессою Анною.

Карль VI, Римскій императоръ, не упуская ни единого случая отъ временъ правленія Екатерины I и Петра II, чтобы Россію вовлечь въ интересъ своего дома, надѣялся таковымъ новымъ союзомъ родства положить основаніе къ тѣснѣйшей и непоколебимѣйшей дружбѣ между обоихъ дворовъ. Судя по возрасту и по лѣтамъ, надлежало бы браку сему совершиться уже ранѣе. Но что собственно тому препятствовало, объ ономъ заподлинно сказать не могу. То истинно, что многіе всю вину возлагали на герцога Курляндскаго, будто бы сей одинъ все дѣло остановилъ съ намѣреніемъ старшему сыну своему, когда онъ надлежащаго возраста достигнетъ, доставить толь высокую невѣсту.

Когда же Вѣнскій дворъ, хотя и не началъ еще недовѣряться, однако уже весьма нетерпѣливо взиралъ на таковое отлагательство, то императоръ рѣшился къ скорѣйшему окончанію онаго дѣла, и притомъ, для приданія принцу большаго уваженія, приступить къ формальному сватовству посредствомъ чрезвычайнаго посольства.

Маркизь Ботта де Адорно, находившійся тогда императорскимъ министромъ при Россійскомъ дворѣ, получилъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1739 года надлежащее о томъ предписаніе. По силѣ данной ему инструкціи препоручено также всѣми мѣрами домогаться, дабы принцесса въ день обрученія или бракосочетанія объявлена была наслѣдницею престола; но герцогъ Курляндскій Биронъ умѣлъ неукоснительно на сіе возразить слѣдующимъ отзывомъ: что все дѣло остановиться и рушиться можетъ, если императрицѣ представить объ избраніи наслѣдницы; поелику она сочтетъ, что въ долговременности ея жизни сомнѣніе имѣютъ и что ей какъ будто о смерти напоминаютъ. На представленіе же отъ Брауншвейгскаго министра господина Крама, состоящее въ томъ, чтобы приданое за принцессою опредѣлить и назначить, сколько она на содержаніе свое получать имѣетъ, отвѣтствовано, что при жизни императрицы ни въ чемъ недостатка имѣть она не будетъ; а послѣ ея кончины все ей, то есть принцессѣ, достанется неоспоримо.

Нѣкоторые полагаютъ, будто бы они настоящую изыскали причину опроверженія обоихъ вышепоказанныхъ предложеній, и относятъ оную къ недовѣрчивости нрава любимца Бирона, ко-

торый, какъ они утверждаютъ, не хотѣлъ допустить, чтобы отъ чрезмѣрнаго усиленія достоинствъ принцессы, неограниченная поднесъ власть его потерпѣла нѣкоторое умаленіе; а потому и почиталъ за нужное оставить племянницу императрицы въ неизвѣстномъ нѣкотораго рода состояніи, дабы она непрерывно ему угождала, и всего будущаго благоденствія своего отъ него одного ожидала.

Вѣнскій дворъ и не сталъ болѣе настоять на ономъ, но былъ доволенъ, когда наконецъ довелъ до того, что императрица формальное изъявила соизволеніе на упомянутый бракъ. Сіе происходило въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и бракосочетанію положено быть чрезъ нѣсколько недѣль.

Всѣмъ придворнымъ чинамъ и особамъ отъ перваго до пятаго класса повѣщено, дабы они къ означенному торжеству не токмо богатымъ платьемъ, но и приличнымъ по ихъ званію экипажемъ и ливреею, снабдѣны были.

2 числа іюля маркизь де Ботта въ званіи чрезвычайнаго посланника имѣлъ публичный въѣздъ въ Санктпетербургъ, и на третій день при дворѣ аудіенцію. Императрица стояла на возвышенномъ тронѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго дамы съ одной и кавалеры съ другой стороны многочисленное составляли собраніе: упомянутый маркизь, приближась къ трону, взошелъ на одну ступень онаго и остановился прямо насупротивъ императрицы. Послѣ сего, по старинному нѣмецкому обычаю, надѣвъ на себя шляпу, говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ рѣчь, которая главнѣйше относилась къ сватовству, отъ имени императора, принцессы Анны за принца Брауншвейгскаго. Императрица отвѣтствовала на сіе на русскій языкъ, каковой отвѣтъ содержалъ изъявленіе на то ея соизволенія.

По окончаніи сей аудіенціи императрица шествовала въ украшенную галерею дворца, и ставши подъ балдахиномъ, допустила къ аудіенціи тожъ и принца Брауншвейгскаго, который краткою рѣчью изъяснилъ о желаніи своемъ сочетаться бракомъ съ принцессою Анною, на что и получилъ соизволеніе отъ императрицы. Когда потомъ посланникъ туда же вошелъ и къ императрицѣ приблизился, то она изъяснялась ему, сколь охотное имѣетъ желаніе удовлетворить волю императора Римскаго, и вошедъ въ другую комнату, вывела оттуда принцессу

съ собою и обручила ихъ на мѣстѣ въ присутствіи вышеименованнаго посланника. По семъ обрученіи посланникъ вручилъ принцессѣ невѣстѣ, отъ имени Римскаго императора, богатый склаважъ изъ драгоценныхъ камней и восточныхъ жемчуговъ, и послѣ возвратился восвояси.

4 числа іюля, въ день бракосочетанія, съѣхались ко двору рано по утру всѣ знатныя обоого пола особы, назначенныя для сей церемоніи, и на улицахъ, чрезъ которыя слѣдовало шествіе до соборной церкви Казанскія Богоматери, стояли полки въ два ряда по обѣимъ сторонамъ.

Между 10 и 11 часовъ предъ полуднемъ шествіе воспріяло свое начало. Впереди ѣхалъ отрядъ конной гвардіи, за нимъ верьхами придворные трубачи и литаврщики, послѣ гоф-фурьеры, и за сими слѣдовалъ гофмаршалъ въ открытой коляскѣ, съ жезломъ въ рукахъ. Потомъ воинскіе и гражданскіе первыхъ пяти классовъ особы по двое и по чинамъ въ каретахъ, въ шесть лошадей, сопровождаемые ливрейными ихъ служителями, которые шли пѣшіе. Позади сихъ ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ тожъ съ жезломъ въ рукѣ. Потомъ слѣдовалъ герцогъ Курляндскій въ большой парадной каретѣ. За симъ и непосредственно предъ каретою, гдѣ императрица сидѣла, ѣхали верьхами камергеры и камеръ-юнкеры по два въ рядъ по старшинству. Принцесса невѣста сидѣла съ императрицею въ одной каретѣ насупротивъ ея. У кареты ѣхали верьхами оберъ-штальмейстеръ и генераль-адъютанты. За императрицею слѣдовала великая княжна Елисаветъ Петровна съ своимъ придворнымъ штатомъ, и потомъ герцогиня Курляндская въ великолѣпнѣйшемъ экипажѣ, нежели какъ у самой императрицы. Тутъ ѣхалъ опять отрядъ конной гвардіи, а за нимъ оберъ-гофмейстерина, штатсъ-дамы, придворныя фрейлины и другія знатныя женскаго пола особы по рангамъ ихъ. Наконецъ все шествіе замыкалъ третій отрядъ конной гвардіи.

По прибытіи въ церковь, императрица обще съ принцессою невѣстою остановилась на царскомъ мѣстѣ насупротивъ олтаря. Принцъ Брауншвейгскій, пріѣхавшій сюда за четверть часа напередъ, стоялъ въ нарочно приготовленномъ у стѣны мѣстѣ, по лѣвую руку императрицы. Всѣ прочіе присутствующіе расположились по обѣимъ сторонамъ церкви на построенныхъ ступеняхъ.

Послѣ краткой приличной къ сему торжеству рѣчи, говореной архіепископомъ новгородскимъ, совершенъ торжественный обрядъ вѣнчанія онымъ же архіепископомъ. По окончаніи благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ съ обѣихъ крѣпостей и при тоекратномъ бѣгломъ огнѣ, отъ полковъ произведенномъ, весь штатъ возвратился обратно во дворецъ по прежде описанному порядку, выключая, что теперь принцъ Брауншвейгскій ѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею въ каретѣ. Во дворцѣ принимала монархиня, сперва отъ новосочетавшихся бракомъ и потомъ отъ всѣхъ съѣхавшихся знатныхъ обоого пола особъ, поздравленія и жаловала ихъ къ рукѣ. Въ полдень императрица имѣла открытый обѣденный столъ обще съ великою княжною Елисаветою Петровною, принцессою Анною и принцомъ Брауншвейгскимъ. Къ сему столу приглашенъ также герцогъ Курляндскій со всею его фамиліею. Въ вечеру былъ балъ, который не долѣе двухъ часовъ продолжался.

На другой день предъ полуднемъ принцъ купно съ супругою своею поѣхали въ лѣтній дворецъ и имѣли приватный обѣденный столъ у императрицы. Въ вечеру былъ въ галлерей балъ въ присутствіи монархини. Во время бала пріѣхалъ императорскій посланникъ маркизь де Ботта, для принесенія императрицѣ поздравленія. Онъ нашель ея въ другой комнатѣ подлѣ галлерей, и отдавши поклонъ императрицѣ, просила она его сѣсть. По краткомъ разговорѣ оба встали и пошли въ галлерей смотреть какъ танцуютъ; при каковомъ случаѣ упомянутый посланникъ вступилъ въ разговоръ съ принцессою, и наконецъ спустя три четверти часа уѣхалъ. Около 10 часовъ принцесса обще съ принцомъ и всѣ приглашенныя обоого пола особы имѣли вечерній столъ въ большомъ залѣ; а императрица кушала въ другомъ покоѣ съ герцогомъ Курляндскимъ и его фамиліею. Послѣ стола танцы не долго продолжались, и такъ сей день кончился.

На третій день императрица удостоила новобрачныхъ своимъ посѣщеніемъ, и имѣла у нихъ обѣденный столъ обще съ герцогомъ Курляндскимъ и его фамиліею.

4 числа былъ день отдохновенія; но 5-го въ лѣтнемъ дворцѣ маскарадъ, изъ четырехъ кадрилей состоящій, на которомъ находился и маркизь де Ботта, сложившій съ себя наканунѣ сего

дня званіе чрезвычайнаго посланника. Вечерній столъ былъ въ саду подъ обширнымъ шатромъ, и въ аллеяхъ танцовала публика.

6 числа представлена италіянская опера.

7 и послѣдняго числа былъ въ лѣтнемъ дворцѣ балъ и ужинъ, и въ заключеніе сего торжества на Невѣ рѣкѣ сожженъ великолѣпный и драгоцѣнный фейерверкъ.

Съ военными операціями въ семь году происходило слѣдующее:

Въ исходѣ апрѣля отецъ мой вторично выступилъ изъ Украйны съ арміею, состоявшею отъ 60 до 70 тысячъ человекъ регулярнаго войска, не включая другихъ нерегулярныхъ.

Послѣ удобнаго и спокойнаго марша чрезъ южныя польскія провинціи, отецъ мой остановился въ мѣстечкѣ Синявки на берегу Днѣстра.

Вода въ сей рѣкѣ отъ тогдашней сухой лѣтней погоды стояла столь низко, что въ иныхъ мѣстахъ на лошади переѣхать можно было. Дабы непріятеля, начинавшаго показываться на той сторонѣ рѣки нѣкоторыми партіями, приохотить къ сраженію, приказалъ онъ неукоснительно сдѣлать приготовленія будто желаетъ накинуть мостъ. Между тѣмъ въ ночи оставя небольшую команду въ лагерѣ, выступилъ онъ со всею остальною арміею, шелъ нѣсколько миль выше по Днѣстру, указалъ пѣхотнымъ солдатамъ сѣсть къ драгунамъ на лошади, и на разсвѣтѣ переправился въ неглубокомъ мѣстѣ чрезъ рѣку столь благополучно, что непріятель вовсе того не видѣлъ и не вѣдалъ.

Въ тотъ же самый день атакованъ онъ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы и татарами; но по жестокомъ сраженіи непріятель принужденъ былъ назадъ отступить.

Между тѣмъ отъ наступившихъ нечаянно дождей вода въ Днѣстрѣ поднялась весьма высоко такъ, что прошло нѣсколько дней, пока остальная часть арміи съ артиллеріею и багажемъ присоединиться къ нему могла. Но какъ скоро сіе учинено, то армія подвинулась далѣе противъ непріятеля.

Послѣ нѣсколькихъ маршей въ первый разъ предстала взору главная турецкая армія. Но сія, не желая на сей случай дѣлать сопротивленія, отступала по малу назадъ такъ, что російская обыкновенно въ вечеру приходила на то мѣсто, гдѣ турецкая армія утромъ станъ свой имѣла.

Наконецъ непріятель рѣшился на горѣ подлѣ мѣстечка Ставушана, неподалеку отъ Хотина, оградить себя ретраншаментами и дожидать російскаго войска.

17 числа августа, отецъ мой прибылъ къ сему мѣсту и нашелъ, что турки превыгодное имѣютъ положеніе. Укрѣпленный станъ ихъ занималъ вершину горы, къ которой приступъ былъ не токмо весьма крутой, но также ограждался протекающимъ у подошвы небольшимъ ручьемъ. Непріятельская сила національными турками простиралась, по извѣщенію плѣнниковъ, до 70 тысячъ человекъ, а татаръ было толикое же число. Накапунѣ сраженія сераскиръ, именуемый Вели-паша, присоединилъ къ себѣ пашу изъ Хотина почти со всѣмъ его гарнизономъ.

Коль скоро непріятель усмотрѣлъ, что російская армія прямо къ нему подвигается, отрядилъ онъ впередъ всѣхъ татаръ купно съ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы, подъ командою упомянутаго хотинскаго пашы, дабы во время атаки ворваться въ крыло російской арміи. Въ сходствіе чего окружили они російскую армію съ обѣихъ сторонъ и съ зади; но далѣе ни на что отважиться не смѣли, по причинѣ производимаго изъ пушекъ огня такъ, что отецъ мой, не уважая сей толпы, непрерывно подвигался къ горѣ, и не взирая на турецкую пальбу, переправился въ непродолжительномъ времени чрезъ болотистый ручеекъ, который по его повелѣнію хворостомъ и фашинникомъ нагруженъ былъ. Тутъ увидя, что непріятель на лѣвомъ крылѣ своемъ занимается доканчиваніемъ работы надъ ретраншаментомъ, приказалъ въ то время, когда для виду атакована была передняя часть горы, правое крыло протянуть къ упомянутой лѣвой сторонѣ непріятельскаго стана и тамъ настоящій учинить приступъ. Турки съ своей стороны не замѣшкали, какъ скоро армія у подошвы горы въ боевой становилась порядокъ, на нее наступить. Нѣсколько тысячъ янычаръ, голыми руками держа сабли, бросились съ горы прямо на нее; но тутъ имѣли они столь мало удачи, что двукратно съ нарочитымъ урономъ прогоняемы были; когда же непріятель примѣтилъ, что наступленіе клонится на его слабѣйшую сторону, то объятый страхомъ обратился въ бѣгство, покинувъ множество своей артиллеріи, аммуниціи и палатокъ.

На семь побѣгѣ имѣлъ бы онъ великое пораженіе, есть либъ не требовалось, по причинѣ раздѣжающихъ около арміи

татаръ, войска содержать вмѣстѣ. Въ вечеру вся армія взопла на гору и въ непріятельскомъ лагерѣ расположилась. Послѣ чего и татары, видя свою немощь, ускакали прочь.

Прогнанные турки, какъ то вскорѣ отъ высланныхъ лазутчиковъ провѣдано, продолжали свой побѣгъ, не отдыхая ни днемъ ни ночью, прямо къ рѣкѣ Дунаю, и взятую съ собою артиллерію почти всю оставили въ разныхъ мѣстахъ на дорогѣ.

На другой день послѣ сей побѣды отецъ мой выступилъ къ Хотину. Войска въ сей крѣпости находилось около десяти тысячъ человѣкъ, которые большею частію, какъ выше упомянуто, находились на прежнемъ сраженіи. Но когда турки обращены въ бѣгство, - то и они, не желая оставить своихъ товарищей, воспользовались симъ случаемъ, дабы скорѣе возвратиться во свояси, такъ что паша едва могъ нѣсколько сотъ человѣкъ уговорить вступить опять въ городъ.

Коль скоро отецъ мой приблизился къ городу, то тотчасъ требовалъ здачи онаго. Паша не долго размышлялъ и сдался со все́мъ малочисленнымъ войскомъ своимъ на милость.

Артиллеріи найдено здѣсь 157 мѣдныхъ пушекъ, 22 мѣдныхъ мортирь, купно съ великимъ запасомъ аммуниціи и провіанта.

Между плѣнными находились также наложницы пашы и его сынъ Махметъ Бей, которые однако же, по усильнѣйшей ихъ просьбѣ, получили дозволеніе отъѣхать въ Константинополь. Ибо упомянутый паша представлялъ, что отправленіе его семьи послужитъ единственнымъ средствомъ освободить его отъ подозрѣнія въ недостодолжномъ исполненіи своей должности.

Изъ обывателей остались токмо бѣднѣйшіе въ городѣ; но богатые со все́мъ имуществомъ своимъ убѣжали въ близъ граничащую Польшу.

На другой день по завоеваніи города, утромъ рано армія выступя изъ лагеря расположилась въ строй, и по отпѣтін благодарственнаго молебствія выпалено изъ 101 пушки съ Хотинской крѣпости, при троекратномъ бѣгломъ огнѣ отъ всей арміи.

Потомъ отецъ мой въ провозаніи пашы, янычарскаго аги и другихъ знатнѣйшихъ турецкихъ чиновниковъ, поѣхалъ, всѣ верхами, отъ одного крыла на другое. При семъ случаѣ означенный паша отозвался, что хотя турецкая армія обще съ

татарами и составляла слишкомъ сто тысячъ человѣкъ, однако признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое онъ теперь видитъ, гдѣ толь хороша дисциплина и послушаніе введены, присовокупя къ тому, что «огонь Россійской арміи несравненно превосходнѣе турецкаго».

Въ оный же день сей паша, Калчакъ, то есть хромымъ проименованный, обще съ нѣкоторыми другими турецкими плѣнниками, угощены отъ отца моего обѣденнымъ столомъ. Во время стола подносили имъ за здравіе императрицы, которое запивали они, въ противность заповѣданія отъ Магомета, венгерскимъ виномъ изъ большихъ бокаловъ.

По совершенномъ разсѣяніи непріятели, надѣялся отецъ мой прочія операціи сего похода окончить съ немногимъ числомъ войска. Но чему и отправилъ онъ три баталіона и одинъ эскадронъ гвардіи, равно какъ и нѣкоторые другіе полки, на зимнія квартиры. Съ сими посланы также военноплѣнники, составляющіе около двухъ тысячъ человѣкъ обоого пола, а при томъ и побѣдоносные трофеи, состоящіе изъ сабли пашы, нѣсколькихъ серебряныхъ командирныхъ жезловъ и изъ двадцати семи знаменъ.

Послѣ сего отецъ мой, оставя въ Хотинѣ достаточный гарнизонъ, выступилъ въ походъ и прямо пошелъ къ рѣкѣ Пруту.

Подольское дворянство, которое, въ случаи несчастливаго похода для Россіянъ, безъ сумнѣнія намѣрено было соединиться съ турками противу насъ, за нужное почло, послѣ описаннаго произшествія, отправить къ отцу моему знатныхъ депутатовъ для поздравленія съ одержанною побѣдою.

О непріятелѣ ничего больше не слышно было, какъ что турки отступили весьма поспѣшно къ Дунаю, а татара вдоль Днѣпра къ Буджаку, такъ что отецъ мой послѣ трехъ маршей пришелъ къ Пруту, накинулъ чрезъ оный нѣсколько мостовъ и со всею арміею переправился чрезъ него благополучно.

Названіе сея рѣки отъ 1711 года было весьма противное слово для ушей россійскихъ. Петръ Великій въ упомянутомъ году преслѣдуя турокъ, вспомоществовавшихъ Карлу XII, подвинулся даже до береговъ рѣки Прута; но за недостаткомъ въ стѣстныхъ припасахъ пришелъ съ своею арміею въ толь худое положеніе, что онъ, будучи отъ непріятели, такъ сказать, осажденъ, не могъ ни въ ту, ни въ другую сторону отступить.

Почему и не оставалось другого средства, кромѣ какъ подкупить великаго визиря деньгами и заключить миръ на невыгодныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ половина состоящей доселѣ подъ російскою державою Украйны уступлена Польшѣ, Азовъ возвращенъ туркамъ и заложены на Черномъ морѣ флотъ, купно съ таганрогскимъ портомъ, истребленъ и разоренъ до основанія.

Когда отецъ мой чрезъ сію проклятую рѣку безъ всякихъ затрудненій переправился, то сіе подало ему поводъ написать въ посланной ко двору реляціи, что онъ поносный Прутъ сдѣлалъ опять честнымъ.

Симъ образомъ російская армія вступила наконецъ въ Молдавію.

Провинція сія есть одна изъ плодоноснѣйшихъ и благословеннѣйшихъ земель въ Европѣ. Въ ней хлѣба, вина и плоды произрастаетъ въ великомъ изобиліи и наилучшаго рогатаго скота находится чрезвычайное множество. Жители исповѣдуютъ греческій законъ, и управляетъ ими собственный ихъ князь, называемый господарь, котораго достоинство хотя и наследственно, однако рѣдко пребываетъ въ одномъ поколѣніи; поелику турки за малѣйшее неудовольствіе на поступки господаря, отрѣша его, возводятъ другаго. Впрочемъ на сіе достоинство избираютъ они обыкновенно достойнаго и заслуженнаго мужа изъ грековъ.

На маршѣ къ главному городу Яссамъ принималъ отецъ мой депутатовъ отъ молдавскихъ чиновъ съ такимъ предложеніемъ, что они подвергаются державѣ російской императрицы и просятъ милости и покровительства ея. При чемъ депутаты, между коихъ предводителемъ былъ князь Кантакузинъ, объявили, что господарь ихъ Григорій Гика, оставленный какъ отъ турокъ, такъ и отъ собственного своего войска, пошелъ къ Дунаю. Сіи депутаты отправлены отъ отца моего съ отвѣтными письмами къ чинамъ молдавскимъ.

Приблизясь къ Яссамъ, разстояніемъ на двѣ версты отъ города, вышли къ нему на встрѣчу все духовенство, совѣтъ господаря и дворянство въ предшествіи митрополита. Сей, облаченный въ церковныхъ ризахъ и со крестомъ, далъ благословеніе отцу моему и всей арміи; а притомъ краткою рѣчью изъяснилъ, сколь радостно подвергаются они достославному скипетру

императрицы Анны Іоанновны, препоручая себя со всеѣми единоземцами подъ покровъ и благоволеніе сей монархини.

Отецъ мой удостоивилъ ихъ въ удовлетвореніи ихъ просьбы на условіи вѣрностнаго и послушнаго поведенія, и они поѣхали верхами за отцемъ моимъ въ городъ до дворца бѣжавшаго господаря, гдѣ принять онъ при непрерывной музыкѣ съ пушечною пальбою и съ радостнымъ восклицаніемъ многочисленнаго народа.

На третій день по прибытіи его приказалъ онъ созвать чиновъ молдавскихъ и сдѣлалъ съ ними расположеніе какъ о контрибуціи, такъ и о поставкѣ съѣстныхъ припасовъ и фуража для арміи.

Между тѣмъ какъ онъ, обо всемъ вышеупомянутомъ донеся какъ своему двору, такъ и Римско-Императорскому генералитету въ Венгріи, дожидалъ новыхъ инструкцій, отрядилъ онъ сильныя партіи гусаръ и Донскихъ козаковъ частію въ Буджакскую татарію, частію же въ турецкія провинціи, граничащія съ Валахіею и Седмиградскою землею.

Дѣла состояли теперь въ такомъ положеніи, что не токмо наилучшія зимнія квартиры для войскъ запасены, но уже и открытый путь предстоялъ атаковать непріятели въ будущемъ походѣ внутри его земель.

Но вся польза и выгода, какихъ можно было токмо, какъ Россіи, такъ и римскому императору, отъ таковыхъ успѣховъ ожидать, разрушились заключеннымъ при Бѣлградѣ пагубнымъ мирнымъ трактатомъ къ удивленію цѣлаго свѣта, и жалостнымъ образомъ испровергнулись безъ возврата.

Послѣ несчастнаго покушенія подъ Кроцкою римско-императорскія войска пришли въ такое уныніе, что болѣе не въ состояніи находили себя какой либо успѣхъ имѣть въ предпріятіяхъ противу турокъ. И какъ сіи между тѣмъ приступили къ осадѣ Бѣлграда, то генералъ графъ Нейпергъ воспользовался данною ему отъ императора полною властію, и отъѣхалъ въ турецкіи станъ съ предложеніями о мирѣ, гдѣ находившійся французскій посланникъ господинъ Вильневъ столько подкрѣплялъ его, что мирный трактатъ, чрезъ посредство Франціи, заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ, а имянно: чтобы многими милліонами построенную крѣпость Бѣлграда и область оныя, купно со всею

Сервією, уступити Оттоманской портѣ; что самое въ непродолжительномъ времени и не дожидаясь императорской ратификаціи исполнено быть долженствовало: что же касается до Россіи, она равномѣрно въ сей мирный трактатъ включена, но токмо условія съ нею предоставлено постановить, подѣ французскимъ же посредствомъ, колико можно выгодишійся.

Три дни спустя по подписаніи вышеизображеннаго трактата, римско-императорскій генералитетъ получилъ съ курьеромъ извѣстіе о разбитіи турецкаго войска подѣ Ставасломъ, о взятіи Хотина и о приступленіи російской арміи къ Яссамъ.

Напротивъ того, въ самое то время, какъ отецъ мой овладѣвъ всею уже Молдавією, занимался величайшими проектами истинный вкусить плодъ отъ своихъ завоеваній, пришла къ нему вѣсть объ ономъ внезапномъ происшествіи, которое не токмо границы императора въ Венгріи нарочито сократило, но и всю надежду Россіи прекратить настоящую войну, съ коликою выгодною, съ толикою и славою, почти до конца испровергнуло.

Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ на вѣрное полагать можно, что Россія одна въ состояніи была съ турками управиться, естли бы въ томъ же году шведы, подущеніемъ Франціи, не приготовились вступить въ Финляндію, дабы союзникамъ своимъ туркамъ сдѣлать чрезъ то диверсію. Въ сходствіе чего російскій дворъ заблагоразсудилъ на сей разъ удовольствоваться одною прибрѣтенною славою и заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ и Очаковъ до основанія раззорить; нарочитое пространство земли, какъ Крымской, такъ и на другой сторонѣ Днѣпра лежащей степи, присоединить къ російскимъ границамъ; всѣхъ въ турецкой неволѣ находящихся російскихъ подданныхъ освободить, и наконецъ султану признавать императорскій титулъ російскихъ государей. Напротивъ того императрица обязалась войска свои изъ Молдавіи возвратить и всѣхъ турецкихъ плѣнниковъ, кромѣ принявшихъ христіанскій законъ, отпустить въ ихъ отчизну.

Хотя теперь упомянутыя статьи вскорѣ послѣ заключеннаго римскимъ императоромъ мира постановлены, однако обмѣнъ ратификацій не прежде какъ въ концѣ сего года послѣдовалъ, и потому отецъ мой съ армією оставался до тѣхъ поръ въ Молдавіи, а выступилъ оттуда уже въ декабрѣ мѣсяцѣ.

По пріѣздѣ въ Украину выдалъ онъ младшую сестру мою Луизу Доротею, вдовствующую фонъ Логаумбергъ, за состоявшаго тогда въ російской военной службѣ графа Солмса Вильденфельской линіи, послѣ отправился въ Санктпетербургъ.

Начало 1740 года было примѣчательно великолѣпнѣйшимъ торжествомъ, каковаго никогда въ Россіи не бывало, по поводу заключеннаго между сею имперією и турками мира.

14 числа февраля рано поутру съѣхались ко двору всѣ знатныя обоюга особы первыхъ пяти классовъ. По окончаніи литургіи въ придворной церкви, архіепископъ новгородскій говорилъ приличную сему торжеству рѣчь, въ которой не оставилъ приписать похвалы и отцу моему. Потомъ двое герольдовъ выступили на середину церкви и одинъ изъ нихъ читалъ печатный манифестъ о мирѣ. За симъ началось благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго оба герольды поѣхали на лошадахъ въ знатишійя мѣста города для обнародованія мира, и тамъ кидали въ народъ золотыя и серебряныя жетоны.

По отпѣтіи молебствія императрица въ провожаніи всѣхъ знатныхъ особъ шествовала въ галерею и привѣтствовала тутъ краткою рѣчью слѣдующаго содержанія: что какъ она за частыя турками и татарами производимыя въ ея имперіи насильствія и оскорбленія достохвальнымъ и мужественнымъ подвигомъ обоихъ генераль-фельдмаршаловъ графа Миниха и Ласція полное получила удовлетвореніе, то заблагоразсудила, бывшимъ по сіе время ея врагамъ, даровать паки миръ и чрезъ то сохранить вѣрноподанныхъ своихъ отъ пролитія крови и лишенія имущества ихъ; и чтобы сіи чрезъ настоящее облегченіе вкусили предварительно плоды мира, соизволяетъ она обыкновенный подушный сборъ со всѣхъ безъ изыятія подданныхъ за перьвые шесть мѣсяцевъ сего текущаго года оставить и не взымать; а тѣ воинскаго и гражданскаго званія чины, которые, въ теченіе сея войны, отличныя усердіемъ своимъ показали заслуги, имѣють въ сей же день существенныя ошутить знаки всемилостивѣйшаго ея благоволенія.

Въ отвѣтъ на сіе привѣтствіе императрицы читалъ тогдашній кабинетскій министръ князь Черкасскій отъ имени всего народа длинную на шести листахъ кругомъ рѣчь, содержащую

благодареніе за материнское попеченіе императрицы въ защищеніи оскорбленныхъ ея подданныхъ, поздравленіе съ достославнымъ миромъ, и при преданнѣйшемъ увѣреніи въ признательности, за дарованное опущеніе полугодоваго подушнаго сбора. многія желанія о высочайшемъ здравіи и благополучномъ царствованіи ея величества.

Послѣ сего слѣдующія происходили пожалованія: герцогу курляндскому подарила императрица большой золотой и бриллиантами осыпанный бокаль, въ которомъ находился указъ о принятіи изъ рентереи 500 тысячъ рублей. Супруга герцога получила орденъ св. Екатерины, два сына его орденъ св. Андрея, а его дочь портретъ императрицы, всѣ преобгато украшенные бриллиантами. Оба фельдмаршалы получили каждый по шпагѣ, бриллиантами осыпанной, равно какъ и генераль-аншефы, на турецкой войнѣ находившіеся. Но сверхъ того, наканунѣ сего дня императрица соизволила пожаловать отцу моему драгоценную звѣзду и крестъ ордена св. Андрея. Принцъ Брауншвейгскій пожалованъ изъ маіоровъ въ подполковники втораго лейбъ-гвардіи полка, а отецъ мой въ подполковники перваго тожь лейбъ-гвардіи полка. Генераль-поручики: Кейтъ, Левендаль, Бисмаркъ и Густавъ Биронъ произведены генераль-аншефами; при чемъ также пожалованы имъ шпаги, бриллиантами осыпанныя. Орденъ св. Александра Невского получили шесть человекъ, въ числѣ коихъ и я удостоенъ сей высокой милости. Отцу моему опредѣлена была пенсія по 5 тысячъ рублей въ годъ; а фельдмаршалу Лассію и графу Остерману по 3,000 рублей въ годъ. Кабинетскій министръ Волынскій получилъ въ подарокъ 20 тысячъ рублей, а князь Черкасскій и оберъ-маршалъ графъ Левенвольде бриллиантовые перстни по цѣнѣ отъ 5 до 6 тысячъ рублей. Генераль-аншефу Ушакову пожалованъ портретъ императрицы, бриллиантами украшенный, цѣною отъ 3 до 4 тысячъ рублей.

Кромѣ сихъ подарковъ императрица указала многимъ особамъ выдать въ заемъ знатныя суммы денегъ на многіе годы безъ всякихъ процентовъ. Даже тотъ самый, который за любимую сучкою императрицы присмотрѣ имѣлъ и по природѣ былъ князь, получилъ за ревностную свою службу 3,000 рублей въ подарокъ, не упоминая о многихъ другихъ не столь знатныхъ пожалованіяхъ и повышеніяхъ чинами.

На другой день пополудни было опять собраніе при дворѣ. Какъ скоро императрица изъ своихъ внутреннихъ покоевъ выгнана, изволила, жаловала она собственноручно золотыя медали, на случай заключеннаго мира чеканенныя; самыя большія медали содержали вѣсомъ 50, а меньшія 30 червонныхъ. Всѣ, какъ присутствующія, такъ и отсутствующія знатныя особы, считая отъ генераль-фельдмаршала до генераль-маіора, равно какъ и чужестранные министры получили по одной изъ упомянутыхъ медалей.

Послѣ сего императрица подошедъ къ окну, обращенному къ площади предъ дворцомъ, приказала бросать собравшемуся многочисленному народу золотыя и серебряныя жетоны; а потомъ изволила смотрѣть на предивное и обычайное въ Россіи зрѣлище, а имянно: что народъ по данному сигналу бросился на выставленнаго на площади жаренаго быка и другіе съѣстные припасы, равно какъ и на вино и водку, которыя фонтаномъ били въ нарочно сдѣланныя большіе бассейны.

Въ вечеру былъ балъ, на которомъ содержавшійся по днесъ въ плѣну сераскиръ Агія-паша, купно съ пашею хотинскимъ имѣли честь быть представлены императрицѣ; при чемъ первый приносилъ монархинѣ за всѣ ощущенныя высокія милости, съ текущими изъ глазъ слезами, благодареніе краткою на турецкомъ языкѣ, но преисправно сложенною рѣчью.

Императрица явила и симъ двумъ мужамъ знаки своихъ щедротъ; а имянно сераскиру пожаловала соболью шубу цѣною въ нѣсколько тысячъ рублей, а пашѣ хотинскому драгоценную шубу изъ куницъ въ подарокъ.

По окончаніи бала былъ вечерній столъ и потомъ зажженъ преогромный фейерверкъ, изображающій храмъ Януса, купно съ иллюминаціею.

Слѣдующаго дня представлена на придворномъ театрѣ новая итальянская опера. На четвертый и послѣдній день былъ большой маскарадъ съ великолѣпнымъ ужиномъ, которымъ и кончились увеселенія сего торжества.

9 число маія сего года было для нашего дома сугубо радостный день: первое, что тогда праздновалъ отецъ мой день своего рожденія, и второе, въ самой тотъ день жена моя родила перваго сына. Восприемниками были герцогъ Курляндской

съ своею супругою, почему сынъ мой и получилъ имена Югана Тотлиба.

Въ началѣ лѣта въ здравіи императрицы чувствительная оказалась переменѣна. Она слишкомъ за 15 лѣтъ ощущала боль отъ каменной болѣзни, которые припадки по сіе время еще сносны были. Но тутъ не токмо стала претерпѣвать ужаснѣйшее мученіе, но и жизненные ея силы начали день ото дня уменьшаться и ослабѣвать. Между тѣмъ имѣла она радость при жизни своей видѣть рожденнаго ея внука. Ибо въ 12 день августа принцесса Анна разрѣшилась отъ бремени молодымъ принцомъ благополучно. Воспріемницею была сама императрица, а при крещеніи нареченъ онъ Иоанномъ.

6 числа октября императрица, сѣвши за столъ и покушавъ немного, вдругъ сдѣлался съ нею обморокъ, и безъ памяти отнесли ее въ постель.

Герцогъ Курляндской въ то-же мгновеніе приказалъ позвать къ себѣ отца моего, двухъ кабинетскихъ министровъ, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, и оберъ-маршала графа Левенвольда.

По приѣздѣ отца моего, герцогъ, проливая токи слезъ и съ внутреннимъ отъ скорби терзаніемъ, вопіялъ: сколь онъ несчастливъ нынѣ, что толь прежде-временно и неожиданно лишается государыни, которая удостоивала его непомерною милостию и довѣренностию своею; что онъ послѣ кончины ея не можетъ ничего добраго себѣ обѣщавать въ такой землѣ, гдѣ, какъ ему не безъизвѣстно, имѣетъ онъ больше враговъ, нежели друзей, и за всѣ оказанныя имъ государству заслуги инаго награжденія не ожидаетъ, кромѣ неблагодарности и ненависти; что при всемъ томъ сіе, въ разсужденіи собственной его персоны, не столько прискорбія сердцу его приносить, сколько навлекаетъ горести состояніе, въ которомъ государство по кончинѣ императрицы находится будетъ; наипаче когда онъ поднесъ всеми силами споспѣшествовалъ къ благоденствію онаго: что наследникъ еще младенецъ, въ колыбели, не достигъ и восьми недѣль возраста своего; что о назначеніи его къ наследію престола по сіе время отъ императрицы ничего гласнаго не вышло и потому не извѣстно, какъ отъ народа, оказавшагося недовольнымъ въ прежнія правленія малолѣтныхъ государей, новое при нынѣшнихъ обстоя-

тельствахъ избраніе принято будетъ; что шведы, которые по нынѣ не престають вооружаться, не могутъ благопріятнѣйшаго желать случая атаковать Россію, какъ естьли внутреннія родятся въ ней несогласія; что при положеніи сихъ дѣлъ крайне важно и полезно правленіе государства ввѣрить такой особѣ, которая не токмо достаточную снискала опытность въ дѣлахъ государственныхъ, но также имѣетъ довольно твердости духа непостоянной народъ содержать въ тишинѣ и обузданіи; что онъ, хотя не можетъ ничего сказать въ предосужденіе характера и свойства души принцессы Анны, матери молодаго принца, но думаетъ, что она, учинившись правительницею, по природной нѣжности сердца своего, неотмѣнно пригласитъ въ Россію родителя своего герцога мекленбургскаго Карла Леопольда, и предоставитъ ему знатное участіе въ государственномъ правленіи, и что тогда опасеніе настоять будетъ, дабы упомянутой герцогъ, который, какъ не безъизвѣстно, по крутому и своебчливому праву своему, не могъ съ собственными подданными въ согласіи ужиться, не преклонилъ принцессу, дочь свою, на предпріятія вредныя и опасныя не токмо для нея, но, статья можетъ, и для сына ея; что принадлежитъ принцу брауншвейгскому, то онъ и того мѣше усматриваетъ, чтобы государственное правленіе ему ввѣрить было можно, ибо онъ заподлинно вѣдаетъ, что тогда государство не означеннымъ принцомъ, но вѣвскимъ посланникомъ управляемо, и слѣдовательно во всѣ раздоры австрійскаго дома вовлечено будетъ.

Не успѣлъ лишь герцогъ курляндской послѣднія слова сей рѣчи произнести, какъ оба кабинетскіе министры, князь Черкаскаго и Бестужевъ, вошли въ покой. Симъ повторилъ онъ до слова то же самое, что отцу моему говорилъ. равно какъ и оберъ-маршалу Левенвольду уже напередъ о томъ же изъяснился: но заключенія своей рѣчи опъ никому не дѣлалъ, будучи благонадеженъ, что каждый мысли его легко угадать можетъ. Князь Черкаскаго былъ первый, который началъ говорить такъ: что онъ никого другаго достойнымъ и способнѣйшимъ не находитъ, которому можно бы было ввѣрить правленіе, какъ герцога курляндскаго; поелику сей съ толикимъ усердіемъ и славою трактовалъ дѣла государственныя, и что личная его польза, въ разсужденіи герцогства курляндскаго, съ благоденствіемъ Россіи

сопряжена тѣснѣйшими узами, и потому онъ думаетъ цѣлой имперіи оказать услугу, естли всепокорнѣйше станетъ утруждать герцога, дабы онъ благоволилъ и впредь обратить вниманіе и попеченіе свое къ пользѣ и славѣ государства.

Къ сему предложенію тайный совѣтникъ Бестужевъ приступилъ согласіемъ своимъ неукоснительно. Отецъ мой, равно какъ и графъ Левенвольде, предусматривая, что не токмо тщетно, но и крайне опасно будетъ на сіе прекословить, за благо разсудили на сей случай худому послѣдовать примѣру.

Обстоятельство сіе было весьма щекотливое, въ какомъ токмо честный человекъ находится можетъ, ибо все то, что гнуснѣйшая лесть, какъ герцогу, такъ и его фамилии оказываемая, придумать можетъ, оное поднесъ императрица не токмо всегда попускала, но даже въ угожденіе свое поставляла. Напротивъ того за малѣйшія оскорбленія, учиненныя отъ кого-либо сему любимцу, столь сурово взыскивала по обыкновенію своему, что премножество несчастныхъ примѣровъ на то имѣлось. Хотя же медики малую къ выздоровленію императрицы подавали надежду, однако ни единой изъ нихъ не могъ сказать заподлинно, что кончина ея близко предстояла. Почему есть ли бы случилось, что она опять оправилась, то одной недѣли было бы довольно къ погубленію того, кто захотѣлъ бы въ глаза сказать герцогу чистую правду. Въ сходствіе чего естли кто упомянутыя обстоятельства сообразить благоразсудительно, тому чаятельно не покажется въ семъ дѣлѣ поступокъ отца моего страннымъ и съ здравымъ разсудкомъ несомнѣннымъ.

Когда герцогъ отъ всѣхъ вышеименованныхъ лицъ выманилъ желанное привѣтствіе, то отвѣтствовалъ, что учиненное предложеніе могло бы чрезмѣрно удивлять его, естли-ли-бы онъ не почиталъ искреннѣйшую любовь и дружбу ихъ къ нему единственнымъ къ тому побужденіемъ; но что онъ имъ самимъ представляетъ разсудить, сколь мало участниковъ въ таковыхъ патриотическихъ расположеніяхъ въ публикѣ найдется, что онъ чужестранецъ, въ которомъ имперія россійская не интересована; что благоволеніе императрицы къ нему возбудило безчисленныхъ завистниковъ, и что онъ по часту съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ чистѣйшія его намѣренія гнуснѣйшими обезображены были толками; чего же не воспослѣдуетъ, когда онъ верховную

власть получить? сколь немногихъ можетъ онъ сдѣлать тогда благодарными, и коликимъ дѣйствіемъ оклеветанія будетъ онъ подверженъ? что по сіе время императрица защищала и охраняла его отъ всѣхъ враговъ; но кто впредь станетъ за него стоять и способствовать къ его оборонѣ? что онъ милостію императрицы награжденъ столь богато, что въ семъ свѣтѣ ничего другаго желать ему не остается, какъ токмо пристойнымъ образомъ отъѣхать въ свою отчизну; что такового утѣшенія, надѣется онъ, не похотятъ лишить его и первые враги его; что есть ли какія либо уваженія въ состояніи побудить его къ воспріятію толь тяжкаго бремени, то не находятъ онъ другихъ, кромѣ признательности своей къ великимъ благодѣяніямъ, ощущеннымъ отъ императрицы, привязанности къ ея высокой фамилии и усердія, съ каковымъ онъ во всякое время расположенъ былъ къ славѣ и благоденствію Россійской имперіи; но что онъ ни на что рѣшиться не можетъ, пока мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патриотовъ не узнаетъ, и потому считаетъ за нужное слѣдующаго дня учредить къ тому концу совѣтъ изъ знаменитѣйшихъ особъ Сената, Генералитета и придворныхъ чиновъ; что паче всего необходимо потребно молодаго принца Іоанна объявить наслѣдникомъ престола и ему учинить присягу въ вѣрности; почему и совѣтуетъ онъ, обо всемъ ономъ разсудить и сообразить съ графомъ Остерманомъ, приложивъ стараніе въ сію же ночь заготовить манифестъ, дабы онъ на другое утро отъ императрицы подписанъ и обнародованъ быть могъ.

Хитраго графа Остермана еще въ 1730 году послѣ кончины Петра II буде неистинная, то по крайней мѣрѣ притворная, болѣзнь благополучно освободила отъ присутствованія въ томъ собраніи, въ которомъ тогда объ ограниченіи самодержавной власти разсуждается и положеніе сдѣлано было; но на сей разъ дѣйствительная подагра въ обѣихъ ногахъ, ради чего онъ болѣе пяти лѣтъ безпрерывно сидѣлъ дома, не могла избавить, чтобъ не дать, также какъ и другіе, своего согласія на регентство герцога Курляндскаго. Какъ скоро отецъ мой, кудно съ прочими вышеименованными особами, извѣстилъ его обо всемъ происшедшемъ, то онъ немедленно, при величайшихъ знакахъ усердія, согласіе свое изъявилъ, присовокупя, что естли ли герцогъ Курляндской въ нерѣшимости своей останется, то надлежитъ самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его къ тому.

Потомъ сочинили тѣмъ же часомъ манифестъ и за нужное сочли въ чрезвычайной совѣтъ пригласить, еще слѣдующихъ особъ, а именно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, оберъ-шталмейстера князя Куракина, генераль-прокурора князя Трубецкаго, генераль-порутчика Солтыкова и гофмаршала Шепелева.

На другой день рано поутру всѣ прежде и теперь именованныя особы съѣхались ко двору и собрались въ комнатахъ герцога Курляндскаго. Даже самъ графъ Остерманъ не оставилъ туда явиться, котораго принесли въ креслахъ. Равномѣрно дано повелѣніе четыремъ лейбъ-гвардіи полкамъ того же утра собраться на площади предъ дворцемъ.

Какъ скоро императрица манифестъ подписала, то прочтенъ оной въ многочисленномъ собраніи знаменитѣйшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ въ придворной церкви, и тутъ принцу Іоанну, яко наслѣднику престола, учинена въ вѣрности присяга. Во всѣхъ городскихъ церквахъ то же самое совершено. Стояшіе предъ дворцемъ лейбъ-гвардіи полки присягали поротно.

Послѣ сего приступили къ разсужденію объ управленіи государствомъ: всѣ не токмо согласились, что герцогъ Курляндскій признается способнѣе къ тому особою, но за нужное нашли о семъ единоголосномъ мнѣніи своемъ письменное императрицѣ сдѣлать представленіе и утруждать просьбою, дабы ея величество, всемилостивѣе одобревъ оное, благоволила герцога Курляндскаго склонить къ принятію регентства. При чемъ положили такъ же для подписанія поднести императрицѣ декларацию, въ которой значилось, что герцогъ Курляндскій имѣеть, въ званіи регента, управлять всѣми государственными дѣлами до того, какъ молодой принцъ достигнетъ семнадцати лѣтъ возраста своего.

Графъ Остерманъ взялъ на себя какъ то, такъ и другое предложить императрицѣ, но онъ не могъ прежде получить аудіенцію, какъ по прошествіи двухъ дней.

Между симъ временемъ созваны отъ 40 до 50 знатнѣйшихъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ, которымъ представя необходимость для государства имѣть регента въ особѣ герцога, понудили согласныхъ на то подписать свои имена.

Сколь ни великую герцогъ Курляндскій имѣлъ власть надъ

сердцемъ императрицы; но ничто не стоило ему толикаго труда, какъ преклонить, дабы она въ разсужденіи будущаго надлежащее обо всемъ сдѣлала распоряженіе. Императрица о смерти совсѣмъ слышать еще не хотѣла и почитала оное провозвѣщаніемъ близкаго ея конца. На послѣдокъ какъ она согласилась выслушать графа Остермана, то сей, убѣдительно представя ей о положеніи дѣлъ, поднесъ принесенныя съ собою бумаги. Императрица приняла ихъ съ спокойнымъ духомъ и положила подъ свое изголовье, вѣщавъ, что резолюція отъ нея дана будетъ послѣ.

Между тѣмъ какъ нѣсколько дней никакой не выходило резолюціи, то герцогъ началъ беспокоиться и опасаться, дабы какія-либо естественныя уваженія императрицу отъ того не удержали, и потому вздумалъ принцессѣ Аннѣ, чрезъ извѣстную особу, яко бы посторонне, сообщить, дабы она сама рѣшилась просить его о принятіи регентства, а послѣ и императрицу утрудить о назначеніи его на оное.

Отвѣтъ принцессы на сіе странное предложеніе гласилъ такъ: что она никогда не мѣшалась въ дѣла государственныя, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе отваживается вступать въ оныя; что хотя императрица повидимому въ опасности жизни находится, однако съ помощію Божіею и въ уваженіи ея лѣтъ можетъ паки получить свое здравіе, и потому есть-ли ея величеству представить о помянутомъ, то сіе значитъ снова напоминать о смерти, къ чему она, принцесса, приступитъ отнюдь не соглашается; что когда ея императорскому величеству всемилостивѣе благоугодно было принца Іоанна избрать наслѣдникомъ престола, то и нельзя сомнѣваться, чтобы ея величество не соизволила здѣлать нужныя и о государственномъ правленіи распоряженія; почему все оное и предоставляетъ она на собственное ея величества благоусмотрѣніе; а впрочемъ не непріятно ей будетъ, есть ли императрица благоволила ввѣрить герцогу регентство во время малолѣтства принца Іоанна.

Герцогъ на сіе полученное отвѣтствіе никакого не дѣлалъ отзыва; но тотъ самый, кто сіе препорученіе исполнилъ, не преминулъ объ ономъ извѣстить въ совѣтѣ. Послѣ чего неукоснительно положено нѣкоторымъ членамъ совѣта поѣхать къ принцессѣ и стараться преклонить ее на то, чего герцогъ желалъ.

Депутаты ѣздили къ ней на другой день, но не получили иного и лучшаго отвѣта, какъ и предъидущій посланный.

И такъ герцогъ видѣлъ себя принужденнымъ самъ по дѣлу своему страпать, и хотя императрица откровеннѣйше предостерегала его сими словами:

— «Я сожалью о тебѣ, герцогъ! ты несчастливъ будешь!».

Онъ однако-жъ до тѣхъ поръ не отставалъ, пока императрица, позвавъ графа Остермана, подписала въ его присутствіи декларацію и приказала положить оную въ стоящій подлѣ ея постели шкафъ съ алмазными вещами.

Потомъ графъ Остерманъ, вышедъ изъ комнаты императрицы, возвѣстивъ сіе важное извѣстіе всему между страха и надежды колеблющемуся собранію.

Спустя нѣсколько минутъ явился и самъ герцогъ Курляндскій и увѣрялъ всѣхъ вообще, что императрица не токмо изъявила всемилостивѣйшее благоволеніе свое на всѣ ихъ для пользы Имперіи предпринятые подвиги, но такъ же обѣщала имъ всѣмъ, буде Богъ ей поможетъ, существенные показать знаки своего удовольствія; а для изъявленія собственной своей признательности употребилъ онъ сіе восклицаніе:

— «Вы, господа, поступили какъ древніе Римляне!»

Между тѣмъ императрица часъ отъ часу въ худшее приходила состояніе своего здоровья; но не смотря на сіе принимала она почти ежедневно посѣщенія отъ великой княжны Елисаветы Петровны, принцессы Анны и ея супруга, и всѣми вопросами и разговорами своими доказывала, что она имѣла еще полное употребленіе своего разсудка.

17 числа октября по полудни почувствовала она, что у нея лѣвая нога отнялась, и какъ въ вечеру великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна съ своимъ супругомъ къ ней вошли, то она съ весьма спокойнымъ духомъ съ ними просталась. Въ 9 часовъ получила она конвульсивные припадки, и какъ потомъ ея духовникъ, придворный священникъ и пѣвчіе, дабы дать молитву по Греческому закону, въ комнату позваны, то вошелъ туда такъ же отецъ мой, князь Черкасскій и нѣкоторые другіе. Перваго узнала умирающая императрица и вѣщала къ нему: „прощай, фельдмаршалъ!“ другихъ не могла она больше различить; но спрашивала, кто они таковы? и они, бывъ по именамъ названы, сказала всѣмъ: „прощайте!“ Послѣ сего со-

бороваали ее масломъ, и по окропленіи святою водою предала свой духъ.

Такъ кончилось житіе и правленіе одной изъ величайшихъ государынь, на Россійскомъ престолѣ царствовавшихъ. Она была одарена хорошимъ разумомъ, имѣла безпримѣрную память, и говорила на природномъ языкѣ лучше, нежели статья можетъ кто другой въ Россіи. Въ публичныхъ церемоніяхъ умѣла она показать себя съ превеличайшею важною и приличіемъ. Есть ли же хотѣла кому-либо благопріятство свое изъявить, то знала употреблять на то выраженія лестнѣйшія и обязательнѣйшія. Выговоры ея были чувствительны, но безъ всякой обиды. Она упоена была честолюбіемъ и во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ стремилась къ славѣ. Хотя въ правленіе ея пышность въ строеніяхъ, домашнихъ уборахъ, экипажахъ и одеждахъ несравненно превосходила великолѣпіе всѣхъ предъидущихъ государей, однако при всемъ томъ расходы ея никогда не превышали обыкновенныхъ доходовъ двора, но еще нарочитая сумма оставалась въ запасѣ. За оказанныя заслуги награждала она щедро. Предшественниковъ ея подаренія состояли большею частію изъ земель; но наличными деньгами никто не жаловалъ столь великія суммы какъ она. Она не токмо ежедневно слушала предлагаемыя ей дѣла съ великимъ вниманіемъ и терпѣливостью, но не оставляла рачительно освѣдомляться объ исполненіи оныхъ. Она любима была своими подданными, благоденствіе которыхъ, лучшее распоряженіе внутренняго домоводства, приращеніе коммерціи и умноженіе мануфактуръ, составляли главнѣйшую заботу ея сердца; но когда желаніе ея не такъ, какъ должно выполнялось, то всю вину надлежитъ относить частію къ особенному интересу извѣстныхъ особъ, частію же къ прилѣпленію къ нѣкоторымъ худымъ стариннымъ правиламъ. Она умножила войска нарочито и ввела въ оныхъ лучшую дисциплину и порядокъ, нежели прежде было: никогда армія не имѣла искуснѣйшихъ иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, какъ въ ея правленіе. Что касается до флота, хотя она и намѣрена была произвести въ немъ нѣкоторыя вновь распоряженія, однако исполненіе оныхъ не удалось ей при жизни своей видѣть. Дабы снабдить Россійскую конницу годными лошадьми, приказала она превеликое множество наилучшихъ иностранныхъ лошадей выписать, учредить многіе конскіе заводы

и на содержаніе ихъ опредѣлить богатыя деревни и земли. На Сибирскихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ, для получения болѣе пользы отъ нихъ, состояли въ ея правленіе многіе искусные въ горной наукѣ мужи, выписанные изъ чужихъ земель по ея повелѣнію, не упоминая, что къ распространенію означенныхъ заводовъ дѣлала она подкрѣпленіе отпускомъ знатныхъ изъ казны денежныхъ суммъ. Для умноженія алмазовъ и сокровищъ царскихъ потрачены ею нѣсколько милліоновъ рублей. Петра Великаго недоконченные проекты старалась она въ дѣйство произвести наитщательнѣйше. Ладожской каналъ строеніемъ окончанъ въ ея правленіе. На строеніе Кронштатскаго канала и принадлежащихъ къ тому доковъ отпускала она по 200 тысячъ рублей ежегодно. Во время ея царствованія большая часть деревянныхъ домовъ въ Санктпетербургѣ передѣланы каменными, неупоминая, что многія пустыя мѣста вновь застроены. Сколько она попеченія имѣла о споспѣшествованіи наукамъ и художествамъ, оное доказываютъ заведеніе Кадетскаго корпуса, приобщенной къ Академіи наукъ Гимназіи и учрежденіе при ней школы для живописнаго, рѣзнаго и гравировальнаго художества. Словомъ: все, что можетъ правительницу прославлять, оное императрица Анна Іоанновна предпринимала и частію привела во исполненіе.

Даже ничто не помрачало бы сіянія сей императрицы, кромѣ (что изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертныхъ приговоровъ оказывалось) что она больше собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости послѣдовала.

Въ приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ; но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ ея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ Курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархія въ христіанскихъ земляхъ лишила себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряджала, но такъ же ни единого мгновенія безъ него обойтись не могла, и рѣдко другаго кого къ себѣ принимала, когда его не было. Хотя недовѣрчивое свойство герцога Кур-

ляндскаго не малой требовало привязанности, однако наконецъ принужденіе, въ которомъ онъ самъ чрезъ то находился, сдѣлалось ему почти несносно. Весьма часто многіе слышали, какъ онъ жаловался, что для своего увеселенія ни одной четверти часа опредѣлить не можетъ. И самъ чрезъ цѣлыя восемь лѣтъ не могу припамятовать, чтобъ видѣлъ его гдѣ-либо въ городѣ, въ бесѣдахъ или на пиршествахъ; но дабы и другихъ людей примѣръ не возбудилъ въ немъ къ тому охоты, императрица не токмо худо принимала, есть ли у кого изъ частныхъ особъ веселости происходили, но называя оныя распутствомъ, выговаривала весьма колкими рѣчьми. Герцогъ съ своей стороны всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ, всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, что бы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ.

Сей неограниченный и единообразный родъ жизни естественно долженствовалъ рождать иногда сытость и сухость въ обращеніи между обѣихъ сторонъ. Дабы сіе отвратить и не явить недовольнаго лица внѣ комнаты предъ чужими очами, не вѣдали лучшаго изобрѣсть средства, какъ содержать множество шутовъ и дураковъ мужеска и женска пола. Должность большей части сихъ людей состояла болѣе ругаться и драться между собою, нежели какія либо смѣшныя шутки дѣлать и говорить. Они набраны были изъ разныхъ націй и чиновъ. Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій должны были въ сіи роли записываться. Чудный и странный внѣшній видъ, глупость или токмо косноязычество, составляли достаточныя качества, чтобы принятю быть въ дурацкой ордень. По дарованіямъ каждого давали соразмѣрное награжденіе; однако разумъ предпочитался обыкновенно тѣлеснымъ способностямъ. Одному итальянцу, по прозванію Пьетро Мира, или сокращенно Петрисло (Педрилло) наименованному, пощастилось тутъ столько, что онъ не токмо богатое имѣлъ содержаніе, но еще и въ родину свою повезъ слишкомъ 20 тысячъ рублей.

Когда быть страшиму и ненавидиму случается всегда вмѣстѣ, а при томъ бесполезно во всякое время стараться сколько можно извѣдывать о предпріятіяхъ своихъ враговъ, то герцогъ Курляндской не токмо въ разсужденіи перваго достаточно былъ

увѣренъ, но такъ же избыточно снабдѣнъ былъ повсемѣстными лазутчиками. Ни при единомъ дворѣ, статья можетъ, не находилось больше шпионовъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при Россійскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія; и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и къ богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились служить къ тому орудіемъ.

Подозрѣніе и легковѣріе всегда сопряжены бываютъ неразрывно; почему злымъ сердцамъ нетрудно было и безвиннѣйшихъ людей замарать и оговорить. Иной, будучи наканунѣ наиблагосклоннѣйше отъ императрицы принятъ, дивился, когда на другой день съ величайшею холодностію съ нимъ обращались, не вѣдая и не домысливаясь, отъ чего таковая переменна постѣдовала.

Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, пріемлющей взаимно въ увеселеніи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ Курляндскимъ.

Оба почти никогда не могли во внѣшнемъ видѣ своемъ притворствоваться. Есть ли герцогъ явился съ пасмурнымъ лицомъ, то императрица въ то же мгновеніе встревоженной принимала видъ. Буде тотъ весель, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Есть ли кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемену.

Въ знаніи и цѣнѣ людей герцогъ подверженъ былъ предускорительности и великимъ погрѣшностямъ. Пришлецами обольщался онъ скоро, но скоро опять ими скучалъ. Любимцамъ его и всѣмъ вообще Курляндцамъ нерѣдко императрица оказывала, сверхъ мѣры и благопристойности, отличную почесть.

Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и чрезъ его одного императрица на оныя рѣшалась. Даже сердечно любимая императрицею племянница, принцесса Анна, принуждена была изъ опытовъ научиться, что безъ сего ходатая долги ея не будутъ заплачены, равно какъ и не могла надѣяться получить прибавку на содержаніе свое. Ибо щедрая по природѣ монархиня не даривала безъ вѣдома герцога ни малѣйшей суммы, ни своимъ домашнимъ служителямъ, ниже иному, коего услугами она была довольна.

Родъ жизни ея расположенъ былъ весьма умѣренно и порядочно. Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенной ея напитокъ былъ не другое что, какъ пиво; ибо за столомъ пила она токмо одну, или много что двѣ рюмки, стараго венгерскаго вина. За столъ садилась не позже какъ въ 12 часовъ по полудни и въ 9 часовъ въ вечеру. Часы, въ которые она изъ комнатъ своихъ въ публику выходила, во весь круглой годъ регулярно опредѣлены были. Есть ли дѣла не удерживали, то выходила она обыкновенно предъ полуднемъ отъ 11 до 12 часовъ; а послѣ полудни отъ 4 до половины 9 часа. Въ 10 часовъ вечера ложилась она опочивать, а утромъ вставала около 6 или 7 часовъ.

Въ досужное время не имѣла она ни къ чему опредѣленной склонности. Въ первые годы своего правленія играла она почти каждой день въ карты. Потомъ провожала цѣлые полдни, не вставая со стула, въ разговорахъ, или слушая крикъ шутовъ и дураковъ. Когда всѣ сіи каждодневно встрѣчающіяся упражненія ей наскучили, то возымѣла она охоту стрѣлять, въ чемъ пріобрѣла такое искусство, что безъ ошибки попадала въ цѣль и на лету птицу убивала. Сею охотою занималась она дольше другихъ, такъ что въ ея комнатахъ стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагоразсудится, стрѣляла изъ окна въ мимопролетающихъ ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ. Въ Петергофѣ заложенъ былъ звѣринецъ, въ которомъ впущены привезенные изъ Нѣмецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тутъ нерѣдко, сидя у окна, смотрѣла на охоту, и когда заецъ или олень мимо пробѣжитъ, то сама стрѣляла въ него изъ ружья. Зимой во дворцѣ въ концѣ галереи вставлена была черная доска съ цѣлью, въ которую при свѣчахъ упражнялась она попадать изъ винтовки.

Герцогъ Курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто къ нему туда приходила, но такъ же возымѣла желаніе обучаться верховой ѣздѣ, въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла по дамски съ одной стороны на лошади сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться.

Въ торжественные и праздничные дни одѣвалась она весьма великолѣпно, а впрочемъ ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли лучшаго сдѣлать ей уваженія, какъ есть ли въ дни ея рожденія, тезоименитства и коронованія, которые ежегодно съ великимъ торжествомъ празднованы, пріѣдутъ въ новыхъ и богатыхъ платьяхъ во дворець.

Темныхъ цвѣтовъ какъ она, такъ и герцогъ Курляндскій, парочитое время терпѣть не могли. Послѣдняго видѣлъ я, что онъ пять или шесть лѣтъ сряду ходилъ въ испещренныхъ женскихъ штофахъ. Даже сѣдые старики, принаравливаясь къ сему вкусу, не стыдились наряжаться въ розовые, желтые и попугайные зеленые цвѣты.

Домашнія услуги не отъ каждаго безъ различія она принимала, но токмо отъ немногихъ, къ которымъ привыкла.

Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честію ей прислуживать, и никогда не имѣлъ сверхъ одного или двухъ товарищей. Какъ однажды отецъ мой просилъ герцога о назначеніи меня министромъ къ Датскому двору, то онъ получилъ въ отвѣтъ, что императрица такую сдѣлала ко мнѣ привычку, что трудно будетъ склонить, дабы она отпустила меня отъ себя.

Она была богомольна и при томъ нѣсколько суевѣрна; однако духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точныхъ правилъ Петра Великаго.

Станомъ была она велика и взрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаетъ былъ благороднымъ и величественнымъ лице-расположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темные, лице рябоватое и голосъ сильной и пронизательной.

Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія. Судя по умѣренному образу житія ея, могла бы она долговременною и здоровою наслаждаться жизнію, есть-ли-бъ токмо каменная болѣзнь, подагра и хирагра, наслѣдованныя скорби, не прекратили дней ея.

К

какъ скоро императрица скончалась, то по обыкновенію открыли двери у той комнаты, гдѣ она лежала, и всѣ, сколько ни находилось при дворѣ, въ оную впущены. Тутъ видѣнь и слышанъ былъ токмо вопль и стenanіе. Принцесса Анна сидѣла въ углу и обливалась слезами. Герцогъ Курляндскій громко рыдалъ и метался по горницѣ безъ памяти. Но спустя минутъ пять, собравшись съ силами, приказалъ онъ внести декларацію касательно его регентства и прочиталъ предъ всѣми въ слухъ. Почему когда генераль-прокуроръ князь Трубецкой съ означенною деклараціею подступилъ къ ближайшей на столѣ стоявшей свѣчѣ, и всѣ присутствующіе за нимъ туда обратились, то герцогъ, увидя, что принцъ Брауншвейгскій за стуломъ супруги своей стоялъ, тамъ и остался, спросилъ его неукоснительно: не желаетъ ли и онъ послушать послѣдней воли императрицы? Принцъ, ни слова не вѣщавъ, пошелъ, гдѣ куча бояръ стояла, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ собственный свой, или паче супруги своя, приговоръ. Послѣ сего герцогъ пошелъ въ свои покои, а принцесса купно съ принцомъ опочивали въ сію ночь у колыбели молодого императора.

На другое утро на разсвѣтѣ стояли уже лейбъ-гвардіи полки въ строю предъ лѣтнимъ дворцомъ, и когда около девяти часовъ съѣхались ко дворцу всѣ воинскія и гражданскія знатныя особы, то графъ Остерманъ возвѣстилъ имъ о преставленіи императрицы и прочиталъ декларацію о регентствѣ.

Потомъ въ придворной церкви какъ молодому императору,

такъ и регенту, учинена присяга въ вѣрности. За симъ обратились все къ герцогу и приносили ему поздравленіе.

Герцогъ говорилъ къ стоящимъ подлѣ его сенаторамъ слѣдующее: что онъ ненужнымъ считаетъ рекомендовать имъ о продолженіи того усердія, съ каковымъ поднесъ подвизались ко благу имперіи, будучи увѣренъ, что единое уваженіе нѣжнаго возраста молодаго императора сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ служить будетъ; что онъ съ своей стороны каждодневно и каждочасно посвящать себя будетъ на службу имперіи; почему не могутъ они яснѣйшаго довода своей довѣренности предъявлять, какъ есть ли со всеми полезными проектами и нужными резолюціями прямо къ нему относиться стануть; что онъ наперсниковъ у себя имѣть не будетъ, и его двери всегда для всехъ честныхъ людей отверсты быть имѣютъ.

Возвратясь въ свои покои, повелъ онъ съ собою отца моего, графа Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, благодарилъ ихъ за оказанную ими ревность, увѣрялъ, что онъ не оставитъ на дѣлѣ доказать свою признательность и просилъ о вспомоствованіи ему впредь добрыми совѣтами своими.

Того же самаго утра приказалъ онъ малолѣтнаго императора переселить въ зимній дворецъ, куда также и принцесса Анна купно съ принцомъ переѣхали. Напротивъ того онъ самъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, и не прежде намѣренъ былъ оттуда выѣхать, пока тѣло покойной императрицы не будетъ предано погребенію.

По полудни поѣхалъ онъ на посѣщеніе молодаго императора и его родителей и изъявля свое соболѣзнованіе принцессѣ Аннѣ, увѣрялъ, что онъ незамедлительно опредѣлитъ на содержаніе ея соразмѣрное жалованье, дабы она по приличію своей породы и званія штатъ имѣть могла.

Отсюда поѣхалъ онъ къ ея высочеству великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которой присудилъ ежегодной пенсіи по 50 тысячъ рублей.

Въ первые дни регентства своего занимался онъ подробнѣйшее снискать свѣдѣніе о состояніи арміи и государственныхъ доходовъ.

Тако-жъ старался онъ обласкать сенатъ, лишенный въ началѣ правленія императрицы Анны Иоанновны прерогативы верховнаго мѣста по учрежденіи кабинета, тѣмъ что неоднократно въ собраніяхъ онаго присутствовалъ.

Сенатъ напротивъ того, въ знакъ своей признательности, опредѣлилъ герцогу на собственные расходы по 500 тысячъ рублей ежегоднаго дохода. А какъ и титулъ свѣтлости казался низокъ для регента, то Сенатъ приложилъ ему величаніе императорскаго высочества, чего однакожь герцогъ дотолѣ не принималъ, пока принцесса Брауншвейгская подобный титулъ не получила.

Принцесса Анна по сіе время имѣла содержаніе обще съ императорскимъ дворомъ. И дабы она въ состояніи была собственное хозяйство вести, то герцогъ обѣщалъ ей 200,000 рублей годоваго жалованья.

Сія перемѣна доставила мнѣ случай удостовѣрить принцессу на дѣлѣ о всегдашней моей къ ней привязанности. Ибо когда она просила регента назначить къ ея двору гофмейстера, къ чему мало охотниковъ тогда отыскалось, по причинѣ опасенія, что согласіе между герцогомъ и принцессою недолговременнымъ полагали, то я отважился одинъ означеннаго мѣста отъ регента просить, которое и получилъ съ удержаніемъ камергерской моей должности при малолѣтномъ императорѣ.

Не прошло еще и одной недѣли правленія герцога въ тишинѣ, какъ началъ онъ для подкрѣпленія своей власти насторожайшія употреблять пособія. Два лейбъ-гвардіи офицеры, одинъ капитанъ и другой поручикъ, не могли скрыть между разговоровъ неудовольствія своего на его регентствѣ; при чемъ перваго видали также, что онъ входилъ и выходилъ отъ великой княжны Елисаветы Петровны.

Онъ приказалъ обоихъ ихъ арестовать и подъ мучительнѣйшею пыткой допрашивать, не имѣли-ли они какого злоумышленнаго на него намѣренія, и кто тутъ сообщниками находятся? но они ни въ чемъ другомъ не признались, какъ токмо что все дѣло въ однихъ разговорахъ состояло.

Также поступлено съ однимъ кабинетскимъ секретаремъ. Сей, при сочиненіи деклараціи о регентствѣ, показывалъ копію съ оной у великой княжны Елисаветы Петровны и принцессы Анны, и ропталъ, какъ то онъ самъ послѣ пытки признался, на нововводимую форму правленія.

Но таковыя насильственные поступки, вмѣсто чтобъ другихъ

устрашить, какъ то герцогъ надѣялся, служили единственно къ превращенію ненависти въ огорченіе и мщеніе.

Между симъ временемъ пришло извѣстіе, что Римской императоръ Карлъ VI, $11/21$ числа октября, и слѣдовательно за недѣлю прежде кончины императрицы Анны Іоанновны, умеръ. Сколько участія принималъ бы герцогъ въ распряхъ австрійскаго дома, есть-ли-бъ онъ далѣе въ регентствѣ пребылъ, объ ономъ мало тогда заключать было можно. Но что онъ намѣревался гарантированную императрицею Анною Іоанновною прагматическую санкцію поддерживать, оное доказывалъ послѣ паденія его гласнымъ учинившійся трактатъ съ саксонскимъ дворомъ. По силѣ сего трактата польскому королю обѣщано не дѣлать со стороны Россіи никакого помѣшательства въ требованіяхъ его на Австрійское наслѣдство по праву его супруги и дѣтей. Король напротивъ того гарантировалъ герцога и его наслѣдниковъ въ спокойномъ владѣніи герцогствами Курляндскимъ и Семигальскимъ.

Сей союзъ есть единый, который дозволило ему время съ иностранными державами постановить.

Что касается до внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, примѣчательнаго другаго ничего не было, кромѣ что онъ освободилъ народъ отъ четырехъ мѣсячнаго пошпнаго оклада, дабы вступленіе въ правленіе молодаго императора или паче свое регентство ознаменовать публичнымъ благодѣяніемъ.

По арестованіи вышеупомянутыхъ офицеровъ, не прошло ни одинаго почти дня, чтобы герцогу не доносили на разнаго званія людей, кои по его повелѣнію были истязуемы. Вина сихъ состояла токмо въ нѣкоторыхъ соблазнительныхъ рѣчахъ.

Но вдругъ открытъ формальный заговоръ, при которомъ слѣдующія были обстоятельства.

Сенаторъ и тайный дѣйствительный совѣтникъ Михайло (Гавриловичъ) Головкинъ, по своей супругѣ, урожденной княгинѣ (княжнѣ) Екатеринѣ Ивановнѣ) Ромодановской, и съ матерней стороны двоюродной сестрѣ императрицы Анны Іоанновны, могъ похвалиться честію, что онъ весьма тѣсными сопряженъ узами родства съ императорскимъ домомъ. Не взирая на сіе, въ послѣдніе годы императрица принимала его съ нарочитымъ пренебреженіемъ, такъ что уваженіе его

при дворѣ чувствительно ослабилось; причиною чего сказываютъ были нѣкоторыя вольныя его рѣчи о поступкахъ герцога. И какъ онъ посему мало добра отъ нынѣшняго регента ожидать могъ, то всѣ его помышленія стремились къ тому единственно чтобы его низринуть. Но средство, изобрѣтенное имъ на то, едва его самаго въ величайшее не ввергнуло нещастіе.

Когда онъ о возвышеніи герцога и несправедливости, учиненной чрезъ то принцессѣ Аннѣ, многократно въ разговорахъ изъявлялъ свое неудовольствіе довѣреннѣйшимъ своимъ кліентамъ, нѣкоторымъ отставнымъ лейбъ-гвардіи офицерамъ, и сіи дали отъ себя увѣреніе, какъ въ добромъ расположеніи своемъ къ упомянутой принцессѣ, такъ и что большая часть офицеровъ изъ лейбъ-гвардіи полковъ готовы за нее на все отважиться, то заключеніе сдѣлано такое, чтобы въ семь дѣлъ поступить такимъ же образомъ, какъ въ 1730 году при возстановленіи самодержавія въ Москвѣ происходило. На каковый конецъ и положено, чтобы въ назначенный день всѣ безъ изъятія къ заговору приступившіе пошли къ принцессѣ Аннѣ и у ногъ ея просили, дабы она избавила ихъ отъ ненавистнаго регента, и приняла на себя правленіе во время малолѣтства сына ея императора.

Предводителемъ въ семь дѣлъ не хотѣлъ быть самъ графъ Головкинъ, но предложилъ на то тогдашняго кабинетскаго министра князя Черкаскаго, разсудивъ неосновательно, что сей столь же охотно согласится на сіе, какъ и прежде того сдѣлалъ, а ямянно: когда онъ покойной императрицѣ подносилъ прошеніе отъ дворянъ объ уничтоженіи аристократической формы правленія. Сдѣлавъ такое положеніе, назначенъ былъ и день, чтобы объ ономъ предложить князю Черкаскому.

Когда означенный день наступилъ, то упомянутые отставные лейбъ-гвардіи офицеры, явсь къ князю Черкаскому, представили о причинѣ своего прихода, напоминали ему о прежнемъ для блага отечества предпринятомъ подвигѣ, и усильнѣйше просили, дабы онъ, обще съ ними, пошелъ къ принцессѣ и за нихъ предстательствовалъ. Князь Черкаскій, выслушавъ ихъ весьма терпѣливо, похвалилъ намѣреніе ихъ, и подъ предлогомъ отправленія необходимо нужныхъ дѣлъ, просилъ ихъ, дабы они на другой день опять къ нему пришли. Но самъ, отпустя ихъ, поѣхалъ прямо къ герцогу и увѣдомилъ его обо всемъ, что происходило.

Черезъ два часа всѣ вышеобъявленные къ князю Черкасскому прїѣзжавшіе офицеры арестованы и того же дня начали о другихъ сообщникахъ ихъ подъ пыткой допрашивать.

Они указали на нѣкоторыхъ, но ни одинъ не объявилъ о графѣ Головкинѣ, хотя весьма строго о томъ развѣдывали, поелику каждому извѣстно было, что они графскіе кліенты. Одинъ изъ уличенныхъ былъ секретарь изъ россіянъ принца Брауншвейгскаго. Когда сего пытать стали, то онъ признался не токмо что объ ономъ дѣлѣ вѣдалъ, но открылъ также совсѣмъ новый заговоръ, къ которому употребленъ онъ съ вѣдома и съ согласія принца. По его извѣту намѣреніе было такое, чтобы уговорить офицеровъ изъ того лейбъ-гвардіи полка, въ которомъ принцъ Брауншвейгскій былъ подполковникомъ, и какъ весь полкъ согласенъ будетъ, то приступить ко двору и взять регента со всѣми его участниками. Между тѣмъ секретарь открылся дотолѣ одному токмо офицеру, а имянно, капитану князю Путятину, и возложилъ на него стараніе склонять прочихъ. Путятинъ тожь подъ пыткой во всемъ признался и показалъ поимянно тѣхъ, которыхъ подговаривалъ. Сихъ было числомъ два капитана и одинъ поручикъ изъ означеннаго лейбъ-гвардіи полка.

Теперь герцогъ довольные имѣлъ опыты, что его правленіемъ публика была недовольна. Не смотря на то, отваживался онъ подкрѣплять себя строгостію, полагаясь особенно на вѣрность двухъ лейбъ-гвардіи полковъ, какъ то Измайловскаго и Коннаго, изъ которыхъ первымъ командовалъ его братъ Густавъ Виронъ, а другимъ старшій его сынъ, принцъ Петръ.

И такъ желая принцу Брауншвейгскому показать, сколь мало онъ его страшится, приказалъ онъ его къ себѣ попросить, выговаривалъ ему въ присутствіи многихъ особъ за покушеніе по извѣту секретаря, называлъ его неблагодарнымъ, кровожаднымъ и что онъ, есть-ли-бъ имѣлъ въ рукахъ своихъ правленіе, сдѣлалъ бы несчастнымъ и сына своего и всю имперію. Даже когда принцъ безъ намѣренія положилъ лѣвую руку на ефесъ своей шпаги, то герцогъ, принявъ сіе за угрозу, и ударяя по своей, говорилъ, что онъ готовъ и симъ путемъ, буде принцъ желаетъ, съ нимъ раздѣлаться. По долгомъ словопреніи, на которомъ принцъ во всемъ запирался, и увѣрялъ, что онъ никакого зла на него не мыслить, разошлись они другъ съ другомъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ слѣдствій.

Но на другой день герцогъ препоручилъ дядѣ моему, дѣйствительному тайному совѣтнику Миниху, съѣздить къ принцу и изясниться, что буде онъ желаетъ, дабы впредь ему вѣрили, то обязанъ дать за себя залогъ, состоящій въ томъ, чтобы онъ неукоснительно отказался отъ своего званія генераль-поручика отъ арміи, и особливо отъ должности лейбъ-гвардіи подполковника. Принцъ согласился на сіе, и послалъ того же дня герцогу объявить, что онъ должности свои низлагаетъ, о чемъ тотчасъ при арміи и лейбъ-гвардіи полкахъ опубликовано было.

Герцогъ не удовольствовался таковымъ оскорбленіемъ, принцу нанесеннымъ, но отправилъ къ нему еще странное посольство съ извѣщеніемъ, что благо и полезно для него остаться на нѣсколько дней въ своемъ домѣ; ибо опасаться надлежитъ, чтобы народъ, огорченный за множество ради его истязанныхъ людей, не отважился, статься можетъ, предпринять что либо непристойное противъ его особы.

Въ семъ положеніи находились дѣла и ежедневно ожидали, что какъ принцъ, такъ и принцесса или выйдутъ изъ государства, или должны будутъ въ отдаленномъ мѣстѣ милостивымъ довольствоваться подаваніемъ; какъ вдругъ отецъ мой предпріялъ всѣ дальнѣйшія насильствія прекратить, и сіе произвелъ онъ въ дѣйство слѣдующимъ образомъ.

8 числа ноября (1740 г.) предъ полуднемъ, поѣхалъ онъ къ принцессѣ, представилъ ей, какой опасности не токмо всѣ вѣрные служители императорскихъ родителей, но также и сама она, подвержены въ случаѣ, когда герцогъ Курляндскій далѣе въ регентствѣ останется, и вызвался, буде ей токмо угодно, предать герцога арестантомъ въ ея руки; но дабы офицерамъ и солдатамъ, которыхъ онъ къ тому употребить намѣренъ, придать больше бодрости, просилъ онъ благоволенія присутствовать ей при томъ персонально. Чѣмъ меньше принцесса такового предложенія ожидала, тѣмъ прїятнѣе оно ей было; но только не могла рѣшиться, чтобы самой туда поѣхать. Между тѣмъ договоренось, чтобы отецъ мой въ наступающую ночь прїѣхалъ опять къ принцессѣ, взялъ отъ нея съ караула потребную команду, и съ оною регента арестовалъ. Послѣ чего отецъ мой, присовѣтовавъ ей никому и даже ея супругу ни слова о томъ не сказывать, откла-

нялся и поѣхалъ прямо къ герцогу почтеніе свое отдать, и что того страннѣе—въ тотъ же самый день у него обѣдалъ.

Послѣ стола отецъ мой, возвратясь въ свой домъ, ожидалъ ночи съ великою нетерпѣливостію. Между тѣмъ жена моя, которая столь же мало, какъ и я, о томъ вѣдала, обще съ бароншею Менгденъ, своячиною моею, поѣхала къ герцогинѣ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи съ ними просидѣла. При семъ случаѣ герцогъ приказалъ чрезъ жену мою сказать ея свекру, а моему отцу, что какъ скоро погребеніе императрицы отправлено будетъ, то онъ повелитъ выдать ему нарочитую сумму денегъ на уплату его долговъ. Когда же жена моя поздно домой пріѣхала, и считала, что отецъ мой уже спитъ, то исполненіе своего препорученія отложила до другаго утра.

Около двухъ часовъ по полуночи, отецъ мой съ однимъ токмо тогдашнимъ генеральсь-адъютантомъ своимъ, подполковникомъ Манштейномъ, послѣ бывшимъ генераль-маіоромъ въ прусской службѣ, поѣхалъ во дворецъ, вошелъ въ заднія ворота, которыя нарочно на то отверсты стояли, и прямо въ покои принцессы. Принцесса легла уже опочивать съ своимъ супругомъ; но напередъ наказала жены моей сестрѣ, фрейлинѣ Іуліанѣ Менгденъ, какъ скоро отецъ мой придетъ, войти къ ней и ее разбудить. Сія, сколько ни старалась, не могла исполнить оное такъ скромно, чтобы и принцъ отъ того не пробудился; но какъ сей вопросилъ у принцессы, что ей сдѣлалось и зачѣмъ она встаетъ, то въ отвѣтъ сказала она, что ей занемоглось, и чтобъ онъ остался въ постели, а она тотчасъ назадъ будетъ.

Вышедъ къ отцу моему, говорилъ онъ ей, что теперь настоящая пора дѣло свершить, и вторично просилъ, дабы она вмѣстѣ съ нимъ поѣхала.

Она ни подъ какимъ видомъ на то не соглашалась, почему отецъ мой совѣтовалъ, чтобъ она, по крайней мѣрѣ, приказала позвать въ верхъ караульныхъ офицеровъ, и объявила имъ о семъ предпріятіи, сдѣлавъ увѣщеваніе, дабы они вѣрно во всемъ поступили и за нимъ слѣдовали.

Сей совѣтъ принять и когда офицеры вошли, то она вѣщала, что она надѣется на нихъ какъ на честныхъ людей, что не отрекутся малолѣтнему императору и его родителямъ важнѣйшую оказать

услугу, состоящую въ томъ, чтобы арестовать герцога, котораго насильствія сколько имъ ненавистны, столько и извѣстны. Почему и просить она все, что отъ фельдмаршала приказано будетъ, добротн исполнять и увѣрену быть, что ихъ вѣрность безъ награжденія оставлена не будетъ. Наконецъ, обняла она отца моего, допустила офицеровъ къ рукѣ и желала имъ благополучнаго успѣха.

Послѣ сего пошелъ онъ съ ними въ коръ-де-гардію, взявъ 30 человекъ съ караула съ тремя офицерами, и направилъ стопы своя прямо къ лѣтнему дворцу, въ которомъ регентъ тогда находился.

Въ сіе самое время лежалъ я, не вѣдая ничего, въ передней комнатѣ у малолѣтнаго императора, будучи тогда дежурнымъ камергеромъ, въ пріятнѣйшемъ снѣ; почему не мало ужаснулся какъ вдругъ, пробудясь, увидѣлъ принцессу на моей постели сидящую. Я вопросилъ о причинѣ: она съ трепещущимъ голосомъ отвѣчала.

— «Мой любезный Минихъ, знаешь-ли, что твой отецъ предпріалъ? Онъ пошелъ арестовать регента». Къ чему присовокупила еще: «дай Боже! чтобы сіе благополучно удалось!»

И я того же желаю, сказалъ я, и просилъ, чтобъ она не пугалась, представляя что отецъ мой не преминулъ надежныя на то принять мѣры.

Потомъ принцесса обще съ фрейлиною Менгденъ, которая одна при ней находилась, пошла въ спальню малолѣтнаго императора, а я скорѣе выскочилъ изъ постели и одѣлся. Не много спустя пришелъ и принцъ, которому принцесса тутъ во всемъ открылась.

Съ какою теперь нетерпѣливостію ожидали мы извѣстія объ успѣхѣ означеннаго предпріятія, оное всякъ легко себѣ вообразить можетъ.

Регентъ, какъ упомянуто, обрѣтался въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ лежало еще тѣло покойной императрицы. Здѣсь находился караулъ слишкомъ изъ трехъ сотъ человекъ, которые, буде бы на герцогской сторонѣ были, арестованію его легко воспрепятствовать могли, но отецъ мой изъ предосторожности къ предпріятію сему избралъ такой день, въ которой всѣ караулы изъ Преображенскаго полку наряжены, гдѣ онъ былъ подполковникомъ.

Приблизясь на нѣсколько шаговъ къ лѣтнему дворцу, выслалъ онъ впередъ офицера сказать караульному капитану, дабы онъ никакого шума не подымалъ, а пришелъ бы къ нему съ двумя другими офицерами. Сіи явились безъ замедленія, и когда онъ о причинѣ своего прихода имъ объявилъ, то они увѣряли, что у нихъ ни одинъ караульный не пошевелится. Послѣ чего отецъ мой продолжалъ шествіе свое до самаго вѣзда во дворецъ. Отсюда отрядилъ онъ своего генеральскаго адъютанта Манштейна съ 12 гренадерами въ герцогскія комнаты.

Всѣ мимо встрѣчающіеся часовые, по данному имъ приказу, пропускали его безъ задержанія, такъ что Манштейнъ дошелъ благополучно до дверей спальни и приказалъ ихъ ломать, потому что они изънутри заперты были. Герцогъ пробудился на сей шумъ, вскочилъ и думая, что его убить хотятъ, намѣренъ былъ подъ кровать спрятаться; но Манштейнъ наступилъ на него и пока герцогъ руками и ногами оборонялся, подбѣжали гренадеры и его схватили. Накинувъ на него шубу, посадили его въ подвезенную отца моего карету. Супруга его и дѣти оставлены въ ихъ покояхъ за карауломъ. Съ сею добычею отецъ мой отправился опять къ принцессѣ, и принесенною имъ самимъ первою вѣстію неизреченную произвелъ радость.

На семъ возвращеніи арестованъ также и братъ герцога Густавъ Биронъ, имѣвшій жительство въ одной мимо лежащей улицѣ, и то же самое въ ту же ночь сдѣлано надъ тайнымъ совѣтникомъ и кабинетскимъ министромъ Бестужевымъ, котораго винили, что онъ отменно преданъ былъ регенту.

За симъ герцога, равно какъ и брата его, посадили до дальнѣйшаго распоряженія въ особыхъ покояхъ дворца за крѣпкимъ карауломъ.

Еще предъ разсвѣтомъ обнаружено о семъ происшествіи въ цѣломъ городѣ и всѣ чиновники вообще, по учиненнымъ повѣсткамъ, съѣхались ко двору. По принесенномъ поздравленіи родителямъ императора, было чрезвычайное собраніе совѣта, въ которомъ положено просьбою утруждать принцессу, съ титуломъ императорскаго высочества великой княгини Россійской, принять правленіе во время малолѣтства ея сына.

Принцесса, принявъ оное ко благоугодности своей, и по отпѣтіи литургіи и благодарственного молебна при пущечной пальбѣ учинена ей въ вѣрности присяга, и въ тотъ-же самый день, какъ во всѣ провинціи Имперіи, такъ и къ иностраннымъ дворамъ, отправлены курьеры съ извѣстіемъ о сей воспослѣдовавшей перемѣнѣ.

Въ вечеру прежде бывшій регентъ купно со своею фамиліею подъ сильнымъ прикрытіемъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ 60 верстахъ отъ Санктпетербурга. Принцесса при вывозѣ его изъ дворца стояла у окна и смотрѣла; но не могли удержать своихъ слезъ, вѣщала, что она совсѣмъ иное ему готовила, есть-ли-бъ онъ самъ не понудилъ ее иначе съ собою поступить, присокупя къ тому, что есть-ли-бъ онъ прежде предложилъ ей добровольно правленіе, то бы она съ честію и со всѣми сокровищами отпустила его въ Курляндію.

Слѣдующій день назначенъ былъ для раздачи разныхъ милостей и чиновъ, и всѣмъ, кои входъ ко двору имѣютъ, повѣщено предъ полуднемъ собраться въ комнатахъ принцессы.

Дабы не показалось кому либо страннымъ, что въ сіе производство графъ Остерманъ великимъ адмираломъ и князь Черкасской великимъ канцлеромъ пожалованы, нужнымъ считаю вкратцѣ упомянуть, какія причины служили къ тому поводомъ.

Утромъ весьма рано приказалъ отецъ мой позвать къ себѣ меня, купно съ президентомъ барономъ Менгденомъ, и предложилъ, чтобы мы, кого считаемъ достойнымъ къ пожалованію или къ награжденію, представили ему, и притомъ съ показаніемъ нашего мнѣнія, чѣмъ и какъ кто наилучше награжденъ быть можетъ. Мы исполнили сіе тутъ же; послѣ чего приказалъ онъ мнѣ взять перо и писать, что онъ мнѣ говорить станетъ. Первое было, чтобы ея высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея, и второе генераль-фельдмаршала графа Миниха, за оказанную имъ услугу, пожаловать въ генералиссимы.

Окончавъ сіе, представилъ я ему, что хотя онъ по всѣмъ правамъ и заслугамъ сего достоинства требовать можетъ, однако я думаю, что статья можетъ принцъ Брауншвейгскій для себя оное готовить; почему и нужно бы было пристойнымъ образомъ о семъ у него развѣдать; въ каковомъ случаѣ совѣтовалъ я отцу моему испросить себѣ титулъ перваго министра. На сіе онъ согласился, и оставя прежде упомянутое достоинство избралъ для себя послѣднее.

Послѣ сего спросилъ отъ меня и барона Менгдена, какъ же можетъ графъ Остерманъ надъ собою терпѣть перваго министра? Мы отвѣчали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое съ высшимъ чиномъ сопряжено, нежели каковъ онъ по сіе время имѣлъ.

Отецъ мой вѣщалъ, что онъ вспомнилъ какъ графъ Остерманъ въ 1732 году, работая надъ новымъ положеніемъ для флота, намекалъ, что онъ охотно желалъ бы быть великимъ адмираломъ.

— Да кто же будетъ великимъ канцлеромъ? спросилъ я.— Видя, что отецъ мой на сіе ничего не отвѣчалъ, сказалъ я, что хотя князь Черкасскій за свои поступки больше наказанія, нежели награжденія заслуживаетъ, однако я думаю, что въ началѣ новаго правленія милосердіемъ и великодушіемъ скорѣе утвердиться можно, нежели чрезъ мѣру строгимъ изслѣдованіемъ и наказаніемъ уличенныхъ преступниковъ; что въ сходствіе того ея высочество великая княгиня не можетъ убѣдительношаго предъявить довода своего великодушія, какъ естьли упомянутаго князя Черкасскаго на вакантное великаго канцлера достоинство возвысить. Наконецъ, дабы знатнѣйшія достоинства оставались

въ рукахъ паче у природныхъ Россіянъ, нежели у иностранцевъ, то еще предложилъ я графа Михайла Головкина въ вице-канцлеры.

Когда потомъ, какъ выше упомянутыя, такъ и другія къ повышенію и награжденію слѣдующія особы росписаны, то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съзвать во дворецъ и поднести оное принцессѣ на утвержденіе.

По прошествіи вѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи.

Около 11-ти часовъ предъ полуднемъ, когда всѣ по учиненнымъ повѣсткамъ въ переднихъ комнатахъ собрались, выступила великая княгиня, одѣянная въ голубой лентѣ и со звѣздою ордена св. Андрея, и жаловала всѣхъ къ рукѣ. Потомъ отъ имени императора читано росписаніе о пожалованныхъ, въ силу котораго принцъ Брауншвейгскій объявленъ генералиссимомъ всея сухопутныя и морскія силы. Далѣе пожалованы: фельдмаршалъ графъ Минихъ первымъ министромъ, графъ Остерманъ великимъ адмираломъ и остаться ему при иностранныхъ дѣлахъ, князь Черкасскій великимъ канцлеромъ, и князь Михайло Головкинъ вице-канцлеромъ и кабинетскимъ министромъ.

Орденъ св. Андрея получили: оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генераль-аншефъ Ушаковъ, адмиралъ Головинъ и пребывающій въ Гагѣ посланникъ графъ Александръ Головинъ.

Орденъ св. Александра Невскаго пожалованъ президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и въ отсутствіи находившемуся тайному совѣтнику и камергеру князю Юсупову. Оберъ-маршалъ графъ Левенволде и дядя мой тайный совѣтникъ Минихъ получили на заплату долговъ своихъ, первый 80 тысячъ и другой—20 тысячъ рублей.

Гофмаршалу Шепелеву и генераль-маіору Апраксину пожалованы богатые деревни въ Россіи, не упоминая о многихъ другихъ повышеніяхъ чинами и подаркахъ.

Какъ по окончаніи сей церемоніи отецъ мой вторично принесъ принцессѣ свое благодареніе, то она вручила ему ордеръ о принятіи 100 тысячъ рублей изъ рентереи, приказавъ притомъ перебраться близъ дворца въ тотъ домъ, гдѣ прежде она сама пребываніе свое имѣла.

Въ тотъ же самый день принцесса всемилостивѣйше пожаловала меня оберъ-гофмаршаломъ съ чиномъ генераль-порутчика и съ жалованьемъ и пенсією по 3.000 рублей въ годъ. Сверхъ того указала она мнѣ имѣть придворный экипажъ, каковымъ другіе высокіе чины императорскаго двора пользуются, и пожаловала мнѣ въ подарокъ домъ неподалеку отъ дворца.

Принцесса оказала также помилованіе бѣднымъ арестантамъ, заключеннымъ отъ прежняго регента, и претерпѣвшимъ пружасное истязаніе. Они всѣ немедленно освобождены и частію чинами повышены, частію же съ награжденіями къ прежнимъ мѣстамъ опредѣлены. Надъ тѣми, которые пытку выдержали, прикрывали напередъ знамя. Послѣ того они всѣ жалованы къ рукѣ, при чемъ съ одной стороны соболѣзнованіе и съ другой признательность искреннѣйшія извлекали слезы.

Благородное и къ милосердію склонное ея сердце воспоминало при первомъ началѣ принятія регентства и о тѣхъ несчастныхъ, которые въ правленіе императрицы Анны Іоанновны за государственныя преступленія въ Сибирь и въ другія мѣста въ ссылку сосланы были. Она въ досужные часы свои прослушавъ дѣла о важнѣйшихъ изъ сихъ преступниковъ, почти всѣ учиненные надъ ними приговоры отмѣнила. Число сихъ сосланныхъ, какъ знатныхъ, такъ и простаго званія людей, простиралось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, между коими находились также Курляндскіе дворяне.

Прежде нежели я приступлю къ прочимъ произшествіямъ краткаго правленія сея принцессы, намѣренъ я немногими словами описать личныя ея качества.

Она сопрягала съ многими остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснѣе, какъ толь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе; почему и произошло, что люди, пріобывшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надмѣнною и яко бы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ внѣшней холодности, была она внутренно снисходительна и чистосердечна. Принужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцатъ лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Іоанновны (поелику тогда кромѣ торжественныхъ дней никто посторонній къ ней

входить не смѣлъ и за всѣми ея поступками строго присматривали), вліяла въ нее такой вкусъ къ уединенію, что она всегда съ неудовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства надлежало ей принимать и являться въ публикѣ. Пріятнѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала она сколько вольна въ обхожденіи, столько и весела въ обращеніи. Дѣла слушать и рѣшить не скучала она ни въ какое время, и дабы бѣдные люди способнѣе могли о нуждахъ своихъ ей представлять, назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю, въ который дозволялось каждому прошеніе свое подавать во дворцѣ кабинетскому секретарю. Она знала цѣнить истинныя достоинства и за оказанныя заслуги награждала богато и добродушно. Великодушіе ея и скромность произвели, что она вовсе не была педовѣрчива и многихъ основательныхъ требовалось доводовъ, пока она повѣритъ какому либо впротчемъ и несомнѣнному обвиненію. Для снисканія ея благоволенія нужна была больше откровенность, нежели другія совершенства. Въ законѣ своемъ была она усердна, но отъ всякаго суевѣрія изъята. Обращеніе ея было большею частію съ иностранными, такъ что нѣкоторые изъ чужестранныхъ министровъ каждодневно въ частныя ея бесѣды приглашались ко двору. Хотя она привезена въ Россію на второмъ году возраста своего, однако, пособіемъ окружавшихъ ее иностранцевъ, знала нѣмецкій языкъ совершенно. По французски разумѣла она лучше, нежели говорила. До чтенія книгъ была она великая охотница, много читала на обоихъ упомянутыхъ языкахъ, и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматическому стихотворству. Она мнѣ часто говаривала, что нѣтъ для нея ничего пріятнѣе, какъ тѣ мѣста, гдѣ описывается несчастная и плѣнная принцесса, говорящая съ благородною гордостію. Она почитала много людей съ такъ называемымъ счастливымъ лице-расположеніемъ, и судила большею частію по лицу о душевныхъ качествахъ человѣка. Къ домашнимъ служителямъ своимъ была она снисходительна и благотворна.

Я съ моей стороны имѣю причину, какъ за многія изліяныя на меня милости, такъ и за дружественное обхожденіе, которымъ она меня удостоивала, почитать память ея во всю жизнь мою съ величайшею признательностію.

Что касается до внѣшняго ея вида: росту была она средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтныя, а лице-начертаніе хотя и не регулярно пригожее однако пріятное и благородное. Въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, но собственному изобрѣтенію, отъ чего большею частію убиралась не къ лицу.

Какъ скоро трактатъ, о которомъ выше упомянуто, между королемъ польскимъ и бывшимъ регентомъ заключенъ, то не оставилъ саксонскій дворъ въ то же время сообщить объ ономъ берлинскому двору; а сіе возродило въ семъ надежду, Россію безъ всякаго затрудненія на то преклонить, и что она въ исполненіи его намѣреній на австрійское наслѣдство препятствовать ему не будетъ. Въ сходствіе чего прусскому министру въ Санктпетербургѣ и повелѣно уже было вступить въ переговоры. Но сей едва успѣлъ къ тому приступить, какъ паденіе регента воспослѣдовало. Когда же чрезъ сіе совсѣмъ другой оборотъ дѣлъ въ Россіи произошелъ, поелику нельзя было подумать, что великая княгиня и ея супругъ, какъ ближайшіе родственники королевы венгерской, станутъ безпристрастнымъ окомъ взирать на поддержаніе прагматической санкціи, то король прусскій, остановя начатую негоціацію, старался здѣшняго двора благосклонность снискать предложеніемъ къ постановленію дружественнаго трактата и оборонительнаго союза, и чрезъ то какъ бы его усыпить; почему и далъ онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ барону Мардефельду повелѣніе вручить проектъ означеннаго союза Россійскому министерству.

Отецъ мой лежалъ тогда при смерти боленъ, и прошло нѣсколько недѣль, пока онъ въ состояніи былъ приняться паки за дѣла. Между тѣмъ графъ Остерманъ, который всегда Прусскому двору доброжелательствовалъ, въ предосужденіе австрійцевъ умѣлъ принцессѣ съ столь хорошей стороны объ ономъ дѣлѣ представить, что она склонилась на то совершенно. Какъ скоро отецъ мой не много пооправился, приказала она извѣстить его объ ономъ съ истребованіемъ его мнѣнія. Отецъ мой отвѣчалъ, что заключить союзъ съ королемъ прусскимъ, близкимъ и сильнымъ сосѣдомъ Россіи, при малолѣтствѣ императора и предстоящемъ разрывѣ мира со шведами, не иначе какъ крайне

вредно и предосудительно для Имперіи быть можетъ; но какъ въ гарантіи Австрійскаго наслѣдства принято со стороны Россіи участіе, и время еще не дозволило распознать, отъ кого королева Венгерская добра или зла ожидать имѣеть, а чаятельно въ скоромъ времени не преминуть отъ вѣнскаго двора вступить на то предложенія, то полагаетъ онъ своимъ мнѣніемъ, что благопрістойности и искренности соразмѣрно остановить постановленіе всякихъ новыхъ трактатовъ до того, пока можно будетъ видѣть, какимъ образомъ свойственнѣе сообразить ихъ съ прежними.

Между тѣмъ какъ настоящія намѣренія короля прусскаго въ то время никому отнюдь извѣстны не были, и принцесса на томъ настояла, то и постановленъ трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: обѣ стороны гарантируютъ одна за другую владѣнія своихъ земель, и въ случаѣ непріятельскаго наступленія имѣеть одна другой посылать по 12.000 человекъ вспомогательнаго войска.

По поводу сего король прусскій предлагалъ отцу моему вотчину Бигенъ въ Бранденбургіи, купно съ суммою 3.000 рейхсталеровъ; но онъ пристойнымъ образомъ отъ обоего отказался, съ такимъ увѣреніемъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ стараться будетъ удостовѣрить короля въ искренней преданности своей.

Не за долго до праздника Рождества Христова совершенно погребеніе императрицы Анны Иоанновны со всѣми употребительными въ Россіи обрядами наивеликолѣпнѣйше. Принцесса шествовала за гробомъ пѣшкомъ.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1741 года пріѣхалъ отправленный отъ короля прусскаго генераль-адъютантъ господинъ Винтерфельдъ, зять моей мачихи, въ Санктпетербургъ, съ принесеніемъ отъ имени короля поздравленія принцессѣ со вступленіемъ въ регентство. Оный же господинъ Винтерфельдъ привезъ отцу моему собственноручное отъ короля письмо, съ изустнымъ притомъ увѣреніемъ о всегдашнемъ и непремѣнномъ его уваженіи и почитаніи. И наконецъ упомянутый Винтерфельдъ имѣлъ препорученіе поднести мнѣ вышеозначенный подарокъ, который отцемъ моимъ не принять.

Винтерфельдъ, по принесеніи на приватной аудіенціи великой княгинѣ отъ короля поздравленія и по полученіи отъ имени

ея чрезъ меня отвѣта, продолжалъ рѣчь свою тако: что поелику король, его государь, вотчину Бигемъ единожды на всегда пред- назначилъ той особѣ въ Россіи, которая будетъ его другомъ, а фельдмаршалъ Минихъ принять ее не хочетъ, то и препору- чаетъ онъ упомянутую вотчину въ собственное распоряженіе ея императорскаго высочества, прося, дабы она благоволила пожаловать оную въ вѣчное и потомственное владѣніе кому- либо изъ фамиліи фельдмаршала Миниха, и буде ея высочеству угодно, именно его сыну.— Великая княгиня отвѣчала на сіе, что весьма охотно соглашается удовлетворить въ семъ случаѣ желанію короля. И такъ я засвидѣтельствовалъ первое мое благодареніе принцессѣ, а потомъ отблагодарилъ и королю чрезъ письмо, которое Винтерфельдъ повезъ съ собою и на которое обратно получилъ я весьма благосклонное отписаніе.

Почти въ то же время пріѣхалъ въ Санктпетербургъ саксонскій полковникъ Нейбауръ для принесенія принцессѣ отъ имени короля польскаго поздравленія со вступленіемъ въ регентство.— Сей имѣлъ, сверхъ того, препорученіе отъ государя своего, тогдашняго имперскаго викарія, предложить отцу моему дипломъ на графское достоинство Римской имперіи, а мнѣ орденъ Бѣлаго Орла.

Сей орденъ вскорѣ потомъ привезенъ уполномоченнымъ отъ упомянутаго короля министромъ графомъ Линаромъ, и въ 17 день генваря имѣлъ я честь знаки онаго ордена принять изъ рукъ принцессы.

Въ уваженіи родства съ отцомъ моимъ, получили также означенный орденъ президентъ и камергеръ Карлъ Лудвигъ баронъ Менгденъ и мой зять графъ Солмсъ, тогдашній россійскій министръ при саксонскомъ дворѣ.

Маркизь де Ботта въ прошлое пребываніе свое при дворѣ россійскомъ умѣлъ привѣтливими поступками своими пріобрѣсть благоволеніе принцессы столько, что она, по вступленіи своемъ въ регентство, не токмо вѣнскому двору обозначила, что назначеніе упомянутаго маркиза въ качествѣ министра при россійскомъ дворѣ не токмо особенно будетъ для нея пріятно, но также приказала мнѣ къ нему отписать и уговорить его лично объ ономъ мѣстѣ домогаться; какъ первое, такъ и другое имѣли такой успѣхъ, что онъ въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Санктпетербургъ.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда получилъ отецъ мой письмо отъ королевы венгерской, въ которомъ сія монархиня не токмо всемилостивѣйше удостовѣрила его въ своемъ высокомъ благоволеніи, но также пожаловала ему господство Виртембергское въ вѣчное и потомственное владѣніе.

По сіе время королева венгерская пользовалась тишиною, ничего меньше не ожидала, какъ нечаяннаго короля прусскаго вступленія съ войскомъ въ Силезію. Извѣстіе о семъ происшествіи подало поводъ къ преважнымъ разсужденіямъ въ Санктпетербургѣ, потому наипаче, что неминуемо отъ вѣнскаго двора ожидали требованія помощи противъ короля прусскаго, съ которымъ однакожъ не вдавнѣ союзъ постановленъ и съ которымъ неохотно желали раздружиться, по причинѣ опасенія къ разрыву мира съ шведами. Въ семъ замѣшательствѣ оставалось единое удобнѣйшее средство, а именно: стараться письмомъ склонить короля прусскаго, миролюбно условиться съ королевою венгерскою и на сіе предложить посредство россійскаго двора.

Означенное письмо, которое самъ графъ Остерманъ сочинялъ, почитается, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ, каковое когда-либо изъ его пера происходило.

Отвѣтъ короля прусскаго на то гласилъ, что буде королева венгерская миролюбно согласится уступить ему тѣ княжества въ Силезіи, на которыя онъ законное право требованія имѣеть, то онъ не токмо намѣренъ заключить съ нею миръ, но также обязуется вспомоцествовать ей всею силою своею противъ всѣхъ оказывающихся впредь ея непріятелей.

Частое повтореніе сея деклараціи со стороны короля прусскаго ко двору россійскому не подаетъ никакого сомнѣнія заключать, что есть-ли-бы королева въ самомъ началѣ рѣшилась немногимъ чѣмъ пожертвовать, то бы она, конечно, не потеряли большую часть Силезіи. Но непримиримость къ королю прусскому и тогдашняя удивительная довѣренность къ Франціи были причиною, что ни о какомъ примирительствѣ со стороны вѣнскаго двора слышать не хотѣли; а охотнѣе желали, какъ маркизь де Ботта отцу моему сказывалъ, предаться въ руки французовъ.

Симъ образомъ въ Вѣнѣ ни о чемъ другомъ какъ о мщеніи не помышляли, и дабы оное на дѣлѣ изъявить, предложенъ отъ вѣнскаго министерства проектъ тройнаго союза, въ который надѣялись вовлечь Россію и короля польскаго. Они думали петербургскій дворъ побудить къ тому безъ дальнихъ затрудненій; а саксонскій склонить знатными обѣщаніями. Последнее имѣло даже такой успѣхъ, что уже въ мартѣ мѣсяцѣ работали въ Дрезденѣ надъ планомъ, по силѣ котораго положено соединенными російскими, австрійскими и саксонскими силами атаковать короля прусскаго, и его земли, какъ добычу, раздѣлить между собою. Тутъ ничего другаго не требовалось, какъ единственно приступленія Россіи для дѣйствительнаго исполненія толь важнаго проекта. А какимъ образомъ домогались онаго, и съ какимъ усердіемъ отецъ мой тому сопротивлялся, оное явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

Коль скоро король прусскій вступилъ съ войскомъ своимъ въ Силезію, то вѣнскіе министры, въ Санктпетербургѣ пребывавшіе, маркизь де-Ботта и резидентъ Гохголцеръ, въ силу трактата, неукоснительно требовали отъ російскаго двора вспоможенія наисильнѣйше. На сіе представлено имъ, что російскій дворъ сколь искренно ни расположенъ съ своей стороны способствовать къ поддержанію прагматической санкціи, однако осторожность требуетъ не прежде вдаваться въ толь обширное дѣло, пока не извѣстится о мѣрахъ, принятыхъ по сему обстоятельству отъ двухъ главнѣйшихъ гарантировавшихъ державъ, а именно: Англіи и Голландіи. Сверхъ того надѣется онъ, что доколѣ королева не будетъ другихъ имѣть непріятелей, кромѣ одного короля прусскаго, дотолѣ можетъ она собственно своею силою управляться. При семъ за полезнѣйшее почитается, чтобы австрійскій домъ, по велику вящшія статья можетъ угрожаютъ ему напасти, старался короля прусскаго, пожертвованіемъ ему нѣкоторыхъ земель, сдѣлать своимъ другомъ, нежели вдаваясь съ нимъ въ войну истощать свои силы.

Но вѣнскій дворъ, не принимая сихъ наставленій и совѣтовъ, настоялъ на прямомъ ему вспоможеніи и не упустилъ притомъ ничего, что могло служить къ раздраженію принцессы и принца Брауншвейгскаго лично противъ короля прусскаго, къ чему принуждены были всѣми мѣрами и частыми письмами способствовать обѣ вдовствующія герцогини Брауншвейгскія, изъ

которыхъ одна была бабушка какъ королевы венгерской, такъ и принца, а другая мать сего и тетка королевы. Онѣ подѣйствовали столько, что какъ скоро дрезденскій планъ двору сообщенъ, то принцесса въ непродолжительномъ времени его одобрила.

Графъ Остерманъ, который за болѣзненными припадками своими не выѣзжалъ больше изъ дому, снискалъ толикую довѣренность отъ принца Брауншвейгскаго, что сей ни единого дня не упускалъ, чтобы его не посѣтить. Какъ скоро онъ чрезъ упомянутаго принца извѣстился о намѣреніяхъ великой княгини, касательно дрезденскаго плана, то почелъ нужнымъ благопріятный сей случай изловить, какъ для того, чтобы собственно самому подслужиться, такъ и дабы легко предвидѣнному отъ отца моего противорѣчію придать несправедливый и ненавистный толкъ. Въ сходствіе чего воздержался онъ отъ всѣхъ возраженій, но представлялъ, что можно безъ отлагательства времени уполномочить російскаго при саксонскомъ дворѣ министра въ ближайшую относительно означеннаго союза вступить конференцію.

Когда потомъ принцесса, при особенномъ переговорѣ съ отцемъ моимъ, желала вѣдать его мысли, касательно упомянутаго плана, то онъ утверждалъ, что какъ по силѣ дѣйствующихъ уже трактатовъ мы обязаны австрійскому дому давать вспомогательное войско, то и не предвидитъ онъ причины, почто обязанности свои безъ крайней нужды увеличивать, и даже въ противность всей справедливости сосѣда, жившаго съ Россією въ непрестанномъ добромъ согласіи и дружбѣ, непріятельски атаковать и къ погибели его способствовать.

Сіе съ волею принцессы и принца несогласующее отвѣтствіе имѣло точно то дѣйствіе, которое графъ Остерманъ предполагалъ. Искренность отца моего названа пристрастіемъ, и доводъ на оное почерпнуть изъ оказанной графомъ Остерманомъ на то непреклонности, яко изъ несумѣннаго источника.

Почему сей возмнилъ начатую роль свою до конца доиграть, и отца моего, котораго первенства въ министерствѣ никогда онъ терпѣть не могъ, довести до крайности.

Приступленіе къ дрезденскому плану утверждено безъ дальнѣйшихъ съ отцемъ моимъ совѣтованій, и къ російскому министру въ Дрезденѣ сочиненъ рескриптъ, по силѣ котораго имѣетъ онъ вступить въ предложенную негоціацію. Означенный рескриптъ присланъ отъ графа Остермана къ отцу моему для

подписанія съ такимъ отзывомъ, что содержаніе онаго отъ великой княгини именно повелѣно и одобрено.

Отецъ мой чувствительно былъ симъ тронутъ. Онъ поѣхалъ немедленно къ принцессѣ и жаловался, что его принуждаютъ подписывать такія дѣла, кои онъ, по мнѣнію своему, опровергалъ основательно и на которыя никогда согласія своего дать не можетъ; при чемъ изяснялся, что есть-ли принцесса безотмѣнно войну предпринять желаетъ, то онъ совѣтуетъ искреннѣйше, предупредить паче угрожающихъ шведовъ, нежели допускать имъ больше времени и способности сполна вооружиться противъ Россіи. Когда же принцесса въ отвѣтъ на сіе вѣщала, что онъ одинъ сему дѣлу сопротивляется, къ которому графъ Остерманъ и прочіе министры единогласно присовѣтовали, то отецъ мой отвѣчалъ, что прежде нежели долженъ онъ подавать и впредь несоглашеніями своими поводъ принцессѣ къ прогнѣвленію на него, охотнѣе осмѣливается всеподданнѣйше просить уволить его отъ службы. Потомъ откланявшись принцессѣ, и коль скоро домой пріѣхалъ, написалъ онъ письменное возраженіе, для какихъ причинъ не желаетъ рескрипта къ министру въ Дрезденѣ подписывать и приказалъ взнести оное въ протоколъ кабинета.

Графъ Остерманъ купно со своею партією, опасаясь, чтобы постоянство отца моего не открыло очи принцессы. почли за нужное, не теряя времени, настроить многихъ клеветниковъ, которые всѣ разными наговорами и происками преклонили кроткую и великодушную принцессу, что она отца моего отъ службы уволить согласилась.

И такъ 7 числа марта (1741 г.) въ бывшемъ совѣтѣ опредѣлено отца моего отъ службы уволить. Но какъ никто не имѣлъ бодрости объ ономъ его извѣстить, то принцесса за благо разсудила на меня и оберъ-маршала графа Левенвольде сіе препорученіе возложить, съ приказаніемъ объявить отцу моему, что сколь ни совершенно увѣрена она въ искренности и усердіи его къ интересу императора, однако же находитъ себя принужденною, для предупрежденія опасныхъ слѣдствій отъ дальнѣйшаго несогласія въ министерствѣ, даровать ему то, о чемъ онъ самъ ее прозвѣстью своею утруждалъ, увѣряя, что она никогда не забудетъ вѣрныхъ и важныхъ оказанныхъ имъ заслугъ и не преминетъ при настоящемъ случаѣ вещественныхъ изъяснить признаковъ непрестаннаго почитанія и благоволенія своего.

Отецъ мой, принявъ сію вѣсть съ обыкновенною твердостью духа своего, приказалъ намъ обратно принцессѣ донести, что есть-ли увольненіе его отъ службы могло доставить ей малѣйшую благоугодность, то онъ съ удовольствіемъ, исполняя ея повелѣнія, отъ всѣхъ должностей своихъ отрекается, а за присокупленное милостивое увѣреніе свидѣтельствуетъ всепреданнѣйшую свою признательность, ожидая нетерпѣливо того часа, въ который ея высочеству угодно будетъ ему дозволить изустно изъяснить оную.

По полученіи слѣдующаго дня на сіе дозволенія, принцесса опредѣлила ему по 15.000 рублей годовой пенсіи съ тѣмъ, что онъ имѣетъ ее получать гдѣ бы ни разсудилъ жительство свое утвердить.

Сія съ отцемъ моимъ воспослѣдовавшая перемѣна лично для моей персоны не токмо не была вредна, но паче произвела сильнѣйшія увѣренія въ милости со стороны принцессы.

Теперь вѣнское министерство считало себя побѣдителемъ. Маркизь де-Ботта, будучи мой всегдашній другъ, посѣтилъ меня спустя нѣсколько дней послѣ увольненія отца моего отъ службы. Вопросивъ, доволенъ-ли онъ графомъ Остерманомъ, не могъ онъ нахвалиться добрыми его расположеніями. Какъ онъ окончалъ свою рѣчь, то сказалъ я, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моихъ мыслей, сколь ни странны онѣ покажутся, а именно: что по мнѣнію моему вѣнскій дворъ скорѣе достигъ бы цѣли желаній своихъ, есть-ли-бъ отецъ мой при министерствѣ остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему рѣшеніе подавала; что отецъ мой внутренно 'никогда не отдалялъ былъ австрійскому дому способствовать, и есть-ли-бы другихъ требованій кромѣ вспомогательнаго войска не было, то я увѣренъ, что не много стоило бы труда преклонить его на то; ибо онъ коль скоро однажды дастъ свое слово, то всегда оное сдержатъ старается; но что касается до графа Остермана, у него обѣщать и сдержатъ двѣ вещи различныя; что онъ издревле былъ другъ прусскаго двора, а вѣнскому никогда не благопріятствовалъ; что теперешняя его преклонность другаго повода не имѣла, какъ чтобы раздражить принцессу на возраженія отца моего; но что вскорѣ сей Протей умѣтъ будетъ видъ свой столь разнообразно перемѣнять, что маркизу де-Ботта должно

быть сверхъестественному человеку, есть-ли бы восхотѣлъ настоящія мысли его извѣдать.

Предсказаніе мое сбылось совершенно; ибо въ самое то время, какъ всей арміи данъ указъ быть въ готовности къ походу, графъ Остерманъ увѣрилъ прусскаго министра барона Мардефельда по довѣренности своей, что онъ никогда и въ мысляхъ не имѣлъ наносить вредъ королю Прусскому, и что вскорѣ дѣла другой оборотъ примутъ. Сіе самое воспослѣдовало въ скоромъ времени, и когда происшедшее между саксонскимъ и вѣнскимъ дворомъ несогласіе испровергнуло весь проектъ тройнаго союза, а маркизь де-Ботта еще сталъ настоять на диверсіи въ пользу своей королевы, то при торжественнѣйшихъ увѣреніяхъ въ дружбѣ принужденъ онъ былъ отѣхать съ симъ утѣшеніемъ, что безотмѣнно не будетъ оставлено выполнить все то, о чемъ въ трактатахъ договоренось, коль скоро дѣло въ разсужденіи шведовъ развяжется.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года прежде бывшій регентъ и герцогъ курляндскій, содержавшійся доселѣ въ Шлиссельбургской крѣпости, отправленъ, обще съ своею супругою, двумя сыновьями и дочерью, въ Сибирь въ заточеніе. А что отецъ мой въ обнаруженномъ при семъ случаѣ манифестѣ, въ силу котораго, какъ герцогъ, такъ и два брата его и зять, генералъ Бисмаркъ, обвинены въ оскорбленіи величества, не принималъ никакого участія, объ ономъ по времени, въ которое онъ опубликованъ, легко заключать можно.

Поступки и дѣянія отца моего произвели въ прусскомъ королѣ толикое къ нему уваженіе, что онъ не токмо собственноручнымъ писаніемъ увѣрялъ его въ своемъ высокомъ благоволеніи и признательности весьма лестными выраженіями, но также въ таковыхъ расположеніяхъ своихъ существенное удостовѣреніе предъявилъ на дѣлѣ; ибо онъ по завоеваніи Силезскихъ земель, по собственному побужденію, освободилъ Вартенбергское владѣніе отъ всѣхъ налоговъ и военныхъ контрибуцій.

Въ то же почти время вручилъ мнѣ баронъ Мардефельдъ при королевской жалованной грамотѣ на вотчину Бигенъ и вексель въ 2.000 талеровъ курантныхъ, яко принадлежащій мнѣ доходъ за первую половину года съ упомянутой вотчины.

Вологда. 1758 г.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

ЗАПИСКИ МАИШТЕЙНА О РОССИИ

1724—1744 гг.

графа Іоанна Эрнста Миниха

написанныя въ 1770-хъ годахъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Въ 1875 году при „Русской Старинѣ“, въ приложеніи, напечатаны нами „Записки генерала Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг.“ — въ переводѣ съ французскаго подлинника, автографа, принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

Переводъ и изданіе этихъ драгоценныхъ по интересу и значенію Записокъ были исполнены съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля города Павловска, въ дворцовой библиотекѣ котораго хранится помянутая рукопись.

Въ объясненіяхъ, примѣчаніяхъ и среди разныхъ документовъ, сопровождающихъ это изданіе—нами, между прочимъ, сказано:

„Независимо отъ помѣщенныхъ приложеній, мы предполагали дополнить настоящее изданіе „Записокъ Манштейна“ замѣчательными и полными интереса примѣчаніями гр. Эрнста Миниха (род. 1707, † 1788, сынъ фельдмаршала), оберъ-гофмейстера двора правительницы Анны Леопольдовны, сосланнаго, по вошествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Вологду, возвращеннаго оттуда въ 1762 г. и скончавшагося на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. Примѣчанія эти помѣщены въ „Отечественныхъ Запискахъ“ изданія 1825—1828 годовъ, П. И. Свиньина, части XXI—XXV, XXV—XXXIX. Дополняя, исправляя и оспаривая нѣкоторыя извѣстія Манштейна, даже сами по себѣ, безъ отношенія къ его труду—Замѣчанія Миниха-сына принадлежатъ къ числу любопытныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Иоанновны, правленій Бирона и принцессы Анны Леопольдовны.

„Но перепечатывать историческій памятникъ изъ изданія Свиньина, притомъ напечатанный имъ не вполне, мы не признали удобнымъ потому, что въ эпоху издательской дѣятельности этого писателя не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ со стороны Свиньина), исправлять и подновлять слогъ памятника и дѣлать въ немъ сокращенія и пропуски; въ послѣднемъ

отношеніи весьма усердно помогала издателямъ цензура. Всѣ же старанія наши отыскать подлинную рукопись этихъ Замѣчаній или возможно полный и исправный списокъ — до сихъ поръ оказались тщетными“.

Вслѣдъ за выходомъ нашего изданія „Записокъ Манштейна“ — К. А. Висковатовъ нашелъ въ бумагахъ своего покойнаго отца Александра Васильевича Висковатого, известнаго въ свое время любителя отечественной исторіи и военнаго писателя, ту самую рукопись, которую мы тщетно искали, и передалъ ее въ распоряженіе ред. „Русской Старины“.

Рукопись „Замѣчаній“ переписана новымъ почеркомъ настоящаго вѣка, на 100 полулистахъ, и такъ какъ подстрочныя примѣчанія въ ней тѣ же самыя, какія находятся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ П. И. Свинына, то несомнѣнно, что эта именно рукопись служила для напечатанія упомянутыхъ „Замѣчаній на Записки Манштейна“.

Сличая, однако, рукопись съ печатнымъ текстомъ „Отечественныхъ Записокъ“, мы, какъ и предугадывали, нашли весьма существенныя разности — пропуски, сокращенія и измѣненія рукописнаго текста въ печати. Для образца приводимъ на выдержку слѣдующую страницу:

По тексту «Отеч. Зап.»

(стр. 224—226 XXI ч. „Отеч. Зап.“).

„Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семь случаевъ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ тогдашняго времени? Хотя Остерманъ, съ другими, посланъ былъ въ заточеніе, но замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступила такъ противу него и другихъ, съ нимъ посланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведи въ прежнее достоинство. Милосердіе императрицы Елизаветы Петровны простерлось и

По рукописи.

„Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семь случаевъ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?“

„Однако, Елисавета, по вошествіи своемъ на престоль, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, посланъ былъ въ заточеніе. Все пре-

на бывшаго герцога курляндскаго Вирона: возвративъ его изъ Сибири, государыня сія пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елизавета думала, будто Виронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престоль“.

ступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Иоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Иоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою гордостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала жалость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы въ 1730 году исключили ее отъ права наслѣдія.

„Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго, Вирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Виронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престоль, почему и оказала ему такое благодѣявіе“.

Довольно этого образчика, чтобы понять, что новое изданіе „Замѣчаній“ — на напечатанныя нами Записки Манштейна было положительно необходимо, что мы и сдѣлали, дѣликомъ напечатавъ ихъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1879 г.

Кто авторъ „Замѣчаній“ и когда они писаны?

На этотъ вопросъ изслѣдователи отвѣчали различно; между прочимъ, этому вопросу посвящено особое и интересное изслѣдованіе П. Н. Петрова, которое мы помѣстили въ XXVI-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1879 г., послѣ текста „Замѣчаній“. Здѣсь, однако, должны сказать, что „Замѣчанія“ писаны во второй половинѣ прошлаго вѣка, не позже 1770-хъ годовъ, и писаны не Фодоромъ Андреевичемъ Остерманомъ, не гр. Иваномъ Андреевичемъ Остерманомъ, какъ то думали прежде, и не графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, какъ то думалъ и доказывалъ, повидимому, довольно

основательно, П. Н. Петровъ, но именно графъ Эрнстъ Миннихъ, какъ то, оказывается вполне справедливо, утверждалъ еще П. К. Щебальскій, напечатавшій по сему вопросу особую статью: „Кто написалъ „Замѣчанія на Записки Манштейна“ („Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей“ 1859 г., книга III)—и что цынѣ вполне бесспорно доказалъ Арведъ Яковлевичъ Юргенсонъ.

Спб., февраль 1891 г.

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I.

[Зап. Маншт., изд. 1875 г., стр. 1].

Г. Манштейнъ, начиная Записки свои повѣствованіемъ происшествій, воспослѣдовавшихъ въ Россіи по кончинѣ императрицы Екатерины I, ничего не упоминаетъ о происхожденіи этой необыкновенной жены, почему почитаю достойнымъ любопытства читателя сообщить слѣдующее о семъ извѣстіе, какъ самое достовѣрное.

Кажется, что желавшіе прикрыть низкость породы Екатерины I, производя оную отъ лифляндскаго или польскаго дворянства, не размыслили достаточно о томъ, что таковымъ вымышленнымъ происхожденіемъ ни мало не усугубляется слава чрезвычайнаго возвышенія ея, ибо онымъ обязана она единственно прелестямъ красоты и ума своего.

Екатерина родилась въ Якобштадтѣ, небольшомъ городѣ въ Курляндіи ¹⁾, принадлежавшемъ въ прежнія времена одному командору Тевтоническаго ордена. Отецъ ея, бывший учителемъ при школѣ въ Якобштадтѣ, имѣя многочисленное семейство, нуждался въ содержаніи его. Глюкъ, лютеранскій пасторъ въ Маріенбургѣ ²⁾, съ которымъ отецъ Екатерины находился въ дружескихъ связяхъ, изъявилъ желаніе взять къ себѣ одну изъ дочерей послѣдняго и пристроить ее; жребій палъ на Екатерину. Пасторъ принялъ дѣвицу сію въ домъ свой, имѣлъ попеченіе о воспитаніи ея, и въ 1702 году помолвилъ ее за одного швед-

¹⁾ Зельбургскаго уѣзда.

²⁾ Лифляндской губерніи.

скаго унтеръ-офицера, служившаго въ квартировавшемъ въ Маріенбургѣ полку.

Черезъ нѣсколько дней по сговорѣ Екатерины, россияне приблизились къ Маріенбургу, осадили, покорили оной приступомъ и всѣхъ жителей плѣнили ¹⁾. По существовавшему тогда обычаю, таковыя плѣнные отсылались внутрь Россіи, какъ для умноженія народонаселенія, такъ и для распространенія ремеслъ и художествъ.

Русскіе вельможи, возымѣвъ отличное мнѣніе о дарованіяхъ лифляндокъ и шведокъ, старались помѣщать ихъ въ домоводки и наставницы къ дѣтямъ своимъ. По покореніи Маріенбурга, Екатерина досталась въ удѣлъ генераль-поручику Бауру, но не надолго оставалась у него; князь Меншиковъ увидѣлъ ее, пожелалъ имѣть у себя и получилъ согласіе г. Баура. Вскорѣ послѣ сего, Петръ Великій, посѣтивъ любимца своего, нечаянно встрѣтился съ юною прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями ея, немедленно спросилъ, кто сія дѣвица? Кн. Меншиковъ, сказавъ о состояніи Екатерины, превознесъ похвалами способности ума и кротость нрава ея. Императоръ, пылкій въ страстяхъ своихъ, тотчасъ рѣшился соединиться съ Екатериною. Съ сего дня раздѣляла она съ государемъ ложе, хотя черезъ долгое время потомъ не была еще объявлена супругою ²⁾ императора: торжественное бракосочетаніе Петра съ Екатериною послѣдовало ³⁾ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

О родственникахъ Екатерины I.

Екатерина имѣла брата и двухъ сестеръ, которые съ семействомъ своимъ, во время жизни Петра Великаго, будучи призваны въ Россію, жительствоваали въ Петербургѣ, получая пристойное содержаніе. По восшествіи на престолъ Екатерины, появились при дворѣ российскомъ дѣти родныхъ ея: рожденныя

¹⁾ По одержаніи фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ двухъ побѣдъ надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, въ окрестностяхъ Дерпта и при рѣкѣ Эмбахѣ, скорѣ одна за другою послѣдовавшихъ, россияне овладѣли Маріенбургскимъ замкомъ 25-го августа 1702 года.

²⁾ Объявленіе послѣдовало передъ отправленіемъ въ прутскій походъ 1711 г.

³⁾ 19-го февраля 1712 г.

отъ брата—подъ именемъ графовъ и графинь Скавронскихъ; происшедшія отъ старшей сестры—подъ названіемъ графовъ Гендриковыхъ, а отъ младшей—подъ именемъ графовъ Ефимовскихъ.

О семействѣ пастора Глюка.

Прежній благодѣтель Екатерины пасторъ Глюкъ также не остался въ забвеніи. Щедро одаренный, по прибытіи его въ Россію, былъ опредѣленъ начальникомъ вновь заведенной гимназіи. Сыновья его вступили въ гражданскую службу, а дочери помѣщены были ко двору; старшая изъ нихъ, бывшая въ супружествѣ за адмираломъ Виллбоа, была изъ первыхъ статсъ-дамъ по учрежденіи сего достоинства при російскомъ дворѣ.

Поступокъ Петра II противъ бабки его.

[Зап. Маншт., стр. 2—3].

Сочинитель въ рассказѣ своемъ долженствовалъ бы, по всей справедливости, поступокъ Петра II противу бабки его приписать точно родственной любви, а не относить оный къ благодѣтельному обыкновенію російскихъ монарховъ, которые, желая вступленіе свое на престолъ ознаменовать благодѣтеніями, освобождаютъ нѣкоторыхъ преступниковъ, содержимыхъ въ заключеніи. Младый императоръ, равномѣрно какъ и сестра его царевна Наталья Алексѣевна, во многихъ случаяхъ явили, что они имѣли душу столь же сострадательную, сколько и благотворительную.

О царицѣ Евдокіи изъ рода Лопухинныхъ.

О царицѣ Евдокіи достаточно упомянуть вкратцѣ. Совершенная противоположность и несходство въ нравахъ ея и Петра I подавали поводъ къ непрестанному несогласію между супругами. Царь, коего возвышенный умъ и сердце заняты были единственно великими преднамѣреніями къ благоденствію отечества, не обрѣтая успокоенія въ чертогахъ своихъ, напоследокъ поте-

рялъ терпѣніе и соскучилъ всегдашнимъ неудовольствіемъ, прекословіями и сопротивленіемъ неповорливой супруги. По возвращеніи своемъ, въ 1698 году, изъ чужихъ краевъ въ Москву, не желалъ онъ уже и видѣть Евдокію, и сослалъ ее въ Суздаль, гдѣ и пострижена была въ дѣвичьемъ монастырѣ¹⁾. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, будучи замѣшана въ дѣлѣ сына своего царевича Алексѣя Петровича, Евдокія была перевезена въ Старую Ладугу и содержалась тамъ подъ строгимъ присмотромъ. Въ семь заключеніи пробыла она до вступленія на престолъ внука своего и токмо уже по паденіи кн. Меншикова призвана была Петромъ II въ Москву, гдѣ жительствовала въ Кремлѣ, имѣя при себѣ небольшой статъ. Вскорѣ, соскучивъ дворскою жизнью, удалилась въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, что въ Кремлѣ, въ которомъ, въ царствованіе императрицы Анны, скончалась и погребена²⁾ въ 1731 г. Братъ ея, Авраамъ Θεодоровичъ Лопухинъ, содѣлался жертвою приверженности своей къ царевичу Алексѣю и былъ казненъ; оставивъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій, Василій Авраамовичъ, дослужась до званія генералъ-аншефа, съ честію палъ на полѣ сраженія въ гроссъ-егерсдорфской битвѣ съ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, послѣдовавшей въ 1757 году.

Извѣстіе о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при російскомъ дворѣ.

[Зап. Маншт., стр. 3—4].

Графъ Бассевичъ, происходившій отъ одной древней мекленбургской дворянской фамилии, нѣкоторое время находился въ большой силѣ при російскомъ дворѣ. Графъ сей одаренъ былъ проницательнымъ умомъ, плодовитымъ воображеніемъ и твердостью въ предиріятіяхъ, ничѣмъ непоколебимою. Расточительный, веселонравный графъ, будучи великій говорунъ, не умѣлъ иногда сохранить ввѣренную ему тайну.

¹⁾ Евдокія Θεодоровна изъ дому Лопухинныхъ, по постриженіи ея въ Суздаль, въ Покровскомъ монастырѣ, наречена была въ инокиняхъ Еленою.

²⁾ Вознесенскій монастырь, въ Москвѣ, воздвигнутъ въ 1329 году иждивеніемъ Евдокіи Димитріевны, супруги славнаго Донскаго, а въ 1721 году перестроенъ и возобновленъ по повелѣнію Петра Великаго. Примѣч. рукоп.

Онъ служилъ уже при голштинскомъ дворѣ въ то время, когда знаменитый баронъ Герцъ объѣзжалъ дворы главныхъ европейскихъ державъ, убѣждая ихъ водворить спокойствіе на сѣверѣ и примирить Карла XII съ Петромъ Великимъ, дабы общія силы сихъ монарховъ обратить противу прочихъ непріятелей несчастнаго героя. Герцъ, испытавъ искусство графа Бассевича, отправилъ его въ Петербургъ для открытія мирныхъ переговоровъ и предложенія о бракѣ шлезвигъ-голштинскаго герцога Карла Фридриха со старшею дочерью императора. Хотя первыя покушенія Бассевича были неудачны, но Петръ получилъ доброе мнѣніе о способностяхъ министра, а князь Меншиковъ, которому, во время осады Тенингена и, потомъ, въ Помераніи, Бассевичъ оказалъ многія услуги, имѣлъ къ нему полную довѣренность. Посланникъ сей, имѣя разныя порученія отъ государя своего и отъ самого Петра Великаго, неоднократно ѣздилъ въ Вѣну, Берлинъ и Штокгольмъ, и, возвратясь въ Россію, склонилъ императора на предложенное бракосочетаніе. Обрученіе царевны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ совершилось въ Петербургѣ ¹⁾ и тогда голштинскій дворъ возымѣлъ большую надежду получить возмездіе за понесенныя потери, какъ внезапная кончина императора російскаго, послѣдовавшая чрезъ нѣсколько недѣль по обрученіи ²⁾, вдругъ разрушила всѣ лестныя ожиданія герцога.

Происки графа Бассевича къ возведенію на російскій престолъ Екатерины I.

И такъ, надлежало графу Бассевичу истощить всѣ способы ума своего, дабы споспѣшествовать возведенію на російскій престолъ такой особы, которая столько же бы принимала участія въ судьбѣ голштинскаго герцога, сколько оказывалъ Петръ Великій. Знаменитый сей государь, свершивъ преславное поприще, находился при послѣднемъ издыханіи, не учинивъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ. Во всякомъ монаршескомъ правленіи, гдѣ наслѣдіе переходитъ по первородству мужескаго поколѣнія, не пред-

¹⁾ 24-го ноября 1724 г.

²⁾ 28-го января 1725 г.

стало-бы ни малѣйшаго затрудненія; въ самой Россіи долженствовали вѣдать какъ слѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, ибо существовалъ внукъ Петра Великаго. Но, поелику монархъ сей издалъ узаконеніе ¹⁾, по коему самодержцы Россійской имперіи имѣютъ власть наименовать наслѣдника по избранію и волѣ своей, то право юнаго Петра, не бывъ утверждено императоромъ, казалось сомнительнымъ. Во власти Петра I состояло назначить преемницею престола или супругу, или которую изъ дочерей своихъ. И такъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда не былъ опредѣленъ преемникъ державы, кому принадлежало право наслѣдія? Екатеринѣ-ли, какъ вѣнчанной главѣ, или малолѣтнему внуку, единственному отраслю мужескаго поколѣнія Романова дома? Первое мнѣніе не подкрѣплялось никакимъ обнародованнымъ объявленіемъ, ниже какимъ-либо тайнымъ постановленіемъ. Второе основано было на правѣ самой природы, и не имѣли ни малѣйшаго доказательства, чтобы императоръ намѣревался устранить внука своего отъ наслѣдія престола. Слѣдовательно, право Петра II не подвергалось прекословію. Хотя большая часть вельможъ, собравшихся по кончинѣ Петра Великаго, мыслили согласно съ сими заключеніемъ,—однако, происки одного предприимчиваго челоука, который умѣлъ извлечь пользу изъ страха другаго честолюбца, разрушили самый естественный порядокъ наслѣдія. Съ одной стороны, выгоды голштинскаго герцога, обрученнаго со старшею дочерію покойнаго императора, требовали, дабы въ случаѣ, если нельзя будетъ невѣстѣ занять престолъ, возвести на оный мать ея; съ другой стороны, Меншиковъ, мало любимый, или, справедливѣе сказать, ненавидимый боярами, не иначе могъ удержать за собою власть, какъ доставивъ свипетръ Екатеринѣ, постоянной его покровительницѣ и которая сама была ему много обязана.

Не трудно было Бассевичу преклонить князя Меншикова на рѣшительный поступокъ, успѣхъ котораго долженствовалъ вѣнчать честолюбіе сего князя. По внушенію голштинскаго ми-

¹⁾ Подробное свѣдѣніе о семъ узаконеніи Петра Великаго любопытный можетъ видѣть въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей“.

Примѣч. рукоп.

нистра, князь Меншиковъ, въ самое мгновеніе кончины Петра Великаго, овладѣлъ императорскою казною, оболъстилъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи, окружилъ дворець войскомъ и предъ лицомъ онаго провозгласилъ всероссійскою императрицею Екатерину.

Все совершилось по желанію: Екатерина безпрепятственно вступила на престолъ; князь Меншиковъ содѣлался могущественнымъ и первымъ вельможею; бракосочетаніе царевны Анны Петровны вскорѣ послѣдовало и графъ Бассевичъ получилъ богатые подарки и оба Россійскіе ордена. А герцогъ голштинскій, подкрѣпляемый могущественнымъ союзомъ съ Россіею, возымѣлъ твердую надежду приобрѣсти Шлезвигскую область.

Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ Голштинскій.

Тогда европейскія державы раздѣлены были на два большіе союза, ганноверскій и вѣнскій. Бассевичъ преклонилъ Россію приступить къ послѣднему, а въ пользу герцога голштинскаго исходатайствовалъ, чтобы императоръ и король испанскій выдавали сему герцогу, до возвращенія ему шлезвигскаго владѣнія, ежегодно по пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ.

Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I.

Достопримѣчательная духовная грамота императрицы Екатерины, обнародованная и помѣщенная во всѣхъ публичныхъ актахъ тогдашняго времени, равномерно есть твореніе Бассевича. Въ оной, между прочими, находились и слѣдующія двѣ статьи: чтобы впредь навсегда содержать въ Москвѣ и Петербургѣ дома для помѣщенія посланниковъ голштинскаго герцога, и чтобы, въ возмездіе ревности, съ каковою графъ Бассевичъ не преставаъ содѣйствовать о возвращеніи герцогу Голштинскому достоянія предковъ его, наградить графа Бассевича Гусумскимъ помѣстьемъ въ Шлезвигѣ, по обратномъ приобрѣтеніи сего герцогства.

Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль.

[Зап. Маншт., стр. 4].

Въ продолженіе царствованія Екатерины графъ Бассевичъ постоянно пользовался полною довѣренностію князя Меншикова; но, по кончинѣ сей императрицы, Меншиковъ, желая одинъ господство-

вать подъ именемъ юнаго государя, старался удалить всѣхъ опасныхъ надзирателей за поступками своими. Герцогъ Голштинскій и супруга его Анна Петровна вынуждены были оставить Россію въ іюлѣ мѣсяцѣ 1727 года; со всею свитою отправились они въ Киль. Тамъ нѣкоторое время жили они пышно на счетъ милліона рублей, полученнаго царевною въ приданое и исправно выданнаго Меншиковымъ при отпускѣ ихъ изъ Россіи; но послѣ, когда желали продолжать тотъ же великолѣпный образъ жизни, вошли въ долги. Герцогъ, по кончинѣ супруги своей¹⁾, обрѣталъ единственную надежду въ переговорахъ, открытыхъ въ половинѣ 1728 года на конгрессѣ въ Соассонѣ. Державы, коихъ распри и требованія долженствовали разрѣшиться на семъ конгрессѣ, изъявили согласіе принять на оный и посланника голштинскаго герцога. Въ семъ качествѣ прибылъ графъ Бассевичъ, получивъ отъ герцога на содержаніе свое пятьдесятъ тысячъ рейхсталеровъ, ежегодно производимыхъ сему принцу отъ вѣнскаго двора. Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: «Не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру».

О князѣ Меншиковѣ.

[Зап. Маншт., стр. 8—10].

Общее мнѣніе о происхожденіи князя Меншикова, что онъ сынъ придворнаго конюха²⁾; что въ бѣдномъ своемъ состояніи, ходя по городу, продавалъ подовые пироги. Однажды Петръ Великій, во время обѣденнаго стола услышавъ забавные и веселые напѣвы Меншикова, велѣлъ позвать его во дворець. «Продай мнѣ горшокъ съ пирогами»,—сказалъ смѣючись императоръ. Меншиковъ, нимаю не робѣя, отвѣчалъ: «Пироги охотно продаю вашему величеству; но горшка безъ приказанія хозяйскаго продать не могу, а

¹⁾ Анна Петровна скончалась въ Голштиніи въ 1728 году, послѣ родовъ сына Карла Фридриха Ульриха, бывшаго потомъ Россійскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III; тѣло сей государыни перевезено водою въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

²⁾ Въ тогдашнее время придворные конюхи по большей части были изъ бѣдныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. См. примѣчаніе 2-е Болтина на исторію Деклерка, томъ II, стр. 463.

Примѣч. рукоп.

если вашему величеству угодно купить и оный, то прошу позволить мнѣ спросить объ ономъ у хозяина“. Отвѣтъ сей, показавшій отмѣнное послушаніе мальчика, крайне понравился государю, помышлявшему о введеніи въ войскѣ строжайшаго чинопочитанія. Продолжая разговаривать съ Меншиковымъ, царь доволенъ былъ скорыми и остроумными его отзывами. Благородная и осанистая наружность Меншикова равномерно понравилась Петру. Государь тотъ же часъ записалъ его въ новозаведенную потѣшную роту, учрежденную по образцу европейскихъ войскъ, и поручилъ особенному надзору и попеченію извѣстнаго Лефорта. Вскорѣ потомъ опредѣлилъ сего молодого мальчика деньщикомъ при особѣ своей, и отмѣнно доволенъ былъ необыкновенною дѣятельностью его. Милость и довѣренность монаршая къ сему любимцу счастья непрерывно возрастала. Меншиковъ скоро производился въ чины, достигъ всѣхъ почестей, содѣлался первымъ богачемъ и важнѣйшею особою въ Россіи. Главное достоинство Меншикова состояло въ точнѣйшемъ исполненіи велѣній государя. Никогда не дерзалъ онъ представлять возраженіе, обрѣтаясь въ школѣ величайшаго изъ царей, каковой токмо появлялся въ мірѣ. Сопутствуя ему въ войнѣ и въ путешествіяхъ, Меншиковъ, опытомъ, долговременною службою и упражненіемъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, удобно пріобрѣлъ многія свѣдѣнія. Но просвѣщеніе его было вовсе неважное. Словомъ, князь сей былъ не образованный баловень фортуны.

О преднамѣренномъ бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ марграфомъ Бранденбургскимъ.

[Зап. Маншт., стр. 18].¹

Можетъ быть, что при Петрѣ II помышляли выдать царевну Елисавету Петровну за марграфа бранденбургскаго Карла; но вскорѣ по восшествіи на престолъ императрицы Анны Иоанновны прусскій дворъ чрезвычайно домогался о бракосочетаніи сего принца съ мекленбургскою принцессою Анною, племянницею императрицы. Переговоры о семъ приближались къ концу и даже портретъ марграфа Карла былъ повѣшенъ въ комнатѣ молодой принцессы, какъ внезапно новая политическая система с.-петер-

бургскаго кабинета, учрежденная по заключеніи союза съ вѣнскимъ дворомъ, перервала дальнѣйшія покушенія Пруссіи. Императоръ Карлъ VI предложилъ въ супруги принцессѣ Аннѣ племянника своего Антона Ульриха, принца брауншвейгъ-вольфенбютельской, который и не замедлилъ отправиться въ Петербургъ.

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II.

[Зап. Маншт., стр. 19—20].

О подлогѣ духовнаго завѣщанія Петра II представили доказательства. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгоруковъ обвиненъ былъ и признанъ въ сочиненіи онаго на-черно; за сіе князь Сергѣй Долгоруковъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и колесованъ въ Новѣгородѣ 26-го октября 1739 года. Г. Манштейнъ заблуждается, рассказывая, будто князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ¹⁾, въ самое мгновеніе кончины Петра II, вышедши съ обнаженною шпагою изъ комнаты, гдѣ скончался государь, провозгласилъ императрицею обрученную сестру свою княжну Екатерину Алексѣевну²⁾. Сего не было и на таковой дерзновенный поступокъ не могъ рѣшиться князь Долгоруковъ, не вѣдая еще о преднамѣреніяхъ верховнаго совѣта, собравшагося для сужденія и рѣшенія о наслѣдствѣ трона. Все же, что потомъ сочинитель говоритъ о избраніи герцогини курляндской, о причинахъ, побудившихъ предпочесть ее другимъ особамъ царскаго дома, и о условіяхъ, на коихъ желали вручить ей державу,—согласно съ истиною.

¹⁾ Князь Иванъ Алексѣевичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена тайнаго верховнаго совѣта, наперсникъ императора Петра II, при кончинѣ сего государя едва вступилъ на 19-й годъ; не смотря на таковую молодость, блистательныя связи, обрученіе сестры его съ монархомъ—доставили ему важнѣйшія почести: онъ былъ оберъ-камергеромъ, гвардіи Преображенскаго полка майоромъ, кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Сей князь съ другими несчастными Долгоруковыми, при Аннѣ Иоанновнѣ, лишенъ былъ всѣхъ почестей и колесованъ въ Новѣгородѣ.

²⁾ Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Григорьевича, вторая невѣста Петра II, получила орденъ св. Екатерины въ день обрученія, въ 1730 году; по восшествіи на престолъ Анны Иоанновны, лишена была ордена и сослана, вмѣстѣ съ родителемъ своимъ, въ ссылку, откуда при Елисаветѣ возвращена и вступила въ супружество съ генераломъ графомъ Александромъ Брюсомъ. Примѣч. рукоп.

О графѣ Остерманѣ.

[Зап. Маншт., стр. 21].

Можетъ быть, что графъ Остерманъ, старый и подверженный болѣзнямъ чловѣкъ, находясь неотлучно, по званію оберъ-гофмейстера, при воспитаніи при умирающемъ отъ оспы Петръ II, дѣйствительно изнурился и занемогъ. Можетъ статься, что, подъ предлогомъ болѣзни, желалъ онъ и уклониться отъ присутствія въ совѣтѣ при крайне затруднительномъ разсужденіи о наслѣдіи. Не разрѣшая сего, замѣтимъ, что если бы графъ Остерманъ явился въ верховный совѣтъ и пожелалъ бы защищать духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I-й, то не оказалъ бы важной услуги дочери ея. Завѣщаніе сіе, за два года предъ тѣмъ обнародованное, у всѣхъ находилось въ свѣжей памяти. Долгоруковы и Голицыны хорошо вѣдали о существованіи и о содержаніи онаго; но они никакъ не хотѣли видѣть на престолѣ дочь Петра I, и рѣшительно объявили, что, по извѣстнымъ имъ причинамъ, царевна Елисавета долженствуетъ быть устранена отъ престола. Нельзя опровергать мнѣнія г. Манштейна, что, можетъ быть, если бы Елисавета Петровна предстала предъ народъ, то оный и войско, принявъ участіе въ судьбѣ сей царевны, вручили-бъ ей державу, но извѣстно, что болѣзнь, отъ которой тогда не со всѣмъ еще она оправилась, не допустила ея прибѣгнуть къ сему средству.

Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества, и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамоту Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

Однако Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, сосланъ былъ въ заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ

ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтитъ надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы, въ 1730 году, исключили ее отъ права наслѣдія. Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Виропа: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Виронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему такое благодѣяніе.

Объ отправленіи Сумаронова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта.

[Зап. Маншт., стр. 22].

Не чрезъ г. Сумарокова, отправленнаго графомъ Ягужинскимъ, Анна Іоанновна получила первое извѣстіе о избраніи ея на Россійскій престолъ и объ условіяхъ, на коихъ верховный совѣтъ предполагалъ вручить ей скипетръ правленія. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, находившійся тогда камергеромъ при Россійскомъ дворѣ, отправилъ тайнымъ образомъ нарочнаго къ старшему брату своему Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный, переодѣтый въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за заставу города, сѣлъ въ приготовленныя въ нѣкоторомъ разстояніи сани, употребилъ возможную поспѣшность и удачно прибылъ въ Лифляндію съ письмомъ гр. Карла Левенвольда. Графъ Рейнгольдъ тотчасъ поскакалъ въ Митаву и первый подробно донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распоряженіяхъ московскаго верховнаго совѣта. Таковой опытъ приверженности графовъ Левенвольдовъ приобрѣлъ полную довѣренность императрицы Анны, которая вскорѣ взвела ихъ на первыя степени въ государствѣ¹⁾.

¹⁾ Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Въ 1742 году, по восшествіи на престолъ

О стараніи Анны Іоанновны пріобрѣсти на свою сторону приверженцевъ.

[Зап. Маншт., стр. 23].

Анна Іоанновна не имѣла ни малѣйшей надобности ссорить членовъ верховнаго совѣта, ниже обольщать подарками гвардію. По прибытіи въ Москву, она нашла множество къ особѣ ея сердець. Россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіи многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышущее неизменною любовью къ монархамъ своимъ, съ сокрушеніемъ взирало на деспотическую аристократію, сесредоточествовавшуюся въ двухъ фамиліяхъ, которыя, по всѣмъ вѣроподобіямъ, всѣ почести и милости изливали бы единственно на однихъ своихъ приверженниковъ. Дѣйствительно, какое другое правленіе можетъ быть прочнѣе, полезнѣе, славнѣе для государства, а особенно для столь обширнаго, какова Россія, какъ самодержавное? Мудрый, челоуколюбивый, слѣдственно и попечительный о благѣ подданныхъ своихъ, самодержецъ всѣ вѣтви народоправленія объемлетъ недремлющимъ взоромъ, всемогущею дланію приводитъ въ безостановочное движеніе. И такъ, многіе дворяне, военные и гражданскіе чиновники, одушевленные любовью къ престолу, не хотѣли долѣе видѣть ограниченную власть государыни, прибѣгнули къ князьямъ Ивану Юрьевичу Трубецкому и Алексію Михайловичу Черкасскому, просили сихъ бояръ быть ихъ путеводами и отъ имени всѣхъ ихъ поднести императрицѣ прошеніе, дабы она благоволила самодержавно царствовать, по подобію предшественниковъ своихъ. Упомянутые князья склонились на предложеніе. Оставалось токмо узнать образъ мыслей императрицы, за поступками коея тщательно присматривали князья Долгоруковы. Тайну сію вѣрили госпожѣ Салтыковой, родной сестрѣ жены князя Черкаского, а князя Трубецкаго — племянницѣ. Г-жа Салтыкова, имѣвшая свободный

Елисаветы Петровны, съ другими знаменитыми вельможами, учинился несчастною жертвою неправосудія, и былъ сосланъ въ заточеніе въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Карлъ, умершій въ 1735 году, былъ оберъ-штаб-мейстеромъ, генераль-поручикомъ, генераль-адъютантомъ и гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ; имѣлъ орденъ св. Андрея. Примѣч. рукоп.

доступъ ко двору, немедленно извѣстила Анну Іоанновну о замышляемомъ въ пользу ея предпріятіи и легко получила соизволеніе государыни. Въ назначенный день императрица, восшедъ на тронъ, допустила предъ себя просителей и повелѣла позвать всѣхъ членовъ верховнаго совѣта. Въ присутствіи ихъ принявъ прошеніе, указала громогласно прочесть оное; потомъ, спротивъ перо, своеручно написала на прошеніи: Быть по сему, и, потребовавъ актъ, на который вынужденно согласилась она въ Митавѣ, изорвала его въ локутки. Вотъ все, что происходило при возстановленіи самодержавства въ Россіи; но рѣчей, ниже вопросовъ и отвѣтовъ, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, вовсе не было. Графъ Матвѣевъ не могъ произносить приписуемой ему рѣчи, ибо онъ умеръ до вступленія на престолъ Анны Іоанновны.

Тотчасъ по воспріятіи правъ предковъ своихъ, императрица пожаловала генерала Семена Андреевича Салтыкова генераль-адъютантомъ и подполковникомъ л.-гв. Преображенскаго полка, а князю Василию Лукичу Долгорукову — котораго подъ предлогомъ начальства гвардіею, но въ самомъ дѣлѣ для надзора за поступками государыни, верховный совѣтъ помѣстилъ во дворцѣ, — повелѣла удалиться изъ оваго. Императрица могла совершенно полагаться на вѣрность умнаго и благородно мысливаго Салтыкова: вельможа сей происходилъ отъ младшей линіи того самаго дома, отъ котораго рождена была мать государыни царица Праксковья Феодоровна. Потомъ Анна Іоанновна повелѣла собрать гвардію и приняла отъ нея новую присягу и для сего жъ посланы были нарочные во всѣ губерніи. Не замедлила также отправить гонца въ Курляндію съ повелѣніемъ Бирону въ само скорѣйшемъ времени прибыть въ Москву. При подписаніи договора въ Митавѣ истребовано было, чтобы Биронъ, какъ опасный для государства челоукъ, отнюдь не вѣзжалъ въ Россію.

О фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ.

[Зап. Маншт., стр. 27—28].

Напрасно г. Манштейнъ обвиняетъ принца Гессенъ-Гомбургскаго въ доносѣ на фельдмаршала князя Долгорукова ¹⁾. Князь

¹⁾ Князь Василій Владиміровичъ при Петрѣ Великомъ былъ генераль-поручикомъ и получилъ отъ сего монарха орденъ св. Андрея; при Екатеринѣ I пожалованъ въ полные генералы; при Петрѣ II возведенъ въ фельдмаршалы;

сей единственно за невоздержности языка своего дважды сосланъ былъ въ заточеніе: первый разъ за площадную поговорку, употребленную имъ въ разговорѣ съ царевичемъ, несчастнымъ сыномъ Петра I; другой разъ за оскорбительныя слова, произнесенныя на счетъ императрицы Анны. По возвращеніи изъ ссылки въ царствованіе Елисаветы Петровны, князь Долгоруковъ былъ пожалованъ президентомъ государственной военной коллегіи. Грубыми поступками и непристойными шутками лишилъ онъ Россію многихъ превосходныхъ иностранныхъ офицеровъ, и, между прочими, двухъ генераловъ, которые впослѣдствіи, предъ лицомъ всей Европы, ознаменовали отличныя и самыя блистательныя дарованія свои въ военномъ ремеслѣ: я говорю о Левендалѣ и Кейтѣ.

О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи.

[Зап. Маншт., стр. 31].

Справедливо, что паперникъ Анны Иоанновны перемѣнилъ настоящую свою фамилію Биренъ на Бирона; но ложно, что онъ принялъ гербъ сего дома французскихъ герцоговъ. Гербъ, пожалованный Бирону при возведеніи его императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство, совсѣмъ различествовалъ отъ перваго. Впрочемъ, герцогъ Курляндскій, желая вывести происхожденіе свое отъ французскихъ Бироновъ, имѣлъ по сему предмету переписку со старшимъ герцогомъ сей фамиліи, который отвѣчалъ: «Мнѣ вовсе неизвѣстно, чтобы кто нибудь изъ фамиліи нашей переселился въ другія государства; но если одинъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ государей почитаетъ себя происшедшимъ отъ французскаго дворянства, то симъ дѣлаетъ онъ честь народу французскому».

Продолженіе о Биронѣ.

[Зап. Маншт., стр. 31—32].

Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ. Кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка здраваго, тотъ худо зналъ сего герцога. Единственно исхитивъ титулъ регента, сей любимецъ счастья мгновенно потерялъ его.

находился членомъ тайнаго кабинета и л.-гв. Семеновскаго полка подполковникомъ, и получилъ иностранные ордены Бѣлаго Орла и Слона; въ 1730 году лишенъ всѣхъ чиновъ и знаковъ отличій и сосланъ былъ въ заточеніе; при Елисаветѣ возвращенъ изъ ссылки, получилъ прежнія почести и, сверхъ, орденъ св. Александра; будучи президентомъ военной коллегіи, умеръ въ 1746 году.

Примѣч. рукоп.

О португальскомъ принцѣ донѣ Эмануэлѣ.

[Зап. Маншт., стр. 35].

Весьма естественно, что Биронъ не согласился и не одобрилъ намѣренія графа Вратислава, вѣнскаго министра, предлагавшаго о бракосочетаніи императрицы Анны Иоанновны съ португальскимъ принцемъ дономъ Эмануэлемъ. Принцъ сей пріѣзжалъ въ Москву; не взирая на любезность его, нимало не понравился; будучи принятъ весьма вѣжливо и получа богатые подарки, безъ всякаго успѣха возвратился онъ въ Вѣну. Но несправедливо заключеніе г. Манштейна: «къ счастью, что въ то время вѣнской дворъ не имѣлъ надобности въ помощи Россіи»; ибо именно въ то время помышляли уже исходатайствовать отъ Россіи ручательство по прагматическому уложенію Карла VI, а щедрые подарки и почести отличныя, оказанныя симъ монархомъ Бирону, достаточно убѣждаютъ, что вѣнскій кабинетъ тщателью домогался о снисканіи дружества Россіи. Впрочемъ, вѣнскій ли дворъ намѣреался сочетать дону Эмануэля, или токмо самъ принцъ сей помышлялъ объ ономъ, но достовѣрно, что императоръ, желая сблизиться съ Россіею, не замедлилъ предложить о супружествѣ племянника своего съ принцессою Анною Карловною.

Объ адмиралѣ Сиверсѣ.

[Зап. Маншт., стр. 38].

Г. Манштейнъ несправедливо почитаетъ графа Миниха виновникомъ наказанія, претерпѣннаго адмираломъ Сиверсомъ и г. Финкомъ. Петръ II, отправясь въ Москву, ввѣрилъ главное начальство въ С.-Петербургѣ Миниху; императрица Анна, по вступленіи своемъ на престолъ, подтвердивъ его въ семъ званіи, препоручила ему тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда графъ Минихъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность службы новой императрицѣ войско и гражданъ Петербурга, г. Сиверсъ оказалъ нѣкоторыя затрудненія и медлилъ привести къ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей. Въ то же время гг. Сиверсъ и Финкъ весьма неосторожно разсуждали

о сдѣланномъ неправосудіи въ исключеніи отъ наслѣдія престола царевны Елисаветы. Священный долгъ вѣрности повелѣвалъ Миниху довести сіе до свѣдѣнія двора. Слѣдующій случай еще болѣе показываетъ безразсудность г. адмирала. Графъ Минихъ, по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны, давалъ празднество, на которое приглашенъ былъ и г. Сиверсъ; за столомъ графъ, подавая бокалъ шампанскаго, предложилъ Сиверсу выпить за здравіе новой императрицы. Послѣдній отказался, сказавъ:

— «Тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрнѣйшія извѣстія». Отъ самого графа Миниха слышалъ я о семъ.

О китайскомъ посольствѣ.

[Зап. Маншт., стр. 41].

Китайское посольство, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ, не есть первое къ россійскому двору. Присланное въ предшествовавшемъ году, таковое же прибыло въ Москву съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и съ испрошеніемъ свободнаго пропуска чрезъ Сибирскія губерніи для посольства, назначеннаго отъ китайскаго императора къ калмыцкому хану. Посольство сіе при россійскомъ дворѣ было принято милостиво, успѣло въ переговорахъ и возвратилось въ Китай съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1732 году, прибыло въ С.-Петербургъ вторичное, упоминаемое г. Манштейномъ. Оно состояло изъ трехъ пословъ; главный изъ нихъ въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ, что китайскій императоръ повелѣлъ имъ принести россійской императрицѣ благодарность за благосклонное принятіе перваго посольства, засвидѣтельствовать о чувствахъ дружества повелителя ихъ и поднести ея величеству подарки.

Императрица, сидящая на тронѣ, окруженная пышнымъ дворомъ, приняла китайское посольство. Послы, вошедши въ тронную, немедленно стали на колѣна, и во все продолженіе аудіенціи находясь въ семъ раболѣпномъ положеніи, каждый разъ при произношеніи имени ея величества, падали ницъ. Свита посольская, при открытыхъ дверяхъ изъ тронной, пребывала въ другой

комнатѣ, такъ же на колѣнахъ стоя и падая ницъ вмѣстѣ съ послами своими.

Подарки состояли въ фарфорѣ, статуйкахъ, украшенныхъ боралломъ и жемчужною маткою, въ шолковыхъ тканяхъ, разрисованныхъ и позлащенныхъ обояхъ, въ небольшихъ лакированныхъ бумажныхъ приборахъ и въ превосходномъ чаѣ.

Несправедливо говорить г. Манштейнъ, что въ Петербургѣ недовольны были поведеніемъ сего китайскаго посольства. Напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные. Даже съ услугою своею, никогда не слыхано о дурныхъ поступкахъ сего посольства.

О размовіи графа Миниха съ Бирономъ.

[Зап. Маншт., стр. 44—45].

Довѣренность, коею пользовался графъ Минихъ, поколебалась прежде путешествія императрицы Анны Іоанновны по Ладожскому каналу. Причины сему были слѣдующія. Въ Россіи весьма обыкновенно, что человѣка, пользующагося благоволеніемъ двора, если онъ успѣшно отправляетъ службу свою, почитаютъ способнымъ ко всѣмъ дѣламъ и возлагаютъ на него премножество разнообразныхъ должностей. Графъ Минихъ, честолюбивый, ревностный, дѣятельный, неутомимый, не отрекался ни отъ какого порученія. Въ одно и то же время былъ онъ фельдмаршаломъ надъ войскомъ, членомъ тайнаго кабинета, президентомъ военной коллегіи, генераль-фельдцейхмейстеромъ, генераль-директоромъ надъ фортификаціями, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и генераль-полицеймейстеромъ. Занимая такое множество важнѣйшихъ обязанностей, можно ли отправлять ихъ успѣшно? можно ли угодить всему обществу? — Особенно преобразование, учиненное имъ въ гвардіи, навлекло на него негодованіе знатныхъ. Графъ Минихъ уничтожилъ въ гвардейскихъ полкахъ званіе капитанъ-поручика, не существовавшее въ царствованіе Петра Великаго, и всѣхъ капитанъ-поручиковъ перевелъ въ армію, старшихъ — подполковниками, а младшихъ — майорами.

Сіе крайне не понравилось симъ господамъ, большею частію знатной породы; до того времени спокойно выжидали они въ гвардіи капитанскаго чина, и потомъ уже съ чиномъ полковника, а иногда и бригадира, переходили въ армію.

Младшій графъ Левенвольдъ былъ начальникомъ и основателемъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, именно Измайловскаго. Преобразование произведено во время отсутствія и, кажется, противу желанія его. Оскорбленный Левенвольдъ, находившійся при дворѣ въ большой силѣ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, старался мстить Миниху, и разными происками вредилъ ему. Съ другой стороны, жалобы, принесенныя на строгость, можетъ быть, справедливую, по должности генераль-полиціймейстера, произвели надъ императрицею непріятное для Миниха впечатлѣніе. Представленіе же о слѣдующемъ предложеніи французскаго двора поссорило его съ Бирономъ.

Разстроенное здоровье Августа II, короля польскаго, предвѣщало скорую кончину сего государя. Станиславъ Лещинскій, вѣнчаннй Карломъ XII, низверженный съ престола Петромъ I и изгнанный изъ отечества непостоянствомъ польскаго народа, влачилъ съ собою пустозвучный титулъ короля изъ одного убѣжища въ другое. Наконецъ, среди жесточайшихъ бѣдствій сего государя, фортуна совсѣмъ неожиданно посадила на французскій тронъ дочь его. Тогда версальскій кабинетъ возжелалъ возвратити родителю-супруги Людвига XV утраченную корону. Вслѣдствіе чего, кардиналъ Флери поручилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, находившемуся при русскомъ дворѣ, развѣдать мысли о семъ предметѣ с.-петербургскаго кабинета и сдѣлать оному внушенія, что, въ случаѣ согласія его на возстановленіе Лещинскаго, версальскій дворъ обязывается преклонити турокъ возвратити Россіи Азовъ и отказаться отъ нѣкоторыхъ статей прутскаго договора. Повѣренный первоначально отнесся къ графу Остерману, но, не получивъ успѣха, обратился къ фельдмаршалу. Отъ него онъ былъ принятъ лучше; Минихъ нашелъ предложеніе французскаго двора достойнымъ уваженія; представивъ объ ономъ императрицѣ, Минихъ весьма не кстати желалъ убѣдить Бирона о выгодахъ предложенія версальскаго министерства. Незадолго предъ тѣмъ безъ вѣдома фельдмаршала и скрытно отъ него заключили новыя обязатель-

ства съ вѣнскимъ дворомъ. Императоръ никакъ не соглашался видѣть тестя французскаго короля, а Биронъ, помышляя уже сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, желалъ непремѣнно доставить польскую корону такой особѣ, отъ которой могъ онъ ожидать непрекословнаго утвержденія въ семъ достоинствѣ.

Однако, до возвращенія графа Левенвольда, вещи оставались въ прежнемъ положеніи. Левенвольдъ прибылъ изъ Германіи, гдѣ онъ заключилъ новый союзъ съ вѣнскимъ дворомъ, избравъ въ женихи принцессѣ Аннѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго принца, не замедлилъ представить сильныя возраженія противу предложеній французскаго министерства; доказывалъ неосновательность оныхъ, осуждалъ въ семъ случаѣ поступокъ фельдмаршала, и убѣждалъ Бирона, дабы Миниха, какъ чловѣка всею душою преданнаго французамъ, устранить отъ министерства.

Подъ предлогомъ помѣщенія принцессы Анны, графу Миниху (велѣно) очистить комнаты, занимаемыя имъ въ казенномъ домѣ, имѣвшемъ непосредственное сообщеніе съ дворцомъ. Въ то же время императрица подарила фельдмаршалу домъ, купленный у графа Остермана; впрочемъ, въ семъ случаѣ не требовали излишней поспѣшности, предоставляя Миниху свободу исподоволь перебираться въ новый домъ. Надлежитъ замѣтить, что послѣ этого происшествія фельдмаршалъ добровольно, не имѣя никакого особеннаго повелѣнія, пересталъ ѣздить въ собраніе кабинета.

Отправленіе графа Миниха въ Польшу.

[Зап. Маншт., стр. 52].

Трудно согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы графу Миниху ввѣрена была Россійская армія, въ Польшѣ находившаяся, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы, удаливъ его отъ двора, погубить въ случаѣ неудачнаго дѣйствія противу Данцига. Хотя справедливо, что въ сіе время охладѣло дружество могущественнаго наперника къ фельдмаршалу, но онъ не переставалъ уважать дарованія сего полководца. Предлежало предпріятіе, успѣхъ коего долженствовали рѣшить судьбу двухъ соперниковъ, состязавшихся о польскомъ престолѣ. Находили, что генераль Ласси медленно производилъ военныя дѣйствія, а потому почли необходимымъ назначить въ Польшу предпріимчивѣйшаго и

дѣятельнѣйшаго предводителя. Графъ Минихъ отправился изъ Петербурга на-скоро, ночью и весьма тайно, поспѣшно ѣхалъ, и по прибытіи въ Польшу немедленно принялъ начальство надъ войсками.

Ожиданіе петербургскаго двора оправдалось: несчастный Гданскъ убѣдился въ важной истинѣ, что малосильнымъ владѣніямъ не слѣдуетъ мѣшаться въ распри великихъ державъ. Свѣтъ видѣлъ съ колликимъ успѣхомъ россияне дѣйствовали въ сей войнѣ. При каждой встрѣчѣ поражали они поляковъ, которые никогда не дерзали противостать десяти русскимъ. Таково превосходство ума и благоустройства надъ безпорядочнымъ многолюдствомъ.

Объ осадѣ Гданска.

[Зап. Маншт., стр. 55].

Главныя силы, предназначенныя къ осадѣ Гданска, находились еще въ окрестностяхъ Варшавы. Фельдмаршалъ, ослабленный потерю при неудачномъ нападеніи на Гагельбергское укрѣпленіе, предписалъ г. Люберасу, начальствовавшему упомянутыми войсками, немедленно выступить къ Гданску. Генералъ сей послушался, угождая волѣ графа Левенвольда младшаго, бывшаго тогда въ Варшавѣ російскимъ посломъ и помышлявшаго болѣе о личной своей безопасности въ такомъ городѣ, который окруженъ былъ войсками, сторону Лещинскаго державшими. Фельдмаршалъ далъ вторичное повелѣніе старшему по Люберасѣ генералу тотчасъ выступить къ Гданску, а Любераса, уповавшаго на покровительство могущественнаго Левенвольда, приказалъ за оказанное послушаніе арестовать. Похвальная строгость, которую надлежитъ всегда употреблять противу тѣхъ, кои, въ безсмыслии своемъ, возлагаютъ надежду на побочныя опоры, не дорожатъ пользами отечества и не повинуются повелѣніямъ начальства.

Прибытіе французской флотилии на помощь къ Гданску.

[Зап. Маншт., стр. 57].

Флотилия французская, прибывшая на помощь къ городу Гданску, состояла тожко изъ трехъ военныхъ кораблей и нѣсколькихъ перевозныхъ судовъ. На сей эскадрѣ находились три

пѣхотныхъ баталіона десантнаго войска. Слабымъ этимъ отрядомъ расчетливый Флери думалъ споспѣшествовать возведенію Лещинскаго на престолъ польскій. Начальствовавшій эскадрою г. Бараль, высадивъ сухопутныя войска, успѣлъ благовременно отплыть, и такимъ образомъ избѣжалъ опасности быть обхваченнымъ російскимъ флотомъ, прибывшимъ уже къ Пиллау. При семъ случаѣ удалось ему захватить одинъ русскій фрегатъ, много удалившійся отъ своей дивизіи. Капитанъ Фремери, начальствовавшій фрегатомъ, при встрѣчѣ онаго съ французскою эскадрою, былъ приглашенъ г. Баралемъ на корабль; не зная ничего о разрывѣ съ Франціею, Фремери согласился на приглашеніе, и едва вступилъ на корабль, какъ фрегатъ русскій былъ окруженъ всею французскою эскадрою съ угрозою потопить его. Силы были слишкомъ несоразмѣрны, не оставалось—какъ сдаться.

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ.

[Зап. Маншт., стр. 59].

Французы удержаны были въ Россіи до возвращенія захваченнаго Баралемъ фрегата; они содержались между Нарвою и Петербургомъ. Оттуда, когда версальскій дворъ возвратилъ упомянутый фрегатъ, отправили ихъ во Францію. Императрица, любопытствуя видѣть отличнѣйшихъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, призвала въ Петербургъ бригадира Деламотта и полковниковъ Бельфона и Люцерна. Офицеры сіи были представлены государынѣ, милостиво ею приняты и приглашались ко двору. Поелику французскіе плѣнные отправлялись поздно осенью, то императрица велѣла каждому рядоваго снабдить овчиннымъ тулупомъ. Хотя, по монаршей милости, предохранены они были отъ стужи, но не менѣе того много потерпѣли отъ бурей, и едва половина сихъ плѣнныхъ возвратились въ отечество свое.

Почему мало пользы приобрѣтено отъ турецкой войны.

[Зап. Маншт., стр. 64 и слѣд.].

Россія не извлекла пользы отъ турецкой войны, веденной при императрицѣ Аннѣ, потому что вѣнскій дворъ, встревоженный несчастіемъ оружія своего, поторопился заключить миръ съ Портою. Въ началѣ война сія предвѣщала конечное изгнаніе отто-

мановъ изъ Европы. Но фортуна обыкновенно прилѣпляется къ уму и искусству. Австрійцы плохо располагали дѣйствіями своими, а потому много утратили изъ прежней воинской своей славы. Предавшись страху, лишились они Бѣлграда, надежнѣйшаго оплота, ограждающаго предѣлы ихъ. Турки въ сей войнѣ вели себя благоразумно, по приличію противопоставляли они непріятелю мужественный отпоръ, или медленіемъ и уклоненіемъ отъ битвъ утомляли и разстраивали его. Россіяне похвально торжествовали надъ турками, покорили много крѣпостей и областей непріятельскихъ, покрыли оружіе свое славою. Истративъ на сію брань знатныя иждивенія, потерявъ множество народа, наконецъ россияне были оставлены робкимъ союзникомъ, и единственно по сей причинѣ, не пріобрѣтя существенныхъ выгодъ отъ кровопролитной войны, должныствовали приступить къ миру.

О графѣ Ласси.

[Зап. Маншт., стр. 97—98].

Графы Минихъ и Ласси никогда не были въ явной ссорѣ. Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возрождающуюся славу російскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда не вмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человекъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ. Хотя всегда по службѣ и въ чинѣ генерала-аншефа былъ онъ старѣе Миниха, но терпѣливо перенесъ пожалованіе послѣдняго въ фельдмаршала, и безъ малѣйшаго затрудненія служилъ подъ начальствомъ его при осадѣ Гданска. Къ чести Лассія упомяну, что и великій Евгенийъ уважалъ его. Ласси пожалованъ фельдмаршаломъ въ 1736 г., а въ 1739—графомъ Россійской имперіи; имѣлъ ордена св. Андрея и св. Александра; умеръ въ Ригѣ, гдѣ былъ генераль-губернаторомъ, въ 1751 году.

Разсужденіе о кампаніи Россіянъ 1736 года.

[Зап. Маншт., стр. 96—100].

Бытописаніе всѣхъ временъ доказываетъ, что наилучшимъ образомъ предначертанныя и обдуманная предпріятія главноначальствующаго не получаютъ часто успѣха, по нерадѣнію, оплош-

ности, безмыслію, а иногда по злонамѣреннымъ видамъ исполнителей и другихъ лицъ, долженствующихъ споспѣшествовать при произведеніи оныхъ. Г. Манштейнъ, выдающій себя за ревностнаго почитателя графа Миниха, напрасно приписываетъ ему ошибки кампаніи 1736 года. Ибо самъ г. Манштейнъ сознается, «что фельдмаршалъ истощилъ всѣ средства и употребилъ всю заботливость для учрежденія магазиновъ, и что не онъ, но военные коммисары были виновны за недостатокъ подводъ для перевоза провіанта» (стр. 96). Потомъ говоритъ: «лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже, нежели вести армію въ удаленную сторону и подвергаться опасностямъ голода, въ единственной надеждѣ, что, можетъ статься, возможно будетъ продовольствоваться оную на счетъ непріятеля» (стр. 96). Заключение сіе вовсе несправедливо, потому что фельдмаршалъ учинилъ всѣ потребныя распоряженія къ продовольствію арміи, учредилъ въ Украинѣ знатныя хлѣбныя и другихъ жизненныхъ припасовъ магазины, собралъ потребное для перевозки число людей, лошадей и быковъ, дабы имѣть свободное сообщеніе съ главнымъ хранилищемъ, построилъ на пути, по коему шла армія, редуты съ приличною въ оныхъ обороною. Слѣдственно, Минихъ сдѣлалъ все, что требовать должно отъ умнаго и попечительнаго вождя, слѣдственно, вина въ неприбытіи подвозовъ непосредственно падаетъ на провіантскихъ чиновниковъ и на князя Трубецкаго, коему перевозка сія была препоручена. И могъ-ли фельдмаршалъ, отправляясь въ армію, предвидѣть таковую пагубную неисправность? Говоря, что лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже,—то есть въ исходѣ іюля мѣсяца,—г. Манштейнъ не обратилъ вниманія на одно важное обстоятельство. Въ сіе годовое время, въ степяхъ, чрезъ которыя графъ Минихъ долженствовалъ вести войска, трава совсѣмъ высыхаетъ и удобно возгорается. Татары не упустили-бъ зажечь степи, и тогда армія наша, лишняя возможности доставать кормъ для лошадей, никакъ не могла-бъ ни на шагъ впередъ подвинуться. Напоследокъ, г. Манштейнъ укоряетъ фельдмаршала въ жестокости, что онъ безъ надобности утомлялъ войско; что, вмѣсто того, дабы пользоваться прохлагою ночей, выступалъ чрезъ два или три часа по восхожденіи солнца, отчего войско подверглось многимъ болѣзнямъ (стр. 96).

На сіи укоризны отвѣчаю: что часто называютъ генерала жестокимъ за то, если онъ, подобно графу Миниху, старается возстановить благоустройство и наказываетъ негодяевъ. Что невнимательнымъ людямъ кажется утомленіемъ войска то, когда полководецъ, поступая по правиламъ военнаго искусства, безостановочно преслѣдуетъ непріятеля, дабы отверзть себѣ пути въ страну, гдѣ ожидаетъ его избыточное продовольствіе. Вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночью прохладою, — время, въ которое татары, предаваясь сну, оставляютъ непріятеля въ покоѣ, — но тогда и російское войско, утомленное ночнымъ походомъ, неминуемо бы должно было отдохнуть уже днемъ для возстановленія силъ. Кто бы удержалъ бодрствующихъ татаръ? они бы безпрестанно нападали и тревожили русскихъ. И таковыя, среди успокоенія и отдыха, нападенія непріятеля не болѣе ли бь истощили войско наше, чѣмъ походъ въ знойный день? — И такъ, великій уронъ въ людяхъ (если справедливо показаніе о семь г. Манштейна), понесенный россиянами въ эту кампанію, надлежитъ относить не малой проницательности главноначальствующаго, ниже упрямству его, по слѣдующимъ причинамъ: 1) армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно должна была отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись на другомъ. Огражались отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу. Нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось иного средства, какъ на-скоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя. Всѣ таковыя непрерывныя стычки не могли происходить безъ потери людей. Тягостный походъ, труды и работы неминуемо должны были изнурять войско. 2) На сихъ степяхъ часто не находили ручьевъ для утоленія жажды, и хотя фельдмаршалъ имѣлъ попеченіе везти въ обозъ множество бочекъ и наполнить оныя прѣсною водою, но можетъ ли таковая вода вознаградить недостатокъ рѣчной или ключевой? Обстоятельство сіе также немало способствовало потерѣ людей. 3) Бой на Черной долині; покореніе перекопской линіи, охраняемой турецкимъ гар-

низомъ и всѣми силами татарскими; покореніе Кинбурна и Бакчисарая; словомъ, занятіе Крыма стоило много народа. 4) Въ опустошенномъ полуостровѣ не обрѣтали пищи, привычной русскому ратнику, и часто нуждались въ прѣсной водѣ. 5) Нездоровый климатъ, соединившись съ несносными жарами и засухой, произвелъ въ войскѣ многія болѣзни.

О покореніи Очакова.

[Зап. Маншт., стр. 109—115].

Здѣсь можно приложить графу Миниху извѣстное изреченіе: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Не взирая на мнѣніе сочинителя „Записокъ о Россіи“, графъ Минихъ весьма искусно рѣшился на единственный способъ, во власти его остававшійся. Лишенный всѣхъ пособій, необходимыхъ при осадѣ; увидѣвъ пагубную неискренность нерадивыхъ чиновниковъ, долженствовавшихъ доставить подводы водою по Днѣпру; тщетно ожидая прибытія съ ними подводами кн. Трубецкаго; вступивъ въ землю бесплодную; не имѣя, на нѣсколько миль вокругъ, потребнаго лѣса на дѣланіе фашиновъ; нуждаясь въ лугахъ для корма лошадей, — что лучшаго могъ придумать гр. Минихъ, какъ не рѣшиться на средство, внушенное мужествомъ его? Однако, г. Манштейнъ осуждаетъ фельдмаршала, что онъ двинулъ на приступъ, не имѣя плана, не обзрѣвъ мѣстнаго положенія и безъ всякой пощады войска. Но порицатель долженствовалъ бы замѣтить: 1) что не всегда можно достать исправныя и вѣрныя планы чужихъ крѣпостей; что російскій дворъ, при открытіи войны съ Портою, не имѣлъ никакого плана Очакова. Что надлежало довольствоваться тѣмъ, который на-скоро и, можетъ быть, во многихъ мѣстахъ по соображенію, снялъ инженеръ, посланный въ крѣпость съ нѣкоторыми порученіями къ сераскиру. 2) Происшествія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что не оставалось фельдмаршалу времени изслѣдовать силу укрѣпленій, чего всеконечно не оставилъ бы учинить Минихъ, если бы предстояла правильная осада. 3) Не съ тѣмъ намѣреніемъ повелъ онъ войско къ сторонѣ крѣпости, лучше укрѣпленной, чтобы произвести приступъ, — но симъ средствомъ желалъ единствен-

но озаботить гарнизонъ и воспрепятствовать ему тушить усилившийся отъ бомбардированія пожаръ; напоследокъ скажемъ, что если осуждаютъ Миниха за то, что онъ учинилъ нападеніе на покрытый путь, въ который почти весь гарнизонъ бросился, укрываясь отъ пламени, пожиравшаго Очаковъ, и что при семь случаѣ осаждающіе потеряли много народа, то съ равною несправедливостію можно укорять его и за покореніе въ двадцать четыре часа крѣпости, управляемой храбрымъ сераскиромъ, охраняемой двадцатью тысячами отборнаго войска, образованнаго извѣстнымъ Боневалемъ, и вооруженной многочисленною артиллеріею. Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ; но подобныя движенія, въ виду непріятели, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разрившаяся бомба цѣлый пороховой погребъ подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежація строенія, увеличила и пожаръ и ужасъ: и такъ, надлежало воспользоваться смятеніемъ гарнизона, и среди пламени, пожирающаго городъ, не теряя ни одного мгновенія, внести побѣдоносное оружіе внутрь крѣпости.

О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтомъ.

[Зап. Маншт., стр. 115—116].

Не взирая на неудовольствіе, причиненное графомъ Минихомъ г. Кейту при нападеніи на покрытый путь Очакова, при чемъ г. Кейтъ опасно былъ раненъ въ колѣно; не взирая, что неудовольствіе сіе произвело между ими охлажденіе дружества, — не взирая на все это, оба полководца не преставали взаимно уважать другъ друга. Слѣдующій случай послужить доказательствомъ заключенію моему. Г. Кейтъ, послѣ возмущенія гвардіи въ станѣ передъ Выборгомъ, негодуя на безпорядокъ и ослушаніе, водворившееся въ войскахъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Лассія, въ присутствіи многихъ офицеровъ сказала:

— „Очень прѣмѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ!“

О кампаніи, въ 1737 году произведенной.

[Зап. Маншт., стр. 150].

Фельдмаршалъ, вынужденный въ прошедшемъ году вести армію свою чрезъ необитаемыя степи, и тогда весьма желалъ взять направленіе чрезъ польскую Украину; но въ 1736 году російскій дворъ тщательно уважалъ неприкосновенность областей польской Украины, всевозможно остерегаясь подать приверженникамъ Станислава малѣйшій поводъ къ вооруженію, желалъ весь польскій народъ расположить къ признанію Бирона курляндскимъ герцогомъ. Но когда все сіе совершилось и Биронъ былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ, тогда перестали падать поляковъ, и графъ Минихъ получилъ повелѣніе выступить въ Молдавію кратчайшимъ путемъ. Потребовали отъ республики позволенія провести армію, и, не дожидая отвѣта, немедленно ввели войска въ польскіе предѣлы. Предъявивъ, что необходимость, не покоряющая себя никакимъ законамъ, принудила предпринять сей походъ, обѣщали наблюдать строжайшее благочиніе и за всѣ припасы платить наличными деньгами. Сначала, когда російскія знамена приближались къ границамъ республики, поляки громко гласно кричали, что никакъ не допустятъ нарушить нейтралитетъ. Но когда увидѣли себя окруженными російскими силами, — въ мигъ умоляли и смирились.

О письмѣ графа Миниха къ князю Лобновичу.

[Зап. Маншт., стр. 168—173].

Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій, надѣлало много шума. Вѣнское министерство принесло жалобу за оное; но петербургскій дворъ изъявилъ свое удовольствіе графу Миниху. Сама Австрія не могла сокрыть справедливаго негодованія къ торопливости, съ кою Нейпергъ и Валлисъ, при посредствѣ французскаго министра маркиза Вилленева, заключили постыдный миръ. Миръ сей исхитилъ у Россіи весь плодъ побѣдъ и завоеваній, и вовсе разрушилъ принятое и обдуманное преднамѣреніе унижить гордость оттоманъ и предписать законы султану предъ стѣнами Константинополя.

Объ умерщвленіи шведскаго маіора Цинклера.

[Зап. Маншт., стр. 177—179].

До самаго происшествія съ Цинклеромъ, Россія не подавала Швеціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Напротивъ, штокгольмскій дворъ, не обрѣтая средствъ къ вознагражденію чрезвычайныхъ потерей, имъ понесенныхъ, не преставаля оказывать недоброжелательство свое къ Россіи, пользовался всѣми случаями, дабы вредить сей державѣ, стараясь всегда слабыя силы свои подкрѣплять дѣйствіями какого нибудь могущественнаго союзника. Во время осады Гданска присланы были изъ Штокгольма къ полякамъ, державшимъ сторону Станислава, тридцать офицеровъ; они служили во все продолженіе осады, а по покореніи города графъ Мѣникъ отправилъ ихъ на фрегатѣ въ Штокгольмъ. Извѣстно было, что Швеція получила вспомогательныя деньги отъ версальскаго двора, и что она домогалась исходатайствовать денежныя пособія отъ Порты, обѣщаясь учинить развлеченіе россійскихъ силъ въ пользу турковъ. Но какъ штокгольмскій кабинетъ крайне мѣшкотно приступалъ къ совершенію предложеній своихъ, то Россія предупѣла разрушить замыслы его, заключивъ миръ съ оттоманами. Что принадлежитъ до умерщвленія шведскаго маіора Цинклера, везшаго изъ Константинополя утвержденный со Швеціею союзный договоръ, то въ тогдашнее время представлены были убѣдительныя доказательства, что отправленнымъ для сего русскимъ офицерамъ приказано было токмо захватить бумаги, находившіяся у Цинклера. Посягнувшіе на жизнь его офицеры были преданы суду и за самовольный поступокъ достойнымъ образомъ наказаны, а къ оправданію памяти графа Миниха замѣчу, что онъ никакого участія въ семъ дѣлѣ не принималъ. Получивъ изъ Петербурга предписаніе, онъ токмо приказалъ избрать и отправить куда слѣдовало офицеровъ, которые исполняли и поступали по даннымъ имъ наставленіямъ отъ министерства.

Причина несчастія и казни кабинетскаго министра Волинскаго.

[Зап. Маншт., стр. 188—190].

Умный Волинскій зналъ совершенно, что крайне опасно явнымъ образомъ возставать противу могущественнаго временщика. Записка, о коей упоминаетъ Манштейнъ, не иное что была,

какъ переводъ на россійскій языкъ стариннаго италіанскаго сочиненія съ приложеніемъ письма къ императрицѣ, въ видѣ приношенія. Г. Волинскій страстно любилъ чтеніе, но, не зная инаго языка кромѣ природнаго, поручалъ переводить для себя разныя иностранныя книги; такимъ образомъ, между прочими, переведено было Макиавелево сочиненіе. Переводъ сей г. Волинскій предварительно показывалъ Бирону, а потомъ, съ согласія герцога, поднесъ государынѣ, присоединивъ къ оному письмо, въ коемъ, сказавъ много ласкательнаго на счетъ Анны Іоанновны, утверждалъ, что сочинитель желалъ единственно порицать тирановъ, и, изложивъ жестокія ихъ дѣянія, представилъ пути, по которымъ должны ступить добродѣтельные монархи. Поднесеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и даже, при торжествѣ заключенія мира съ турками, г. Волинскій, наравнѣ съ другими государственными чиновниками, получилъ въ награжденіе двадцать тысячъ рублей серебромъ. Но, четыре мѣсяца спустя потомъ, злополучный сей министръ погубилъ себя безвозвратно. Императрица поручила тайному кабинету разсмотрѣть требованіе нѣкоторыхъ поляковъ, просившихъ вознагражденія за убытки, причиненныя имъ при проходѣ россійскихъ войскъ. Дѣло сіе рѣшено было въ пользу просителей. Одинъ Волинскій былъ противнаго мнѣнія. Представивъ, что всѣ поляки вообще принимали сторону враговъ Россіи—турокъ, Волинскій доказывалъ, что требованія просителей вовсе неосновательны, показанія ихъ вымышленны, доводы пустые, и заключилъ тѣмъ, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ сей республики, не находить ни малѣйшей причины ласкать и щадить народъ, издревле враждебный отечеству нашему.

Такое заключеніе не могло понравиться Бирону. Онъ оскорбился словомъ: вассалъ, и въ тотъ же день просилъ императрицу, чтобы она повелѣла судить его и Волинскаго. Легко вообразить можно, что предали суду одного послѣдняго, взяли его подъ стражу и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, среди жесточайшихъ пытокъ, вынудили отъ него признаніе, что, поднося императрицѣ Макиавелево сочиненіе, желалъ онъ представить изображеніе наперсника ея. Дабы обвинить Волинскаго въ оскорбленіи величества, исторгли у него признаніе, что заставляя онъ переводить сочиненную Юстомъ Липсіемъ исторію

Іоанны II, неаполитанской королевы, и противу нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ написалъ: она, она,—разумѣя подъ сими словами российскую императрицу. Долговременная служба въ полѣ, судахъ, на конгрессахъ, на послѣдокъ—въ верховномъ мѣстѣ; умъ, отличная способность къ дѣламъ,—ничто не могло спасти несчастнаго министра отъ гоненія злобнаго и кровожаднаго временщика. Оберъ-штальмейстеръ и кабинетный министръ Артемій Петровичъ Волинскій, среди многолюдной толпы народа, привлеченнаго любопытствомъ и въ трепетъ ужасомъ поверженнаго, лишился головы на лобномъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, въ 1740 году. Не укротилась симъ лютость тирана; вмѣстѣ съ Волинскимъ пострадали и другія жертвы: тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ и генераль-крюкъ-коммисаръ Соймоновъ—какъ друзья злополучнаго; тайный совѣтникъ Хрущевъ, гофъ-интендантъ Еропкинъ и секретарь Зуда—за переводъ книгъ, а кабинетскій секретарь Эйхлеръ—за то, что онъ сообщалъ Волинскому разговоры, каковыя иногда императрица имѣла о немъ съ Бирономъ. Хрущевъ и Еропкинъ казнены; графъ Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, по лишеніи чиновъ—а первый и ордена св. Александра,—заключены въ заточеніе, а Эйхлеръ и Зуда наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. На столь безчеловѣчныя приговоры склонялася Анна, постыднымъ образомъ управляемая иноплеменнымъ извергомъ!

Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны.

[Зап. Маншт., стр. 192—193].

Г. Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о проискахъ герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельница его употребленныхъ; почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя.

Анна Іоанновна нѣсколько лѣтъ страдала подагрой, но отнюдь не опасно. Скрытная и злѣйшая ея болѣзнь была каменная, ибо, по вскрытіи тѣла по кончинѣ императрицы, нашли въ чреслахъ камень такой величины, что онъ обнималъ всю внутренность утробы и совершенно обезобразилъ устройство оной. Въ полдень 6-го октября 1740 г., Анна Іоанновна, сѣвши за обѣдъ съ герцогомъ курлянд-

скимъ и его супругою, едва скушала нѣсколько ложекъ супа, какъ вдругъ, почувствовавъ тошноту, упала въ обморокъ. Немедленно, перенесли ее въ почивальную и положили на кровать, въ совершенномъ безпамятствѣ. Биронъ, приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегии барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно посиѣшнѣе, увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ. Въ то же время послалъ за кабинетскими министрами княземъ Черкасскимъ и графомъ Бестужевымъ, и за оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ.

Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда. Едва лишь фельдмаршалъ вошелъ, какъ Биронъ, выказывая крайнее отчаяніе и заливаясь слезами, произнесъ:

— «Ахъ! я самый злополучнѣйшій человѣкъ; теряю преждевременно и внезапно государыню, удостоивавшую меня неограниченною довѣренностью, осиявшую меня благодѣянiami несчетными. Что послѣдуетъ со мною по кончинѣ ея? Чего ожидать мнѣ въ государствѣ, въ которомъ премножество людей, въ награду оказанныхъ мною отечеству заслугъ, пятаютъ ко мнѣ не благодарность, а ненависть! Впрочемъ, личная моя польза не столько занимаетъ сердце мое, какъ бѣдствіе, неминуемо угрожающее государству по кончинѣ императрицы: наслѣдникъ еще въ пеленахъ, и права его требуютъ утвержденія государыни. Нельзя предвидѣть всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, каковыя можетъ произвести о семъ манифестъ, обнародованный въ настоящихъ обстоятельствахъ, среди такого народа, который всегда во времена малолѣтія своихъ государей предавался возмущеніямъ и всякимъ неистовствамъ. Шведы, производящіе сильныя вооруженія, не преминутъ, среди безпорядковъ и несогласій, напасть на Россію. И такъ, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, крайне нужно, дабы правленіе ввѣрено было рукѣ такой особы, которая, вѣдая совершенно о положеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, одарена бы была потребною твердостью для обузданія мятежныхъ головъ и удержанія благоустройства въ нѣдрахъ имперіи. Хотя, по справедливости, нельзя порицать характера принцессы Анны,

матери малолѣтняго наслѣдника, но должно опасаться, что, учинившись правительницею, а вмѣстѣ съ тѣмъ самовластною, призоветъ она въ Россію герцога мекленбургскаго, родителя своего, и допустить его мѣшаться въ дѣла государства. Своенравіе и суровость сего принца извѣстны, и онъ легко завлечетъ дочь свою къ поступкамъ пагубнымъ. Что принадлежитъ до принца брауншвейгскаго, то еще менѣе можно вѣрить ему кормило народоправленія: ибо нѣтъ сомнѣнія, что тогда Россія будетъ управляема австрійскимъ посломъ; слѣдственно, неизбѣжно завлечется во всѣ брани вѣнскаго двора».

Едва окончилъ Биронъ рѣчь свою, какъ прибыли князь Черкасскій и г. Бестужевъ, и симъ господамъ повторилъ онъ сказанное фельдмаршалу и графу Левенвольду. Князь Черкасскій прежде всѣхъ сказалъ:

— «Я не знаю никого способнѣе и достойнѣе вашей свѣтлости въ управленію государствомъ. Во все продолженіе царствованія императрицы, съ толикою ревностію и успѣхомъ вы производили всѣ дѣла государственныя. Мудрость и искусство ваши всѣмъ извѣстны; частныя выгоды герцогства вашего тѣсно сопряжены съ пользами Россіи. И такъ, для блага отечества нашего, всеусерднѣе прошу вашу свѣтлость продолжать ваше попеченіе о Россіи, подъ какимъ то ни было титуломъ».

Тайный совѣтникъ Бестужевъ повторилъ то же привѣтствіе; графы Минихъ и Левенвольдъ, ясно видя, что всякое противорѣчіе будетъ бесполезно, должны были изъявить и свое согласіе. Дѣйствительно, обстоятельство сіе было самое затруднительное, въ каковомъ токмо можетъ находиться честный человѣкъ. Самая раболѣпная лесть, въ угожденіе императрицѣ, оказываема была всѣми царедворцами Бирону и всей его фамиліи; а непопулярная строгость, съ кою наказывала за малѣйшее оскорбленіе, наперснику ея учиненное, привела всѣхъ въ страхъ. А потому никто не отваживался противорѣчить могущественному временщику. Хотя врачи не уповали, чтобы государыня выздоровѣла, однако не смѣли объявить и о приближеніи кончины ея. И такъ, еслибы получила она облегченіе въ болѣзни на нѣсколько токмо дней, то и сего времени достаточно-бы было, дабы безвозвратно погубить дерзнувшаго оказать Бирону не токмо сопротивленіе, но и малѣйшее прекословіе.

Выманивъ отъ призванныхъ особъ желаемое предложеніе, коварный Биронъ произнесъ:

— «Чрезмѣрно бы изумило меня предложеніе ваше, еслибы не былъ я твердо увѣренъ, что оно внушено вамъ чувствами искренней ко мнѣ приверженности. Но размыслите, одобритъ ли общество желаніе ваше, на любви къ отечеству основанное? Я иноземецъ, и знаю, что благоволеніе императрицы навлекло мнѣ безчисленное множество завистниковъ. Знаю, что благонамѣреннѣйшія мои распоряженія всегда обезображиваемы были гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ въ то время, когда восприму я верховную власть? До сего дня единственно покровительство государыни охраняло меня. Кто пожелаетъ и въ силахъ будетъ защитить меня впредь? По милости и щедротѣ всемилостивѣйшей нашей монархини, я нахожусь въ столь счастливомъ положеніи, что не остается мнѣ ничего иного желать, какъ пристойнымъ образомъ возвратиться въ Курляндію и жить тамъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я надѣюсь, что вы, лучшіе мои друзья, не пожелаете лишить меня сего утѣшенія».

Нельзя не похвалить сей рѣчи; но каково было заключеніе оной?

— «Впрочемъ,—продолжалъ Биронъ,—если что нибудь можетъ преклонить меня къ воспріятію тяжкаго бремени, вами предлагаемаго, то единственно чувство глубочайшей благодарности къ благодѣяніямъ, изліяннымъ на меня императрицею, и пламенное усердіе мое къ благоденствію и славѣ Россіи. Однако, не вѣдая о семъ важномъ предметѣ мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, ни на что не могу я рѣшиться, и прошу васъ обратъ завтрашняго дня совѣтъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ».

Сказавъ сіе, Биронъ присовокупилъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всего нужнѣе объявить скорѣе наслѣдникомъ престола малолѣтняго принца Іоанна; для чего просилъ призванныхъ господъ немедленно отправиться къ графу Остерману, согласиться съ нимъ о всѣхъ потребныхъ распоряженіяхъ и приготовить къ завтрашнему утру манифестъ.

Поворяясь волѣ Бирона, всѣ вышеупомянутыя особы тотчасъ поѣхали къ Остерману. Министръ сей, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ дома. Узнавъ

о бывшемъ разговорѣ съ герцогомъ, крайне осторожный во всѣхъ своихъ поступкахъ, графъ Остерманъ не токмо поспѣшилъ изъяснить согласіе, но и присовокупилъ, что въ случаѣ, если герцогъ отречется принять на себя предлагаемое достоинство, надлежитъ просить императрицу, дабы она благоволила преклонить его къ сему. Потомъ, составивъ, съ общаго согласія, манифестъ о наслѣдіи престола, условились, чтобы для разсужденія о регентствѣ собрать чрезвычайный совѣтъ, въ которой, сверхъ министровъ тайнаго кабинета, пригласить еще нѣсколько изъ знаменитѣйшихъ чиновниковъ.

На другой день Биронъ, получивъ заготовленныя бумаги, пошелъ къ императрицѣ, поднесъ ей къ подписанію манифестъ и указъ объ обнародованіи онаго. По подписаніи, немедленно манифестъ отнесли въ придворную церковь, прочли его предъ многочисленнымъ собраніемъ и тутъ же приняли на вѣрность Иоанну, какъ наслѣднику всероссійскаго престола, присягу отъ всѣхъ знатныхъ чиновъ, при семъ случаѣ присутствовавшихъ. Гвардейскіе полки, собранные на площади предъ дворцомъ, то же учинили. А прочіе жители Петербурга приведены были къ присягѣ въ приходскихъ церквахъ.

Непосредственно по совершеніи сего обряда, приступили къ разсужденію о регентствѣ. Всѣ, признавъ герцога Бирона единственною особою, способною управлять государствомъ, опредѣлили поднести о семъ докладъ императрицѣ и убѣдительноше просить, дабы ея величество благоволила преклониться на желаніе народа (такъ самопроизвольно собраніе располагало волею онаго)—повелѣла бы герцогу управлять государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника и соизволила бы подписать о семъ постановленіе. Графъ Остерманъ, принесенный въ собраніе въ креслахъ, вызвался представить государынѣ прошеніе и постановленіе къ подписанію; но токмо по прошествіи трехъ сутокъ Биронъ успѣлъ исходатайствовать у императрицы позволеніе допустить къ ней Остермана. Симъ временемъ воспользовались, чтобы присовокупить къ просителямъ еще человекъ пятьдесятъ изъ почетнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Легко предупредилъ Биронъ въ назначенія преемника престола; но, не смотря на великую власть его надъ сердцемъ Анны

Іоанновны, чрезвычайнаго труда стоило ему убѣдить государыню сдѣлать прочія распоряженія объ управленіи государствомъ. Устраняя самую мысль о смерти, она съ гнѣвомъ принимала всякое разсужденіе объ оной, а предложеніе Бирона называла предвѣстіемъ кончины своей. На послѣдокъ, по неотступнымъ домогательствамъ любимца, допустила къ себѣ графа Остермана. Министръ сей, изложивъ съ величайшимъ краснорѣчіемъ и силою затруднительное положеніе государства, растрогалъ императрицу. Потребовавъ принесенныя имъ бумаги, равнодушно положила ихъ подъ изголовье свое, сказавъ кратко: „Я разсмотрю“.

Нѣсколько дней прошло, а императрица ничего не упоминала о поднесенныхъ ей бумагахъ. Встревоженный Биронъ, страшась, что родственная любовь къ принцессѣ Аннѣ удерживаетъ государыню утвердить предложенныя распоряженія, до такой степени забылся, что поручилъ барону Менгдену объясниться съ принцессою и внушить ей, что благоденствіе ея собственное и малолѣтнаго ея сына требуетъ, дабы она всевозможно старалась убѣдить императрицу возложить на Бирона правленіе государства. Принцесса, терпѣливо выслушавъ странное сіе предложеніе, отвѣчала:

— „Я никогда не мѣшалась въ государственныя дѣла, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе осмѣлюсь приступить къ сему. Хотя здравіе императрицы находится въ величайшей опасности, но я уповаю, что, при милости Божіей, она оправится отъ болѣзни. Сердце мое никакъ не позволяетъ мнѣ предвѣщать кончину любезнѣйшей моей тетки... Впрочемъ, мнѣ кажется, что герцогъ все уже сдѣлалъ, убѣдивъ государыню къ наименованію наслѣдника престола, и, имѣя свободный доступъ къ ея величеству, удобно можетъ исходатайствовать утвержденіе ея и на прочія распоряженія объ управленіи имперіи. Что принадлежитъ до меня, то, покоряясь совершенно волѣ императрицы, моею благодѣтельница, я безпрекословно буду повиноваться всему, что благоугодно будетъ ей постановить“.

Биронъ никому не открылъ о переговорахъ съ принцессою, ни объ отвѣтѣ ея; но повѣренный тайны его сообщилъ о семъ нѣкоторымъ членамъ совѣта. Въ ономъ немедленно опредѣлили, чтобы отправить двухъ членовъ къ принцессѣ и отъ лица всего совѣта убѣдить ее принести просьбу императрицѣ. Но гос-

пода сіи, бывшіе у принцессы на другой день, получили отъ нея отзывъ, совершенно подобный слѣданному барону Менгдену.

Императрица, не взирая на жестокое разслабленіе свое, сохраняла всю память и разсудокъ. Она чувствовала и понимала, что право опеки надъ младенцемъ, наслѣдникомъ престола, по всей справедливости принадлежитъ родителямъ его. А потому никакъ не рѣшалась назначить регентомъ Бирона; государыня всемѣрно отклоняла любимца своего отъ сего пагубнаго замысла. Убѣждала въ безразсудности онаго, и съ истинно милостивымъ чистосердечіемъ сказала ему:

— „Я сожалѣю о тебѣ, герцогъ: ты стремишься къ погибели своей“.

Но какія препоны могутъ воздержать тщеславнаго честолюбца? высокомеріе и подлость неразлучно шествуютъ; горделивецъ по приличію принимаетъ на себя личину и той и другой. Биронъ въ сіе время старался всѣхъ обласкать. Всѣ имѣвшіе доступъ къ больной императрицѣ не переставали дѣлать ей внушенія, согласныя съ намѣреніемъ герцога. Наконецъ, неотступными просьбами и всякими происками, Биронъ достигъ желанія своего: Анна Іоанновна, призвавъ графа Остермана, подписала постановленіе о регентствѣ, которое немедленно и положили въ шкафъ, стоявшій съ драгоценными вещами подлѣ императрицыной постели! Весьма вѣроятно, что монархиня, ежечасно теряя тѣлесныя силы и пришедши въ крайнее изнеможеніе, не читала сего постановленія, сочиненнаго по точной волѣ Бирона, и подозрѣваю, что подписала оное, худо вѣдавъ о содержаніи его.

Когда императрица позвала къ себѣ графа Остермана, тогда прочіе министры собрались въ комнатахъ Бирона, и тамъ, колеблемые страхомъ и надеждою, ожидали рѣшенія ея. Графъ Остерманъ не замедлилъ успокоить ихъ, принеся важное извѣстіе о подписаніи постановленія. Скоро пришелъ и самъ герцогъ, благодарилъ ихъ именемъ государыни, присовокупивъ, что ея величество весьма милостиво приняла подвигъ ихъ и обѣщала каждому изъ нихъ оказать явные опыты благоволенія своего, коль скоро получить облегченіе въ болѣзни. Желая изъяснить и свою признательность, Биронъ не кстати употребилъ слова сіи: «Вы, господа, поступили какъ римляне!» Повидимому, онъ хотѣлъ сказать: „какъ патріоты“.

Не взирая на то, что болѣзнь императрицы усиливалась примѣтнымъ образомъ, ежедневно принимала она къ себѣ царевну Елисавету Петровну, принцессу Анну и супруга послѣдней принца Брауншвейгскаго. Октября 17-го числа, по полудни, Анна Іоанновна лишилась владѣнія лѣвой ноги, а когда, вечеромъ въ тотъ день, вошли въ почивальню принцъ и племянница ея, то она простилась съ ними съ величайшимъ спокойствіемъ духа. Въ девять часовъ приключились съ нею сильныя судорожныя припадки; по успокоеніи отъ оныхъ, велѣли ввести духовника, придворныхъ священниковъ и пѣвчихъ, для совершенія по обряду греко-россійской церкви молитвы, и пригласили присутствовать при оной знаменитѣйшихъ изъ случившихся тогда во дворцѣ особъ. Не смотря на разслабленіе свое, Анна Іоанновна узнала графа Миниха и дрожащимъ голосомъ сказала ему: «прощай, фельдмаршалъ!» Не могли распознать другихъ предстоявшихъ, ко всѣмъ вообще произнесла «прощайте!» Послѣ сего соборовали государыню масломъ и окропили святою водою. Среди жесточайшихъ припадковъ, императрица съ большою твердостью и упованіемъ на Бога предала въ руки Его душу свою. Такъ скончалась Анна Іоанновна, имѣя отъ рожденія 46 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 19 дней.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ правленію ея.

[Зап. Маншт., стр. 19—194].

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны составляетъ эпоху, обильную важными для Россіи происшествіями, почему поставляю себѣ долгомъ представить нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ сей государыни и къ ея правленію.

Анна Іоанновна, дочь царя Іоанна Алексѣевича и Прасковьи Θεодоровны, изъ дома бояръ Салтыковыхъ, родилась въ Москвѣ 1694 г. января 28-го. Лишась въ младенчествѣ родителя, оставалась на попеченіи роднаго дяди своего Петра Великаго, который отлично жаловалъ ее. Въ 1710 г. Фридрихъ I-й, въ Маріенвендерѣ, предложилъ въ супруги Аннѣ Іоанновнѣ близкаго своего родственника Фридриха Вильгельма, герцога курляндскаго. Императоръ принялъ предложеніе и бракъ совершился въ С.-Петербурѣ. Но счастье молодыхъ супруговъ

не долго продолжалось: отъѣзжая изъ Россіи въ Курляндію, герцогъ занемогъ на дорогѣ и умеръ въ Кипени. По кончинѣ супруга, Анна Іоанновна, до самаго избранія ея на всероссійскій престолъ, имѣла постоянное пребываніе въ Митавѣ. Тамъ, въ придворномъ ея статѣ, находилось нѣсколько особъ изъ придворныхъ россіянъ; но всею довѣренностью сей государыни обладалъ Биронъ.

Высокій станъ и видъ величественный Анны Іоанновны внушали къ особѣ ея благоговѣніе. Благородство и привлекательность лица награждали въ ней недостатокъ красоты. Глаза имѣла она большіе, голубые и острые, носъ орлиный; пріятныя уста, съ прекрасными зубами; волосы на головѣ каштановаго цвѣта; лицо рябоватое, тѣло смуглое, голосъ чистый и сильный. Одаренная крѣпкимъ сложеніемъ тѣла, веда жизнь умѣренную и единообразную, государыня сія могла бы еще долго прожить, ежели-бъ подагра, а особенно жестокая каменная болѣзнь не сократили дней ея. Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво и сообразно съ тѣмъ поступала во всѣхъ случаяхъ, когда предубѣжденіе и пагубная страсть къ наперснику не препятствовали дѣйствіямъ ея. Краснорѣчіе украшало уста императрицы; разговоръ ея былъ пріятенъ и веселъ. Въ торжественные дни представляла себя съ приличною важностью; благоволеніе свое изъявляла отборными и благопривѣтливими выраженіями; выговоры ея были чувствительны, но не оскорбительны.

Образъ жизни Анны Іоанновны расположенъ былъ порядочно: вставала она съ постели въ семь и часто въ шесть часовъ утра; за обѣдъ садилась ровно въ полдень, а за ужинъ въ девять часовъ вечера. Пища приготовлялась для нея самая простая. Ложилась опочивать въ одиннадцать часовъ вечера. Каждый день выходила изъ внутреннихъ комнатъ въ собранія и оставалась въ оныхъ поутру отъ 11-ти часовъ до полудня, а послѣ обѣда съ пяти до восьми часовъ. Въ ежедневныхъ забавахъ не имѣла опредѣлительной и постоянной склонности; но избравъ единожды какую нибудь, не скоро оставляла ее. Въ первые годы царствованія своего, въ вечернихъ собраніяхъ играла въ карты; потомъ нѣкоторое время цѣлые вечера просиживала въ собраніяхъ, не вставая съ кресель: занималась разговорами и временно слушала рассказы шутовъ.

Императрица всегда изволила присутствовать при продажѣ съ публичнаго торга китайскихъ товаровъ, ежегодно ко двору привозимыхъ. Продажа сія происходила во дворцѣ, въ такъ называвшейся италіанской залѣ; часто предлагала цѣну продаваемой вещи, и не гнѣвалась, ежели кто изъ предстоявшихъ покупателей возвышалъ цѣну противъ объявленной ею. Послѣ, когда наскучило ей такое времяпровожденіе, получила охоту къ стрѣлянью изъ ружей и толикое искусство пріобрѣла въ ономъ, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на-лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долѣе и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженные ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ. Зимой ставили въ дворцовой галлерей мишень, въ которую, по вечерамъ, при яркомъ освѣщеніи, императрица метала изъ лука стрѣлы. Въ Петергофѣ построенъ былъ звѣринецъ, наполненный зайцами, кабанями, ланями, тунгускими и доставленными изъ Германіи прекрасными оленями. Тамъ, сидя подъ великолѣпнымъ намѣтомъ, утѣшалась, смотря на охоту, и сама изрѣдка стрѣляла по пробѣгающимъ звѣрямъ.

Въ частной жизни, Анна Іоанновна была ласкова и благопривѣтлива, болѣею частію весела и расположена къ шуткамъ; по природѣ добра, сострадательна и великодушна; но, къ несчастію ея и цѣлой имперіи, воля монархини окована была безпредѣльною надъ сердцемъ ея властію необузданнаго честолюбца. До такой степени Биронъ господствовалъ надъ Анною Іоанновною, что всѣ поступки свои располагала она по прихотямъ сего деспота, не могла надолго разлучиться съ нимъ, и всегда не иначе, какъ въ его сопутствіи, выходила и выѣзжала. Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга, сколько императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини.

Биронъ, страстный охотникъ къ лошадямъ, большую часть утра проводилъ въ конюшнѣ или въ манежѣ. Императрица,

скупая отсутствіемъ его, рѣшилась обучаться верховой ѣздѣ, дабы имѣть предлогъ въ сихъ мѣстахъ быть съ наперсникомъ своимъ, и потомъ довольно хорошо ѣздила по дамски.

Непомѣрная привязанность императрицы содѣлалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали отъ него жалобу, что не имѣетъ онъ ни одного мгновенія для отдыха. Никогда Биронъ никого не посѣщаль, ни у кого не обѣдалъ и не присутствовалъ на пирахъ и празднествахъ, даваемыхъ знатными боярами. Дабы удержать любимца отъ участія въ оныхъ, государыня осуждала и даже называла распутствомъ всякій пиръ и собраніе, въ коихъ, по сдѣланному ей донесенію, господствовала веселость. Биронъ, съ своей стороны, тщательно наблюдалъ, дабы никто безъ вѣдома его не былъ допускаемъ къ императрицѣ, и если случалось, что, по необходимой надобности, герцогъ долженствовалъ отлучиться, тогда при государынѣ неотступно находились Биронова жена и дѣти. Такимъ образомъ, всѣ поступки и рѣчи императрицы немедленно доводились до свѣдѣнія Бирона.

Принужденная и единообразная жизнь, естественно, долженствовала рождать скуку, а иногда охлажденіе и размолвку между императрицею и Бирономъ. Однако, когда встрѣчалось между ними кратковременное несогласіе, всевозможно старались они скрывать оное отъ внимательнаго взора царедворцевъ. Дабы имѣть какую нибудь забаву и разсѣяніе, содержали при дворѣ толпу шутовъ обо его пола, коихъ кривлянье и одежда, болѣе нежели разговоры, забавляли собраніе. Обыкновенно шуты сіи сначала притворялись ссорющимися, потомъ приступали къ брани; наконецъ, не зная какъ лучше увеселить зрителей, порядочнымъ образомъ дрались между собою. Забавники сіи набирались безъ различія состоянія; въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ лучшаго дворянства русскаго и княжескихъ родовъ. Странная наружность, дергота въ тѣлѣ, смѣшныя повадки, природная глупость, и всякая другая юродливость—составляли потребныя качества для пріема въ шутовское сословіе. Награды получали они соразмѣрно дарованіямъ своимъ. Главою ихъ былъ одинъ италіанецъ, прежде бывшій скрипачъ, по прозванію Петръ Мира или, сокращенно, Петрилло. Шутъ этотъ былъ дѣйствительно милъ и забавенъ, и умѣлъ нажить порядочный капиталъ. Балакиревъ также отличался острою и имѣлъ такую забавную наружность, что

при первомъ взглядѣ на него возбуждалъ къ смѣху. Страсть къ шутамъ и дуракамъ, унижающая человѣчество, и страсть къ сказочникамъ—распространилась по всему государству и долго оставалась преимущественною забавою знатныхъ и зажиточныхъ людей; въ мудрое правленіе Екатерины, просвѣщеніе, быстро озаряя Россію, представило благороднѣйшія занятія для ума.

Упомянемъ объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны, въ Петербургѣ. Въ 1732 году, построена была на Невѣ изо льда крѣпость, которую снабдили гарнизономъ и артиллеріею, и потомъ брали приступомъ. Но въ зиму 1739 г., по предложенію камергера Татищева, вздумали представить изумленному взору чудеснѣйшее позорище. На Невѣ, между дворцомъ и адмиралтействомъ, построили изъ чистаго льда, по всѣмъ правиламъ архитектуры, домъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; всѣ украшенія зодчества, статуйки, рамы и стекла въ окнахъ, столы, стулья, кровать съ постелью, печи—словомъ, всѣ внутренніе приборы и разная посуда, множество бездѣлушекъ—были сдѣланы изъ льда. Приготовили лдяныя свѣчи и дрова, которыя, будучи намазаны нефтью, горѣли; выточили изъ льда нѣсколько пушекъ и мортиръ съ колесами и станками, изъ коихъ стрѣляли ядрами съ порохомъ; надѣлали слоновъ, дельфиновъ, деревья съ вѣтвями и листьями—все изо льда. Не удовольствуясь таковою нелѣпостью, выстроили еще баню лдяную, многократно топили ее и въ ней парились. Призвали въ Петербургъ по нѣскольку чело-вѣкъ отъ различныхъ народовъ, въ Россіи обитающихъ. Напослѣдокъ, въ семь домѣ праздновали свадьбу одного чело-вѣка изъ знатнѣйшаго рода, невольнымъ образомъ посвященнаго въ шуты; парили новобрачныхъ въ лдяной банѣ. Признаюсь, что во всемъ этомъ дѣлѣ вижу я верхъ сумазбродства. Позволительно-ли употреблять руки чело-вѣческія на работу столь суетную, ничтожную? позволительно-ли столь постыднымъ образомъ унижать чело-вѣчество и насмѣхаться надъ нимъ? позволительно-ли издерживать государственное иждивеніе на прихоти и забавы вздорныя? Неоспоримо, что доброе правительство, и по любви къ народу, и по политическимъ видамъ, долженствуетъ доставлять обществу увеселенія. Но, забавляя, не должно развращать народныя нравы. Въ то время, когда появились въ Петербургѣ

упомянутыя глупыя позорища, благодѣтельные лучи просвѣщенія, отверзтые Петромъ Великимъ, начинали уже согрѣвать умы россиянь. Слѣдственно, правительство могло занимать ихъ полезнѣйшими зрѣлищами. Лучше-бъ было приказать представлять бывшія тогда въ большой чести италіанскія интермедіи, а, можетъ быть, еслибъ самъ дворъ обратился къ благороднѣйшимъ забавамъ, и тогда бы уже словесность наша украсилась драматическими твореніями. Теофанъ, Кантемиръ отыскали-бъ дарованія. Ломоносовъ и Сумароковъ въ сію эпоху уже существовали. Вездѣ и во всѣ времена дворъ открываетъ, поддерживаетъ, оживляетъ дарованія. Безъ поощренія царя, изящнѣйшіе умы и дары природы самые рѣдкіе—притупятся, погибнутъ и погребутся во мракъ неизвѣстности.

Обыкновенная участь сильныхъ, властвующихъ страхомъ,— быть ненавидимыми, почему личная безопасность и польза ихъ требуетъ недреманнаго надзора за поступками общества. Биронъ, будучи увѣренъ въ первомъ, тщательное вниманіе обращалъ на послѣднее. Вѣроятно, что въ то время ни при одномъ европейскомъ дворѣ не находилось больше льстецовъ и наушниковъ, какъ при российскомъ. Ежедневно доносили государынѣ и герцогу обо всѣхъ разговорахъ въ извѣстнѣйшихъ домахъ, а какъ гнусное сіе ремесло отверзало путь къ милости и наградамъ, то самыя знатныя особы не стыдились заниматься онымъ. Легковѣріе непосредственно послѣдуетъ за подозрѣніемъ; почему не трудно было донощикамъ злоумышленно перетолковывать всѣ рѣчи и оклеветывать предъ подозрительнымъ правительствомъ людей безвинныхъ. Нерѣдко случалось, что тѣ самыя особы, которыя наканунѣ пользовались отличною благосклонностью императрицы, съ изумленіемъ на другой день видѣли отъ нея величайшую холодность, не постигая причины таковой внезапной перемѣны.

Анна Іоанновна любила убранство. Въ торжественные праздники надѣвала великолѣпныя одежды изъ богатѣйшихъ ліонскихъ парчей и бархатовъ, а въ прочіе дни носила платье простое, но со вкусомъ и яркихъ цвѣтовъ. Придворные чиновники, въ угожденіе императрицъ, являлись во дворецъ, во дни рожденія, тезоименитства, восшествія на престолъ и коронованія ея величества,

въ пребогатомъ одѣяніи. Она не жаловала темныхъ цвѣтовъ, Биронъ также не любилъ ихъ. Герцогъ часто одѣвался въ изпещренныя штофныя кафтаны, и почтенные старики, подражая ему, не стыдились наряжаться въ платья самыхъ странныхъ цвѣтовъ, на примѣръ, розоваго, свѣтложелтаго, лиловаго, ярко-зелено-попугайнаго.

Анна щедро награждала заслуги; никто изъ предшественниковъ ея не жаловалъ столь значущими денежными подарками. Петръ Великій охотнѣе жаловалъ за службу тысячу душъ крестьянь, нежели десять тысячъ деньгами. Но и въ семъ случаѣ надлежало искать милости у Бирона: всѣ награды получались посредствомъ его. Даже принцесса Анна, столь любимая государынею, съ огорченіемъ на опытѣ извѣдала, что безъ сего предстателя не могла-бъ она исходатайствовать ни заплаты долговъ, ни прибавки содержания. И сія, по природѣ щедрая, царица не смѣла и малѣйшаго подарка сдѣлать безъ вѣдома Бирона. Императрица была набожна и даже нѣсколько суевѣрна, однако, посѣщая по-часту храмы Божіи, созидавая новыя и щедро украшая существовавшіе, не допустила духовенство присвоить себѣ власти болѣе, сколько предоставлено оному было узаконеніями Петра Великаго.

Не только съ величайшимъ вниманіемъ Анна Іоанновна слушала государственныя дѣла, представляемыя министрами, но даже всегда освѣдомлялась объ отправленіи и исполненіи рѣшенныхъ ею. Усовершенствованіе внутренняго домоводства, распространеніе торговли, умноженіе мануфактуръ, усиленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ—наиболѣе занимали попеченіе монархини.

Не взирая на кровопролитныя брани, происходившія почти во все теченіе царствованія ея, никогда не обременила народъ новымъ налогомъ. При заключеніи мира съ Портою, даровала народу полугодовой подушный сборъ; окладъ подушный при ней состоялъ въ семи гривнахъ съ души мужескаго пола. Не токмо не оставила Анна Іоанновна по себѣ государственнаго долга, но даже по кончинѣ ея обрѣли въ запасѣ въ военномъ казначействѣ одинъ милліонъ двѣсти тысячъ, а въ солянномъ семьсотъ тысячъ наличныхъ денегъ серебряною монетою.

Умноживъ сухопутныя войска, оставила преемникамъ престола армію благоустроенную, подъ предводительствомъ искус-

нѣйшихъ полководцевъ. Повиновеніе россійскаго ратника, терпѣніе его въ преодоленіи всѣхъ превратностей счастья, ничѣмъ непоколебимая храбрость его на полѣ сраженія—во всѣ времена превосходили всякое вѣроятіе: но во дни Анны, благочиніе и порядокъ въ воинствѣ нашемъ могли почитаться образцовыми. Побѣги въ ономъ были вовсе невѣдомы. Сухопутныя силы при сей государынѣ простирались до 240,000 человекъ. Пѣхота, справедливо почитаемая душою войска, состояла на прекрасной ногѣ; всѣ эволюціи и экзерциціи производились превосходно. На Сестрорѣцкомъ заводѣ, учрежденномъ, какъ большею частію и всѣ полезныя заведенія въ Россіи, Петромъ Великимъ, хорошо изготовлялось огнестрѣльное и холодное оружіе. Артиллерія также была умножена, и въ устройствѣ орудій послѣдовали, при Минихѣ, значительныя перемѣны; при ней учрежденъ въ Петербургѣ литейный дворъ. Конница регулярная не была приведена въ равное превосходство съ пѣхотою. Въ замѣну, Россія имѣла въ казакахъ такія легкія войска, какихъ ни одно европейское государство выставить не можетъ. Дабы снабдить тяжелую конницу добрыми лошадьми, императрица повелѣла выписать изъ Голштиніи и другихъ иностранныхъ земель знатное число лошадей лучшей породы, учредить конскіе заводы, и для содержанія оныхъ отвести богатыя казенныя волости; въ самыхъ монастырскихъ владѣніяхъ заведены были таковыя заводы. Въ похвалу сего правленія по военной части надлежитъ упомянуть объ отмѣнѣ несправедливаго постановленія о жалованьи: иностранцы, находившіеся въ нашей службѣ, получали жалованье превосходнѣйшее противу природныхъ русскихъ; Анна Іоанновна повелѣла всѣмъ служащимъ производить равное содержаніе.

Хотя прилагала она попеченіе о флотѣ, совершенно пренебреженномъ по кончинѣ Петра Великаго, но не успѣла поставить оный на ту степень, въ каковой мы видѣли морскія россійскія силы во дни Екатерины Великой, переносящіяся изъ одного океана въ другой и приводящія въ трепетъ горделивый Стамбуль.

Торговля Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны производилась успѣшно. Россія отпускала за море: поташъ, юфть, ленъ, пеньку, желѣзо, строевой и корабельный лѣсъ, разный хлѣбъ, медь, воскъ, сало, мѣха. Отъ англичанъ получала: олово, сви-

нець, кубовую краску, различныя желѣзныя издѣлія, кампешъ, квасцы и въ большомъ количествѣ сукна, полотняныя и кисейныя товары. Голландцы доставляли соль, сукна, полотна и множество пряныхъ кореньевъ. Торговля съ сими народами, какъ и со Швеціею, обращалась въ выгоду Россіи. Хотя не было непосредственной торговли съ Франціею, хотя рѣдко и видѣли въ нашихъ пристаняхъ купеческія суда сей державы, но Франція, наводняя Россію винами своими, богатыми штофами, парчами, бархатами, шелковыми издѣліями, кружевами и всякими бездѣлушками, цитающими роскошь, похитила отъ нея все золото, торговлею съ англичанами пріобрѣтенное. Сухопутная торговля происходила съ Китаемъ, Персіею и другими азіатскими народами.

Подкрѣпляя сибирскіе желѣзные и мѣдные заводы знатными денежными суммами, для правильнѣйшей разработки рудниковъ и горнаго производства, императрица посылала молодыхъ людей въ чужіе края обучаться рудному дѣлу и выписала изъ Саксоніи, по соглашенію съ тамошнимъ дворомъ, опытныхъ рудокоповъ и искусныхъ горныхъ чиновниковъ. При сей Государынѣ, для управленія горною частью, учреждена была генераль-оберъ-директорія, изданы штаты и положенія для заводовъ, открытъ г. Татищевымъ ¹⁾ богатый Гороблагодатскій рудникъ, учинены важныя поощренія вольнымъ промышленникамъ и пожалованы имъ къ заводамъ казенные крестьяне. Запущенные Нерчинскіе сереброплавильные заводы при ней начали поправляться.

При сей Государынѣ были предприняты морскія путешествія по Ледовитому морю, для открытія пути въ Восточной океанъ; къ берегамъ Америки, для обозрѣнія Алеутскихъ острововъ; изслѣдованы и описаны нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ.

Заведеніе при академіи наукъ, въ Петербургѣ, гимназіи и училища живописнаго и рѣзнаго художества, а особенно учрежденіе знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мель-

¹⁾ Василій Никитичъ Татищевъ, знаменитый нашъ бытописатель.

помены явился Сумароковъ,—привлекають благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое.

Неприведенныя къ окончанію великія преднамѣренія Петра Великаго императрица ревностно помышляла довершить. Въ ея царствованіе графъ Минихъ окончилъ славный Ладожскій каналъ; при ней ежегодно отпускаемо было по двѣсти тысячъ рублей на усовершенствованіе канала Кронштадтскаго съ принадлежащими къ оному водоемами.

Въ пребываніе Анны Іоанновны въ Петербургѣ, столица сія украсилась многими новыми зданіями; въ адмиралтействѣ построена башня и, вмѣсто большей части деревянныхъ домовъ, въ городѣ сооружены каменные. Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе италіанской, французской и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, метавшая грома въ враговъ, изливавшая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россиянь, упражняться въ строеніи кораблей.

Мудрый Петръ вѣдалъ, что въ имперіяхъ, гдѣ процвѣтають мануфактуры, фабрики, художества, ремесла, тамъ роскошь полезна; обращая деньги въ нѣдрахъ государства, привлекаетъ она золото изъ чужихъ земель. Напротивъ того, въ державахъ, лишенныхъ сихъ пособій, роскошь крайне пагубна: ибо, питая ее, таковыя государства всѣ издѣлія вкуса, щегольства, прихоти—получаютъ отъ руки чужеземной. Все выписываютъ отъ другихъ, за все платятъ звонкою монетою. Почему великій монархъ всемѣрно устранялъ отъ двора своего суетную пышность и роскошь раззорительную. Вельможа времени Петра Великаго не старался отличать себя позлащенною одеждою. Преемники сего государя не съ подобною мудростію взирали на этотъ предметъ. Совокупленіе азіатской пышности съ изощренною роскошью европейскою впервые появилось при російскомъ дворѣ при Екатеринѣ I, умножилось при Петрѣ II, а въ царствованіе Анны Іоанновны пышность при дворѣ, великолѣпіе въ строеніяхъ, роскошь въ убранствѣ дворцовъ, щегольство въ экипажахъ и одеждѣ—несрав-

ненно превышали времена всѣхъ ея предшественниковъ; однако, въ похвалу сей государыни замѣтить надлежитъ, что расходы двора были распоряжаемы столь благоразумно, что не токмо не выступали изъ обыкновенно отпускаемой суммы, но ежегодно сберегались въ запасъ иногда и довольно значительныя остатки. Для умноженія царскаго сокровища алмазными и другими вещами, для убранства и украшенія дворцовъ и загородныхъ домовъ, Анна Іоанновна употребила многіе милліоны рублей. Богатый ея золотой столовый приборъ употреблялся и при Екатеринѣ Великой.

Въ заключеніе скажемъ, что царствованіе императрицы Анны Іоанновны представляетъ разительное смѣшеніе добра и зла народнаго. Съ одной стороны, удивляемся громкимъ побѣдамъ воинства благоустроеннаго, твердой системѣ правительства, полезнымъ преобразованіямъ, учрежденіямъ, заводимымъ для блага государства, видимъ императрицу Анну уважаемую сѣверными державами, поддерживающею корону на главѣ польскаго короля, ласкаемую сильнѣйшимъ европейскимъ монархомъ Карломъ VI. Видимъ въ сіе время людей необыкновенныхъ и въ войскѣ и въ службѣ гражданской. Минихъ, Ласси, Левашевъ, Румянцевъ, Кейтъ, Левендалъ, Леонтьевъ, Штофельнъ, Репнинъ, Загряжской, Сперейтеръ, Шпигель, Бутурлинъ, Гохмутъ, Дебрины, Ферморъ, Апраксинъ—являютъ и мужество и дарованія отличныя на ратномъ полѣ: нѣкоторые изъ нихъ вносятъ имя свое въ храмъ безсмертія. Остерманъ, Трубецкой, Салтыковъ, Чернышевъ, Волинскій, Головкинъ, Бестужевы, Куракинъ, Панинъ, Бибииковъ, Вельяминовъ, Татищевъ—съ честію и похвалою трудятся въ кабинетѣ, судахъ, въ управленіи областей и градовъ; и изъ нихъ нѣкоторые, подобно знаменитымъ воинамъ, содѣлываютъ себя извѣстными потомству. Съ другой стороны—съ трепетомъ поражаемся народнымъ бѣдствіемъ. Непрерывныя брани, алчное и ничѣмъ необузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлѣбныя въ большей части Россіи—привели народъ въ крайнюю нищету. Для понужденія къ платежу недоимокъ употребляли ужаснѣйшія безчеловѣчія, приводящія въ содроганіе и помышляющихъ объ оныхъ; уныніе, стонъ, слезы, вопль—распространились во всей имперіи. Съ ужасомъ усматриваемъ жестокія гоненія, заточенія въ темницы,

пытки, ссылки и самую смерть, коимъ преданы были многія полезныя, заслуженныя и знаменитыя особы, всѣ почти по одному подозрѣнію, либо по личной ненависти и мщенію, что и обнаруживаетъ явное неправосудіе—главный порокъ вѣнценосцевъ.

Напоследокъ, съ горестію должно сказать, что монархія обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣтелями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе, своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю; но, благоговѣя къ преобладающей власти, не смѣли роптать явно, все съ терпѣніемъ переносили. Потомство, безъ лицепріятія разсматривая дѣянія всѣхъ, судить и владыкъ земныхъ: оно не перестанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія. Тотъ, кто, имѣя власть въ рукахъ своихъ, не останавливаетъ бѣдствія народнаго, содѣлывается врагомъ народа и имя его неизбѣжно предается безславію и справедливому порицанію потомства.

Обозрѣніе Биронова регентства.

[Зап. Манштейна, стр. 195—203].

Слѣдуя древнему обычаю, немедленно по преставленіи Анны Іоанновны, отворили двери почивальной ея. Огорченный оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ вышелъ въ собраніе, со слезами извѣстивъ о кончинѣ императрицы, и пригласилъ всѣхъ къ тѣлу усопшей. Всѣ, въ страшной неизвѣстности о будущемъ, поражены были чрезвычайною печалью; вопль распространился по дворцу. Принцесса Анна была удручена величайшею скорбью. Изъ почивальной вынесли ее въ безпамятствѣ въ другую комнату. Тамъ, опаматовавшись, сидѣла она въ глубокой задумчивости, обливаясь горькими слезами. Биронъ громко рыдалъ и казался отчаяннымъ; но скоро миновалось отчаяніе лукаваго честолюбца. Чрезъ нѣсколько минутъ, приказалъ онъ объявить постановленіе о регентствѣ. Генераль-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой отперъ шкафъ, вынулъ изъ онаго постановленіе, подо-

шелъ къ свѣчамъ и началъ читать бумагу. Биронъ, примѣтя, что принцъ Брауншвейгскій неподвижно стоялъ за стуломъ супруги своей, тотчасъ сказалъ ему: «Не угодно-ли и вамъ, вмѣстѣ съ другими, выслушать послѣднюю волю императрицы?» Принцъ, не отвѣчая ни слова, подошелъ къ боярамъ, вокругъ Трубецкаго толпившимся, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ приговоръ собственный и своей супруги. По прочтеніи постановленія, герцогъ пошелъ въ свои комнаты, а принцесса Анна съ супругомъ удалились въ покои малолѣтнаго императора и наступающую ночь провели у колыбели младенца. Надлежитъ замѣтить, что какъ скоро ребенокъ сей появился на свѣтѣ, то покойная императрица взяла его подъ собственный свой надзоръ и помѣстила въ комнату подлѣ почивальной своей.

Ночь всю скрывали отъ народа о смерти императрицы и повсюду усилили караулы; на разсвѣтѣ слѣдующаго дня вывели полки лейбъ-гвардіи и другіе, въ Петербургѣ находившіеся, и построили подъ ружьемъ на Дворцовой площади. Въ девять часовъ (утра) собрались ко двору: духовенство, сенатъ и всѣ прочія знатныя особы. Графъ Остерманъ, обливаясь слезами, извѣстивъ собранію о преставленіи императрицы и приказавъ секретарю прочесть постановленіе о регентствѣ. Послѣ этого всѣ пошли въ придворную церковь и тамъ дали присягу въ вѣрности младому императору и регенту. Изъ церкви же отправились къ герцогу для принесенія поздравленія. Биронъ, подойдя къ сенаторамъ, произнесъ:

— «Излишнимъ почитаю напоминать вамъ о продолженіи усердія, съ каковымъ доселѣ споспѣшествовали вы приращенію благоденствія и славы отечества. Надѣюсь твердо, что нѣжный возрастъ малолѣтнаго императора послужитъ вамъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Будьте удостовѣрены, что всѣ часы жизни моей я готовъ посвящать на служеніе имперіи; слѣдственно, вы не можете представить мнѣ убѣдительнѣйшихъ опытовъ довѣренности къ чистотѣ моихъ помышленій, какъ непосредственно и прямо относясь ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣтите надобность для блага государства въ новомъ законоположеніи, или въ искорененіи злоупотребленій, вкравшихся въ различныя вѣтви государственнаго управленія. Я не буду имѣть наперсниковъ и двери мои всегда будутъ отверзты для благонамѣренныхъ людей».

Послѣ сего привѣтствія, откланялся и позвалъ во внутренніе покои графовъ Миниха и Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева. Тамъ благодарилъ ихъ за оказанную къ нему приверженность, и, увѣривъ, что не оставитъ на самомъ дѣлѣ изъяснить имъ признательность свою, просилъ этихъ господъ вспомоществовать ему добрыми совѣтами.

Того же утра, регентъ перевезъ малолѣтняго императора въ зимній дворецъ, изъяснивъ согласіе, чтобы и родители его туда переселились. Самъ же остался въ лѣтнемъ дворцѣ, предполагая переѣхать изъ онаго по погребеніи тѣла покойной императрицы. Вечеромъ навѣстилъ онъ императора и родителей его. Изъяснивъ принцессѣ соболѣзнованіе о преставленіи императрицы, удосто- вѣрилъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о произвожденіи ей содержанія соотвѣтственнаго высокой ея породѣ. Доселѣ принцесса получала общее содержаніе съ императорскимъ дворомъ. Биронъ опредѣлилъ на собственные ея расходы по двѣсти тысячъ рублей серебромъ ежегодной пенсіи.

По учрежденіи тайнаго кабинета, правительствующій сенатъ утратилъ много изъ прежняго своего достоинства и преимуществъ. Желая польстить сему верховному судилищу и привязать къ себѣ членовъ онаго, Биронъ часто ѣздилъ въ сенатъ и присутствовалъ въ ономъ. Сенатъ, въ изъясненіе признательности своей, просилъ регента принять по пятисотъ тысячъ рублей ежегодно на содержаніе двора его и, находя, что титулъ свѣтлости не приличествуетъ важности званія правителя столь великой имперіи, поднесъ ему проименованіе высочества. Биронъ принялъ сіе приношеніе, съ условіемъ, чтобы и принца Брауншвейгскаго, въ качествѣ родителя императора, равномѣрно величали высочествомъ.

Чѣмъ болѣе возвышался Биронъ, тѣмъ сильнѣе разверзалась ужаснѣйшая пропасть, готовившаяся поглотить его. Не прошло еще и одной недѣли по кончинѣ Анны Іоанновны, какъ начали доходить до регента слухи о ропотѣ въ народѣ противъ правленія его. Лейбъ-гвардіи капитанъ Ханьковъ и поручикъ Аргамановъ взяты были подъ стражу за нескромныя рѣчи и преданы пыткѣ. Биронъ домогался вывѣдать отъ нихъ—въ чемъ состояло злоумышленіе ихъ и кто были сообщники ихъ? Но не могъ ничего исторгнуть отъ нихъ, и вся вина ихъ оказалась единственно въ изъясненіи неудовольствія, въ простомъ между собою разго-

ворѣ. Въ то же время преданъ былъ пыткѣ одинъ кабинетской секретарь. Его обвиняли, что онъ предварительно показывалъ обѣимъ принцессамъ на-черно написанное постановленіе о регентствѣ, и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на несправедливость сего распоряженія. Но всѣ сіи жестокости не произвели дѣйствія, Бирономъ ожидаемаго: вмѣсто того, чтобы устрашить прочихъ, онѣ вяще раздражали умы и всѣхъ возбуждали къ мщенію.

Среди сихъ происшествій, получено было извѣстіе о кончинѣ Карла VI, умершаго въ Вѣнѣ 10-го (12-го) октября. Императоръ завѣщалъ наслѣдственнымъ австрійскія владѣнія старшей дочери своей Маріи Терезіи. Король прусскій, курфирсты саксонскій и баварскій предъявляли притязанія на наслѣдіе сіе и намѣревались вооруженною силою поддерживать права свои. Война должна была возгорѣться въ Германіи. Не вѣдали еще, что приметъ регентъ въ обстоятельствахъ, столь важныхъ для наслѣдницы Австрійской монархіи. Но послѣ, по паденіи Бирона, сдѣлался извѣстнымъ тайный договоръ, заключенный имъ съ саксонскимъ дворомъ, по коему регентъ, вопреки ручательства покойной императрицы по прагматическому уложенію Карла VI, обѣщалъ не противиться требованіямъ, каковыя Августъ, король польскій, въ качествѣ курфирста саксонскаго, супруга и дѣти его предъявятъ на наслѣдіе австрійскихъ владѣній. Въ замѣну сего, польскій король обѣщалъ охранять права Бирона и наслѣдниковъ его на обладаніе герцогствомъ курляндскимъ. Обязательство это было единственное, заключенное Бирономъ съ иностранною державою.

Хотя въ первые дни регентства Биронъ тщательно занимался снисканіемъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ, однако, никакихъ предположеній ко благу Россіи не послѣдовало, и во внутреннихъ распоряженіяхъ имперіи не сдѣлалъ онъ ничего достопримѣчательнаго. Дабы польстить народу и ознаменовать восшествіе на престолъ малолѣтняго императора и свое вступленіе въ правленіе, освободилъ онъ отъ четырехъ-мѣсячнаго подушнаго оклада. Между тѣмъ, всѣ улицы Петербурга наполнены были караулами и разѣздами; повсюду были рассыпаны наушники и доносчики. Не проходило ни одного дня, чтобы регентъ не получалъ доноса и не приказывалъ брать подъ стражу и предавать истязаніямъ всякаго званія людей. Вина

сихъ несчастныхъ заключалась единственно въ неосторожныхъ разговорахъ. Наконецъ, Биронъ получилъ свѣдѣніе о большомъ заговорѣ. Вотъ подробности онаго.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, сынъ государственнаго канцлера, по породѣ и по высокимъ связямъ супруги своей, справедливо почитался въ государствѣ знаменитымъ вельможею. Украшенный російскими орденами и возведенный на высшія степени, былъ самый свисходительный, добродѣтельный и любящій отечество мужъ. Супруга его, Екатерина Ивановна, благотворительная и сострадательная боярыня, была дочь князя Ивана Ѳеодоровича Ромодановскаго, имѣвшаго въ супружествѣ Наталію Ѳеодоровну Салтыкову, родную сестру царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Слѣдовательно, графиня Головкина была двоюродная сестра императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а правительницѣ—тетка. Въ первые годы царствованія государыни Анны Іоанновны, графъ Головкинъ пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ, но подъ конецъ благоволеніе монаршее къ нему весьма уменьшилось; причиною тому было безпристрастное сужденіе сего вельможи о поступкахъ Бирона. И такъ, не ожидая себѣ ничего добраго отъ врага, похитившаго верховную власть, графъ Головкинъ помышлялъ о низверженіи деспота. Но средство, которое намѣревался онъ употребить для сего, едва не обратилось на собственную его гибель. Благодупіе и благосклонность хозяевъ привлекали гостей въ домъ графа Головкина; множество недовольныхъ отставныхъ офицеровъ находили тутъ убѣжище и отраду. Въ одинъ день, когда посѣтили его нѣкоторые изъ нихъ, на преданность коихъ могъ онъ твердо полагаться, графъ спросилъ у нихъ:

— О чемъ говорятъ въ городѣ?

Они отвѣчали, что всѣ вообще негодуютъ на возвышеніе Бирона и соболѣзнуютъ объ участи принцессы Анны. Что они знаютъ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на все отважиться для отмщенія оскорбленія, нанесеннаго родительницѣ императора. Но сіи офицеры, какъ и прочіе благомыслящіе люди, не имѣя руководителя, не вѣдаютъ какъ приступить къ сему важному дѣлу. Графъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, лучшее средство послѣдовать примѣру, употребленному въ Москвѣ въ 1730 г. при восстановленіи самодержавія, т. е. что всѣ благонамѣренные

патріоты должны ступить въ назначенный для того день собраться въ известномъ домѣ и цѣлымъ обществомъ отправиться къ принцессѣ съ просьбою, дабы она избавила государство отъ ненавистнаго всѣмъ регента и бразды правленія приняла бы въ свои руки. Гости, одобливъ предполагаемый способъ, просили графа быть главою общества благонамѣренныхъ; но сей хворый и мучимый подагрою вельможа не могъ принимать личнаго участія въ предполагаемомъ предпріятіи, а совѣтовалъ имъ обратиться къ князю Черкасскому, увѣряя, что министръ сей столь же охотно склонится на представленіе ихъ, какъ и прежде поступилъ онъ, при поднесеніи императрицѣ Аннѣ прошенія объ отрѣшеніи аристократическаго правленія. Давъ таковой совѣтъ и отобравъ обѣщаніе, чтобы о немъ ничего не упоминали, графъ просилъ, дабы, не отлагая вдаль, завтрашній же день, пригласивъ и другихъ недовольныхъ, всѣ вмѣстѣ явились къ князю Черкасскому. Согласно съ симъ предположеніемъ, на другой день недовольные собрались къ князю Черкасскому, объявили о причинѣ прибытія своего и, напомнивъ о прежнемъ подвигѣ его, столь достохвальномъ и полезномъ для общества, просили князя отправиться съ ними къ принцессѣ и представить ея высочеству о желаніи народа. Князь Черкасскій, спокойно выслушавъ просителей, съ притворнымъ видомъ одобрилъ намѣреніе ихъ и, подъ предлогомъ отправленія дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, пригласилъ ихъ придти къ нему на другой день. Едва они вышли изъ дома его, какъ оробѣвшій князь, страшась гибельныхъ для себя послѣдствій отъ сего заговора, немедленно поскакалъ извѣстить Бирона о сдѣланномъ предложеніи. Тотчасъ захватили всѣхъ приходившихъ къ князю Черкасскому; заключили въ темницы и мучили пытками, допрашивая о числѣ и именахъ прочихъ соучастниковъ. Несчастные объявили о нѣкоторыхъ, но, превозмогая всѣ истязанія, никто не упомянулъ о графѣ Головкинѣ. Въ числѣ обличенныхъ жертвъ находился Грамматинъ, правитель російской канцеляріи принца Брауншвейгскаго. Подъ истязаніями пытки Грамматинъ не только признался, что зналъ объ упомянутомъ заговорѣ, но открылъ еще и о другомъ важнѣйшемъ, къ составленію котораго употреблялся онъ по согласію принца. Предполагали подговорить офицеровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося подъ начальствомъ принца Брауншвейгскаго, и потомъ, склонивъ

весь полкъ, идти во дворецъ и во что бы ни стало захватить Бирона и всѣхъ его приверженниковъ. Грамматинъ успѣлъ открыться токмо одному капитану упомянутого полка ввязю Путятину, который обѣщалъ убѣждать прочихъ офицеровъ. Князь Путятинъ, преданный истязаніямъ, признался и объявилъ о двухъ капитанахъ и объ одномъ поручикѣ, которыхъ подговорилъ онъ принять участіе въ заговорѣ.

Открытие сихъ покушеній долженствовало убѣдить Бирона сколь ненавистно было правленіе его; что всѣ мученія пытокъ недостаточны къ предохраненію тирановъ отъ справедливой мести раздраженнаго общества! Деспотъ сей легкомысленно возлагалъ надежду на вѣрность двухъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго, изъ коихъ первымъ начальствовалъ братъ его Густавъ, а другимъ сынъ его Петръ. Желая показать предъ всѣми, сколь мало опасается онъ принца Брауншвейгскаго, призвалъ его къ себѣ и, въ присутствіи многочисленнаго собранія, Биронъ въ ярости выговаривалъ за покушеніе къ составленію заговора, называлъ принца неблагодарнымъ, кровожаднымъ, и присовокупилъ, что поступками своими неминуемо лишится онъ всего. А какъ при послѣднихъ словахъ принцъ нечаянно положилъ лѣвую руку на эфесъ своей шпаги, то регентъ, принявъ сіе за угрозу и ударяя по своей, съ жаромъ закричалъ:

— «Если сомнѣваетесь, чтобъ рѣшился я раздѣлаться съ вами и симъ путемъ, то извольте испытать».

Наконецъ, по произнесеніи и другихъ рѣчей, внушенныхъ злобою и ненавистью, на которыя принцъ кратко возразилъ, что онъ отнюдь не обязанъ отвѣтствовать за «слова и поступки секретаря своего»,—разстались они съ бѣльшимъ противу прежняго негодованіемъ и ожесточеніемъ.

На другой день регентъ поручилъ барону Миниху ¹⁾, брату фельдмаршала, объяснить съ принцемъ Брауншвейгскимъ. Въ отвращеніе дальнѣйшихъ неудовольствій и для пресѣченія всякаго подозрѣнія, предложили принцу добровольно отказаться отъ всѣхъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войскѣ. Принцъ дол-

¹⁾ Баронъ Христіанъ Вильгельмъ Минихъ, умершій въ 1768 г., былъ впоследствии дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра.

Примѣч. рукоп.

женствовалъ покориться судьбѣ и уступить силѣ; присланный отъ него г. Кайзерлингъ объявилъ регенту, что принцъ слагаетъ съ себя всѣ военныя почести. Обрадованный Биронъ немедленно извѣстилъ объ ономъ гвардію и прочіе полки. Не удовольствовавшись самъ, деспотъ послалъ сказать принцу, что онъ совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дворца, дабы народъ, раздраженный за множество людей, по винѣ его заключенныхъ въ темницы и преданныхъ истязаніямъ, не нанесъ особѣ его какого либо оскорбленія. Сколь дерзновенно поступалъ Биронъ съ родителями самодержца своего! Всѣ съ трепетомъ ожидали злѣйшихъ послѣдствій. Опасались, что принцъ съ супругою будутъ или отправлены въ Германію, или отосланы въ какую-нибудь удаленную область Россійскаго государства. Но внезапно одинъ рѣшительный мужъ предпринялъ отважное намѣреніе ниспровергнуть могущественнаго Бирона и паденіемъ его прекратить всѣ бѣдствія отечества.

Ноября 8-го числа, предъ полуднемъ, графъ Минихъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ принцессѣ засвидѣтельствовать почтеніе свое. Нашедши ее одну, воспользовался симъ случаемъ. Съ жаромъ и величайшимъ искусствомъ описалъ онъ бѣдственное состояніе государства, насиліе и жестокости Бирона. Представилъ опасность, угрожающую самой принцессѣ, если правленіе долѣе останется въ рукахъ неукротимаго ея врага. Обѣщалъ предать во власть ея Бирона низверженнаго и просилъ дозволить приступить къ исполненію безъ малѣйшаго отлагательства. А для одобренія въ семъ предпріятіи офицеровъ и рядовыхъ убѣждалъ принцессу, дабы она благоволила лично присутствовать при совершеніи онаго. Обрадованная Анна Карловна съ неизреченнымъ удовольствіемъ приняла неожиданное предложеніе фельдмаршала; умъ и мужество его подавали несомнѣнную надежду къ успѣху. Положили, чтобы графъ Минихъ въ наступающую ночь прибылъ въ зимній дворецъ и взялъ отъ караула онаго потребное число рядовыхъ. Получивъ отъ принцессы увѣреніе, что тайны сей никому она не откроетъ, даже и супругу своему, фельдмаршалъ отправился прямо къ Бирону, и остался у него обѣдать. Возвратясь домой, нетерпѣливо ожидалъ онъ приближенія ночи.

Въ тотъ-же вечеръ молодая графиня Минихова ¹⁾, невѣстка

¹⁾ Жена оберъ-гофмейстера Миниха, рожденная Менгенова.

Примѣч. рукоп.

фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнія о преднамѣреніи тестя своего, пріѣзжала къ герцогинѣ, провела тутъ вечеръ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи пробыла съ ними. Прощаясь съ графиней, Биронъ препоручилъ ей сказать фельдмаршалу, что, по погребеніи тѣла императрицы, онъ получить такой подарокъ, что въ состояніи будетъ заплатить всѣ свои долги.

Въ два часа по полуночи, фельдмаршалъ съ однимъ только своимъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ, поѣхалъ во дворецъ, и чрезъ нарочно оставленные незапертыми ворота вошелъ въ покои фрейлины баронессы Іуліаны Менгденъ, родной сестры молодой графини Миниховой. Фрейлина Менгденова, имѣя отъ принцессы предварительное повелѣніе, въ ту же минуту пошла разбудить ее. Правительница не замедлила выйти. Графъ представилъ, что насталъ часъ рѣшить судьбу Бирона, вновь просилъ принцессу, дабы она личнымъ своимъ присутствіемъ подкрѣпила предпріятіе. Но не могли преклонить на сіе, исходатайствовалъ позволеніе представить ей караульныхъ офицеровъ; просилъ объявить имъ волю свою и возбудить ихъ къ усердному исполненію. На послѣднее принцесса согласилась, и когда офицеры вошли, она изволила сказать имъ:

— «Извѣстны вамъ оскорбленія, нанесенныя государю вашему, мнѣ и супругу моему. Наглость регента ежедневно возрастаетъ, терпѣніе мое истощилось, и я рѣшилась наказать тирана. Твердо надѣюсь, что вы, господа, всѣ, дышущіе честію, не отречетесь оказать императору и родителямъ его важнѣйшую услугу: возьмете подъ стражу Бирона, котораго насиліе и жестокосердіе терзаютъ несчастное наше отечество. И такъ, убѣдительнѣйше прошу васъ послѣдовать за фельдмаршаломъ, и ревностно исполнять всѣ его приказанія: вѣрность и усердіе ваше получаютъ достойное возмездіе».

Произнеся сіе, принцесса обняла фельдмаршала и допустила къ рукѣ офицеровъ, пожелавъ имъ счастливаго успѣха. Графъ Минихъ, сошедши въ караульную, объявилъ о повелѣніи принцессы. Весь карауль единогласно отвѣчалъ, что онъ готовъ голову положить, дабы избавиться отъ жестокаго регента. Фельдмаршалъ, приказавъ караулу зарядить ружья, взялъ онаго трехъ офицеровъ и восемьдесятъ гренадеровъ и отправился съ ними въ

лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ тѣло покойной императрицы выставлено было на парадной кровати. Тамъ находилось въ караулѣ триста человекъ. Если-бы они были преданы регенту, то, безъ сомнѣнія, поставили-бъ непреоборимую препопу умышляемому предпріятію; но фельдмаршалъ, по благоразумной предосторожности, назначилъ къ исполненію такой день, въ который карауль при обоихъ дворцахъ занятъ былъ Преображенскимъ полкомъ, состоявшимъ подъ личнымъ его начальствомъ. Въ разстояніи ста шаговъ отъ лѣтняго дворца, онъ послалъ впередъ одного офицера съ повелѣніемъ караульному капитану, чтобы онъ съ двумя офицерами немедленно явился къ фельдмаршалу. Офицеры сіи въ то же мгновеніе пришли; Минихъ, съ извѣстною его твердостію и умомъ, объявилъ о причинѣ прихода своего и о повелѣніи принцессы арестовать Бирона, приказалъ, чтобы соблюдали глубочайшую тишину и не дѣлали ни малѣйшаго шума. Чтобы карауль неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ и ни одинъ часовой не трогался съ поста. Офицеры, пріученные повиноваться повелительному гласу сего полководца, обѣщали все въ точности выполнить и немедленно отдали согласный съ тѣмъ приказъ своимъ караульнымъ. Послѣ сего графъ Минихъ, подошедши къ самому вѣзду дворца, отрядилъ г. Манштейна съ двадцатью рядовыми, приказавъ захватить герцога живаго или мертваго. Манштейнъ шелъ съ крайнею осторожностію, потихоньку. Всѣ часовые, узнавъ о предпріятіи, по данному имъ приказу, свободно пропустили его, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Вотъ убѣдительное доказательство, что никакая стража въ свѣтѣ не охранитъ злобнаго властителя, если не властвуетъ онъ надъ сердцами. Такимъ образомъ, Манштейнъ безъ всякаго затрудненія проникнулъ до комнаты, въ которой спалъ регентъ. А какъ двери оной изнутри были заложены желѣзнымъ запоромъ, то надлежало силою вломиться въ покой. Шумъ, отъ того происшедшій, разбудилъ Бирона. Объятый страхомъ, не вѣдалъ онъ куда скрыться и торопливо бросился подъ кровать; Манштейнъ отыскалъ тирана и вытащилъ изъ-подъ кровати. Обезумѣвшій регентъ мечталъ еще сопротивляться; оборонялся руками и ногами, но въ подобныхъ случаяхъ всякое уваженіе исчезаетъ. Гренадеры силою принудили Бирона къ покорности; схватили его, завязали ему платкомъ ротъ, скрутили

руки, накинули на него шубу, вытащили изъ дворца и посадили въ подвезенную ко крыльцу карету. Выбѣжавшую за Бирономъ въ одной рубашкѣ герцогиню, и брошенную солдатами въ снѣгъ, караульный капитанъ приказалъ одѣть и отвести обратно въ комнаты, гдѣ и приставили къ ней часовыхъ. Исполнивъ сіе, фельдмаршалъ поспѣшно поѣхалъ къ принцессѣ съ донесеніемъ о счастливомъ совершеніи предпріятія и привезъ съ собою низверженнаго съ высоты величія Бирона. Анна, находившаяся въ чрезвычайномъ безпокойствіи и страхѣ, съ несказанною радостью приняла графа Миниха.

Въ ту же ночь взяты подъ стражу Густавъ Биронъ, братъ регента, и кабинетскій министръ тайный совѣтникъ Бестужевъ, обвиняемый въ непомѣрной приверженности къ деспоту.

Предъ разсвѣтомъ дня зимній дворецъ окруженъ былъ непроходимыми толпами народа; всѣ комнаты онаго наполнены были всякаго званія людьми; въ восторгѣ, едва вѣрили столь счастливому событію. Анна Карловна, облекши себя титуломъ великой княгини въ качествѣ правительницы имперіи, изволила, при пушечной пальбѣ, принять присягу отъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ, въ придворной церкви. Собравшееся около дворца войско присягало на площади. Обрадованный народъ спѣшилъ въ церкви, съ искреннимъ сердцемъ цѣловалъ крестъ и торжественно обѣщавъ вѣрность правительницѣ. Во всѣ области Россійскаго государства и ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ посланы были нарочные гонцы съ симъ извѣстіемъ.

Содѣйствіе графа Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его.

[Зап. Манштейна, стр. 196—197].

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что графъ Минихъ наиболѣе содѣйствовалъ въ доставленіи Бирону регентства. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ долженствовалъ покориться силѣ обстоятельствъ. Равно безъ основанія г. сочинитель упоминаетъ о желаніяхъ его. Графъ Минихъ, зная недовѣрчивый нравъ и неблагоприятное расположеніе къ себѣ герцога, никакъ не могъ предполагать, чтобы въ награду согласія, изъявленнаго обще съ тремя другими особами, регентъ исполнилъ всѣ его желанія и ввѣрилъ

ему главное управленіе государственными дѣлами. Тщеславіе могло возродить въ честолюбивой душѣ графа Миниха желаніе возвыситься на степень генералиссимуса; но проникательный умъ его ясно видѣлъ, что одно покушеніе къ этому навлекло-бы на него величайшее подозрѣніе. И дѣйствительно сказать могу, что въ продолженіе Биронова регентства не помышлялъ онъ объ ономъ; но желалъ единственно, чтобы правительство заплатило долги его. Не по причинѣ неудачи въ исполненіи желаній своихъ, ниже по какому либо отказу со стороны регента, Минихъ рѣшился ниспровергнуть сего страшнаго деспота. Любовь къ отечеству, проистекшая отъ того ревность прекратить народное бѣдствіе и опасеніе рано или поздно подвергнуться общему гоненію—руководствовали знаменитаго полководца.

О исканіи Минихомъ господарскаго достоинства.

[Зап. Манштейна, стр. 197].

Что принадлежитъ до сказанія г. Бишенга, помѣщеннаго въ примѣчаніи г. Манштейна, будто бы фельдмаршалъ, до покоренія еще Молдавіи, просилъ императрицу пожаловать его подаркомъ сей области, а потомъ домогался о пожалованіи его герцогомъ украинскимъ, то оное, какъ и мнимый отзывъ Анны Иоанновны, совершенно пустая и вымышленная сказка, о которой г. Манштейнъ, какъ человекъ, испытавшій многія благодѣянія отъ графа Миниха, не долженствовалъ бы и упоминать.

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Миниха.

[Зап. Маншт., стр. 203 и слѣд.].

Сочинитель недостоверно описалъ начало управленія государствомъ принцессы Анны. Вотъ нѣкоторыя подробности онаго. На другой день по низверженіи Бирона, графъ Минихъ, призвавъ къ себѣ рано поутру сына своего и барона Менгдена, спросилъ мнѣнія ихъ: кого слѣдуетъ по достоинству и чѣмъ пристойнѣе наградить? Послѣ нѣкотораго разсужденія о семъ, приказалъ онъ сыну взять перо и писать со словъ его.

Во первыхъ: просилъ ея высочество правительницу государства, чтобы она благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея.

Во вторыхъ: во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, пожаловать его генералиссимусомъ. Едва лишь окончилъ фельдмаршалъ послѣднія слова, какъ сынъ его сказалъ: «Конечно, по всей справедливости, никто не имѣетъ болѣе права требовать сего достоинства, какъ вы; но надлежитъ помыслить: не желаетъ-ли принцесса на сію высокую степень (возвести) супруга своего? И такъ, дабы не подвергнуться отказу, не приличнѣе-ли будетъ просить званія перваго министра, столь-же важное, какъ и первое?»

Фельдмаршалъ, согласясь на сіе замѣчаніе, спросилъ:

— Какъ-же преклонить графа Остермана быть подчиненнымъ первому министру?

— Доставивъ ему степень высшую отправляемой имъ вице-канцлерской должности,—былъ отвѣтъ сына и барона Менгдена. Фельдмаршалъ подхватилъ:

— Я вспомнилъ, что графъ Остерманъ, составляя въ 1732 году новое положеніе для флота, показывалъ желаніе быть великимъ адмираломъ; и такъ, мнѣ кажется, что онъ доволенъ будетъ этимъ повышеніемъ.

— Кому же предназначается званіе великаго канцлера, праздно съ давняго времени? — спросилъ молодой Минихъ, а какъ отецъ замедлилъ отвѣтомъ, то первый продолжалъ:

— Хотя князь Черкасскій, по послѣднему своему поступку, не заслуживаетъ награжденія; но какъ поведеніе его въ семъ случаѣ должно приписать болѣе робости, нежели прямой приверженности къ бывшему регенту, то я думаю, что великая княгиня, прелавъ забвенію прошедшее, явитъ опытъ величія души, который можетъ несравненно сильнѣе содѣйствовать утвержденію ея правленія, чѣмъ всѣ розысканія и наказанія прежнихъ поступковъ. И такъ, по мнѣнію моему, не непристойно просить правительницу о возведеніи въ канцлерское достоинство князя Черкаскаго.

Навонецъ, дабы всѣ главнѣйшія государственныя должности заняты были природными россиянами, положили: графа Михаила Гавриловича Головкина предложить въ вице-канцлеры.

Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю своему переписать оную па-бѣло. Но, сиѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса представляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею.

Милости, оказанныя Правительницею.

[Зап. Манштейна, стр. 203].

Въ тотъ же день, около одиннадцати часовъ предъ полуднемъ, правительница, возложивъ на себя орденъ св. Андрея, вышла и допустила всѣхъ къ рукѣ. Потомъ, именемъ императора объявлены слѣдующія повышенія и награды: принцъ Брауншвейгскій всемилостивѣйше пожалованъ генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; фельдмаршалъ графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ первымъ министромъ; графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ великимъ адмираломъ съ оставленіемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій великимъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ вице-канцлеромъ съ повелѣніемъ присутствовать ему въ тайномъ кабинетѣ. Генераль-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, оберъ-штаб-мейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и адмиралъ графъ Николай Федоровичъ Головинъ получили орденъ св. Андрея, а тайный совѣтникъ и московскій губернаторъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, зять графа Остермана, и коммерцъ-коллегіи президентъ баронъ Менгденъ—орденъ св. Александра Невскаго. Послѣ возвѣщенія о сихъ милостяхъ, правительница возвратилась во внутренніе покои и, призвавъ графа Миниха, вручила указъ о пожалованіи ему ста тысячъ рублей серебромъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ получилъ восемьдесятъ тысячъ рублей, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Минихъ двадцать тысячъ рублей; графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, а гофмаршалу Шепелеву и генераль-маіору Апраксину, извѣстному потомъ побѣдою при Егерндорфѣ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, пожалованы богатые помѣстья.

Весь народъ російскій ощутилъ благотворную переѣну въ правленіи; сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось къ облегченію участи несчастныхъ, пострадавшихъ подъ грознымъ деспотизмомъ Бирона, какъ въ регентство его, такъ и въ государственіе Анны Іоанновны. Каждый день просматривала она дѣла о важнѣйшихъ ссылочныхъ, предоставивъ сенату облегчить судьбу прочихъ. Число всякаго званія людей, томившихся въ заточеніи, простиралось до многихъ тысячъ человѣкъ. Находяшіеся подъ истязаніемъ въ Петербургѣ немедленно были освобождены; всѣ, въ знакъ прощенія, прикрыты знаменемъ, и многіе за безвинно претерпѣнное гоненіе повышены чинами, опредѣлены къ должностямъ, или получили какія другія награды.

Таковое прекрасное вступленіе въ правленіе, доказывая о превосходствѣ сердца правительницы, долженствовало бы предвѣщать благополучную участь самой великой княгини. Но въ книгѣ судебъ предначертанъ былъ ей жребій самый злополучный.

Минихъ не получалъ отъ правительницы отъказа на просьбы свои.

[Зап. Манштейна, стр. 204—208].

Предыдущее замѣчаніе опровергаетъ заключеніе г. Манштейна, что графъ Минихъ въ первый день правленія великой княгини Анны получилъ отказъ на просьбу свою о возведеніи его въ достоинство генералиссимуса и о пожалованіи герцогомъ курляндскимъ; отъ перваго желанія отклонилъ фельдмаршала сынъ его, а послѣднее было слишкомъ безразсудно и не могло войти въ голову умнаго Миниха. Справедливо, что порицали выраженіе, прибавленное графомъ Минихомъ, объ уступленіи званія генералиссимуса принцу Брауншвейгскому; но никогда ни слова не слышно было при дворѣ, чтобы онъ домогался быть украинскимъ герцогомъ.

Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ.

[Зап. Манштейна, стр. 204—205].

Справедливо также, что, въ самомъ началѣ правленія великой княгини Анны, возникъ небольшой споръ между принцемъ и фельдмаршаломъ объ образѣ переписки. Послѣдній, остававшійся прези-

дентомъ военной коллегіи, полагалъ сноситься сообщеніями; принцъ требовалъ донесеній; Минихъ, не желая изъ ничтожнаго дѣла заводить раздоръ, на все согласился.

О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха.

(Зап. Манштейна, стр. 204—206).

Не внушенія хитраго графа Остермана, не извѣтъ герцога Курляндскаго, ниже мнимое опасеніе правительницы, были причиною удаленія графа Миниха. Фельдмаршалъ вѣдалъ необходимость заимствоваться совѣтами отъ гр. Остермана, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ государства. Великая княгиня равномѣрно знала о семъ, и тщетно бы Минихъ старался доказать противное. Низверженный регентъ показалъ: 1, что никогда бы не принялъ онъ на себя регентства, еслибы не просилъ его о томъ убѣдительно графъ Минихъ; 2, что если правительница не удовлетворитъ какой либо просьбѣ сего графа, то должна будетъ крайне помышлять о безопасности своей.

Принцесса, понявъ, что слова сіи произнесены ненавистью и мщеніемъ, точно въ семь разумѣ приняла извѣтъ Бирона; равномѣрно не обращала она вниманія и на другія пелѣности, во вредъ Миниха разсѣваема. Напримѣръ, старались увѣрить правительницу, будто бы фельдмаршалъ имѣлъ тайныя свиданія съ царевною Елисаветою Петровною. Принцъ Брауншвейгскій, негодовавшій на Миниха за то, что похитилъ у него честь низверженія Бирона, раздувалъ пламенный раздоръ. Хотя трудно согласиться, чтобы принцъ сей успѣлъ, съ подобною Миниху отважностью и быстротою, нанести Бирону смертельный ударъ, хотя очевидно было, что всякое отлагательство и мѣшкотность въ семъ случаѣ навлекли-бъ принцу неизбежную гибель, ибо Биронъ, несомнѣнно, умышлялъ объ изгнаніи его изъ Россіи или заточеніи въ отдаленную область,—но оскорбленное самолюбіе устраняло отъ себя таковыя разсужденія. Къ сему присоединить еще неудовольствіе и за то, что фельдмаршалъ казался мало преклоннымъ споспѣшествовать выгодамъ Австріи. Ниже объясню о настоящихъ причинахъ, побудившихъ графа Миниха просить увольненія, а принцессу согласиться на оное.

Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза.

[Зап. Манштейна, стр. 207].

Саксонскій курфирсть, заключивъ договоръ съ регентомъ, сообщилъ о содержаніи онаго берлинскому двору. Король прусскій, равномѣрно желая преклонить Россію, дабы держава сія не препятствовала и его притязаніямъ на наслѣдіе Карла VI, препоручилъ пребывавшему въ С.-Петербургѣ министру своему открыть о семъ переговоры; но едва посланникъ приступилъ къ дѣлу, какъ послѣдовало низверженіе Бирона. Происшествіе сіе долженствовало произвести перемѣну въ политической системѣ російскаго двора. Надлежало предполагать, что великая княгиня и супругъ ея по близкому родству съ императрицею-королевою неравнодушно будутъ взирать на умышляемыя противу нея предпріятія. И такъ, прусскій король, принявъ на себя личину, подъ предлогомъ исканія дружества царствовавшаго тогда въ Россіи дома, но дѣйствительно—съ намѣреніемъ усыпить его, предложилъ оному о заключеніи оборонительнаго союза; въ декабрѣ мѣсяцѣ баронъ Мердефельдъ сдѣлалъ о семъ предложеніе російскому министерству. Фельдмаршалъ, опасно занемогшій въ это время, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Графъ Остерманъ воспользовался болѣзью фельдмаршала; съ давняго времени будучи ревностнымъ приверженникомъ Бранденбургскаго дома, министръ сей съ толикимъ искусствомъ умѣлъ изложить выгоды предлагаемаго союза, что легко убѣдилъ правительницу согласиться на оный. Какъ скоро графъ Минихъ получилъ облегченіе въ болѣзни, великая княгиня повелѣла извѣстить его о заключаемомъ договорѣ и спросить мнѣнія его. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что союзъ съ столь могущественнымъ сосѣдомъ, во время малолѣтія императора и когда Россія угрожаема войною со стороны Швеціи, всеконечно полезенъ. Но поелику Россія приняла на себя ручательство по прагматическому уложенію (Sanctio Pragmatica), поелику неизвѣстны еще были преднамѣренія императрицы-королевы, ни замыслы противоборниковъ ея, то предосторожность и справедливость требуютъ выждать послѣдствій, сообразить и тщательно разсмотрѣть прежніе договоры и до времени воздержаться отъ заключенія новаго. Между

тѣмъ, вѣроятно, и вѣнскій дворъ сдѣлаетъ какія-нибудь предложенія. Не взирая на сіе замѣчаніе, не взирая на то, что не знали еще положительно о прямыхъ преднамѣреніяхъ прусскаго монарха, правительница настаивала въ заключеніи предложеннаго договора. Существенныя условія онаго состояли: что обѣ договаривающіяся державы взаимно ручаются за цѣлость европейскихъ своихъ владѣній и обязываются, въ случаѣ нападенія на которую нибудь, вспомоществовать другъ другу двѣнадцатыя тысячнымъ корпусомъ войскъ.

Оставляю на судъ читателя: можно-ли порицать графа Миниха за мнѣніе, изъявленное имъ въ переговорахъ съ прусскимъ дворомъ?

Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза Де-Ботта къ російскому двору.

[Зап. Манштейна, стр. 209].

Маркизь Де-Ботта, человекъ умный, ловкій, пріятный, откровенный, отправляя прежде посольство при російскомъ дворѣ, до такой степени умѣлъ снискать благоволеніе принцессы Анны, что государыня сія, принявъ бразды правленія, дала знать вѣнскому кабинету, что она желала бы имѣть при своемъ дворѣ австрійскимъ министромъ маркиза Де-Ботту, и повелѣла оберъ-гофмейстеру графу Миниху письменно удостовѣрить маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему благорасположеніи. Посланникъ сей прибылъ въ С.-Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 года, когда еще не помышляли о вспомоществованіи наслѣдницѣ Карла VI.

Замѣшательство російскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію.

Петербургскій дворъ пребывалъ въ совершенной безопасности, нимало не подозрѣвая о непріязненныхъ преднамѣреніяхъ прусскаго короля, какъ внезапно пришло извѣстіе о вторженіи Фридриха II въ Силезію; извѣстіе сіе тѣмъ болѣе встревожило, что, съ одной стороны, ежедневно ожидали требованія вѣнскаго двора о вспомоществованіи; съ другой—не вѣдали, какъ поступить съ королемъ прусскимъ, съ коимъ не задолго предъ тѣмъ заключили

союзъ, и съ коимъ поспорить, при предстоявшемъ разрывѣ со шведами, было крайне опасно. Въ семъ затруднительномъ положеніи не избрѣли лучшаго средства, какъ отнестись къ Фридриху, убѣдительноше прося его примириться съ императрицею-королевою и предлагая для сего посредство Россіи. Графъ Остерманъ, щеголявшій красотою пера, истощилъ все свое краснорѣчіе. Письмо, отправленное къ прусскому монарху, по признанію всѣхъ знатоковъ, было написано превосходно. Отвѣтъ Фридриха былъ кратокъ и ясенъ: ежели королева венгерская, не прибѣгая къ рѣшенію распри посредствомъ оружія, добровольно уступитъ ему нѣкоторыя области въ Силезіи, на обладаніе коихъ имѣетъ онъ неоспоримыя права, то онъ не токмо готовъ заключить съ нею миръ, но обязывается подкрѣплять и защищать ее всѣми своими силами противу прочихъ непріятелей Австрійскаго дома. Повторенныя о семъ увѣренія прусскаго короля с.-петербургскому двору доказываютъ, что если бы Марія-Терезія въ самомъ началѣ согласилась сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія, то несомнѣнно-бъ сохранила она большую часть Силезіи; но непреодолимая вражда къ королю прусскому и какое-то непонятное предубѣжденіе о добромъ расположеніи кардинала Флери—удалили ее отъ всякаго примиренія. Маркизь Де-Ботта объявилъ с.-петербургскому двору, что императрица-королева лучше согласится искать дружества версальскаго двора, чѣмъ уступить прусскому королю хотя одинъ вершокъ земли изъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній.

Пронски вѣнскаго министерства.

Вѣнскій кабинетъ, пылая мщеніемъ противу Фридриха II, предполагилъ заключить союзъ съ російскимъ и саксонскимъ дворами. Ласкаясь преклонить первый, успѣлъ онъ вступить въ тѣсныя связи съ послѣднимъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ саксонскій первый министръ графъ Бриль, по соглашенію съ упомянутымъ кабинетомъ, предложилъ с.-петербургскому двору предначертаніе, чтобы соединенныя силы трехъ державъ обратить противу прусскаго короля и раздѣлить между собою всѣ прибрѣтенныя завоеванія. Для приведенія въ исполненіе сего обширнаго предположенія, оставалось токмо исходатайствовать согласіе Россіи.

Едва лишь получено было извѣстіе о нападеніи прусскаго ко-

роля на Силезію, какъ маркизь Де-Ботта началъ настоятельно просить вспомоствованія отъ Россіи. Въ совѣтѣ, для сего собранномъ, фельдмаршалъ представилъ: хотя Россія обязана поддерживать прагматическое уложеніе, но, при настоящихъ обстоятельствахъ, будучи угрожаема со стороны Швеціи, долженствуетъ она съ величайшею осмотрительностію располагать поступками своими, и предварительно изслѣдовать—въ состояніи ли будетъ раздѣлить военныя свои силы, дабы одною частію оныхъ отразить умышляемое нападеніе штокгольмскаго двора, другою дѣйствовать за предѣлами имперіи. Графъ Минихъ утверждалъ, что для отвращенія предстоящей бури Австрія должна приложить стараніе о примиреніи себя съ прусскимъ королемъ, сдѣлавъ нѣкоторыя пожертвованія; что крайне опасно открывать брань и подвергаться превратностямъ счастья и тягостямъ военнымъ. Однако, вѣнскій дворъ, не пріемля въ уваженіе сихъ причинъ, ни предложеннаго совѣта, настаивалъ о поспѣшнѣйшемъ вспомоствованіи и тщательно употреблялъ къ тому всѣ возможныя средства. Двѣ вдовствующія герцогини Брауншвейгскія—одна бабушка императрицы-королевы и принца Брауншвейгскаго, другая мать послѣдняго, а тетка первой—не преставали письмами своими убѣждать правительницу и супруга ея, воспалить гнѣвъ ихъ противу прусскаго короля, осуждать поведеніе его и, между многими приписуемыми ему пороками, замѣтили и то, что государь сей розно почивалъ съ супругою своею. Средства очень хорошо споспѣшествовали замысламъ Австрійскаго дома, (такъ) что когда дрезденскій дворъ сообщилъ с.-петербургскому о предположеніи своемъ, то правительница, нимало не затрудняясь, согласилась на оное. Хворый и невыѣзжавшій изъ дома графъ Остерманъ до такой степени умѣлъ приобрѣсти довѣренность принца Брауншвейгскаго, что сей почти ежедневно посѣщалъ его. Узнавъ чрезъ принца мысли правительницы въ разсужденіи предложенія саксонскаго курфирета, хитрый министръ воспользовался симъ случаемъ, дабы угодить родителямъ императора и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ превратномъ видѣ возраженіе графа Миниха, которое легко онъ предвидѣлъ. И такъ, не токмо не осуждалъ онъ предполагаемаго союза, но даже предложилъ скорѣе уполномочить пребывавшаго при дрезденскомъ дворѣ російскаго посланника заключить договоръ.

Мнѣніе графа Миниха о предложенномъ союзѣ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами.

Правительница, призвавъ графа Миниха, наединѣ спросила мнѣнія его о предлагаемомъ союзѣ; фельдмаршалъ представилъ:

— „Я соглашаюсь, что, по существующимъ договорамъ, Россія обязана подкрѣплять Австрійскій домъ вспомогательнымъ войскомъ, но предварительно надлежитъ со вниманіемъ разсмотрѣть, что въ то время, когда возбуждаютъ противъ нея (т. е. Россіи) шведовъ, въ состояніи ли она раздѣлить силы свои и для обороны имперіи, и для дѣйствія за предѣлами отечества? Но если бы и не встрѣтили послѣдняго затрудненія, то и тогда, мнѣ кажется, совѣсть спроситъ: можно ли, не подвергаясь упреку въ вѣроломствѣ, вступать въ союзъ, предположенный къ покоренію и раздѣленію владѣній такого государя, который не причинилъ Россіи ни малѣйшаго оскорбленія и съ коимъ въ недавнихъ дняхъ заключенъ дружественный и оборонительный договоръ? Я простой ратникъ, провождавшій всю жизнь съ мечемъ, и вовсе не понимаю хитростей дипломатики. Впрочемъ, если вашему высочеству непременно угодно открыть войну, то я совѣтую начать оную со Швеціею, угрожающею разрывомъ. Всегда лучше предупреждать непріятеля, нежели допускать его окончить свои вооруженія. И въ семъ случаѣ за особенную честь вмѣню себѣ начальствовать вашими войсками, ежели на сіе послѣдуетъ воля вашего высочества“.

Мнѣніе, противоположное желаніямъ правительницы и принца, произвело ожиданное графомъ Остерманомъ дѣйствіе. Праводушіе фельдмаршала назвали пристрастіемъ и превозносили похвалами хитраго противоборника его.

Объясненіе графа Миниха съ Правительницею.

Послѣ сего не спрашивали уже совѣтовъ у фельдмаршала, и безъ участія его приступили къ заключенію союза. Изготовили предписаніе російскому посланнику въ Дрезденѣ, дабы онъ присутствовалъ въ конференціяхъ саксонскаго двора по сему предмету и всевозможно-бъ старался скорѣе привести къ окончанію начатое дѣло. По заведенному тогда обыкновенію, графъ

Минихъ подписывалъ всѣ исходящія изъ кабинета бумаги; почему графъ Остерманъ прислалъ къ нему для подписанія и вышеупомянутое предписаніе съ извѣщеніемъ, что оно изготовлено по точной волѣ правительницы. Фельдмаршалъ, оскорбленный такимъ предложеніемъ, немедленно поѣхалъ къ великой княгинѣ съ жалобою, что принуждаютъ его подписывать такое дѣло, противу котораго представилъ онъ основательныя возраженія. Повторивъ прежде-сказанное о вооруженіяхъ Швеціи, удосто-вѣрялъ ея высочество, что, открывъ войну съ сею державою, она отмститъ за честь Россіи; напротивъ того, вступя въ предлагаемый союзъ, завлечетъ себя въ постороннія брани, которыя не могутъ прекратиться скоро и отъ коихъ имперія не получитъ ни малѣйшей пользы. Когда же правительница съ холодностію сказала ему:

— Удивляюсь, что вы одни противорѣчите въ такомъ дѣлѣ, которое графъ Остерманъ и всѣ министры единогласно мнѣ присовѣтовали.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ:

— Дабы впредь не подать вашему высочеству ни малѣйшаго повода къ неудовольствію за прекословіе мое мнѣніямъ другихъ, я смѣю просить увольненія отъ службы.

Сказавъ сіе, почтительно поклонился великой княгинѣ и выпелъ изъ комнаты. Возвратясь домой, послалъ въ верховный кабинетъ письменное представленіе о причинахъ, побудившихъ его не подписать повелѣніе къ російскому посланнику въ Дрезденѣ.

Увольненіе графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 205—208].

Сопротивники фельдмаршала, опасаясь, чтобы непоколебимая твердость сего воина не перемѣнила мыслей правительницы, поспѣшно старались разными навѣтами и происками раздражать сію благосердную государыню противу графа Миниха; въ собранномъ 7-го марта совѣтѣ положили уволить фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. Хотя г. министры скоро рѣшились удалить отъ правительства полководца, гремѣвшаго побѣдами, котораго дарованія нужны и полезны были обществу, но никто изъ нихъ не

отваживался сообщить ему сіе извѣстіе. Правительница вывела ихъ изъ затрудненія, повелѣвъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду и оберъ-гофмейстеру графу Миниху увѣдомить фельдмаршала объ увольненіи и объявить ему отъ имени ея, что хотя она искренно удостовѣрена въ благонамѣреніи и усердіи фельдмаршала къ пользамъ имперіи, однако, въ отвращеніе бѣдственныхъ послѣдствій отъ несогласія въ министерствѣ, находитъ себя принужденною преклониться на принесенное отъ него прошеніе. Снисходя на оное, проситъ фельдмаршала вѣрить, что она во всю жизнь не забудетъ услуги, и, въ доказательство продолженія къ нему уваженія, не замедлитъ оказать явные опыты благоволенія своего. Фельдмаршалъ принялъ извѣстіе сіе съ обыкновенною твердостью духа своего, и просилъ донести великой княгинѣ: если увольненіе его отъ службы можетъ принести малѣйшую пользу ея высочеству, то онъ за священную обязанность поставяетъ исполнить волю ея, отказываясь отъ всѣхъ должностей, на него возложенныхъ; и принимая съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія продолженіе милостиваго благорасположенія правительницы, смѣетъ испрашивать для себя одной милости—позволенія предстать предъ лицо ея высочества для принесенія сердечной своей благодарности. На другой день фельдмаршалъ былъ допущенъ къ великой княгинѣ, которая объявила о пожалованіи ему ежегоднаго пенсіона по 15,000 рублей серебромъ, предоставляя ему свободу жительства, гдѣ заблагоразсудитъ.

Благоразуміе совѣта, преподаннаго графомъ Минихомъ, вскорѣ оправдалось послѣдствіями: война возгорѣлась со Швеціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Лассія, двинулись противу сей державы.

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ Де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что Россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы

графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать Австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я увѣренъ, ежели-бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какаго непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ Прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизь Де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время, когда послѣдовало Россійскимъ войскамъ повелѣніе изготovitъся къ походу, графъ Остерманъ не преставаъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля; что онъ не намѣренъ никогда вредить сему монарху, и просилъ, дабы Фридрихъ не тревожился движеніемъ русскихъ войскъ и не опасался бы дальнѣйшихъ послѣдствій; несогласіе, вскорѣ потомъ возникшее между вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, вовсе разрушило составленіе предположеннаго союза и принудило Августа вступить въ сношеніе съ французскимъ кабинетомъ. Когда маркизь де-Ботта настаивалъ въ послѣднѣйшемъ отправленіи войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, то, вмѣсто удовлетворительнаго отвѣта, получилъ слѣдующій отзывъ: что Россія не оставитъ выполнить всѣхъ своихъ обязанностей противу Австрійской державы, какъ скоро прекратится всякое опасеніе со стороны Швеціи.

О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Приписуемое Шахъ-Надиру или Кули-хану намѣреніе вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною есть пустая выдумка. Шахъ сей, упоенный торжествомъ, надъ Великимъ Моголомъ приобрѣтенымъ, намѣревался напасть на турокъ и изгнать ихъ изъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ Портою у Персидской монархіи;

онъ желалъ, чтобы Россія содѣйствовала сему важному замыслу; съ таковымъ предложеніемъ персидскій шахъ прислалъ посольство къ с.-петербургскому двору съ богатыми подарками, похищенными въ сокровищахъ индѣйской столицы Дели; посольство персидскій привелъ съ собою, между прочими драгоценностями, четырнадцать слоновъ и тридцать верблюдовъ.

О приѣмѣ маркиза Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Въ качествѣ посла маркизъ Де-ла-Шетарди былъ допущенъ на аудіенцію къ императору. Малолѣтняго государя держала на рукахъ сама великая княгиня. Представивъ новыя довѣрительныя грамоты, маркизъ возвратился съ аудіенціи, какъ полномочный министръ.

О фрейлинѣ баронессѣ Менгденовой.

[Зап. Манштейна, стр. 212—214].

Фрейлины баронессы Менгденовы были двоюродныя сестры барона Менгдена, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ. Юліана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткаго нрава. Столько же предана она была великой княгинѣ, сколько сія любила ее всѣмъ сердцемъ. Не будучи сотворенною къ притворнымъ проискамъ, не хотѣла она принимать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Безпечная по природѣ, Менгденова не могла примѣтить сего недостатка въ государынѣ своей, слѣдственно не могла и сообщить ей онаго. Заботы государственныя подавали иногда поводъ къ размолвкѣ между правительницею и супругомъ ея; молодая фрейлина, не имѣя никакого понятія объ оныхъ, не могла примирить супруговъ, а тѣмъ менѣе ссорить ихъ, ибо доброе сердце сей дѣвицы опровергаетъ таковую клевету. Что принадлежитъ до обвиненія, будто бы она содѣйствовала великой княгинѣ въ дѣлахъ любовныхъ: то кто повѣритъ, чтобы обрученная молодая дѣвица, влюбленная въ жениха, стала вспомоществовать соперницѣ своей? Дружба между женщинами не простирается столь далеко.

О предложеніи Правительницѣ вступить на престолъ.

[Зап. Манштейна, стр. 228].

Законоположеніе. чтобы дщери, рожденныя и впредь рождаемыя отъ супружества великой княгини Анны съ принцемъ Брауншвейгскимъ, наслѣдовали російскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія мужскаго колѣна сего дома, была пустая мысль графа М. Г. Головкина. На сіе не нужно было никакого новаго постановленія. Вице-канцлеръ, не удовольствуясь таковымъ вымысломъ, нѣсколько дней спустя потомъ, предложилъ правительницѣ взойти на престолъ и царствовать совокупно съ сыномъ своимъ. Легкомысленное сіе предложеніе не могло быть принято. Исторія всѣхъ вѣковъ ясно убѣждаетъ, что сокупное государственіе двухъ лицъ всегда сопровождается бѣдствіями, а тѣмъ болѣе угрожало оно гибельными послѣдствіями для народа, издревле пріобыкшаго повиноваться единой верховной власти.

О намѣреніи уступить шведамъ Кекзгольмъ.

[Зап. Манштейна, стр. 215].

Вопреки мнѣнію г. Манштейна, російское министерство, съ самаго вступленія въ правленіе государствомъ великой княгини и принца Брауншвейгскаго, близкаго родственника императрицѣ-королевѣ, предвидѣло, что Франція будетъ возбуждать шведовъ на Россію, какъ скоро держава сія приметъ участіе въ судьбѣ Австрійскаго дома. Нельзя было предполагать, чтобы Швеція, по заключеніи сейма, приступила къ примиренію, и весьма бы неосторожно поступилъ графъ Остерманъ, если-бъ согласился на уступку Кекзгольма съ принадлежащимъ къ оному округомъ. Положеніе сего укрѣпленнаго города на Ладогскомъ озерѣ доставило бы шведамъ возможность удобно тревожить многіе уѣзды С.-Петербургской и прилежащихъ губерній, и даже самую резиденцію. И какая побудительная причина могла преклонить на таковую крайность? Непритель не открывалъ еще непріязненныхъ дѣйствій и Россія могла противопоставить ему достаточныя силы.

Причины, побудившія Елисавету Петровну къ вступленію на престоль, и мѣры, для того принятыя.

[Зап. Манштейна, стр. 229—233].

Мысль о бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, братомъ правительницы, была, такъ сказать, мгновенная и немедленно преданная забвенію. Не токмо не принуждали царевну къ сему браку, но даже никогда не предлагали ей объ ономъ явно. Впрочемъ, еслибы и согласилась она на супружество сіе, прекословившее пользамъ ея, то и тогда предлежало бы преодолѣть другое затрудненіе: принцъ десятию годами былъ моложе царевны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Непредложеніе сего супружества возбуждало Елисавету отъ усыпленія. Французскій посланникъ маркизъ Де-ла-Шетарди заботился о сему гораздо прежде. Версальскій кабинетъ, въ данныхъ сему министру наставленіяхъ, предписалъ стараться всемѣрно сѣять раздоры въ Россіи, дабы тѣмъ ослаблять сію державу и не допускать ее вмѣшиваться въ дѣла Австрійскаго дома. Де-ла-Шетарди внушилъ Елисаветѣ Петровнѣ мысль ко вступленію на престоль, всевозможно возбуждалъ и поощрялъ ее къ оному; приводя въ примѣръ смѣлое предпріятіе Миниха, успѣхомъ увѣнчанное, доказывалъ, что и она можетъ, подобнымъ же путемъ, овладѣть державою. Французскій посланникъ снабжалъ царевну деньгами, но въ маломъ количествѣ; съ симъ слабымъ пособіемъ Елисавета Петровна приступила къ произведенію дерзновеннѣйшаго предпріятія; первоначально привлекла на свою сторону токмо двѣнадцать гвардейскихъ гренадеровъ, обласкала и одарила ихъ. Будучи твердо увѣрена въ непоколебимой преданности сихъ рѣшительныхъ людей, посредствомъ ихъ, когда наступила ночь, низринувшая въ бездну злополучій Брауншвейгскій домъ, Елисавета умножила число сообщниковъ своихъ гренадерскою ротою Преображенскаго полка.

О сношеніяхъ Елисаветы Петровны со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 230].

Сношенія Елисаветы Петровны со Швеціею, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, состояли въ обѣщаніи, изторгнутомъ маркизомъ Де-ла-Шетарди, дерзвующій царевнѣ французъ желалъ

бездѣлицы: чтобы Россія возвратила Швеціи всѣ области, Петромъ Великимъ покоренныя! Елисавета не согласилась дать письменнаго обѣщанія, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всемъ положились на слово ея. Послѣдствія показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукаваго француза и ослѣпила шведовъ.

Причины, погубившія Правительницу.

[Зап. Манштейна, стр. 231].

Правительница имѣла многія доказательства о заговорѣ; но, будучи излишне довѣрчива и крайне безпечна, не рѣшалась употребить сильныя средства, которыя природа внушаетъ къ защищенію нашему. Все споспѣшествовало къ погубленію великой княгини Анны Карловны. Несогласіе ея съ супругомъ; устраненіе отъ дѣлъ мужей, которые умомъ своимъ могли бы поддерживать ее, какъ-то: Минихъ, Бестужевъ; связи съ графомъ Линаромъ и слѣпая довѣренность къ сему иноземцу. Саксонскій посланникъ, поссорясь съ графомъ Остерманомъ, злобно очернилъ сего министра, представилъ его коварнымъ, опаснымъ, недобротствующимъ правительницѣ; даже успѣлъ возбудить подозрѣніе на принца Брауншвейгскаго, дѣйствовавшаго, какъ онъ говорилъ, по внушеніямъ Остермана. Принцесса всему легко повѣрила, прекратила благоволеніе къ графу Остерману, не хотѣла принимать отъ него никакихъ представленій; не внимала совѣтамъ супруга своего. Тщетно покушался Остерманъ открыть глаза правительницы; тщетно желалъ онъ предостеречь ее отъ угрожавшей опасности. Принцесса съ презрѣніемъ отвергала всѣ представленія единственнаго человѣка, могшаго подать ей спасительныя совѣты въ такомъ дѣлѣ, отъ коего зависѣли и сохраненіе и судьба ея. Къ вѣщней же безразсудности правительница вздумала объясниться съ противоборницею своею наединѣ: слезы и притворные знаки усердія послѣдней совершенно усыпили первую. Елисавета Петровна, приведенная симъ объясненіемъ въ большое безпокойство и замѣшательство, поспѣшно возвратилась во дворецъ свой, призвала приближенныхъ своихъ и, по совѣщаніи съ ними, рѣшилась въ наступающую же ночь вне-

запно совершить замысль, который, по предположенію французскаго посланника, намѣревались произвести въ дѣйствіе мѣсяцемъ (позже) и совсѣмъ инымъ способомъ, не подававшимъ большой надежды къ успѣху. Алексѣй и Кирило Гавриловичи (Григорьевичи) Разумовскіе, Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, Василій Феодоровичъ Салтыковъ, всѣ содѣлавшіеся потомъ знатными и сильными вельможами, и медикъ Лестокъ непосредственно содѣйствовали императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при восшествіи на престолъ.

Разрушенные замыслы маркиза Де-ла-Шетарди.

Маркизь Де-ла-Шетарди пришелъ въ чрезвычайное изумленіе, когда среди ночи разбудилъ его присланный отъ Елисаветы Петровны камергеръ П. И. Шуваловъ и увѣдомилъ о восшествіи ея на престолъ. Принявъ на себя личину, посланникъ изъяснилъ притворную радость и поспѣшно поѣхалъ въ цесаревинъ дворець. Толпы волнующагося по улицамъ народа, съ восторгомъ увидѣвшаго на тронѣ тщерь незабвеннаго въ сердцахъ нашихъ монарха, стоявшіе подъ ружьемъ гвардейскіе полки, раздававшіяся въ воздухѣ громогласныя восклицанія: «Да здравствуетъ наша матушка императрица Елисавета Петровна!»—приводили маркиза въ сильное смущеніе. Внезапно совершенный Елисаветою ударъ разрушилъ всѣ зловредные его замыслы: доброхотствующій Россіи французъ желалъ, чтобы перемѣна сія произведена была по его предначертанію; чтобы шведы приблизились къ берегамъ Невы, силою оружія своего споспѣшествовали возведенію на престолъ Елисаветы, предписали ей законы въ стѣнахъ столицы, основанной побѣдителемъ ихъ ¹⁾),—и тогда-то маркизь мечталъ безпрепятственно и самовластно господствовать при російскомъ дворѣ.

¹⁾ Не постигаю, на чемъ могъ г. Шетарди основывать такое затѣйливое предначертаніе: кажется, при самомъ началѣ войны со Швеціею, ясно видима была безразсудная опрометчивость кабинета сей державы: російскія войска, съ обыкновеннымъ бодрымъ своимъ духомъ, выступили противу непріятели, внесли оружіе въ предѣлы его, достигли шведскія силы у Вильманстранда, свойственнымъ имъ мужествомъ напали на шведовъ и разбили ихъ, и Вильманстрандскую крѣпость покорили приступомъ. Прим. рукоп.

Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго государства Анны Карловны.

[Зап. Манштейна, стр. 235—236].

Изображеніе великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человекъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко.

Великая княгиня родилась въ Ростокѣ, въ 1718 году, отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины Иоанновны, старшей дочери царя Иоанна Алексѣевича, и наречена при крещеніи Елисаветою-Екатериною-Христиною. По кончинѣ герцога, съ родительницею своею прибыла въ Москву въ 1722 г. и, вскорѣ лишившись матери, осталась въ сиротствѣ. Анна Иоанновна, родная тетка принцессы, по восшествіи своемъ на російскій престолъ, обратила особенное попеченіе на воспитаніе ея и, будучи безбрачною, почитала ее за собственную дочь. Въ 1733 г. принцесса, будучи мнропомазана въ грекороссійское исповѣданіе, наречена Анною. Въ іюль мѣсяцъ 1739 года, среди пышныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, продолжавшихся чрезъ нѣсколько дней, сочеталась она бракомъ, въ Петербургѣ, съ Антономъ Улрихомъ, принцемъ брауншвейгъ-вольфенбительскимъ. Принцъ сей былъ родной племянникъ Шарлоты-Христины, супруги царевича Алексѣя Петровича, и братъ родной же герцога Фердинанда, знаменитаго полководца, раздѣлявшаго славу триумфовъ съ Фридрихомъ Великимъ. Низверженная съ престола, Анна Карловна влачила остатокъ жизни своей въ Холмогорахъ, гдѣ и скончалась въ родахъ въ 1746 году. Тѣло ея привезено въ Петербургъ и съ надлежащею почестію погребено въ Александровскомъ монастырѣ.

Анна Карловна была статна, ростомъ выше посредственнаго; волосы на головѣ имѣла темнокаштановаго цвѣта, которые возвышали бѣлизну лица ея; хотя черты лица у нея не были правильныя, но награждались пріятнымъ и привлекательнымъ видомъ. Въ убранствѣ не слѣдовала щегольству покойной тетки своей.

Правительница одарена была хорошимъ умомъ, добрымъ сердцемъ и возвышенною душою. Нимало не заразаясь подозрѣніемъ отправлявшихъ (отравлявшихъ?) дворъ Анны Иоанновны, она

украшалась привлекательнымъ чистосердечіемъ. Будучи откровенна, съ негодованіемъ взирала на притворство, столь необходимое при дворахъ; почему приближенные покойной императрицы, пріобыкшіе къ раболѣпной лести, несправедливо называли ее надменною и пренебрегающею всѣхъ. Заслуги награждала щедро, ко всѣмъ была благотворительна, никому въ жизнь свою не сдѣлала зла, съ комнатными служителями обращалась кротко и милостиво, и, можно сказать, что сіи обожали ее.

Первѣйшее блаженство супруговъ, какъ на тронѣ, такъ и въ хижинѣ,—если они имѣютъ полную довѣренность другъ къ другу; величайшее-жъ злополучіе для нихъ—когда лишены сего сладчайшаго удовольствія. Анна Карловна не наслаждалась такимъ счастіемъ. Противоположность во правахъ, склонностяхъ, словомъ, слабое уваженіе правительницы къ принцу, съ которымъ сочеталась она противъ воли, никогда не могли произвести сердечной связи между сими злополучными супругами.

Принужденная жизнь, которую Анна Карловна вела съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, тщательный надзоръ за всѣми поступками ея и позволеніе видѣться токмо съ нѣкоторыми извѣстными особами—содѣлали ее задумчивою и поселили въ ней толикую наклонность къ уединенію, что, по вступленіи въ правленіе государствомъ, тягостно было для нея принимать къ себѣ разныхъ (лицъ) и являться въ большихъ собраніяхъ двора.

Содѣлавшись правительницею, Анна Карловна съ особеннымъ удовольствіемъ проводила время въ малочисленномъ избранномъ ею обществѣ. Тутъ всегда видѣли ее веселою и пріятною въ обхожденіи. Уважая достойныхъ иностранцевъ, призывала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ короткія свои бесѣды; въ числѣ таковыхъ находились австрійскій посланникъ маркизь Де-Ботта и англійскій—г. Финкъ. По русски, нѣмецки и по французски говорила свободно. Чтеніе, а особенно драматическихъ твореній, составляло пріятнѣйшее ея времяпровожденіе; однажды при такомъ упражненіи сказала, что вниманіе ея преимущественно привлекаютъ тѣ сочиненія, въ которыхъ представляется несчастная государыня, съ благородною гордостію и величіемъ духа переносящая бѣдствіе и узы. Посему можно-бъ подумать, что она имѣла предчувствіе объ угрожавшемъ ей злополучіи; но справедливѣе заключить должно, что слова сіи произнесены

умомъ, преданнымъ горестной задумчивости. Та же причина вліяла въ нее страсть къ уединенію и покойной жизни, невозмущаемой никакими занятіями и заботами. Почти и нельзя сомнѣваться въ ономъ по слѣдующему изреченію, многократно ею повторенному. Госпожа Адеркасъ, находившаяся въ числѣ наставницъ при воспитаніи великой княгини, имѣвшая прежде пребываніе въ Гамбургѣ, сдѣлала ей столь привлекательное описаніе о пріятностяхъ жизни, каковою наслаждаются тамъ люди, удалившіеся отъ большаго свѣта, что, поразясь сею мыслью, правительница часто, въ минуты неудовольствія, произносила:

— «Боже мой! для чего не могу я проживать въ Гамбургѣ, устранившаю отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величества!»

Молодая баронесса Іуліана Мейгденова (Менгденъ) пользовалась отличною милостію Анны Карловны. Согласіе въ нравахъ породило, а неограниченная преданность баронессы и совершенно укрѣпила оную. Комнаты, занимаемыя Мейгденовою (Менгденъ), находились смежными съ покоями правительницы, и въ продолженіе траура по покойной императрицѣ вечернія собранія каждадневно происходили въ оныхъ; не могу согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы наперсница сія управляла всѣми дѣйствіями государыни своей и располагала образомъ жизни ея. Правительница была упорна въ своихъ мнѣніяхъ, имѣла особенныя наклонности и свой образъ мыслей. Баронесса никогда ни въ чемъ не противилась и не противорѣчила ей.

Анна Карловна не скучала заниматься государственными дѣлами и обращала на оныя тщательнѣйшее вниманіе. При избраніи людей къ должностямъ, взирала болѣе на честность и правдушіе, нежели на дарованія. Дабы всѣ подданные могли свободно представлять о своихъ нуждахъ, учредила она при кабинетѣ новую должность генераль-реветмейстера, и назначила одинъ день въ недѣлю, въ который всякой имѣлъ безвозвратный ходъ во дворецъ, для поданія упомянутому чиновнику прошенія. Она охотно рассматривала просьбы сіи и справедливыя безъ отлагательства удовлетьворяла. Благополучна-бъ была участь Анны Карловны, еслибы, преодолевъ природную свою безпечность, обращала она болѣе попеченія на безопасность свою и всего своего дома!.. будучи добродушна и имѣя благородный образъ мыслей, не вѣдала, что осторожность есть мать безопасности.

Ссылка Миниха, Остермана, Головкина и пр.

[Зап. Манштейна, стр. 237—242].

Разсматривая лѣтописи російской исторіи XVIII столѣтія, съ изумленіемъ замѣчаемъ чудесныя превращенія счастья. Воцареніе каждаго государя низвергаетъ возвышенныхъ властію предшественника и мощною рукою старается возвеличить наперсниковъ новаго повелителя. Видя жестокіе примѣры, какъ всѣ любимцы счастья и другіе мужи дѣловые, государственные, каждый въ свою чреду, или погибалъ, или упадалъ въ ничтожество, всѣ умы, естественно, объаты были невольнымъ страхомъ, всякое дарованіе и благородное честолюбіе должны были исчезать во мракѣ неизвѣстности. Екатерина II, служащая образцомъ всѣмъ царямъ міра, первая показала примѣръ праводушія, что есть возможность изливать новыя благодѣянія, не погубляя, не оскорбляя и не унижая служившихъ прежнему правительству. Токмо въ ея благословенное время пресѣклись гоненія, лишенія чести, свободы, ссылки и казни, жестоко преслѣдовавшія роды знатныхъ во всѣ правленія преемниковъ славнаго престола Петра Великаго; Елисавета Петровна, государыня дѣйствительно благосердая, безъ содроганія, по восшествіи своемъ на тронъ, подписала приговоръ, достойный рѣшенія константинопольскаго дивана.

Преступленіе погубленныхъ ею знаменитыхъ жертвъ состояло единственно въ приверженности ихъ императрицѣ Аннѣ, въ ревностномъ служеніи сей государынѣ. И такъ, не справедливѣе ли бы, не благоразумнѣе ли бы поступила Елисавета, ежели бы, продолживъ къ нимъ монаршее благоволеніе, старалась извлечь пользу для государства изъ опытности и отличныхъ ихъ дарованій? Разумъ, совѣсть, великодушіе, правосудіе — говорили въ пользу гонимыхъ; но безсмысліе, злоба, личность въ корысти — сдѣлали иныя внушенія и возбудили къ жестокости сердце доброй государыни. Тогда многіе жадничали похитить описанное имущество злополучныхъ ссылочныхъ; другіе, не имѣя дарованій сихъ нещастливцевъ, домогались занять ихъ должности; иныя мщеніемъ руководствовали себя. Де-ла-Шетарди, равномѣрно, хотѣлъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Находясь въ большой силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ желалъ удалить отъ управле-

нія государственными дѣлами достойныхъ и опытныхъ мужей, дабы низринуть Россію въ то ничтожество, изъ котораго Петръ Великій съ толпкою мудростію и усиліями извлекъ ее. Такимъ образомъ, тщательно занимаясь тѣмъ, чтобы при російскомъ дворѣ не было людей твердыхъ и провинцательныхъ, которые бы могли воспротивиться коварнымъ замысламъ версальскаго кабинета, не токмо непосредственно содѣйствовали гибели Миниха, Остермана, Головкина и проч., но происками своими, совокупно съ прусскимъ министромъ, былъ причиною, что Россія лишилась двухъ знаменитыхъ полководцевъ — Левендаля и Кейта, и многіхъ отличныхъ офицеровъ, перешедшихъ изъ російской во французскую и прусскую службы. Такъ во всѣ времена гг. иностранцы добродѣтели нашему отечеству.

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Г. Манштейнъ, сказавъ, что характеръ фельдмаршала графа Миниха былъ противоположное совокупленіе добрыхъ и дурныхъ качествъ, старается, нимало не щадя его, убѣдить въ справедливости сего заключенія. Непрекословно, что графъ Минихъ имѣлъ недостатки; но укажите мнѣ великаго человѣка, который бы изъять былъ отъ оныхъ? Г. Манштейнъ на погрѣшности фельдмаршала смотрѣлъ въ увеличительное стекло. Я коротко зналъ сего полководца, и смѣю увѣрить, что онъ не былъ грубіаномъ; но съ несправныхъ взыскивалъ неослабно: правило, необходимое для удержанія въ войскѣ благоустройства. Минихъ былъ вспыльчивъ, но никогда не выступалъ изъ предѣловъ благопристойности. Необманчиво постигалъ прямое достоинство, справедливо отличалъ и награждалъ заслуги и удалялъ отъ себя неспособныхъ къ дѣлу и тунеядцевъ. Домашніе расходы его несообразны были доходамъ; гдѣ достоинство сана его требовало нарочитыхъ издержекъ, тамъ не жалѣлъ денегъ; но во всякомъ другомъ случаѣ строго взыскивалъ съ управителя дома своего и требовалъ, чтобы наблюдались въ ономъ порядокъ и бережливость. Никогда не видали въ немъ подлаго льстеца; обращая въ свою пользу всякое обстоятельство, онъ умѣлъ искусно угождать вре-

менщикамъ, или услугою кстати оказанною, или пріятнымъ подаркомъ. Честолюбіе господствовало надъ нимъ, и онъ зналъ цѣну свою. Напрасно порицали его въ гордости. Читатель правосудія и добродѣтели, Минихъ гнушался лихоимствомъ и неправеднымъ стяжаніемъ богатства. Похвалы о себѣ слушалъ съ удовольствіемъ; любя похвалы, не остерегался ласкателей и можно-ли строго осуждать его за сію слабость, которой подвержены были многіе знаменитые мужи, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе по немъ? Отдавая справедливость воинскимъ дарованіямъ графа Миниха, г. Манштейнъ говоритъ, что онъ мало способенъ былъ къ отправленію званія перваго министра. На сіе замѣчу, что фельдмаршалъ, по стеченію обстоятельствъ, вынужденно принялъ на себя это достоинство, и отправлялъ важную должность перваго министра столь короткое время, что никакъ нельзя рѣшительно сказать ни о способности, ни о малоспособности его къ оной. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что совѣтъ, преподанный имъ правительницѣ при случаѣ предположеннаго союза съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, дѣлаетъ ему честь и похвальнѣе коварныхъ увертокъ противоборниковъ его. Не знаю, на чемъ основался г. Манштейнъ, говоря, кто желалъ выманить отъ фельдмаршала тайну — долженствовалъ тою прекословить ему и раздражать его: короткіе знакомые не замѣчали въ фельдмаршалѣ сего недостатка, и сочинитель, говоря о человѣкѣ необыкновенномъ, обязанъ былъ представить въ доказательство хотя одинъ примѣръ. О предпріятіяхъ своихъ Минихъ рѣдко открывался; единожды обдумавъ и удостовѣривъ въ добротѣ предположенія своего, не почиталъ нужнымъ спрашивать совѣтовъ. Онъ много уважалъ мужество и воинскія дарованія графа Левендаля, бывшаго потомъ французскимъ маршаломъ. Генераль сей равномѣрно почиталъ фельдмаршала. Однажды, разговаривая со мною и отдавая похвалу графу Миниху, Левендаль сказалъ: «жаль токмо, что онъ не принимаетъ ни чьихъ совѣтовъ»; тотъ же Левендаль посѣтилъ меня вскорѣ по несчастіи фельдмаршала и, изъясняя соболѣзнованіе о бѣдственной участи бывшаго своего предводителя, сказалъ:

— «Я не знаю, въ чемъ состоитъ преступленіе графа Миниха, но еслибы и не учинилъ онъ никакого, то я бы все обвинилъ его и предалъ суду за то, что онъ первый подалъ опасный

примѣръ—какъ, съ помощію роты гренадеровъ, можно низвергать и возводить на престолъ государей».

Биографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Когда Утрехтскій миръ прекратилъ брань, возникшую за наслѣдіе испанскаго престола, и войска ландграфа гессенскаго возвратились въ отечество свое, тогда графъ Минихъ, не сотворенный къ спокойной жизни, вознамѣрился явиться на новомъ позорищѣ. Оставивъ гессенскую службу, въ которой былъ онъ полковникомъ, перешелъ въ службу польскаго короля, занятаго въ сіе время покореніемъ остатковъ войскъ стороны, поддерживаемой шведами. Августъ II принялъ Миниха съ чиномъ генераль-маіора и, желая учредить корпусъ войскъ на жалованьи республики, поручилъ ему образованіе онаго. Минихъ началъ составленіемъ одного полка, который потомъ существовалъ подъ названіемъ польской коронной гвардіи. Фельдмаршалъ графъ Флеммингъ, первый министр и наперсникъ короля, былъ назначенъ полковникомъ, а Минихъ командиромъ сего полка. Они условились между собою, чтобы выгодами, отъ полка получаемыми, первые три года пользовался Минихъ одинъ, въ награду понесенныхъ имъ трудовъ при учрежденіи, а впослѣдствіи—раздѣлять пополамъ. Сколь ни справедливо было таковое условіе, но графъ Флеммингъ, узнавъ, что доходъ отъ полка простирался свыше 8,000 ефимковъ ежегодно, хотѣлъ нарушить договоръ. Минихъ не уступалъ права своего. Изъ сего произошло между ими примѣтное охлажденіе. Между тѣмъ, прибылъ въ Варшаву знаменитый Герцъ, и, по давнему знакомству съ Минихомъ, остановился у сего генерала. Герцъ замѣтилъ, что Минихъ съ неудовольствіемъ продолжаетъ службу Августа II, воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить своему государю хорошаго воина, и по данному полномочію предложилъ Миниху патентъ на чинъ генераль-поручика шведскихъ войскъ. Но какъ Карлъ XII въ томъ же году былъ убитъ подъ Фридрихсгаллемъ, а несчастный Герцъ потерялъ голову на эшафотѣ въ Штокгольмѣ, то Минихъ, не помышляя болѣе о вступленіи въ войска бывшаго сѣвернаго героя, скрывалъ свое неудовольствіе; въ 1719 году, по повелѣнію Августа II, ѣздилъ онъ въ Дрезденъ, дабы присутствовать и участвовать

въ великолѣпныхъ празднествахъ, которыя давалъ сей расточительный король по случаю бракосочетанія наследнаго принца съ австрійскою эрцъ-герцогинею Марією-Іозефиною, дочерью покойнаго императора Іосифа I. Король принялъ его съ отличною милостію и графъ Флеммингъ оказывалъ наружные знаки благорасположенія. Возвратясь въ Варшаву, вскорѣ Минихъ увидѣлъ злоумышленіе министра, который не переставалъ заниматься полковыми доходами. Дѣйствительно ли жадничалъ онъ пользоваться ими, или симъ способомъ намѣревался вытѣснить Миниха, то въ, желая всячески вредить сему генералу, преклонилъ нѣкоторыхъ офицеровъ разглашать, что полковая сумма употребляется Минихомъ неправильно. Оскорбительныя рѣчи о семъ полковника Бонафу дошли до ушей Миниха. Справедливо раздраженный Минихъ вызвалъ Бонафу на поединокъ и прострѣлилъ ему грудь, но, по счастію, не смертельно.

При семъ случаѣ, Августъ оказалъ Миниху благоволеніе свое необыкновеннымъ образомъ, заслуживающимъ, чтобы упомянуть объ ономъ. Дабы укрыть себя отъ преслѣдованія, въ случаѣ смерти Бонафу отъ раны, Минихъ ушелъ въ одинъ монастырь и прожилъ въ семъ убѣжищѣ нѣсколько недѣль. Въ сіе время король пожелалъ осмотрѣть небольшой каналъ, строившійся подъ руководствомъ Миниха у Уяздова, загороднаго дворца. Дорога къ оному лежала мимо упомянутаго монастыря; Августъ, приближаясь къ монастырскимъ воротамъ, остановился, велѣлъ позвать Миниха, посадилъ его съ собою въ карету, и поѣхалъ къ каналу; осмотрѣвъ всѣ работы и изъявивъ удовольствіе и благодарность директору, отвезъ его обратно въ монастырь. Не взирая на сіе, не укротилась злоба г. Флемминга, и король, совершенно благорасположенный къ Миниху, но поработенный власти перваго министра, не могъ защитить достойнаго генерала. Ненависть простерлась столь далеко, что Флеммингъ вздумалъ однажды арестовать Миниха. Сіе возродило споръ между министромъ и короннымъ генераломъ г. Синявскимъ. Минихъ, въ качествѣ генераль-маіора республики и командира польской гвардіи, зависѣлъ отъ короннаго генерала. Графъ Флеммингъ, хотя былъ саксонскій фельдмаршалъ, но въ польскихъ войскахъ имѣлъ только званіе полковника гвардейскаго полка; слѣдовательно, былъ подчиненъ тому же чиновнику. Г. Синявскій, находя поступокъ

графа Флемминга оскорбительнымъ для себя, немедленно возвратилъ Миниху шпагу, удостоверяя его въ своемъ покровительствѣ.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ чрезвычайнымъ російскимъ посломъ, будучи свидѣтелемъ сего происшествія, убѣдилъ Миниха перейти въ службу государя своего, продолжавшаго тогда брань со шведами. Минихъ, лишившійся въ сіе время отца, подъ предлогомъ полученія наследства, испросилъ у польскаго короля увольненіе въ отпускъ и получилъ отъ него на дорогу пятьсотъ червонныхъ; но, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Олденбургъ, отправился онъ, подъ чужимъ именемъ, въ Ригу, гдѣ находился Петръ I. Хотя и не исходатайствовалъ отъ сего государя всего княземъ Долгоруковымъ обѣщаннаго, однако заключилъ условіе на вступленіе въ російскую службу. Минихъ обязывался прослужить шесть лѣтъ, первые три года въ чинѣ генераль-маіора, а на четвертый обѣщано произвести его въ генераль-поручики. По заключеніи сего договора, поѣхалъ онъ въ Олденбургъ для принятія наследства и въ то же время, испросивъ увольненіе отъ службы польскаго короля, скоро возвратился въ Россію.

Великій царь, проникнувъ отличныя дарованія Миниха, поручилъ ему главное смотрѣніе надъ устроеніемъ Ладогскаго канала, едва начатаго и плохо производимаго. При семъ директоръ все пошло иначе: дѣятельность его поощряла подчиненныхъ; умъ его руководствовалъ къ прочному и правильному устроенію всѣхъ работъ. Петръ, не задолго предъ кончиною своею, изволилъ прибыть для обзорѣнія отдѣланной части канала, осмотрѣвъ работы, пожелалъ, чтобы въ присутствіи его спустили воду. Сѣвши съ Минихомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ на случившійся на берегу ботикъ, императоръ повелѣлъ открыть ворота, и по стремленію пущенной воды первый въѣхалъ въ сотворенный волею его каналъ. Столь велика была радость мудраго и о благѣ подданныхъ неутомимаго Петра, что онъ, въ восторгѣ махая шляпою надъ главою своею, многократно изволилъ прокричать ура! Торжественно благодарилъ и обнималъ Миниха. Отуживавъ и проведши ночь въ укромномъ жилищѣ сего генерала, государь на другой день отправился въ Петербургъ, и въ первое происходившее потомъ засѣданіе сената императоръ въ присутствіи онаго похвалилъ искусство всѣхъ работъ канала и

отличную ревность Миниха, и повелѣлъ сенату учинить потребныя распоряженія, дабы къ совершенному окончанію сего важнаго и преполезнаго для государства предпріятія доставлены были все нужныя пособія.

Неоспоримо, что графъ Минихъ былъ изъ лучшихъ инженеровъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Твердый въ начальствѣ, рѣшительный въ предпріятіяхъ, былъ мужественъ, проникателенъ и быстръ на полѣ сраженія. Просвѣщеніе его было обширное; говорилъ и писалъ весьма хорошо на многихъ языкахъ; въ исторіи почерпалъ онъ уроки для поведенія своего; въ математическихъ наукахъ имѣлъ большія свѣдѣнія и артилерійскую часть зналъ превосходно.

При пяти различныхъ правленіяхъ російскихъ монарховъ, Минихъ пользовался отличнымъ уваженіемъ и довѣренностію.

Екатерина I пожаловала его первымъ генераломъ и кавалеромъ новоучрежденнаго ордена св. Александра Невскаго. Петръ II повелѣлъ ему быть предсѣдательствующимъ государственной военной коллегіи, градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе двора, пожаловалъ деревнями въ Лифляндіи, а въ день коронованія своего возвелъ его въ графское достоинство. Въ царствованіе Анны Іоанновны, Минихъ пріобрѣлъ многія награды и самыя знаменитыя достоинства: орд. св. Андрея, штаги (?) и орденскіе знаки, алмазами украшенные, многократно денежные подарки, званіе генераль-фельдцейхмейстера, генераль-директора надъ фортификаціями, надъ Ладогскимъ каналомъ и Балтійскимъ портомъ, подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и члена верховнаго кабинета; въ 1732 году возведенъ на степень генераль-фельдмаршала. Въ началѣ регентства при правительницѣ Аннѣ Карловнѣ, получилъ достоинство перваго министра, и при ней же вскорѣ, по прошенію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Съ востшествіемъ на російскій престолъ Елисаветы, разразился громъ надъ главою Миниха и, въ продолженіе всего государствованія сей монархини, Минихъ претерпѣвалъ жесточайшее гоненіе, а Россія лишена была знаменитаго полководца. Петръ III возвратилъ ему свободу и достоинства, кровію и заслугами отечеству пріобрѣтенныя. Екатерина Великая удостоивала Миниха отличнымъ благоволеніемъ и пользовалась совѣтами его.

Сказанное г. Манштейномъ о пребываніи фельдмаршала въ

ссылкѣ большею частію ложно. Онъ содержался подъ строгимъ присмотромъ, не позволяли доставлять къ нему ни перьевъ, ни бумаги, и запрещали вести съ нимъ переписку, даже и семейству его. Слѣдовательно, не могъ онъ посылать увѣщательныхъ писемъ къ правителямъ сибирскихъ губерній, ни угрожать имъ о донесеніи императрицѣ о злоупотребленіяхъ. Но справедливо, что онъ внушалъ къ себѣ почтеніе, и приставленные къ присмотру за нимъ чиновники не смѣли поступать съ нимъ подобно какъ съ прочими ссылочными; не смѣли ничего похищать изъ отпускаемаго на содержаніе его. Фельдмаршалъ, по возвращеніи изъ ссылки, сказывалъ мнѣ, что сохранилъ у себя три карандаша, выдиралъ онъ изъ присылаемыхъ ему мѣсяцеслововъ бѣлые листы и на оныхъ писалъ разсужденія о воинствѣ и о внутреннемъ управленіи Россійскаго государства; но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ замѣтилъ сіе и намѣревался сдѣлать доносъ, все написанное бросилъ онъ въ огонь. Равномѣрно справедливо, что графъ обучалъ геометрію одного изъ приставовъ своихъ, способнаго и страстнаго къ просвѣщенію молодаго человѣка.

Примѣчаніе о графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки.

Въ примѣчаніяхъ издателя Записокъ г. Манштейна ¹⁾ также вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего. Тутъ напелъ онъ, уже пріѣхавшихъ изъ Риги, старшую дочь свою и супруга ея, барона Фитингофа. При полученіи извѣстія о приближеніи фельдмаршала къ Петербургу, сынъ его съ прочимъ семействомъ выѣхалъ ему на встрѣчу за тридцать верстъ отъ столицы и застали его садящагося съ графинею за обѣдъ. Не дочь знаменитый старецъ увидѣлъ черезъ двадцать и одинъ годъ горестной разлуки, но внучку свою; а о существованіи другихъ внучатъ не имѣлъ и понятія. Минихъ совѣтовалъ Петру III ѣхать прямо не въ Петербургъ, гдѣ уже сердца всѣхъ преклонились предъ Екатериною, но въ Кронштадтъ, наполненный и войскомъ и флотомъ; таковыми пособіями, съ коими возможно было, если не противиться торжествующей противоборницѣ, то, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ То-есть изданія 1771-го года, на нѣмецкомъ языкѣ.

пріобрѣсти снисхожденіе и согласіе ея, чтобы низверженному Петру дозволить приличнымъ образомъ отъѣхать въ какое нибудь мѣсто, избранное для уединеннаго убѣжища его. Но нерѣшительный и робкій Петръ ничего не умѣлъ предпринять; окруженный роскошными придворными и барынями, и трусливыми царедворцами, преданными забавамъ, находился онъ въ страшномъ смущеніи духа и въ непрерывныхъ колебаніяхъ; напоследокъ, бросился на яхту и поплылъ къ Кронштадту, но уже было поздно; прозорливый умъ Екатерины и тутъ поставилъ ему преграду непреоборимую: Талызинъ угрожаетъ открыть огонь со всѣхъ батарей и низринуть яхту въ пучину морскую. Пораженный страхомъ, Петръ послѣшно удаляется, плыветъ — не зная самъ куда; судьба высаживаетъ его въ Оравіенбаумъ. Когда все было рѣшено и Минихъ предсталъ предъ Екатериною, императрица сказала ему:

— «Вы намѣревались сражаться противу меня?»

— «Такъ, государыня,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—но теперь буду сражаться единственно за ваше величество».

Извѣстно, что потомъ сія великодушная монархія всегда съ отличною милостію и уваженіемъ обращалась съ Минихомъ.

Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольдѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 241—242].

Несправедливо, чтобы и оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ подавалъ правительницѣ совѣтъ объявить себя императрицею. Левенвольдъ былъ прозорливаго ума, и не предстояло ни малѣйшей побудительной причины преклонять великую княгиню на таковой легкомысленный поступокъ. Преступленіе Левенвольда состояло въ томъ, что графъ показалъ правительницѣ письмо, полученное имъ изъ Фландріи, отъ одного уволеннаго отъ російскаго двора метродотеля; прежній усердный служитель подробно описалъ заговоръ, умышляемый Елисаветою.—Достойный Левенвольдъ, сотворенный для того, чтобы блистать при великомъ дворѣ, къ общему сожалѣнію, умеръ въ Соликамскѣ, куда онъ сосланъ былъ въ заточеніе. Безпристрастіе требуетъ воздать похвалу гг. Строгановымъ, имѣющимъ богатые заводы и соляныя варницы въ семь мѣстѣ: сострадательныя ихъ сердца старались

облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольда, вспомоществовали и доставляли ему все потребное къ пропитанію и содержанію. Да цвѣтетъ и наслаждается всѣми благами потомство добродѣтельныхъ душъ!

Объ описаніи въ казну имѣнія, принадлежавшаго женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ.

[Зап. Манштейна, стр. 237].

Движимое и недвижимое имѣніе женъ всѣхъ особъ, сосланныхъ въ заточеніе, описали въ казну; богатые помѣстья графини Головкиной, наслѣдованныя ею отъ Ромодановскихъ, Шеина и Салтыкова, пожалованы были новымъ временщикамъ, появившимся на позорищѣ, и частію гренадерамъ, споспѣшествовавшимъ Елисаветѣ при восшествіи на престолъ. Имѣніе графини Миниховой подверглось той же участи. Даже не взирая на законъ Петра Великаго, святою справедливостію внушенный, воспреещающій касаться имѣнія дѣтей тѣхъ родителей, которыхъ несчастная судьба заключаетъ въ ссылку, при семъ случаѣ преслѣдовали и дѣтей знаменитыхъ жертвъ.

О графѣ Ернстѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала.

[Зап. Манштейна, стр. 239—240].

Хотя оберъ-гофмейстеръ Ернстъ Минихъ не былъ въ числѣ особъ, составившихъ совѣтъ правительницы; хотя не занимался никакими государственными дѣлами и единственно токмо по званію своему отправлялъ должность при дворѣ, но не менѣе того понесъ гоненіе отъ новаго правительства. Однажды Елисавета Петровна, разговаривая въ собраніи съ чужестранными министрами, изъявила, что она крайне соболѣзнуетъ о сынѣ фельдмаршала, а особенно о супругѣ его, присовокупивъ: «Они всегда были ко мнѣ отмѣнно почтительны и я была довольна ими». Таковой благосклонный отзывъ императрицы нимало не перемѣнилъ несчастнаго жребія Минихова сына. Одно добродушіе въ царѣ недостаточно. Дабы народы вкушали блаженство, необходимо нужно, чтобы сердце государя управляемо было собственнымъ умомъ; чтобы воля его превозмогала всѣ происки и ухищренія ласкателей-царедворцевъ.

Графа Эрнеста Миниха обвинили за то, что, зная о замыслахъ нѣкоторыхъ особъ, желавшихъ объявить правительницу императрицею, не старался отклонить ея отъ сего намѣренія: приговорили къ лишенію должности, чиновъ и ордена; въ замѣну описанныхъ въ казну лифляндскихъ помѣстій назначили для прожитія его деревню въ Россіи. Но захваченныя драгоценныя вещи и всю движимость, ему принадлежавшую, ни полушки не выдали. Определенная Миниху деревня для жительства была самая бѣдная; почему онъ просилъ пожаловать, вмѣсто деревни, какое либо денежное содержаніе; удовлетворили прошенію сему: повѣлили Миниху жить подъ присмотромъ въ Вологдѣ и производили на содержаніе его по тысячѣ рублей въ годъ, а подъ конецъ ссылки его увеличили таковое содержаніе до 1,400 рублей.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 247].

Г. Бецкой извѣстилъ французскаго посла, что императрица Елисавета отправляетъ къ графу Левенгаупту нарочнаго чиновника съ предложеніемъ о перемиріи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и именемъ ея убѣдилъ сего министра, дабы и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ въ семъ случаѣ. Маркизь Де-ла-Шетарди съ тѣмъ же нарочнымъ писалъ къ Левенгаупту; шведскій полководецъ послушался, и прекращеніемъ военныхъ дѣйствій учинилъ большую погрѣшность, за что и лишился головы. Упоминаемый г. Бецкой есть тотъ самый, который, въ царствованіе Екатерины и подъ руководствомъ сей мудрой царицы, учредилъ въ Россіи знаменитыя заведенія, содѣлавшія имя его извѣстнымъ во всей Европѣ.

Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны.

[Зап. Манштейна, стр. 248—249].

Число ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны показано г. Манштейномъ по народнымъ слухамъ, обыкновенно все увеличивающимся. Также неосновательно повѣствуетъ онъ, будто бы случилось, что съ трудомъ отыскивали мѣстопребываніе ссылочныхъ. Правда, что часто отправляли преступниковъ, не объявляя объ имени ихъ ни препровождавшимъ, ни начальникамъ тѣхъ

мѣстъ, куда они ссылались; но всегда такимъ образомъ отправляемый означался номеромъ, по коему легко было найти въ архивѣ тайной канцеляріи—кто гдѣ содержится.

Причины несогласія между графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и марки. Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 249—250].

Графъ Бестужевъ-Рюминъ не потому старался сблизить Россію съ Австріею, чтобы онъ лучше былъ расположенъ къ вѣнскому, нежели къ версальскому двору. Причиною сему былъ посланникъ послѣдняго двора. Маркизь Де-ла-Шетарди, оказавшій Елисаветѣ Петровнѣ преданность при прежнихъ правленіяхъ, споспѣшествовавшей возведенію ея на престолъ, дѣйствительно пользовался отличнымъ благоволеніемъ императрицы; но, не довольствуясь симъ, пожелалъ мѣшаться въ дѣла Россійскаго государства, возмечтавъ властвовать и при дворѣ, и надъ министрами. Честолюбивый Бестужевъ-Рюминъ не могъ потерпѣть такого униженія, поклялся непримиримою враждою версальскому кабинету и, будучи хитръ и дѣятеленъ, употреблялъ всѣ способы низвергнуть силу и довѣренность французскаго посла. Англичане, искусно извлекающіе для себя пользу изъ всѣхъ обстоятельствъ, старались снискать дружество и графа Бестужева-Рюмина и раздували пламеникъ вражды между имъ и маркизомъ.

Объ уничтоженіи Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ Правительницы

[Зап. Манштейна, стр. 250].

Елисавета Петровна, уничтоживъ всѣ награжденія, пожалованныя правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмездія за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшаго достоинства. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столь же несправедливо, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здоровою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе.

О заключеніи мира со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 290].

Швеція, вовлеченная въ пагубную войну, не знала какъ очистить (?) оную. Въ то же время, упраздненный въ Штокгольмѣ престоль повергалъ сеймъ въ недоумѣніе въ избраніи короля. Сторона подъ названіемъ шляпъ, воспламенившая войну, ласкаясь найти подкрѣпленіе и пособія къ продолженію оной, намѣревалась возвести на шведскій престоль сына датскаго короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что, избравъ королемъ россійскаго наслѣдника, можно будетъ заключить выгодный миръ, хотя, впрочемъ, и не надѣялась, чтобы въ Петербургѣ приняли таковое предложеніе. На послѣдокъ восторжествовали колпаки и Швеція, вмѣстѣ съ миромъ, получила отъ руки россійской императрицы короля Адольфа Фридриха, бывшаго епископа Любскаго, администратора Голштейнъ-Готторпскаго, роднаго дядю наслѣдника россійскаго престола. Миръ постановленъ былъ въ Абовѣ уполномоченными отъ Россіи генералами графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ и барономъ фонъ-Люберасомъ, а отъ Швеціи сенаторомъ барономъ Цедерирейцомъ и государственнымъ секретаремъ барономъ Нолкеномъ. Симъ миромъ Россія приобрѣла вѣрность Нейшлотъ и Кименгердскую область ¹⁾.

О графѣ Левендалѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 268].

Графъ Владиміръ Левендалъ, знатнаго происхожденія, находившійся въ россійской службѣ полнымъ генераломъ, г. губернаторъ въ Ревелѣ и кавалеръ св. Александра Невскаго, былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендалъ хорошо говорилъ

¹⁾ Судьба предоставила имени Румянцева способствовать расширенію россійскихъ предѣловъ на сѣверѣ: графъ Александръ Ивановичъ, заключивъ Абовскій миръ, приобрѣлъ къ отечеству нашему Кименгердскую область, а внукъ его, г. государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ, постановивъ въ 1809 году миръ со шведами въ Фридригсгамѣ, увеличилъ Россію всѣмъ княжествомъ Финляндскимъ, частью Ботніи, Лапландіи и нѣкоторыми изъ Аландскихъ острововъ.

Примѣч. П. И. Свиньина.

почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ и состояніе войскъ европейскыхъ. Левендалъ, обращавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на престоль Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣшился оставить россійскую службу; но дабы не имѣли предлога отнести сіе къ трусости, то онъ намѣревался прослужить предстоящую кампанію. Въ то же время показывалъ мнѣ письмо, которымъ удостовѣряли о благосклоннѣйшемъ приѣмѣ его въ Берлинѣ, если пожелаетъ онъ раздѣлять славу съ Фридрихомъ. Но графъ Де-Саксъ, питавшій къ Левендалю отличное уваженіе, убѣдилъ его вступить въ службу французскаго короля. Съ похвалою прослуживъ всѣ фландрскія кампаніи, Левендалъ прославилъ себя покореніемъ Берг-оп-цоима, и былъ возведенъ въ маршалы.

О генералѣ Кейтѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 269].

Яковъ Кейтъ, находившійся въ россійской службѣ полнымъ генераломъ, подполковникомъ гвардіи и кавалеромъ св. Андрея и Александра, имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ. Среди звука оружія не престававалъ онъ заниматься науками, и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ. Кейтъ, тотчасъ по восшествіи на престоль Елисаветы, былъ приглашенъ съ большими выгодами въ прусскую службу, Тогда удержали его въ Россіи ласками и наградами. Между тѣмъ, онъ твердо рѣшился при первомъ неудовольствіи оставить россійскія знамена, чрезвычайно негодуя, что не сдержали даннаго обѣщанія объ устроеніи судьбы брата его. Вскорѣ встрѣтился неприятный случай для Кейта. Императрица Елисавета Петровна предполагая отправить тридцатитысячный корпусъ войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, назначила начальникомъ онаго генерала князя Василя Никитича Репнина. Кейтъ, будучи старѣе въ чинѣ, оскорбился симъ и просилъ увольненія отъ службы. Прусскій король принялъ Кейта въ свою службу фельдмаршаломъ, а брата его пожаловалъ нейштательскимъ

губернаторомъ. Кейтъ погибъ въ бѣдственную для Фридриха II-го ночь при Гохкирхенѣ, въ 1758 году.

О заговорѣ противу императрицы Елисаветы Петровны.

[Зап. Манштейна, 289—290].

Вовсе не имѣли ясныхъ доказательствъ о семь заговорѣ. Въ тогдашнее время многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ; утверждали, что все заключалось въ пустыхъ разговорахъ двухъ недовольныхъ барынь и въ нескромныхъ рѣчахъ сына одной изъ нихъ, вѣтреннаго и невоздержнаго житія молодаго человѣка, и что для предъявленія извѣста подкупленъ былъ одинъ слуга, принадлежавшій симъ господамъ. Маркизь Де-Ботта, почитаемый зачинщикомъ и душою заговора, еще въ царствованіе императрицы Анны Юанновны познакомился съ г-жою Лопухиною, супругою флотскаго генераль-кригс-коммисара, одною изъ первѣйшихъ красавицъ своего времени, съ родною сестрою несчастнаго графа М. Г. Головкина, бывшею въ супружествѣ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, братомъ государственнаго канцлера. Долговременное знакомство, наконецъ, обратилось между ими въ откровенную и дружественную связь. Бѣдственная участь графа Головкина и графа Левенвольда, искреннаго друга г-жи Лопухиной, а особенно чрезвычайное злополучіе бывшей правительницы и всего ея дома, повергли упомянутыхъ госпожъ въ сердечную скорбь и часто исторгали у нихъ жалобы противу новаго правительства. Маркизь Де-Ботта, принимая живѣйшее участіе въ горести ихъ, старался всячески утѣшать, представляя, что въ государствѣ, въ коемъ въ недавнемъ времени произошло столько внезапныхъ перемѣнъ, могутъ онѣ надѣяться, что счастье ихъ неожиданно обрадуетъ. Стался можетъ, что въ утѣшеніе удостовѣрялъ онъ, что венгерская королева и король прусскій, какъ ближайшіе родственники низверженнаго дома, страдавшаго въ заточеніи, примутъ мѣры и попеченіе объ облегченіи судьбы онаго. Легковѣріе женщинъ могло вывести изъ таковаго простаго утѣшенія мечтательныя въ пользу свою послѣдствія, и легко было при слѣдствіи, среди угрозъ и пытокъ, исторгнуть отъ нихъ желаемое признаніе, для обвиненія австрійскаго по-

сланника; не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія распущенная молва, будто бы маркизь Де-Ботта, находясь въ Берлинѣ, имѣлъ переписку съ графинями Бестужевою и Лопухиною, обнадеживая, что король прусскій приметъ участіе въ заговорѣ и подвѣрпитъ его. Простое замѣчаніе, что какое нибудь одно перехваченное письмо откроетъ весь замыселъ и разрушитъ заговоръ, ежели бы дѣйствительно существовалъ оный, удержало-бъ отъ переписки министра сего, человѣка весьма осторожнаго. Равномѣрно невѣроятно, чтобы завлекли онѣ въ свое намѣреніе многихъ молодыхъ людей, ибо подверглись наказанію токмо однѣ упомянутыя госпожи и родственники ихъ. Впрочемъ, Марія-Терезія достаточно убѣдила, что не находила столь виновнымъ маркиза Де-Ботту, какъ объявлено было въ обнародованномъ по сему случаю россійскимъ дворомъ манифестъ: ибо государыня сія, въ удовлетвореніе Елисаветы Петровны, продержала маркиза самое малое время подъ стражею, но потомъ скоро изъявила ему несомнѣнные знаки благоволенія своего и поручила ему начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Италіи. И такъ, съ которой стороны ни разбирать сіе дѣло, надлежитъ признаться, что не существовало явнаго заговора; что наказаніе, учиненное несчастнымъ знатнымъ барынямъ, супругу и сыну Лопухиной, исторгаетъ состраданіе наше. Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, коея великодушіе и сострадательность къ человѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести.

О французскомъ послѣ, маркизь Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 291—292].

Маркизь Де-ла-Шетарди былъ человѣкъ бѣлаго ума, надменный и опрометчивый. Въ 1742 году, когда, по странной системѣ кабинета Людвига XV, находились при россійскомъ дворѣ два французскихъ министра, маркизь — въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а г. Юсонъ-Даллонъ (d'Usson d'Aillon) полномочнымъ министромъ, маркизь поссорился съ послѣднимъ и въ канцеляріи посольской дрался съ нимъ на поединкѣ. Вспыльчивый и скорый Де-ла-Шетарди не способенъ былъ никакое дѣло производить съ благоразумною осторожностію; почему и въ семъ случаѣ учинилъ величайшую

глупость, обнаруживъ замысль свой къ ниспроверженію графа Бестужева-Рюмина. Напротивъ, російскій канцлеръ имѣлъ умъ обширный и просвѣщенный и характеръ твердый; находясь при другихъ дворахъ во многихъ посольствахъ, отправляя важнѣйшія государственныя дѣла при различныхъ правительствахъ, долговременнымъ опытомъ утвердилъ онъ дарованія природныя; таковой прозорливый и дѣятельный министръ не дремалъ, когда угрожаема была безопасность его: проискавъ и ухищреніямъ француза противопоставилъ онъ равносильныя орудія. Любопытствуя узнать о содержаніи подозрительной переписки между Де-ла-Шетардіемъ и французскимъ посланникомъ въ Штокгольмѣ, канцлеръ приказалъ схватить нарочнаго гонца, отправленнаго отъ перваго, и отобрать отъ него всѣ бумаги. Между оными найдено одно письмо, въ которомъ маркизь весьма невыгоднымъ и оскорбительнымъ образомъ представлялъ изображеніе Елисаветы Петровны. Канцлеръ немедленно показалъ сіе письмо государынѣ своей. Раздраженная императрица въ то же мгновеніе повелѣла выслать Де-ла-Шетарди за границу, лишивъ его російскихъ орденовъ.

Что принадлежитъ до прибавленія издателя, присовокупленнаго къ сочиненію г. Манштейна ¹⁾, то о семъ достаточно сказать: что воинство, торговля, государственныя доходы, словомъ—всѣ вѣтви правленія Россійской имперіи, по вступленіи на престолъ Екатерины Великой, получили совершенное преобразование, несомнѣнно ведущее сіе знаменитое государство къ благоденствію и славѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

¹⁾ Въ нашемъ изданіи „Записокъ Манштейна“ (приложеніе къ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г.), это „Добавленіе къ Запискамъ о Россіи“—занимаетъ стр. 293—328 и есть переводъ—съ той же рукописи Манштейна, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. „Supplément aux Mémoires de Russie“ занимаетъ въ рукописи, писанной рукою Манштейна, стр. 119—174, вслѣдъ за второю частью Записокъ, подлинникъ которой хранятся въ библіотекѣ дворца города Павловска.

Ред.

ЗАПИСКИ ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА

II

ЕГО ЗАМѢЧАНІЯ НА МЕМУАРЫ МАНШТЕЙНА

въ изслѣдованіи Арведа Юргенсона.

Перевела съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимошунъ.

Записки графа Эрнста Миниха, сына знаменитаго фельд-маршала, представляютъ живѣйшій интересъ для эпохи Анны Иоанновны, Бирона и Анны Леопольдовны и, безъ сомнѣнія, мемуары эти вполне достовѣрны, чему порукою служитъ честный и правдивый характеръ ихъ автора и его служебное положеніе, которое было тѣсно связано съ придворною жизнію, такъ что графъ Эрнстъ Минихъ былъ очевидцемъ событій, совершавшихся въ описываемое имъ время при дворѣ.

Но онъ описываетъ и такія событія, къ которымъ онъ не имѣлъ столь близкаго отношенія: таковы войны его отца, именно: осада Данцига (1734) и турецкіе походы (1736—1739). Вотъ этими-то событіями мы и займемся главнымъ образомъ на слѣдующихъ страницахъ нашего критическаго изслѣдованія. Мы намѣрены здѣсь прослѣдить, откуда именно черпалъ Минихъ свои свѣдѣнія.

Записки Эрнста Миниха появились въ первый разъ въ печати на русскомъ языкѣ въ 1817 году, въ С.-Петербургѣ ¹⁾.

О томъ, гдѣ и когда онѣ были написаны, можно судить по заключительнымъ словамъ этихъ записокъ: „Вологда, 1758 г.“. Ближайшія причины, послужившія поводомъ къ ихъ составленію, намъ неизвѣстны. Заглавіе ихъ показываетъ, что отецъ писалъ эти записки исключительно для своихъ дѣтей; эта цѣль выражена имъ на стр. 15-ой слѣдующими словами: „дабы мои дѣти примѣръ изъ того взяли и старались подобнаго избѣгать и уклоняться“.

Судя по этому, онѣ не предназначались для печати.

¹⁾ Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб., въ типографіи Н. Греча, 1817. 8°, 233 страницы, стр. 3 и 4—предисловіе издателя, неизвѣстнаго (гр. М. С. Воронцова).

На какомъ-же языкѣ былъ написанъ оригиналъ этихъ записокъ?

Щебальскій говоритъ (Чтенія въ имп. общ. истор. и древн. рос., 1859, III, I, стр. 145): „Минихъ писалъ ихъ (Записки) въ ссылкѣ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ это видно изъ предисловія издателя“. Однако мы не могли найти подобнаго указанія въ предисловіи, ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами экземпляровъ. Въ нихъ просто говорится, что книга эта, подъ заглавіемъ: „Записки гр. Миниха-сына“ находилась весьма долгое время въ собраніи рукописей одного любителя¹⁾ отечественной исторіи, но не говорится ни слова о нѣмецкомъ оригиналѣ; поэтому гораздо легче допустить, что издатель имѣлъ въ своихъ рукахъ рукопись на русскомъ языкѣ²⁾.

Въ настоящее время, въ одномъ частномъ архивѣ Германіи, найдена подлинная, нѣмецкая рукопись Записокъ графа Эрнста Миниха, которую мы предполагаемъ напечатать отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ нѣмецкій текстъ вполнѣ тождественъ, по содержанію, съ изданнымъ, въ настоящей книгѣ, русскимъ текстомъ.

I.

Обращаемся къ Запискамъ Эрнста Миниха и остановимъ вниманіе читателя на ихъ самыхъ существенныхъ пунктахъ; ссылки дѣлаются нами на страницы настоящаго изданія.

На стр. 5—35 рѣчь идетъ преимущественно о фельдмаршалѣ Минихѣ и о самомъ авторѣ, причемъ рассказываются разныя обстоятельства ихъ жизни вплоть до 1733 года и особенно подробно говорится о положеніи ихъ при дворѣ. Но мы находимъ тутъ, между прочимъ, подробную характеристику и другихъ лицъ того времени, какъ напр. Бирона (стр. 27) и Левенвольде (28).

То, что авторъ сообщаетъ здѣсь о фельдмаршалѣ Минихѣ и что касается собственно фактовъ ихъ жизни, извѣстно намъ со словъ Бюшинга и Манштейна; тѣмъ не менѣе, мы знакомимся изъ Записокъ съ нѣкоторыми личными отношеніями обоихъ Миниховъ къ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія, и съ нѣкоторыми особенными мотивами ихъ дѣйствій.

¹⁾ Любитель этотъ былъ, кажется, графъ М. С. Воронцовъ; онъ-же написалъ и предисловіе (см. Архивъ кн. Воронцова, XVII, стр. 476, примѣч. Баргенева).

²⁾ Академикъ А. А. Куникъ сообщ. намъ, что переводчикомъ этихъ Записокъ, кажется, былъ Н. Лонгиновъ, бывшій статсъ-секретарь при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

На стр. 35 — 48 говорится главнымъ образомъ о дѣлахъ въ Польшѣ, объ осадѣ Данцига Минихомъ въ 1734 г. и о его пребываніи въ Польшѣ въ 1735 г.

На стр. 49 — 52 и 53 — 56 описывается начало турецкой войны и первый походъ (въ Крымъ) 1736 г. На стр. 56 — 63 повѣствуется о походѣ 1737 г. и особенно подробно говорится о взятіи Очакова.

Авторъ сообщаетъ также, по большей части, о впечатлѣніи, которое побѣды производили при дворѣ.

О походѣ 1738 г. (стр. 64 — 66) Минихъ-сынъ говоритъ коротко, такъ какъ онъ находился въ то время за границей.

На стр. 74—80 говорится о походѣ 1739 г., на стр. 81—83 о празднествахъ, которые устраивались по случаю заключенія мира.

На стр. 83 — 96 описываются послѣдніе дни жизни Анны Иоанновны; тутъ мы находимъ подробное изображеніе ея личности, ея двора и заслугъ этой императрицы. Въ этомъ случаѣ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе и говоритъ какъ очевидецъ, ибо онъ былъ въ числѣ ея приближенныхъ и пользовался ея благоволеніемъ. Она была, по его мнѣнію, „одна изъ величайшихъ государынь, на російскомъ престолѣ царствовавшихъ“ (стр. 91), и въ изображеніи ея личности, начертанномъ имъ, замѣтно вліяніе его признательнаго сердца.

Графъ С. Р. Воронцовъ, хорошо знавшій автора лично и цѣнившій его, говоритъ поэтому совершенно справедливо въ своемъ письмѣ отъ 1818 года (29 мая, Лондонъ. Напечат. въ Архивѣ кн. Воронц. XVII, стр. 476): „on voit une partialité marquée de sa part en faveur de l'impératrice Anne, et on peut l'excuser, car elle était sa bienfaitrice¹⁾“. Это пристрастіе или эта преданность автора высказывается въ умолчаніи о дѣлѣ Волинскаго, который погибъ жертвою ненависти Бирона, не встрѣтившаго противодѣйствія со стороны слабой императрицы.

Между тѣмъ, въ „Замѣчаніяхъ на записки Манштейна“ Эрнстъ Минихъ выражается по поводу этого событія свободнѣе и энергичнѣе.

Стр. 97 — 106: Регентство Бирона и сверженіе его Минихомъ.

Стр. 107—120 обнимаютъ время правленія Анны Леопольдовны, описывается дѣятельность Миниха какъ перваго ми-

¹⁾ Переводъ: „... замѣтно явное пристрастіе, съ его стороны, по отношенію къ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, и это можно извинить ему, ибо она была его благодѣтельница“.

нистра, его отношеніе къ прусской политикѣ и выходъ его въ отставку (118).

Принцесса Анна Леопольдовна изображена также великодушной и великой, какъ впушало автору чувство признательности, въ чемъ онъ и самъ сознается (стр. 110—111).

И такъ Записки эти доведены до 1741 г. и одинаково важны какъ для исторіи двора при Аннѣ Иоанновнѣ, Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, такъ и для исторіи фельдмаршала Миниха и его отношеній къ лицамъ, руководившимъ русской политикой.

Если мы зададимся теперь вопросомъ о достовѣрности этихъ Записокъ, то, разумѣется, нельзя будетъ отрицать, что почтительность и сыновняя любовь не дозволяли автору высказать въ нихъ какой-либо неблагоприятный отзывъ о своемъ отцѣ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ эти Записки для своихъ дѣтей. Однако, онъ былъ слишкомъ честенъ и правдивъ для того, чтобы умышленно исказить факты¹⁾.

II.

Такъ какъ Эрнстъ Минихъ не былъ, какъ мы уже замѣтили, очевидцемъ военныхъ событій 1730-хъ годовъ, то ему пришлось руководствоваться изустными или письменными разказами объ этихъ событіяхъ постороннихъ лицъ.

Просматривая его Записки со вниманіемъ и сравнивая ихъ съ другими сочиненіями того времени, мы сразу замѣчаемъ нѣкоторую связь, существующую между ними, и вотъ именно съ этой-то стороны мы и намѣрены разобрать здѣсь это сочиненіе.

1) Осада Данцига Ласси и Минихомъ (1734) и событія въ Польшѣ (Записки, стр. 37—46).

Поразительно сходны записки Миниха-сына съ Записками генерала Манштейна въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Mémoires de Manstein (Leipzig, 1771, p. 90 etc.).

Cependant les Seigneurs mécontents allèrent à la rencontre du Comte de Lascey, et arrivèrent le 30 Septembre

Записки Миниха сына (37 и сл.).

Какъ скоро генералъ Ласси достигъ береговъ Вислы, то явился къ нему начальники противной

¹⁾ Онъ умалчиваетъ объ убійствѣ Сивилера (ср. *Russische Revue*, 1886, II, стр. 227 и 228), совершившемся по приказанію Миниха; но онъ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ невинности своего отца, какъ это видно изъ другаго его сочиненія: „Замѣчанія на Записки Манштейна“, въ которомъ, какъ упомянуто выше, онъ высказывается вообще гораздо свободнѣе о слабости характера Анны Иоанновны и о дѣлѣ Волынскаго.

sur les bords de la Vistule. Ils voulurent passer ce fleuve et se rendre sur le champ de l'élection; mais les Polonais du parti contraire avaient rompu tous les ponts... Pour ne pas perdre de temps, on précéda à l'élection de l'Electeur de Saxe, proche du village de Comiec, sur le même champ, où Henri de Valois avait été élu. Ce fut le 5 Octobre que se termina cette grande affaire...

Pendant que... ceux de Varsovie avaient insinué aux Ministres des Cours de Pétersbourg et de Dresde, de sortir de la ville dans un tems prescrit, lequel étant expiré le 29 Septembre, sans qu'ils eussent quitté la ville, ils pillèrent le Palais du Comte de Laewenwolde le Cadet, second ambassadeur Russe, et attaquèrent le Palais Saxon avec six pièces de canons. Ils tirèrent bien vingt à trente coup... après cela (p. 91) ils voulurent donner l'assaut, mais ayant eu une quarantaine d'hommes de tués, leur ardeur se ralentit et ils accordèrent une capitulation à ceux qui se trouvaient dans la maison. Les ministres s'étaient retirés quelques jours avant cette affaire chez le Comte Weldseck, ambassadeur de l'Empereur.

Après la proclamation du Roi Auguste le Comte Lascey passa la Vistule, avec l'armée qu'il avait sous ses ordres, et mit quelques régiments en quartier à Varsovie. L'Impératrice fit encore défiler vers la Pologne et la Lithuanie plusieurs corps des troupes.

Ainsi on vit bien que tant que Stanislas serait dans le pays il n'y aurait point de tranquillité à espérer.

Станиславу партіи и объявили, что готовы выполнить по желанію Россійской императрицы, въ разсужденіи выбора короля. Настоящее выборное мѣсто... находилось на той сторонѣ рѣки, гдѣ Варшава лежитъ. Но какъ другая партія всѣ мосты сняла, и времени терять не можно было, то обрядъ избранія совершенъ на томъ самомъ... полѣ, на которомъ... Гейнрихъ де-Валоа былъ избранъ, и тутъ въ 5 день октября новаго штиля и утверждена... корона... (стр. 37).

Во время сего происшествія, оставшіеся въ Варшавѣ конфедераты извѣстили Россійскаго и Саксонскаго министра, дабы они изъ города выѣхали, и какъ сн того не сдѣлали, то по прошествіи назначеннаго срока разграбили домъ перваго, а къ квартирѣ другаго, подвезши пушки, стрѣляли ядрами.

Но когда на семь приступѣ убито у нихъ отъ 30 до 40 человекъ, то ярость ихъ укротилась и находящіеся въ домѣ Саксонскаго посланника люди истребовали капитуляцію, по силѣ которой предоставлена имъ свобода перебраться въ домъ императорскаго посланника Вельцега, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ оба вышеупомянутые министры прибѣжище свое имѣли.

По объявленіи королемъ Польскимъ Августа III и по построеніи новыхъ мостовъ, приказалъ генералъ Ласси арміи (стр. 37) своей переправиться чрезъ Вислу, оставя нѣсколько полковъ въ городѣ... императрица повелѣла, чтобы другой знатный корпусъ изъ Украины вступилъ въ Польшу. и о другомъ королѣ, кромѣ Станислава, слышать не хотѣла. При чемъ весьма трудно было сію кочующую... толпу усмирить....

По поводу сходства обоеихъ текстовъ, мы должны допустить одно изъ двухъ предположеній: или что Минихъ пользовался непосредственно Записками Манштейна, которыя были уже окончены и существовали въ рукописи въ то время, когда графъ Эрнстъ Минихъ писалъ свои Записки въ ссылкѣ, въ 1758 г., и были отданы ихъ авторомъ на храненіе ¹⁾ зятю молодого Миниха, графу Сольмсъ-Вильденфельсу, или что Манштейнъ и Эрнстъ Минихъ пользовались однимъ и тѣмъ-же источникомъ; наконецъ, можно допустить и то и другое одновременно, т. е. что Минихъ пользовался какъ Манштейномъ, такъ и его источниками; что касается разсказа объ осадѣ Данцига и о турецкой войнѣ, то мы признаемъ, наиболѣе правдоподобнымъ, именно пользованіе обоими источниками.

Дальнѣйшее изученіе Записокъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что Минихъ-сынъ былъ уже знакомъ, въ то время, съ Записками Манштейна и пользовался ими. Имѣлъ-ли онъ въ своемъ распоряженіи самый оригиналъ Записокъ или копію съ него, въ данномъ случаѣ для насъ безразлично. Но Записки Манштейна не отличаются оригинальностью и не могутъ претендовать на названіе самостоятельнаго сочиненія, а представляютъ зачастую лишь буквальную передачу извѣстныхъ источниковъ, какъ намъ удалось доказать это въ нашемъ изслѣдованіи о Манштейнѣ. (См. „Russische Revue, 1886, IV-ую тетр., стр. 438—491: „Mansteins Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739)“). Поэтому мы полагаемъ, что графъ Эрнстъ Минихъ пользовался иногда какъ Манштейномъ, такъ и его источниками, одновременно или поочередно, смотря по тому, отъ кого онъ считалъ болѣе удобнымъ и болѣе правильнымъ заимствовать свои свѣдѣнія. Разумѣется, онъ пользуется этими источниками не всегда буквально, но зачастую передаетъ ихъ только вкратцѣ.

Вышеприведенный отрывокъ, переданный нами буквально, заимствованъ Минихомъ повидимому исключительно у Манштейна, но мы не можемъ указать откуда выписать его, въ свою очередь, Манштейнъ, хотя считаемъ возможнымъ, что онъ почерпнулъ это мѣсто изъ своего обычнаго источника: „Accurate Nachricht von der Belagerung Danzigs“ ²⁾, того объемистаго и интереснаго сочиненія, о которомъ

¹⁾ См. по этому поводу статью о Манштейнѣ въ журналѣ „Rusische Revue“, 1886, IV, стр. 488.

²⁾ „Точныя свѣдѣнія объ осадѣ Данцига“.

мы упоминали въ „Russische Revue“ (1886, IV, стр. 454 и 455). Вообще говоря, весь эпизодъ объ осадѣ Данцига (1734), въ Запискахъ Миниха-сына, не производитъ впечатлѣнія самостоятельнаго разсказа, останавливаясь на нѣкоторыхъ его подробностяхъ, мы можемъ, въ большинствѣ случаевъ, указать на соответствующія мѣста у Манштейна; который въ свою очередь пользуется исключительно свѣдѣніями изъ „Accurate Nachricht“.

То, что говорится въ „Запискахъ Миниха-сына“ на стр. 38, то-же самое по смыслу мы находимъ и у Манштейна на стр. 92; разногласіе замѣчается только относительно числа, коимъ помѣчено прибытіе Ласси.

Далѣе сходятся слѣдующія мѣста:

Mémoires de Manstein, 93 ¹⁾.

... les forces de ceux ci ne consistaient au commencement qu'en 12.000 hommes.

Manstein, 94 seq.

... Ce Maréchal Comte de Munich arriva le 9 Mars devant Dantzic sous une escorte prussienne.

Manstein, 101.

On fis pendant le 9 toutes les dispositions nécessaires: 8000 hommes furent commandés pour cette attaque, dont 3000 devaient donner l'assaut, et les autres les soutenir.

Manstein, 102 ²⁾.

Les troupes qui devaient donner l'assaut, s'étaient avancées en silence et dans un ordre admirab-

Записки Миниха-сына, 38.

Тутъ нашелъ онъ корпусъ, состоящій изъ двѣнадцати тысячъ человекъ.

Записки, 38.

...и пріѣхалъ подъ Прусскимъ прикрытіемъ въ лагерь, расположенный подъ означеннымъ городомъ.

Записки, 40.

Въ ночи на 28 число апрѣля стараго штили все нужныя къ тому приготовленія были сдѣланы. Планъ атаки былъ такой, чтобы 3000 человекъ, къ которымъ въ подкрѣпленіе присоединены еще 5000 человекъ, наступили на означенный пригорокъ... Назначенныя для приступа войска скрытно и въ

¹⁾ Мы цитируемъ Записки Манштейна во французскомъ изданіи Губера (Huber), Лейпцигъ, 1771 г.

²⁾ Манштейнъ пользуется здѣсь буквально „Accurate Nachricht etc.“, стр. 385.

le jusqu'à l'endroit où ils devaient monter. L'attaque commença vers minuit... les troupes marchèrent à l'assaut avec toute la fermeté imaginable, et se rendirent maître d'une batterie... mais par un malheur des plus singuliers, les Chefs des trois Colonnes... furent tués ou blessés... Les Colonnes... se mêlèrent [et soutinrent un feu terrible... Munich et les Généraux... ayant remarqué le désordre (vêlâli отдать приказаніе къ отступленію)]; les soldats ne voulurent pas leur obéir, et (p. 103) firent dire, qu'ils se feraient plutôt assommer sur la place, que de reculer d'un pas. Le Général de Lascy fut enfin obligé d'y aller lui-même pour persuader les soldats de se retirer; ils lui obéirent.

Уронъ со стороны русскихъ при атакѣ Гагельсберга доходилъ, согласно Запискамъ Миниха-сына (стр. 40) отъ 900—1000 человекъ, а согласно Манштейну (стр. 103) онъ превышалъ 2000 солдатъ и 120 офицеровъ (въ „Accurate Nachricht“ стр. 585 приводится цифра 4000). Можетъ быть сынъ повторяетъ тутъ совершенно просто-душно и довѣрчиво реляцію фельдмаршала, своего отца, который, будучи въ „огорченіи“, показалъ сначала уронъ меньше, нежели онъ былъ въ дѣйствительности (См. „Русскій Архивъ“ 1864 (II), стр. 516 и 518).

На стр. 41 (наверху) Минихъ-сынъ говоритъ о войскѣ, шедшемъ на выручку осажденнаго Данцига, подъ начальствомъ кастеллана Терскаго и которое было разбито генераломъ Ласси. Это мѣсто кажется лишь сокращеннымъ рассказомъ объ этомъ событіи Манштейна (стр. 96—98), съ тою разницею, что послѣдній сообщаетъ объ этомъ раньше, тогда какъ Минихъ-сынъ говоритъ о немъ хронологически слишкомъ поздно, послѣ другихъ событій.

Точно также онъ упоминаетъ (Записки Миниха-сына стр. 41) слишкомъ поздно и о прибытіи мортиръ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что онъ и въ этомъ случаѣ заимствуетъ свои свѣдѣнія у Манштейна:

¹⁾ Разница въ показаніи Миниха сына и Манштейна.

налучшемъ порядкѣ подведены уже были почти къ подошвѣ укрѣпленій, и нападеніе одной колонны съ столь хорошимъ произведено успѣхомъ, что въкоторые гренадеры вошли уже на валъ и завладѣли одною батареею. Но какъ по несчастію предводители двухъ ¹⁾ другихъ колоннъ убиты неприятелемъ, войска пришли въ безпорядокъ... съ нашей стороны убито великое множество людей потому наиболѣе, что ожесточенные солдаты лучше желали погибнуть на мѣстѣ, гдѣ сплѣнѣйшій огонь производился, нежели отступить и (стр. 40) жизнь свою спасти; даже оставшіеся въ живыхъ послушались не прежде, пока подоспѣвшій туда генералъ Лассій ихъ не уговорилъ.

Manstein. 99 ¹⁾.

... on fit venir plusieurs mortiers de Saxe par la poste; les chariots dans lesquels ils furent transportés étant couverts; ils passèrent sur les terres du Roi de Prusse sous le nom des équipages du Duc de Weissenfels. Les mortiers arrivèrent le 19 Avril ²⁾.

На стр. 41 и 42 Записокъ Миниха мы встрѣчаемъ также рассказъ, несомнѣнно заимствованный у Манштейна (Mém. 104 и 105). Нѣкоторыя мѣста сходны почти буквально, какъ напр.:

Manstein. 105.

... et avancèrent... droit aux retranchements russes... Les Français... ayant passés un abatis de bois qui couvrait le retranchement s'avancèrent jusqu'à 15 pas du retranchement... alors les Russes... continuèrent de faire un feu... meurtrier. Les Français.. voyant tous leurs efforts inutiles etc.

Записки Миниха-сына, 41.

Также между симъ ¹⁾ временемъ получилъ онъ 200 бомбъ купно съ 4 мортирами ²⁾ присланныхъ къ нему скрытно отъ короля Августа изъ Саксоніи на почтовыхъ колюкахъ, и подъ названіемъ багажа герцога Вейссенфельскаго.

Записки, 42.

Плецо... повелъ ихъ прямо къ ретраншаменту. Напередѣ его сдѣланъ засѣкъ изъ вырубленныхъ деревьевъ и сучьевъ. Французы, не смотря на сильный, противъ нихъ производимый, огонь, пробрались сквозь... засѣкъ... Дошедъ до крутизны ретраншамента. Г. Плецо усмотрѣлъ поздно, что тутъ дѣлать нечего, и проч.

Въ Запискахъ Миниха, на стр. 43, говорится ошибочно, что герцога Вейссенфельскій прибылъ два дня спустя послѣ битвы съ французами (происходившей 27 мая): между тѣмъ Манштейнъ (стр. 104) — по всей вѣроятности вполне справедливо отмѣчаетъ его прибытіе двумя днями раньше этого сраженія (25 мая).

Относительно числа судовъ русскаго флота Записки Миниха (стр. 43), Записки Манштейна (стр. 106) и „Accurate Nachricht etc.“ (стр. 98) находятся въ разногласіи.

О томъ, что Эрнстъ Минихъ рассказываетъ по поводу неожиданнаго нападенія со стороны француза Бараля ³⁾ на русское

¹⁾ Манштейнъ заимствуетъ это мѣсто изъ „Accurate Nachricht von der Belagerung Danzigs“, стр. 51, гдѣ сказано, однако, что было всего двѣ мортиры, тогда какъ Минихъ упоминаетъ о четырехъ. Справедливо-ли его показаніе въ этомъ случаѣ, мы не можемъ сказать.

²⁾ Эти мортиры прибыли уже 19 апрѣля. Но Минихъ-сынъ полагаетъ очевидно, что онѣ прибыли лишь послѣ атаки на Гегельсбергъ (произведенной 9 мая).

³⁾ Объ этомъ событіи см. также „Замѣчанія на Записки Манштейна“, напечатанныя выше, стр. 147.

судно, бывшее под командою Фремери, вовсе не упоминается у Манштейна, а въ „Belagerung Dantzig“ на стр. 602 сказано объ этомъ весьма кратко, безъ упоминанія этихъ именъ.

Страницы 44-й (сверху) Записокъ Миниха-сына соотвѣтствуютъ у Манштейна стр. 107, а въ „Осадѣ Данцига“ стр. 110 и 617, гдѣ описана и капитуляція французовъ.

Слѣдующее мѣсто также заимствовано у Манштейна:

Manstein, 107.

Le 28 le Magistrat de Dantzig envoya des Deputés au Comte de Munich pour parlementer; mais on ne leur voulut rien accorder sans la condition préliminaire de livrer le Roi Stanislas, le Primat, le Marquis de Monti etc.

Дальнѣйшія условія, о которыхъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ авторъ Записокъ, не встрѣчаются у Манштейна и они взяты, вѣроятно, изъ „Осады Данцига“, точно также какъ и рассказъ о побѣгѣ Станислава при помощи генерала Штейнфлихта, о чемъ не упоминаетъ Манштейнъ, но о чемъ говорится въ другихъ источникахъ, гдѣ генераль этотъ названъ даже по имени.

О денежной пенѣ въ размѣрѣ одного милліона (Зап. Миниха-сына, 45) упоминаетъ также Гемпель¹⁾, стр. 239.

Письмо маркиза де Монти къ фельдмаршалу Миниху, содержаніе котораго передано въ Запискахъ его сына (стр. 45), напечатано въ „Accur. Nachr. v. d. Belagerung Dantzig“, стр. 312—316; слѣдовательно гр. Эрнстъ Минихъ пользовался, вѣроятно, и этимъ сочиненіемъ непосредственно.

2-е письмо маркиза, о которомъ говорится въ Запискахъ (стр. 45), также напечатано въ „Осадѣ Данцига“, стр. 626.

О денежной пенѣ, наложенной на городъ за колокольный звонъ (Записки 45 и 46) и за побѣгъ Станислава, также упоминается въ „Осадѣ Данцига“, стр. 323 и 325. Объ этихъ фактахъ Манштейнъ умалчиваетъ; онъ упоминаетъ (стр. 108), правда, объ аресто-

¹⁾ Phleme (псевдонимъ Hempel'a): *Leben, Thaten und betrübter Fall des weltberufenen Russ. Grafens Burchard Christophs von Münich* (Bremen, Braunschweig und Leipzig, 1742 и 1743).

ваніи маркиза въ Торнѣ (ср. „Осада Данцига“, 766), но не говорить о его пребываніи въ Эльбингѣ (Записки, 46), о чемъ упомянуто въ „Осадѣ Данцига“, (стр. 962).

Въездъ Миниха въ городъ и благодарственное молебствіе (Зап., 46, внизу), прибытіе короля Августа въ монастырь Олива и большой банкетъ (Зап., 46): все это мы находимъ также въ „Accurate Nachricht von d. Belagerung Dantzig“, стр. 135, 136, 139. Награды, пожалованныя Миниху, описаны также въ Осадѣ Данцига, 171, и въ Запискахъ, 46, одинаково.

... Münich... bekam von Ih. Mat. ... король... пожаловалъ шпагу и einen mit kostbaren Brillanten трость, драгоценными каменьями versetzten Stock und Degen. ми осыпанныя, въ подарокъ.

Сопоставимъ теперь все то, что мы могли замѣтить при нашемъ изслѣдованіи.

Разсказывая о военныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ осаду Данцига, Минихъ-сынъ основывался въ своихъ Запискахъ на описаніи Манштейна, который заимствуетъ свои свѣдѣнія исключительно изъ „Accurate Nachricht von der Russisch und sächsischen Belager- und Bombardirung der Stadt DANTZIG“. (Cöln, bei Hans Paul Merian, 1735 ff.), но онъ передаетъ факты по большей части весьма кратко; а въ концѣ своего разсказа, Минихъ, безъ сомнѣнія, пользовался неоднократно самымъ текстомъ „Accurate Nachricht etc“.

Разумѣется, это не исключаетъ возможности того, что Минихъ-сынъ былъ знакомъ и съ другими сочиненіями объ этой эпохѣ, которыхъ появилось тогда весьма много.

Хронологическія данныя, сообщаемыя имъ, не всегда отличаются точностью: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ Манштейна, приводя нѣкоторыя числа, Минихъ руководствовался, по всей вѣроятности, словесными разсказами своего отца, который сообщилъ ему, безъ сомнѣнія, весьма многое объ этихъ событіяхъ, а можетъ быть авторъ Записокъ заимствовалъ приводимыя имъ числа изъ какихъ-нибудь реляцій. Но вообще надобно замѣтить, что его разсказъ лишенъ оригинальности во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ описываетъ военныя событія, и поэтому онъ не можетъ быть причисленъ въ этомъ случаѣ къ числу первоисточниковъ.

III.

Разсмотримъ теперь исторію походовъ 1736—1739 гг., о которыхъ также повѣствуетъ графъ Эрнстъ Минихъ, хотя онъ и не принималъ въ нихъ участія. Откуда-же заимствовалъ онъ свои свѣдѣнія?

1) Во первыхъ, необходимо допустить, что онъ читалъ тѣ реляціи, которыя посылались во время войны ко двору; затѣмъ, что онъ просмотрѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ все то, что было написано объ этихъ событіяхъ короткое время спустя, такъ какъ эти рассказы касались его отца, и съумѣлъ заручиться рассказами частныхъ лицъ; наконецъ, онъ навѣрно разспрашивалъ о многомъ и у самого отца своего. Кромѣ того, въ военное время, мы узнаемъ многое по слухамъ, хотя не всегда можемъ сказать гдѣ именно слышали то или другое извѣстіе.

2) Походъ 1736 года (Записки Миниха-сына, стр. 49—52 и 54—56).

Въ описаніи главныхъ событій мы не встрѣчаемъ тутъ ничего новаго. Многія мѣста сходствуютъ буквально съ существующими, извѣстными, рассказами объ этомъ походѣ или въ общемъ весьма напоминаютъ ихъ. О причинахъ, вызвавшихъ эту войну, говорится: у Манштейна ¹⁾, стр. 116, и въ Запискахъ Миниха-сына, 49 и 50.

Les incursions que les Tartares avoient faites en différentes fois dans les Provinces russes... car la Cour de Pétersbourg, ayant fait des plaintes à celle de Constantinople, n'eut pas de réponse satisfaisante.

Татары, которые... частыя на пограничныя провинціи чиня нападенія... какія ни были на то дѣланы Портѣ Оттоманской представленія, но всегда понапрасно.

О лунномъ затмѣніи, о которомъ упоминается въ Запискахъ Миниха-сына, на стр. 50, Манштейнъ ничего не говоритъ, но мы находимъ о немъ замѣтку въ дневникѣ ²⁾ Юнкера (стр. 160). Далѣе сходствуютъ:

¹⁾ Лейпцигъ, 1771, французское изданіе Губера.

²⁾ Изданномъ ошибочно подъ именемъ фельдмаршала Миниха въ „Beiträge zu der Geschichte des russischen Reichs“ Hermann'a, Leipzig, 1843, стр. 119—229. Сравни Russische Revue, 1886, IV, стр. 469).

Manstein, 140.

La longueur de ces lignes est de 7 Verstes, ou près de 2 lieues de France; s'étendant de la mer d'Azoph, ou Palus Meotides, jusqu'à la Mer noire. La largeur du fossé est de 12 toises, sur 7 de profondeur (предыдущее предложеніе). Il n'y a qu'une seule entrée par le grand chemin de la ville de Perecop, qui est comprise dans les lignes.

Записки, 57.

Сей сухой ровъ, пресѣкающій Крымскій перешеекъ и содержащій въ длину семь верстъ или одну немецкую милю, простирается отъ Чернаго, даже до Азовскаго моря: ширина онаго содержитъ 12 и глубина 7 сажень. На немъ находится одинъ токмо каменный мостъ, и на той сторонѣ моста лежитъ круѣность Орѣ, иначе Переконь именуемая.

Описаніе добычи (Зап., 52, внизу): ханской кареты и зрительной трубы также сходно съ описаніемъ Юнкера (191).

Juncker, 191.

... ein langes Englisches Perspectiv fad, ...dessen sich hernach der Feldmarschall selbst die Campagne über bediente.

Записки, 52.

... зрительная трубка... английской работы, и столь хорошая, что отецъ мой... въ слѣдующихъ походахъ никакой другой кромѣ сей не употреблялъ ¹⁾.

Слѣдующее мѣсто заимствовано несомнѣнно у Манштейна:

Mansiein, 143.

Les magasins n'y étaient pas trop bien fournis: mais on trouva dans la place et dans les tours 60 pièces de canons, parmi lesquelles il y en avoit aux armes russes; elles avoient été perdues dans les malheureuses marches que le Prince Gallitzin fit en Crimée le siècle passé.

Записки, 52.

Тамошній магазинъ найденъ съ худымъ запасомъ; но что касается до артиллеріи, Россіянѣ получили въ добычу 60 пушекъ, между которыхъ нѣкоторыя имѣли Россійскія клейма, и попали сюда въ прошломъ еще столѣтіи, послѣ несчастнаго похода въ Крымъ, подъ предводительствомъ князя Василья Васильевича Голицына.

Далѣе:

Manstein, 144.

... le Lieutenant - Général de Leontew fut détaché, avec 10000 hommes de troupes etc., du côté de Kinbourn, petite ville fortifiée, située vers l'embouchure du Dnieper, vis-à-vis d'Otschakow...

Записки, 54.

... отряженъ генераль-поручикъ Леонтьевъ съ нѣсколькими тысячами человекъ войска подъ Кинбурнъ, укрѣпленное мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣпра, на супротивъ Отакова...

¹⁾ Кромѣ того, Минихъ-сынъ, вѣроятно, и самъ видѣлъ впоследствии всѣ эти вещи.

Юнкеръ также говоритъ (стр. 211 и 213), что русскіе нашли въ Бахчисараѣ ¹⁾ только нѣсколько католическихъ патеровъ, пемногихъ евреевъ и одного французскаго консула. (Записки Миниха, 54).

О фонтанѣ въ ханскомъ дворцѣ Минихъ-сынъ и Манштейнъ говорятъ одинаково.

N. E. Fama, Thl. 18, S. 460.

... ein Bassin vom weissen Marmor, in der Mitte des Saals... aus welchen... das Wasser in kleinen Fontainen spielte.

Manstein, 154.

... la villed'Achmezet... Résidence du Calga-Sultan.

Manstein, 155.

L'Armée ne vit plus l'ennemi que de loin, et divisé en petits partis... un tiers en (de l'Armée) était malade et la plupart des soldats étoient si faibles, qu'à peine pouvoient ils se traîner. J'ai parlé... des causes de ces maladies, auxquelles se joignirent encore les chaleurs.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Минихъ-сынъ несомнѣнно былъ знакомъ съ важнѣйшими сочиненіями, въ которыхъ описывались эти событія, но что онъ передаетъ лишь вкратцѣ наиболѣе замѣчательные моменты этихъ событій. Онъ остерегается вообще списывать буквально, а старается переиначить и передѣлать выраженія, встрѣчаемыя имъ въ источникахъ, которыми онъ пользуется. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи его рассказы не представляютъ ничего новаго и самостоятельнаго.

Что Минихъ читалъ много историческихъ сочиненій о той эпохѣ, видно по 53 стр. его Записокъ, гдѣ, по поводу событій въ Курляндіи онъ отсылаетъ читателей къ этимъ сочиненіямъ: „обо

¹⁾ Дворецъ тамошняго хана описанъ Манштейномъ особенно подробно и это описаніе помѣщено въ приложеніи къ дневнику Юнкера. (Напечатано въ „Hermann's Beiträge“, стр. 230 и слѣд., а также въ „Neue Europäische Fama, Thl. 18, стр. 458 и слѣд.).

всемъ ономъ въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ подробнѣйшія содержатся извѣстія“.

3) Обратимся теперь къ исторіи похода 1737 г., главныя военныя дѣйствія котораго сосредоточивались вокругъ турецкой крѣпости Очакова (Записки, стр. 56—64).

Изъ предъидущаго обзора мы уже видѣли, что Записки графа Эрнста Миниха, мѣстами, почти отъ слова до слова походятъ на рассказъ Манштейна и высказали поэтому предположеніе, что онъ пользовался, вѣроятно, его Записками. Такъ какъ Манштейнъ заимствовалъ большую часть своихъ свѣдѣній изъ постороннихъ источниковъ, которыми могъ пользоваться, въ свою очередь, и Минихъ-сынъ, то это сходство ихъ Записокъ не исключаетъ, разумѣется, возможности того, чтобы Эрнстъ Минихъ пользовался для своей компіляціи непосредственно тѣми-же источниками. Но мы находимъ въ его Запискахъ и такія мѣста, которыя составляютъ собственность Манштейна и не встрѣчаются въ реляціяхъ и журналахъ арміи, которыми Манштейнъ пользовался обыкновенно, рассказывая о текущихъ военныхъ событіяхъ; Манштейнъ самостоятеленъ въ своихъ размышленіяхъ и въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, наприм. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ описываетъ степь и т. п. Встрѣчая въ Запискахъ Миниха-сына эти описанія Манштейна, переданныя почти буквально, мы уже не можемъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что Минихъ пользовался его Записками непосредственно. Читая подобныя мѣста, кажется неволью, что тутъ говоритъ очевидецъ, а между тѣмъ это говоритъ Минихъ, а не Манштейнъ. Правда, онъ прибавляетъ иногда отъ себя нѣкоторыя мелочи, которыя онъ могъ знать по наслышкѣ, или выражаетъ ту-же самую мысль однозначущимъ словомъ (синонимомъ) и опредѣляетъ величину предметовъ другой, равнозначущей мѣрой, или же, дѣлаетъ, наконецъ, перестановку фразъ. Слѣдующія мѣста пояснятъ это наглядно:

Manst. 181.

Pour donner une idée de la fertilité... il suffit de dire, que les herbes y croissent de la hauteur d'un homme de la plus grande taille.

Записки, 56 и 57.

Трава на ней расѣтеть столь высокая, что достааетъ по самое брюхо ¹⁾ лошадямъ, и при томъ весьма питательна.

¹⁾ Здѣсь принята другая мѣра и Минихъ старается выразиться независимо отъ Манштейна.

Manst. 181.

Il y a des asperges en grande quantité.

Le gibier, comme lièvres, perdrix, coqs de bruyère etc. s'y trouve en très-grande quantité; les soldats en prennent en abondance avec leurs mains.

Цифры, обозначающія численность арміи (Зап., 57) по существу также весьма подходят къ даннымъ, сообщаемымъ Манштейномъ (194, сверху).

Далѣе:

Manst. 179 f.

...faute de bois et d'eau: car on fait souvent 4 à 5 lieues sans voir une seule broussaille, ni la moindre petite rivière.. On charioit aussi un gran tonneau d'eau par compagnie, pour avoir de quoi donner à boire aux soldats pendant la marche. Les tonneaux avoient encore un autre usage: ... on (les) employoit à faire des ponts... et on ne se servoit des pontons que pour le gros équipage.

Manst. 178.

...l'armée formait un ou plusieurs carrés, tenant les équipages au milieu.

Manst. 181.

Les Tartares mettent souvent le feu aux herbes, pour ôter le fourage à leurs ennemis; et si l'on ne sait pas se garantir de cet incendie, tout le camp risque d'être brûlé.

Pour éviter cela, M. de Munich ordonna, qu'il y eut un gran balai sur chaque chariot, pour s'en servir à

Записки, 57.

Грунтъ земли вообще плодосенъ такъ, что произрастаетъ не токмо лучшую спаржу и т. д.')

Дичины, какъ-то зайцовъ, рябчиковъ, куропатокъ и перепеловъ, находится тамъ превеликое множество и къ ловлѣ столь непріобычны, что солдаты нерѣдко, окруживъ зайца, хватали руками.

Записки, 57.

... также многія порозція бочки, которыя распределены по всѣмъ провіантскимъ фурамъ по одной на каждую; въ сихъ бочкахъ везли воду, когда разстоянія пространства земли между рѣкъ попадались обширныя, и въ потребномъ случаѣ можно было употребить ихъ также для настилки контонныхъ мостовъ: . . .

Записки, 58.

подвигалась армія въ видѣ баталіона каре, въ средивѣ коего находился провіантъ, артиллерія и весь обозъ.

Записки, 58.

Сверхъ того, для отвращенія опасности настоящей въ томъ, чтобы отъ загарація травы не учинился вредъ провіанту. повелѣно и накрѣпко подтверждено, чтобы. . немедленно копать широкіе рвы; кромѣ, что въ каждомъ полку имѣлось въ готовности извѣстное число

1) Плоды, о которыхъ упоминаетъ затѣмъ Минихъ, были, можетъ быть, описаны ему кѣмъ-нибудь другимъ; а можетъ быть о нихъ говорить и Манштейнъ, только въ иномъ мѣстѣ.

êteindre le feu. Il fallait aussi remuer la terre, de la largeur de 2 pieds, autour du camp. метель... которыми солдаты помятый огонь тушить обязаны были.

Нижеслѣдующій примѣръ заставляетъ насъ признать, что Минихъ-сынъ пользовался одинаково какъ Записками Манштейна, такъ и его источникомъ, журналомъ арміи¹⁾; это очевидно по нѣкоторымъ мѣстамъ, которыя у Манштейна не выписаны изъ журнала, но которыя переданы въ Запискахъ Эрнста Миниха:

Manst. 198.

Le 10 l'Armée se mit en marche...et comme elle n'étoit éloignée que de trois lieues d'Otschakow, on vit bientôt les Gardes avancées de l'ennemi. Les Cosaques vinrent aux mains avec eux, et après une escarmouche fort chaude, ils furent obligés de plier. (M. Stoyanow, colonel des Hussards, accourut... pour soutenir les Cosaques... неприятели получили secours de la ville...).

Journal der Armee 1737.

(Abgedruckt bei Schmidt - Phiseldek, Materialien zu der russischen Geschichte, II. 564).

Einer²⁾ dieser Gefangenen ein Verwandter eines bei dem Gross-Verzier befindlichen Tschaus-Bascha versicherte, dass Er selber Tages vorher mit dem Succurs... unter Oczakow angekommen, u. mithin der Feind unter Oczakow an die 20,000 Mann stark wäre u. dass Ihrer 5,000... Heute dato... ausgerücket wären.

1) О журналѣ арміи говорится въ „Russische Revue“ (XXVI) 1886, стр. 325 и 326.

2) Манштейнъ (198) говоритъ: четыре офицера объявили; остальное вполне согласуется съ журналомъ.

Слѣдующее мѣсто могло быть заимствовано одинаково у Манштейна или изъ журнала арміи.

Manst. 199.

(Journal, Schm. Phis., II, p. 565).
Le Maréchal tint grand conseil de guerre, où il fut résolu d'attaquer la ville avec la dernière vigueur, avant l'arrivé des nouveaux renforts qu'on y attendoit, ou même avant l'approche de toute l'Armée turque, qui s'assembloit... pour venir au secours...
... l'Armée... occupa tout ce terrain, entre le Liman (c'est ainsi qu'on nomme l'embouchure du Dnieper) et la mer noire.

О вѣшнемъ видѣ и о самомъ типѣ Очаковской крѣпости (Зап., 59) Эрнстъ Минихъ разспрашивалъ, вѣроятно, очевидцевъ, хотя можетъ быть онъ воспользовался и въ этомъ случаѣ описаніемъ Манштейна и реляціями.

Journal (Schm. Phis. II, 507).

...bestunde das Terrain aus Gärten, daran ein jeder Garten eine Redoute ausmachete.
Dass der Feind aus einem Garten in den andern „wiche“, dass vor einbrechender Nacht die „feindliche Macht“ zu weichen gezwungen, die Unsrigen aber bis auf den Musquetenschuss²⁾ angerückt waren.

Manst. 207.

Il (le Gouverneur) envoya en même tems au Comte de Munich son Basch-Tschaus, ou aide de camp général, pour lui demander une suspension d'armes de vingt-quatre heures. Sa demande fut rejetée, et on lui fit dire de se rendre prisonnier de guerre avec sa garni-

¹⁾ „Записки“ стремятся по большей части дать передѣлку источника.

²⁾ Манштейнъ (199): Avancée jusqu'à la portée du canon d'Otschacow (подойдя къ Очакову на разстояние пушечнаго выстрѣла).

³⁾ Хронологія Миниха-сына здѣсь сомнительна.

Записки, 59.

... Отецъ мой представилъ состоящимъ подъ его командою генераламъ, что хотя еще не подоспѣли потребныя къ осадѣ орудія, везомыя Днѣпромъ, однако онъ мнѣніемъ своимъ полагае, что лучше городъ замѣнить и пересѣчь путь приближающемуся вспомогательному войску... Очаковъ лежитъ на углу, который составляется отъ устья Днѣпра, именуемаго въ семь мѣстѣ Лиманомъ, и отъ берега Чернаго моря.

Записки, 59.

Россійская же армія, прогнавъ всѣхъ турокъ изъ ихъ редутовъ, которые въ окрестныхъ садахъ города находились, остановились при наступающей ночи разстояніемъ на одинъ пушечный¹⁾ выстрѣлъ отъ города.

Записки, 59 и 60³⁾.

Синъ печальныя обстоятельства побудили Сераскира выслать одного депутата и просить перемирія на 24 часа. Отвѣтъ на сіе былъ, чтобы онъ со всѣмъ гарнизономъ своимъ отдался въ военный плѣнъ, и на размышленіе дано ему не больше времени, какъ одинъ

son, et qu'on ne lui donnoit qu'une heure pour se décider, après quoi il n'y auroit plus de quartier à espérer.

Le Seraskier et une partie de la garnison étoient sortis de la place pour se sauver sur les galères... Les Cosaques et les Hussards voyant que les Turcs cherchoient à s'évader, fondirent sur eux.

часть, съ такимъ напоминаніемъ, что есть-ли онъ прежде исхода часа не рѣшится, то ни единый человѣкъ пощаженъ не будетъ.

Но какъ послѣ провѣдали, что Сераскиръ обрѣтался на той сторонѣ крѣпости у берега и съ нѣсколькими людьми покушался убѣжать на галерахъ, то за нимъ въ догоню посланы гусары и козаки;

То, что говорится (Записки Миниха-сына, стр. 60) о храбрости фельдмаршала, который собственноручно водрузилъ будто-бы знамя, подтверждается также австрійцемъ Berenklaui (напечатано въ журналѣ Woltmann'a „Geschichte und Politik“, 1801, II, стр. 170) и графомъ Сольмсомъ (Solms) (см. Вольтманъ, 1800, II, стр. 186); то, что сказано (Зап., 60) о ранахъ, полученныхъ Heimbürg'омъ („Heimbürg“ у Манш., 209), Кейтомъ и Левендалемъ (Зап., 60) и др., описано также Манштейномъ (208, внизу, и 209), только менѣе подробно. За то слѣдующія подробности мы встрѣчаемъ только въ журналѣ арміи, но отнюдь не у Манштейна.

Journal bei Schm. Phiseldek, S. 569.

(Mater. II).

...von beiden Seiten... die Patronen verschossen wurden... die Türken wurffen mit Schauffeln, Zacken, Beilen, Steinen und Erde um sich...

Далѣе сходны:

Manst. 208.

Environ 2,000 personnes trouverent moyen d'atteindre les galères et de se sauver. Il y en eut bien autant de noyées, elles s'étoient jettées dans la mer, dans l'espérance de joindre à la nage les bâtiments, qui voyans la ville prise, levèrent l'ancre et gagnèrent le large.

Записки, 60 и 61.

...непріятель за недостаткомъ въ порохѣ бросали вокрестъ топорами, крючьями и донатами...

Записки, 61.

Около 2000 человѣкъ турокъ убѣжавшихъ... къ морскому берегу, спаслись удачно на своихъ галерахъ. Но почти столько же народа плывучи къ онымъ пребѣдственно потонули: ибо всѣ суда.. поднявъ якоря, отвалили отъ береговъ съ величайшею поспѣшностію.

Характеристика сераскира (Зап., 61) также сходствуетъ почти буквально съ тѣмъ, что говорить о немъ Манштейнъ (стр. 209).

Разсказъ Миниха (стр. 62) о благодарственномъ молебствіи, которое было отслужено, и о троекратномъ бѣгломъ огнѣ, не упоминается у Манштейна, но заимствованъ Минихомъ, вѣроятно, изъ журнала арміи (Schmidt-Phiseldek, Materialien. II, 571, внизу).

Анекдотъ объ остротѣ плѣннаго сераскира, который на вопросъ о томъ, считаютъ-ли онъ русскихъ храбрыми, отвѣчалъ: если-бы они не были храбры, то я не стоялъ-бы здѣсь (Зап., 62) передается также графомъ Сольмсъ-Вильденфельсомъ¹⁾ (Вольтманъ, „Gesch. und Politik“, 1800, II, стр. 188), отъ котораго Минихъ-сынъ вѣроятно и слышалъ его и отъ котораго мы полагаемъ, онъ получилъ также рукопись Записокъ Манштейна, ибо послѣдній передалъ ихъ графу Сольмсу на храненіе, съ условіемъ „не обнародовать ихъ до смерти фельдмаршала“²⁾.

Эрнстъ Минихъ черпаетъ, безъ сомнѣнія, изъ журнала арміи слѣдующее мѣсто, не встрѣчающееся у Манштейна:

Journal d. A. (Schm. Phiseld. II, 571).

... auf den Abend wurde der Gen.-Adjutant v. Wildemann mit dem Rapport von diesem Sieg an Ihre Kais. Majest. nach St. Petersburg abgefertiget.

Записки, 62.

Съ извѣстіемъ о сей важной одержанной побѣдѣ отправилъ ко двору отецъ мой своего тогдашняго генералъ-адъютанта (и роднаго племянника) подполковника Вильдеманна...

То, что мы читаемъ на стр. 62 (внизу) и на стр. 63, передано въ главныхъ чертахъ у Манштейна на стр. 212, 213 и 216.

Для разсказа о сраженіи Штоффельпа (Зап., 63) съ турками (также у Манштейна, 232) Минихъ-сынъ могъ также воспользоваться тѣмъ „радостнымъ донесеніемъ“ этого генерала фельдмаршалу, о которомъ онъ упоминаетъ.

Конгрессъ въ Немировѣ (Зап., 64) описанъ весьма сходно у Манштейна (251, 252), въ особенности то мѣсто, гдѣ передается мнѣніе фельдмаршала.

Такимъ образомъ оказывается, что и для этого разсказа, который по содержанию совершенно сходенъ съ другими повѣствованіями,

¹⁾ Гр. Сольмсъ, зять (beau fils) фельдмаршала Миниха, какъ мы уже говорили.

²⁾ Ср. Russ. Revue, 1886, IV, стр. 488.

тракующими о походѣ 1737 года, Миниху несомнѣнно послужили основаніемъ какъ Записки Манштейна, такъ и пространный источникъ послѣдняго, журналъ арміи.

IV.

Походъ 1738 года, во время котораго графъ Эрнстъ Минихъ путешествовалъ за границей, описанъ имъ весьма поверхностно, всего на двухъ страницахъ (65—66), и онъ упоминаетъ лишь о главныхъ событіяхъ этого похода. Однако, по слѣдующему мѣсту, въ которомъ говорится о прохожденіи русскихъ черезъ польскую землю, не трудно убѣдиться, что источникомъ служилъ для него опять-таки Манштейнъ.

Manst. 274 f.

Записки, 66.

Le Grand-Général de la couronne, Comte Pototzky, envoya faire ses plaintes à M. le comte de Munich sur ce sujet...

Хотя коронный гетманъ графъ Потоцкій и дѣлалъ на то возраженіе отъ имени Республики; но въ отвѣтъ ему сообщено... что въ походъ арміи... въ случаѣ причиненнаго какого-либо вреда за весь убытокъ заплачено бытъ имѣетъ.

275. L'Impératrice répondit, ...que cependant, s'il y avait eu du désordre, ou qu'on y eut fait le moindre dégât, elle s'obligeoit de réparer tout le dommage.

Походъ 1739 года (Записки, стр. 74—79).

Описаніе (Зап., 74) начала и дальнѣйшихъ событій этого похода представляетъ по существу лишь сокращенный разсказъ Манштейна (Manst., стр. 284, 286, 287, затѣмъ стр. 286 и 287)¹⁾. Весьма сходны между собою слѣдующія фразы:

Manst, 288.

Записки, 74.

...ily eut plusieurs jours de pluies, ce qui fit enfler le fleuve... Ces mêmes pluies retardèrent aussi la marche de l'armée qui suivait avec la grosse artillerie, les bagages & le magasin de vivres; elle ne put arriver sur le Dniester que le 7 août.

... отъ наступившихъ печально дождей вода въ Днѣстрѣ поднялась весьма высоко, такъ что прошло нѣсколько дней, пока осталъная часть арміи съ артиллеріею и багажемъ присоединиться къ нему могла. Но какъ скоро сіе учинено, и т. д.

¹⁾ Правда, у Манштейна не сказано, что пѣхотинцы при переправѣ черезъ Днѣстръ сѣли на лошадей къ драгунамъ.

Описание битвы под Ставучанами, происходившей 17 августа 1739 г. ¹⁾ (Записки М.-с., стр. 75—76), составляет также краткое извлечение из Манштейна (295 и слѣд.); а послѣдній заимствовалъ, въ свою очередь, многое изъ журнала арміи (см. Neue Europäische Fama, Thl. 53, 432 и пр., и Russ. Revue. 1886, IV, 480). Поэтому многія мѣста чрезвычайно сходны между собою.

Manst. 295.

Le Maréchal eut avis que l'armée ennemie venoit d'occuper un camp fort avantageux sur une hauteur..

296.

...voyant l'Armée russe si bien en fermée...

298.

Les Janissaires, le sabre à la main, s'avancèrent résolument et attaquèrent les Gardes et l'Infanterie. ...sur les sept heures du soir, les Russes eurent gagné les hauteurs et ...furent entrés dans le camp.

Записки, 75.

... отецъ мой... нашелъ, что турки превыгодное имѣють положеніе. Укрѣпленный станъ ихъ занималъ вершину горы... окружили они Россійскую армію...

75.

Нѣсколько тысячъ янычаръ, голыми руками держа сабли, бросилсь съ горы прямо на нее. ...Въ вечеру вся армія вошла на гору и въ неприятельскомъ лагерѣ расположилась.

V.

Движеніе войска къ Хотину, взятіе этой крѣпости и артиллерія, найденная тамъ (Зап. М.-с., 76) описаны точно также, только еще болѣе обстоятельно, у Манштейна (стр. 300—302), который во всякомъ случаѣ почерпнулъ большую часть этихъ свѣдѣній изъ журнала арміи.

За то въ слѣдующихъ описаніяхъ Минихъ-сынъ несомнѣнно пользовался журналомъ арміи, какъ источникомъ; по крайней мѣрѣ мы не находимъ у Манштейна всего того, что здѣсь говорится:

¹⁾ По старому стилю. Въ началѣ своихъ записокъ Минихъ приводитъ всѣ числа по новому стилю. Авторъ не особенно строго придерживается хронологіи, которая, вообще, не можетъ назваться у него безупречною.

Journal der Armee („Neue Europäische Fama“, Theil 53, p. 443¹⁾.

Записки гр. Эрнста Миниха, 76.

(Kriegsgefangene:) Die Weiber und Kets-Weiber des Kalczack-pascha, nebst dessen einzigen Sohne, Mehmed-Bey... wurden zu der Armee genommen, um nach der Turkey erlassen zu werden. Es war dieses dem Pascha... auf sein in-ständiges Begehren verwilliget worden, indem er vorstellte: Es wäre solches, wenn er nehmlich seine Familie nach der Turkey zurück schickte, das einzige Mittel, sich bei der Pforte aus dem Verdacht zu setzen, eine Verrätherey begangen zu haben. (441). Den 1. September, frühe wurde die Armee vor dem Lager in Parade aufgestellt, und das Dankfest gehalten...

442. Nach gehaltenem Gottesdienst wurden bei der Armee zu dreien malen 101 Canonen, und von den Choczimischen Festungswerken 100 Canonen abgefeuert, und zugleich durch die ganze Armee ein dreifaches Lauffeuer gegeben. Wie der Graf Münich vom rechten bis zum linken Flügel vor der Armee passirte, folgte ihm der Iliä Kalczack-Pascha, der Janitscharen Aga, nebst den andern Türkischen vornehmsten Officiers: bei welcher Gelegenheit der Pascha sagte: Es wäre zwar ihre, die feindliche Armee, an Türken und Tartare über 100.000 Mann stark gewesen; allein sie könnte einer solchen Armee, bei welcher der Gehorsameingeführt wäre, nicht widerstehen, und unser Feuer wäre ihnen zu stark.

Между плѣнными находились также наложницы наши и его сынъ Махметъ Бей, которые однако же, по усильѣйшей ихъ просьбѣ, получили дозволеніе отъѣхать въ Константинополь. Ибо упомянутый паша представлялъ, что отправление его семьи послужитъ единственнымъ средствомъ освободить его отъ подозрѣнія въ недостодолжномъ исполненіи своей должности.

На другой день... утромъ рано армія выступила изъ лагеря расположилась въ строй, и по отбѣтн благодарственнаго молебствія выпалено изъ 101 пушки съ Хотинской крѣпости ²⁾ при троекратномъ бѣгломъ огнѣ отъ всей арміи.

Потомъ отецъ мой, въ провожаніи наши, янычарскаго аги и другихъ знатнѣйшихъ турецкихъ чиновниковъ, поѣхалъ, всѣ верьхами ³⁾, отъ одного крыла на другое. При семъ случаѣ означенный паша отозвался, что хотя турецкая армія обще съ (стр. 77) татарами и составляла слишкомъ сто тысячъ человекъ, однако, признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое онъ теперь видитъ, гдѣ толь хорошая дисциплина и послушаніе введены, присовокупя къ тому, что огонь российской арміи несравненно превосходитъ турецкаго.

Въ оный же день сей паша, Калчакъ... обще съ нѣкоторыми дру-

¹⁾ Этотъ журналъ арміи издавъ (въ извлеченіи) также на русскомъ языкѣ въ „Временникѣ“ 19, „Смѣсь“, стр. 23—36.

²⁾ Гр. Эрнстъ Минихъ передаетъ здѣсь разсказъ не вполне точно.

³⁾ „всѣ верьхами“, добавлено Минихомъ.

Zu Mittag wurde die ganze Generalität und der Kalczach-Pascha, nebst einigen der vornehmsten gefangenen Türken bei dem Grafen Münch tractiret, und Ihro Kais. Maj. Gesundheit (unter Pauken u. Trompetenschall) getrunken.

гими турецкими плѣнниками угощены отъ отца моего обѣденнымъ столомъ. Во время стола подносили имъ за здравіе императрицы, которое запивали они, въ противность заповѣданія отъ Магомета, венгерскимъ виномъ изъ большихъ бокаловъ¹⁾.

Разсказъ объ отправленіи трофеевъ и плѣнныхъ (Записки, 77) заимствованъ изъ журнала арміи (N. E. Fama, 53, 443, срав. также Манштейна, 303), точно также какъ и описаніе подольской депутаціи (Зап., 77, N. E. F., 445) и по всей вѣроятности также и переправы черезъ Прутъ (срав. также Манштейна, 303).

Тутъ сдѣлано, безъ сомнѣнія, заимствование изъ той „реляціи“ фельдмаршала, о которой упоминаетъ его сынъ (Зап., 78) и въ которой было сказано, что „поносный Прутъ сдѣланъ опять честнымъ“.

Депутація молдаванъ, съ княземъ Кантакузенымъ во главѣ, явившаяся съ тѣмъ, чтобы присягнуть въ вѣрности Миниху и изълить свою покорность императрицѣ, прибытіе арміи въ Исси и приемъ, оказанный митрополитомъ Миниху, ѣхавшему впереди арміи, всѣ эти событія (см. Записки, 78) заимствованы также изъ журнала арміи (N. E. F. 53, стр. 447, 448, 449). Манштейнъ²⁾ говоритъ объ этомъ вкратцѣ и не называетъ напр. князя Кантакузена по имени (Манштейнъ 304).

Слѣдующее мѣсто еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, какимъ источникомъ пользовался авторъ:

Armee-Journal (N. E. F. 53, 449).

...alle... setzten sich sodann zu Pferd und begleiteten also den Gen.-Feld-Marschall bis in das Hospodars Pallast, wo er mit klingendem Spiel u. unter Abfeuerung der Canonen, auch unter grossem Zulauf des Volks und viel Glückwünschungen seinen Einzug hielt, u. s. w.

Записки. 79.

... и они поѣхали верхами за отцемъ моимъ въ городъ до дворца бѣжавшаго господари, гдѣ припятъ онъ при безпрерывной музыкѣ съ шумною пальбою и съ радостнымъ восклицаніемъ многочисленнаго народа, и т. д.

¹⁾ Это послѣднее замѣчаніе приведено, вѣроятно, Минихомъ-сыномъ со словъ какого-нибудь разсказчика, если оно не было плодомъ его собственной фантазіи.

²⁾ Который также обыкновенно пользовался журналомъ арміи.

Миѣніе, высказанное графомъ Эрнстомъ Минихомъ по поводу Бѣлградскаго мира (Зап., 79, сверху), напоминаетъ разсказъ генерала Манштейна (стр. 305, внизу).

VI.

Если мы обратимся теперь къ результатамъ нашего изслѣдованія, на сколько оно касается войнъ фельдмаршала Миниха, то мы увидимъ, что основаніемъ для Записокъ его сына, при изложеніи этихъ событій, служили обыкновенно Записки Манштейна, которыми было удобнѣе пользоваться, нежели необработанными и слишкомъ пространными источниками, каковы „Осада Данцига“ и „Журналы арміи“. Иногда-же Эрнстъ Минихъ заглядывалъ и въ эти источники, и мѣстами прямо выписывалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста, желая сдѣлать свой разсказъ болѣе обстоятельнымъ, нежели у Манштейна, который не всегда приводитъ подробности, сообщаемыя въ этихъ источникахъ.

Дневникъ Юнкера также былъ, по всей вѣроятности, извѣстенъ графу Эрнсту Миниху.

Такимъ образомъ, оказывается, что описаніе войнъ, сдѣланное Эрнстомъ Минихомъ, не есть описаніе самостоятельное и представляетъ собою лишь компиляцію; но, во всякомъ случаѣ, онъ проявляетъ самостоятельность въ тѣхъ краткихъ разсужденіяхъ и замѣчаніяхъ, которыя онъ вставляетъ иногда въ свой разсказъ (напр., на стр. 57 и 64, онъ сравниваетъ русскую армію въ степи съ израильтянами въ пустынѣ и отца своего съ Моисеемъ). Впрочемъ, онъ вставляетъ эти незначительныя замѣчанія довольно рѣдко къ тому-же происхожденію ихъ не можетъ быть выяснено; весьма возможно, что онъ и тутъ передаетъ чьи-нибудь постороннія слова.

Къ числу подобныхъ самостоятельныхъ замѣтокъ относятся и тѣ мѣста въ Запискахъ, гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, которое военныя событія производили при дворѣ, или описываетъ нѣкоторыя вещи, захваченныя въ видѣ добычи, которыя онъ, вѣроятно, самъ имѣлъ случай видѣть (сравн., напр., Зап., стр. 61: о молодомъ пашѣ, и 62: veni, vidi, vici) и проч. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Записки графа Эрнста Миниха не могутъ служить для исторіи войнъ его отца фельдмаршала Миниха первоначальнымъ источникомъ.

Къ тому-же хронологія, какъ мы уже замѣтили, не всегда соблюдается въ нихъ особенно строго и соотвѣтственно послѣдовательности событій.

VII.

Намъ остается теперь выяснить лишь нѣкоторыя сомнительныя мелочи.

Напр., на стр. 80 Записокъ, графъ Эрнстъ Минихъ говоритъ: „разбитіе турецкаго войска подъ Става-сло-мъ“, подразумѣвая подъ этимъ битву подъ „Ставучанами“ (такъ она была уже названа въ Зап. М.-с. на стр. 75), тогда какъ первое изъ этихъ названій вообще неизвѣстно.

На стр. 9 противникъ его отца въ дуэль названъ „Бонафу“, тогда какъ Бюшингъ (Magazin, III, 394) называетъ его „Бонфусъ“ (Bonnfus), а Галемъ¹⁾ (стр. 16) — „Боннфусъ“ (Bonnfus).

Хотя подобныя мелочи весьма незначительны, тѣмъ не менѣе онѣ должны быть переданы правильно.

Записки гр. Эрнста Миниха писаны, по всей вѣроятности, не только по воспоминаніямъ, но отчасти и по замѣткамъ, занесеннымъ въ свое время въ дневникъ: это можно заключить по точному указанію чиселъ событій болѣе поздняго періода (напр. стр. 73, 83, 84 и пр.).

Главное достоинство Записокъ несомнѣнно заключается въ повѣствованіи о событійхъ, происходившихъ при дворѣ послѣ турецкой войны, слѣдовательно въ описаніи кончины Анны Иоанновны, регентства Бирона, паденія Миниха и правленія Анны Леопольдовны. Разумѣется, авторъ не упускаетъ при этомъ случая упомянуть о фельдмаршалѣ Минихѣ.

Довольно трудно рѣшить, насколько графъ Эрнстъ Минихъ заслуживаетъ довѣрія въ томъ мѣстѣ своего разсказа, гдѣ онъ говоритъ о поведеніи своего отца при объявленіи регентомъ Бирона. Мы имѣемъ другой разсказъ объ этомъ событіи, который противорѣчитъ словамъ Миниха-сына и описываетъ тотъ-же фактъ, въ главныхъ чертахъ, совершенно иначе. Такъ какъ по связи этого разсказа съ разсматриваемымъ нами сочиненіемъ вполнѣ умѣстно коснуться его здѣсь, то мы передадимъ его въ короткихъ словахъ. Разсказъ этотъ называется:

¹⁾ Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen General-feldmarschalls B. C. Grafen von Münnich. Oldenburg, 1803. Von Gerh. Ant. von Halem.

„Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, Duc de Courlande“, и напечатанъ Бюшингомъ въ его Magazin'ѣ, IX, стр. 383—398. Бюшингъ просто на просто перепечаталъ этотъ разсказъ изъ сочиненія: Reflexions critiques sur divers sujets... par Mr. L. C. D. S., officier de considération etc. 1757 à Mons 8°, въ которомъ онъ появился сначала (стр. 179—238) во французскомъ переводѣ, какъ сказано въ предисловіи къ названному тому „Магазина“.

Русскій переводъ этого разсказа помѣщенъ въ Архивѣ кн. Воронцова, т. XXIV (1880), стр. 12—36: „Автобиографическая записка Бирона“. Это сочиненіе, какъ сообщаетъ Бюшингъ, было переведено также на датскій языкъ (Magazin, I, 22 [и 23] примѣч.).

Главная суть этого разсказа изложена уже Бюшингомъ въ его статьѣ о перемѣнѣ правленія въ домѣ Романовыхъ (Magazin, I, 3—40; въ переводѣ на русскій языкъ: Арх. кн. Воронцова, т. XXV [1882], стр. 3—50), на стр. 22 и пр.

Авторъ этой статьи „Motifs etc.“ — Биронъ. Онъ написалъ ее въ свою защиту, на нѣмецкомъ языкѣ, по прибытіи въ Ярославль (въ ссылку¹⁾). Въ ней говорится преимущественно о послѣднихъ дняхъ жизни Анны Иоанновны, о возвышеніи Бирона, о его регентствѣ и паденіи, а также о его допросѣ и ссылкѣ, но по существу эта статья представляетъ собою непрерывную жалобу на Миниха и является самооправданіемъ автора передъ императрицей Елисаветой, къ которой онъ обращается со своей защитой. Въ этомъ сочиненіи Минихъ обвиняется какъ главный виновникъ злосчастнаго регентства Бирона и между тѣмъ какъ сынъ фельдмаршала рѣшительно отвергаетъ это обстоятельство въ своихъ Запискахъ, Биронъ разсказываетъ о немъ со всѣми подробностями. Онъ говоритъ, что Миниху принадлежала инициатива этой мысли, къ которой присоединились впоследствии и прочіе; что онъ настаивалъ на томъ, чтобы герцогъ принялъ регентство, хотя тотъ чрезвычайно противился этому; онъ же умолялъ императрицу Анну Иоанновну утвердить это регентство законнымъ порядкомъ. Впоследствии же Минихъ совѣтывалъ, будто бы, Бирону зато чить въ монастырь подозрительную Елисавету, и при допросѣ Бирона сулилъ арестованному Бестужеву освобожденіе, если тотъ взведетъ обвиненіе на герцога.

¹⁾ См. Büsch. Mag., I, 22, примѣч. (Вмѣсто Ярославля тамъ стоитъ ошибочно: „Iüvslavi“).

Самъ фельдмаршалъ Минихъ описываетъ въ своихъ Запискахъ „Ebauche“¹⁾ это обстоятельство иначе. По его словамъ, Биронъ самъ стремился сдѣлаться регентомъ, въ чемъ поддерживали его Остерманъ и Черкасскій (см. Ebauche, изд. 1774 г., стр. 109 и 112), надѣявшіеся черезъ это обезпечить свою будущность. Но въ „Ebauche“ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Минихъ принималъ въ этомъ дѣлѣ хотя малѣйшее участіе. Онъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ, и вообще касается вопроса о регентствѣ весьма кратко.

Это бросилось въ глаза уже Бюшингу въ то время, когда фельдмаршалъ прислалъ ему въ 1763 году свое „Ebauche“ для просмотра и корректуры. На бѣлыхъ листкахъ, которыми было проложено это сочиненіе, Бюшингъ написалъ тогда-же на нѣмецкомъ языкѣ²⁾ извлеченіе изъ статьи Бирона, которое находится въ изданіи „Ebauche“ изд. 1774 года, на стр. 112—117, въ видѣ примѣчанія (стр. 112—117). Бюшингъ совѣтывалъ фельдмаршалу самому написать отвѣтъ на статью Бирона, такъ какъ это сочиненіе, по своей обстоятельности, казалось вполне правдоподобнымъ и положительно не согласовалось съ рассказаннымъ въ Ebauche.

Бюшингъ приложилъ къ этому и печатный экземпляръ записокъ герцога и просилъ фельдмаршала сдѣлать къ нимъ замѣтки, но тотъ возвратилъ рукопись безъ отвѣта³⁾. „Qui tacet, consentire videtur“ можно сказать, но отъ какого-либо положительнаго вывода, въ подобномъ случаѣ, надобно отказаться.

Въ томъ же IX-мъ томѣ „Магазина“ (1775 г.), въ которомъ появились „Motifs de la disgrâce“ Бирона, непосредственно вслѣдъ за этой статьею, Бюшингъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ (Magaz., IX, стр. 401—414) апологию фельдмаршала подъ заглавіемъ:

„Antwort auf die vorhergehende Schrift des Herzogs von Kurland, von einem der nächsten Verwandten des Feldmarschalls Grafen von Münnich“.

При внимательномъ изслѣдованіи, эта статья оказывается тождественною съ одною частью Записокъ Миниха-сына (см. выше стр. 83—90 и 97—106). Однако, авторъ старается не выдавать себя и называетъ отца своего постоянно „фельдмаршалъ Минихъ“, а не

¹⁾ Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie, Copenhagen, 1774. На русскомъ языкѣ изд. С. Н. Шубинскимъ: „Записки фельдмаршала Миниха“, въ запискахъ иностранцевъ о Россіи въ XVIII вѣкѣ. II (1874). Ср. „Russische Revue“ 1885 (XXVI), 329—342.

²⁾ Издатель „Ebauche“, секретарь нѣмецкой и французской канцеляріи Миниха, К. Г. Фришъ перевелъ, вѣроятно, эту замѣтку на французскій языкъ. Сравни. Russ. Revue, 1886, III, стр. 337 и 338.

³⁾ Büsching, Wöchentliche Nachrichten, 1774, стр. 314 (316).

„отецъ мой“, какъ въ Запискахъ. Кромѣ того, тутъ выпущены нѣкоторые коротенькіе отрывки изъ Записокъ, именно тѣ мѣста, гдѣ сынъ говоритъ о себѣ [срав., напр., Записки, стр. 83 и 84, и „Antwort“ (Magazin, IX), стр. 401; Записки, 86 (Mag., 408), 103 и 104 (412), 105 (413)]. На стр. 409, въ Magaz. вмѣсто: „mitdem russischen Hofe“ должно стоять: „mitdem sächsischen Hofe“].

Въ Архивѣ князя Воронцова (XXIV, стр. 37—56) помѣщенъ русскій переводъ этого „Antwort“; но такъ какъ мы имѣемъ русскій текстъ его въ „Запискахъ Миниха-сына“ и отчасти въ „Замѣчаніяхъ на Записки Маяштейна“, то этотъ возможно точный переводъ нѣмецкаго „отвѣта“ былъ въ сущности излишнимъ.

Этотъ „ближайшій родственникъ фельдмаршала“, какъ называетъ себя анонимный авторъ этого сочиненія, былъ сынъ Миниха, Эрнстъ. Онъ переписывался съ Бюшингомъ еще будучи въ ссылкѣ (см. Büschings eigene Lebensgeschichte, Halle, 1789, стр. 489) и какъ съ другомъ своего отца, былъ съ нимъ довольно близко знакомъ.

Вопросъ о регентствѣ передается въ Запискахъ гр. Эрнста Миниха (Зап., 85 [и 84], сравн. также „Antw.“ Mag., IX, 402) такимъ образомъ, что Биронъ намекнулъ въ своей рѣчи о желаніи захватить правленіе въ свои руки, и только и ждалъ того, чтобы кто-нибудь поддержалъ его въ этомъ намѣреніи. Это содѣйствіе было оказано ему, прежде всего, со стороны князя Черкаскаго, а подъ конецъ и фельдмаршалъ Минихъ принялъ участіе въ его планѣ, дѣйствуя изъ корыстныхъ видовъ и руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что онъ уже не могъ помѣшать его выполненію; но Минихъ говоритъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ отнюдь не принадлежала фельдмаршалу, какъ утверждаетъ Биронъ.

Этотъ рассказъ графа Эрнста Миниха является весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстны честность и правдивость автора (см. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., июнь, стр. 623), поэтому мы приходимъ къ убѣжденію, что онъ стремился только высказать въ этомъ случаѣ истину, и что Биронъ представилъ это дѣло, по всей вѣроятности, въ преувеличенномъ видѣ и съ недоброжелательствомъ.

Оканчивая здѣсь наши критическія замѣтки по отношенію къ Запискамъ гр. Эрнста Миниха, мы должны, положительно, сказать, что не смотря на заимствованія, дѣлаемые авторомъ изъ выясненныхъ нами источниковъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, эти Записки имѣютъ неоспоримое и весьма большое значеніе въ ряду первоисточниковъ для исторіи Россіи первой половины восемнадцатаго вѣка. Самое заимствованіе составляетъ не болѣе, какъ одну

шестую часть Записокъ и касается, главнымъ образомъ, лишь описанія военныхъ событій, все остальное, т. е. пять шестыхъ этого сочиненія, имѣетъ значеніе труда вполне самостоятельнаго и тѣмъ болѣе важнаго, что таковой принадлежитъ лицу, высоко стоявшему въ придворныхъ сферахъ, весьма близкаго къ лицамъ и событіямъ, имъ описываемыхъ и человѣка, безспорно честнаго и правдиваго. Этимъ и объясняется, что многіе изъ нашихъ историковъ, съ С. М. Соловьевымъ и Н. И. Костомаровымъ во главѣ, пользовались, въ своихъ трудахъ, записками гр. Эрнста Миниха и объ этой-же книгѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе въ русской исторіи К. П. Вестужева-Рюмина. Спб., изд. 1872 г., т. I, стр. 61.

Переходимъ къ другому историческому труду графа Эрнста Миниха, это его „Замѣчанія на записки генерала Манштейна“.

VIII.

Просматривая сочиненіе, изданное впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1825, 1826, 1828 и 1829 гг., безъ обозначенія автора и подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на записки Манштейна“, каждый, конечно, задавался вопросомъ о томъ, кто-же былъ въ дѣйствительности авторомъ этого, весьма интереснаго историческаго труда. По этому поводу дѣлались, въ свое время, разныя предположенія и этотъ вопросъ долго оставался спорнымъ, вызывая болѣе или менѣе вѣроятныя догадки; между тѣмъ наука, въ интересахъ истины, требуетъ такихъ доказательствъ, которые могли-бы подвергнуться, не поколебавшись, самой строгой критикѣ; поэтому мы считаемъ нужнымъ подвергнуть подобной оцѣнкѣ тѣ различныя мнѣнія, какія существовали донинѣ по поводу автора этихъ „Замѣчаній“ и постараемся привести въ подтвержденіе нашего собственнаго мнѣнія наиболѣе вѣскія доказательства.

„Замѣчанія на записки генерала Манштейна“ были изданы до сихъ поръ на русскомъ языкѣ два раза:

Впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ“, изд. Свиньина, гдѣ они появились безъ подписи автора, который былъ неизвѣстенъ издателю, и подъ заглавіемъ „Замѣчанія на записки генерала Манштейна о Россіи“. Они были напечатаны въ „Отеч. Запискахъ“ не въ полномъ видѣ, а небольшими отрывками, въ слѣдующихъ томахъ: 1825 года тт. XXI, XXII, XXIII; 1826 года, т. XXV; 1828 г., тт. XXXV и XXXVI; 1829 г., тт. XXXVIII и XXXIX. Приведенная въ этихъ главахъ нумерація страницъ, указывающая на соответствующія событія у Манштейна, относится къ русскому

изданію записокъ Манштейна — Глинки (1810 г.), но при этомъ нѣтъ указаній на соответствующія страницы, которыя замѣчены самимъ авторомъ въ рукописи; въ этомъ изданіи встрѣчаются также нѣкоторые пропуски противъ оригинала, вызванныя, вѣроятно, требованіями цензуры.

Второе изданіе „Замѣчаній“, въ которомъ оригиналъ воспроизведенъ впервые вполне точно, безъ пропусковъ, появилось въ XXVI томѣ „Русской Старины“, изд. 1879 г. (стр. 359—410 и 567—616), съ приложеніемъ статьи П. Н. Петрова (стр. 616—626), въ которой онъ доказываетъ, на первый взглядъ довольно правдоподобно, что авторомъ этихъ „Замѣчаній“ былъ ни кто иной, какъ гр. Петръ Ивановичъ Панинъ. На основаніи изслѣдованія г. Петрова, это сочиненіе было издано въ „Русской Стар.“, подъ именемъ гр. Панина и подъ заглавіемъ: „Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ, замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи“. Событія, описанныя Манштейномъ, цитируются въ этомъ изданіи по новому изданію Записокъ Манштейна, появившемуся въ переводѣ В. В. Тимошукъ съ французской, подлинной рукописи Манштейна, въ 1875 г. въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“.

Въ этомъ, вообще весьма тщательномъ, изданіи не указано на связь, существующую между „Замѣчаніями“ и „Записками“ гр. Эрнста Миниха, и ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ особымъ шрифтомъ не указаны тѣ мѣста, въ которыхъ оба эти сочиненія сходятся буквально, вслѣдствіе чего мы и подвергли эти источники обстоятельному изученію, сличивъ оба текста самымъ тщательнымъ образомъ.

Обратимся прежде всего къ вопросу: кто былъ авторомъ „Замѣчаній“ и какимъ образомъ возможно его доискаться?

Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ предположеній и догадокъ, которыя дѣлались по этому поводу въ свое время.

Тогда какъ первый издатель „Замѣчаній“ (Свиньинъ) ничего не могъ сказать объ авторѣ этого сочиненія и не дѣлаетъ даже по этому поводу никакого предположенія, въ 42-й части „Отечественныхъ Записокъ“ (1839 г.) „Замѣчанія“ были приписаны гр. Феоодору Андреевичу Остерману, сыну вице-канцлера¹⁾, а въ „Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ“ (1-е изданіе), изд. бар. Зедделера, въ статьѣ „Манштейнъ“²⁾ они приписываются другому сыну вице-канцлера,

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ т. XXVI, стр. 618, въ изслѣдованіи П. Н. Петрова.

²⁾ См. Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1859 г., т. III, стр. 141, въ статьѣ Щебальскаго, гдѣ по ошибкѣ стоитъ: „Андрей Ивановичъ Остерманъ“ вмѣсто „Иванъ Андреевичъ“.

Ивану Андреевичу Остерману; между тѣмъ оба эти предположенія весьма гадательны и не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Затѣмъ, въ 1859 г., появилась небольшая статья П. К. Щебальскаго подъ заглавіемъ: „Кто написалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи?“ (см. Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. россійск. 1859 г., III, 141—146), въ которой онъ прямо отрицаетъ авторство Ивана Остермана и старается доказать, что „Замѣчанія“ написаны Минихомъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. Но доказательства, приводимыя имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, основаны лишь на однихъ умозаключеніяхъ, и весьма не многочисленны; они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и поэтому не носятъ характера непреложной истины, и хотя звучатъ правдоподобно, но все же не производятъ впечатлѣнія неоспоримыхъ выводовъ, вслѣдствіе чего ихъ не трудно было опровергнуть.

Самымъ вѣскимъ доводомъ, подтверждающимъ предположеніе о томъ, что авторомъ этихъ замѣчаній былъ Минихъ-сынъ, Щебальскій считаетъ рассказъ о совѣщаніи обоихъ Миниховъ съ бар. Менгденомъ на другой день ареста Бирона, когда они рѣшали вопросъ о наградахъ вліятельнѣйшимъ сановникамъ имперіи, и фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну списокъ тѣхъ наградъ и повышеній, о которыхъ говорится въ „Замѣчаніяхъ“. Только одно изъ этихъ трехъ лицъ могло, по мнѣнію Щебальскаго, сообщить такъ обстоятельно все эти подробности. „Такъ какъ Менгделъ не оставилъ, насколько извѣстно, никакихъ записокъ, говоритъ г. Щебальскій, а фельдмаршалъ Минихъ написалъ только одно большое сочиненіе¹⁾: „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“, то эти замѣчанія могли написать одинъ только молодой Минихъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ (издан. 1817 г.), который воспользовался для опроверженія Манштейна отрывками изъ этого сочиненія, написаннаго имъ уже въ 1758 г.²⁾ Далѣе мы коснемся еще того, что говоритъ Щебальскій о сходствѣ этихъ двухъ сочиненій и о первоначальномъ текстѣ „Замѣчаній“.

¹⁾ Это доказательство недостаточно убѣдительно, ибо кромѣ „Ebauche“ фельдмаршалъ Минихъ оставилъ еще записки (см. Russische Revue, 1886 г., III, 318—343) и слѣдовательно предположеніе Щебальскаго оказывается въ этомъ отношеніи несостоятельнымъ; было бы гораздо проще, отрицая мысль объ авторствѣ Б. Х. Миниха, привести въ подтвержденіе этого тотъ фактъ, что авторъ „Замѣчаній на записки Манштейна“ ссылается на изданіе этихъ записокъ, появившееся въ 1771 году, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ скончался уже въ 1767 году.

²⁾ Записки Миниха-сына, какъ увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сходятся почти дословно съ „Замѣчаніями на Записки Манштейна“.

Между тѣмъ, покойный П. Н. Петровъ, въ статьѣ своей („Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи“, „Русская Старина“, изд. 1879 г., т. XXVI, 616—626), опровергнувъ, на первый взглядъ также довольно правдоподобно, мысль объ авторствѣ Миниха-сына¹⁾ и обоихъ графовъ Остермановъ и назвалъ авторомъ „Замѣчаній“ гр. Петра Ивановича Панина. Надобно сознаться, что авторъ излагаетъ свою мысль и подтверждаетъ ее доказательствами, съ такою послѣдовательностью, что на первыхъ порахъ онъ невольно подкупаетъ читателя, но, вникнувъ въ его доводы поглубже, мы замѣчаемъ вскорѣ всю ихъ несостоятельность.

Доводы, на основаніи которыхъ Щебальскій приписываетъ „Замѣчанія“ Миниху-сыну, и которые имѣютъ за собою только долю вѣроятія, опровергаются г. Петровымъ также на основаніи простыхъ предположеній и кажущихся противорѣчій; весьма естественно, что при столь шаткихъ доказательствахъ могъ получиться лишь шаткій выводъ. Индуктивный методъ изслѣдованія, котораго придерживался авторъ, проведенъ имъ также не совсемъ полно и послѣдовательно; то-же самое можно сказать о сравненіи въ этой статьѣ „Замѣчаній“ съ „Записками“ Миниха-сына, иначе г. Петровъ замѣтилъ бы свою ошибку.

Его методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: онъ выводитъ изъ содержанія и изъ текста „Замѣчаній“ заключеніе объ ихъ авторѣ и объ обстоятельствахъ его жизни; затѣмъ, по методу исключенія, оба Остермана и Минихъ-сынъ объявляются имъ неподходящими подъ требуемыя условія, и, наконецъ, графъ Панинъ, будто бы отвѣчающій всѣмъ этимъ условіямъ, признается авторомъ этого сочиненія.

Разберемъ критически главные изъ тѣхъ доводовъ, которые г. Петровъ приводитъ, опровергая мысль объ авторствѣ Миниха-сына, и постараемся привести съ своей стороны новыя доказательства, взятые нами изъ самаго текста „Замѣчаній“, которыя могли бы подтвердить наше предположеніе о томъ, что они написаны Минихомъ. Затѣмъ, постараемся выяснитъ отношеніе этихъ фактовъ къ личности графа Эрнста Миниха, котораго, по примѣру Щебальскаго, мы также считаемъ несомнѣнно авторомъ „Замѣчаній на Записки Манштейна“.

П. Н. Петровъ полагаетъ:

1) что авторъ „Замѣчаній“, поправляя Манштейна, говоритъ о походахъ Миниха 1736 и 1737 гг. и о взятіи Очакова, несомнѣнно,

¹⁾ П. Н. Петровъ неоднократно называетъ Миниха Юаннъ Эрнстъ, тогда какъ его звали просто Эрнстъ.

какъ очевидецъ и что его сужденія о фельдмаршалѣ и его дѣйствіяхъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ былъ подчиненный ему генералъ и притомъ командовавшій корпусомъ ибо онъ не только дополняетъ разсказъ Манштейна, но и возстановляетъ истину, сообщая различныя подробности, которыя почерпнуты имъ навѣрно не изъ реляцій, а коихъ онъ самъ былъ очевидцемъ. Таковы, напр., слѣдующія подробности:

а) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ: „нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось инаго средства, какъ наскоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя“ („Замѣчанія“, стр. 150). На это можно возразить, что намъ навѣрно извѣстны не всѣ реляціи, изъ коихъ могли быть заимствованы эти свѣдѣнія, и далѣе, что это мѣсто есть не болѣе, какъ пересказъ того, что говоритъ Манштейнъ, хотя съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, до которыхъ, однако, можно было дойти по собственнымъ соображеніямъ; наконецъ, авторъ могъ знать эти подробности изъ разсказовъ участниковъ похода и передаетъ, можетъ быть, только ихъ слова.

Весьма интересно также замѣтить, что вышеприведенное мѣсто „Замѣчаній“ сходствуетъ почти буквально съ однимъ итальянскимъ сочиненіемъ прошлаго столѣтія. Въ *Viaggi di Russia* графа Algarotti (*Opere*, tomo VI, стр. 108, Cremona, 1780) мы читаемъ:

Avveniva talvolta, che i nemici, se in faccia de Russi tirava il vento, mettesser fuoco all'erbe... Ne ci era via da ripararsi, se non col cavar fossi, e levar terra; e cosi far argine a quello incendio, che correa per la campagna vittorioso.

Слѣдующее мѣсто „Замѣчаній“ также весьма сходно съ разсказомъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 150.

Армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчала ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись въ другомъ.

Ограждались отъ непріятели рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу.

Algarotti. (*Opere*, Tomo VI (Cremona, 1780), p. 107):

L'esercito marciava... Altro non si vedeva intorno, che erba, e cielo, e i Tartari, che venivano in più nodi ad attaccar l'esercito qua e là. Sguizzavano respinti da una banda, ed ecco, che poco stante comparivano da un'altra, e talvolta anche accerchiavano tutto l'esercito. Tanta ne era la moltitudine.

Si opponevano a costoro i Cosacchi, e i Dragoni... e ad ogni caso venivano sostenuti dalla fanteria, che...

portava dei cavalli di Frisia, che piantati ben presto in terra tenevan luogo di trinceramento.

Графъ Альгаротти совершилъ, какъ извѣстно, въ 1739 году, путешествіе въ Петербургъ и описалъ его въ своихъ письмахъ, которыя были имъ впоследствии обработаны и изданы вмѣстѣ съ очеркомъ внутренняго быта и политическаго состоянія Россіи и съ описаніемъ турецкой войны 1736—1739 гг., въ которой участвовалъ Минихъ.

Мы вполне убѣждены въ томъ, что авторъ „Замѣчаній“ былъ знакомъ съ описаніемъ Альгаротти, и воспользовался имъ для своего труда, что и подтверждается нѣкоторыми фактами. Альгаротти скончался въ 1764 году, тогда какъ „Замѣчанія“ написаны, очевидно, лишь въ 1770-хъ годахъ, слѣдовательно позднѣе итальянскихъ писемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при обработкѣ послѣднихъ, Альгаротти пользовался посторонними источниками, напр., рукописью Манштейна¹⁾; но — онъ навѣрно не пользовался „Замѣчаніями“, которыя были написаны, по всей вѣроятности, только послѣ его смерти.

Намъ кажется также неправдоподобнымъ, чтобы Альгаротти и Эрнстъ Минихъ оба могли пользоваться однимъ и тѣмъ же источникомъ, по крайней мѣрѣ, намъ объ этомъ ничего неизвѣстно; но зато мы знаемъ, что между ними существовали извѣстныя отношенія, что оба они были коротко знакомы съ Воронцовыми и что итальянскій графъ посвятилъ даже великому канцлеру Воронцову свое „Путешествіе въ Россію“ (см. также Архивъ кн. Воронцова, томъ XVII, стр. 476, письмо С. Р. Воронцова отъ 29 мая 1818 г.). Поэтому врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что Эрнстъ Минихъ былъ отлично знакомъ съ произведеніемъ Альгаротти, въ которомъ говорится подробно о турецкой войнѣ его отца, фельдмаршала Миниха, и что онъ воспользовался мѣстами этимъ сочиненіемъ. На такія именно мѣста ссылается отчасти и г. Петровъ, полагая, что авторъ „Замѣчаній“, какъ очевидецъ военныхъ дѣйствій, разсказываетъ о нихъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Мы укажемъ далѣе еще на такія мѣста въ „Замѣчаніяхъ“, которыя также заимствованы, повидимому, у Альгаротти.

Впрочемъ, Минихъ-сынъ и въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ о событіяхъ того времени и о переходахъ по степи и зачастую

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: *Algarotti und Manstein* въ журналѣ „*Russische Revue*“, St.-Petersburg, 1887 г., 2 Heft.

описываетъ травы и животныхъ, фауну и флору такъ подробно, какъ могъ бы описать только очевидецъ, тѣмъ не менѣе онъ все таки не былъ очевидцемъ рассказаннаго, а только прекрасно умѣлъ пользоваться источниками. Такъ, напр., онъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 57): „нерѣдко солдатамъ случалось окружить зайца и тогда они прямо хватили его руками“. Такъ можетъ говорить только очевидецъ, сказалъ бы г. Петровъ. Но Минихъ-сынъ заимствуетъ это замѣчаніе изъ того же источника, которымъ онъ часто пользуется, именно изъ записокъ Манштейна (см. француз. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 181)¹⁾.

2) Авторъ „Замѣчаній“ поправляетъ показаніе Манштейна (Manstein Mémoires (1771, Leipz.), стр. 74 и слѣд.), полагавашаго, что китайское посольство, которое прибыло въ Петербургъ въ 1732 г., было первымъ китайскимъ посольствомъ при русскомъ дворѣ. Онъ говоритъ, что подобное же посольство пріѣзжало въ Россію уже въ предшествовавшемъ году. О посольствѣ 1732 года авторъ „Замѣчаній“ распространяется болѣе подробно, но мѣстами говоритъ о немъ то-же самое, что и Манштейнъ, однако, поправляетъ послѣдняго въ свою очередь, когда тотъ говоритъ, что русскимъ не особенно понравились манеры этихъ китайцевъ, замѣчая: „напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные“ „Замѣчанія“, стр. 143.

Покойный Петровъ вполне основательно ставилъ вопросъ: какимъ образомъ Минихъ-сынъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ началѣ апрѣля 1733 года (см. выше Зап. Миниха-сына, стр. 32), могъ бесѣдовать съ китайскимъ посольствомъ, которое пріѣзжало въ Россію въ 1732 году.

Вѣроятно, это китайское посольство, какъ второе, оставалось въ Россіи болѣе долгое время, нежели первое посольство, и на него было возложено выполненіе въ Петербургѣ многихъ дѣлъ, требовавшихъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Россіи. Съ другой стороны, также весьма возможно, что это посольство прибыло въ нашу столицу лишь въ концѣ 1732 г. и оставалось тамъ,

¹⁾ На упрекъ Манштейна, что Минихъ заставилъ войска идти въ самую сильную жару, авторъ „Замѣчаній“ (стр. 150) говоритъ: „вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ-бы воспользоваться ночью прохладой“ и т. д. Очевидецъ и генералъ знали бы все это навѣрно и не сказали бы „вѣроятно“, если бы онъ участвовалъ въ походѣ. Эти слова выражаютъ не болѣе, какъ догадку.

по крайней мѣрѣ, до весны или до лѣта слѣдующаго года (1733), а можетъ быть и долѣе.

За болѣе долгое пребываніе посольства въ Петербургѣ говорятъ также слова автора „Замѣчаній“, что онъ „неоднократно“ видѣлъ посольство и „разговаривалъ“ съ нимъ.

Но чтобы Петръ Нанинъ, котораго Петровъ считаетъ авторомъ „Замѣчаній“, бывший въ то время 11 или 12-лѣтнимъ мальчикомъ (см. ст. Петрова, „Русская Старина“, изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 623), „неоднократно“ бесѣдовалъ съ китайцами и уже въ такомъ возрастѣ могъ составить себѣ понятіе объ ихъ „разсудительности“ и „обходительности“ и вполнѣ могъ бы высказать подобное мнѣніе, это eo ipso крайне неправдоподобно; за то Минихъ-сынъ (род. 1707 г. стар. стиля) прибылъ въ это самое время въ Петербургъ со своего поста въ Парижѣ, преисполненный живѣйшимъ интересомъ къ внѣшней политикѣ, былъ тотчасъ (см. Зап., стр. 32) представленъ ко двору и вообще былъ въ состояніи лично слѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ высшихъ сферахъ и въ политическомъ мірѣ.

Итакъ, аргументъ, которымъ П. Н. Петровъ опровергаетъ мысль объ авторствѣ гр. Эрнста Миниха, не можетъ считаться существеннымъ и столь-же мало убѣдительною, какъ и всѣ остальные его доводы.

О китайскомъ посольствѣ 1731 г. авторъ „Замѣчаній“ говоритъ гораздо менѣе и не упоминаетъ о томъ, пришлось ли ему также бесѣдовать съ нимъ. Между тѣмъ онъ читалъ, кажется, даже рѣчь, произнесенную вторымъ посольствомъ, и пользуется ею, какъ источникомъ для своего рассказа. (Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ, стр. 142: „Главный изъ нихъ (пословъ) въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ (настоящее время! до этого и послѣ весь рассказъ веденъ въ прошедшемъ)“, что и т. д.).

3) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ далѣе о событіяхъ, относящихся къ царствованію Елисаветы и коихъ онъ былъ очевидцемъ. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ, которые не всегда были хороши съ фельдмаршаломъ; послѣдняго изъ этихъ двухъ генераловъ (Левендаля) онъ посѣтилъ еще послѣ восшествія на престолъ Елисаветы. Объ обоихъ генералахъ онъ отзывался съ хорошей стороны и считаетъ ихъ смерть большою потерей для Россіи.

Впрочемъ, характеристика этихъ генераловъ, знакомыхъ ему лично, также согласуется почти буквально съ описаніемъ Альгаротти:

Замѣчанія (стр. 218).

Графъ Владиміръ Левендадь... былъ человекъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендадь хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ, и состояніе войскъ европейскихъ.

Стр. 219:

Яковъ Кейтъ... имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ.

Среди звука оружія не переставалъ онъ заниматься науками и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ.

Точно также и характеристика генерала Ласси сходна съ тѣмъ, что говоритъ о немъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 148:

Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возраждающуюся славу русскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда не вмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человекъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ.

4) Авторъ „Замѣчаній“ рассказываетъ (стр. 185—187) о тайномъ совѣщаніи обоихъ Миниховъ и барона Менгдена относительно награды, которая надлежало раздать высокопоставленнымъ лицамъ; по смыслу, а нерѣдко и буквально, онъ говоритъ то-же самое, что мы читаемъ объ этомъ въ запискахъ Миниха-сына (107—109). Во время этого совѣщанія Минихъ-сынъ, вооружившись перомъ, записывалъ то, что диктовалъ ему отецъ; когда росписаніе производствъ и наградъ было готово, рассказываетъ онъ въ своихъ запискахъ (стр. 109 и послѣд.), „то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднести

Algarotti, Viaggi di Russia (opere VI, p. 85; 1780. Cremona).

Levendal, uomo d'ingegno finissimo, bel parlatore, che sa tutte le lingue, e conosce tutte le corti, e tutti gli eserciti di Europa, pieno di valore (e che dicesi servire singolarmente alla fortuna).

Стр. 85 и 86.

Keith, uomo di posatissimo giudizio, che con la dolcezza ha ottenuto dagli ufficiali Russi più sommissione, che qualunque altro con la severità, che in mezzo all'armi non ha punto trascurato le lettere, e congiunge con la pratica della guerra la teoria più ragionata e più profonda.

Algarotti, 86.

Lascy incanutito sotto l'elmo, che sotto Pietro vide sorgere la gloria della Russia, che non s'intrigo mai in affari di Stato, e seppe ubbidire a chiunque fu preposto per comandare.

Ha la riputazione di esser economo del sangue, paziente aspettator della occasione, e da'soldati vien salutato col nome di padre, baska (батюшка).

оное принцессѣ на утверженіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи“. Нѣсколько подробнѣе и немного иначе рассказываетъ объ этомъ авторъ „Замѣчаній“ (стр. 186 и послѣд.). „Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и пожалованіи орденами, по уходѣ молодого Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю ¹⁾ своему переписать оную на-бѣло. Но снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: „что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому“. Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею“.

И. Н. Петровъ полагаетъ, что столь явное порицаніе фельдмаршала Миниха, столь откровенное осужденіе его тщеславія не могло быть высказано сыномъ, который въ своихъ Запискахъ только восхваляетъ отца, но что Панинъ могъ узнать отъ секретаря, о которомъ говорится въ „Замѣчаніяхъ“ (а не въ „Запискахъ“), эти подробности, которыя не могли быть извѣстны молодому Миниху, такъ какъ онъ удалился послѣ совѣщанія изъ комнаты.

Намъ будетъ понятно, что молодой Минихъ не могъ порицать отца въ своихъ Запискахъ, если мы припомнимъ, что онъ писалъ ихъ для своихъ дѣтей и что его отецъ въ то время былъ еще живъ. Требуя отъ своихъ собственныхъ дѣтей должнаго повиновенія и уваженія, съ его стороны было-бы весьма не педагогично подавать имъ дурной примѣръ, осуждая ихъ дѣда, хотя, по нашему мнѣнію, порицаніе фельдмаршалу высказывается и въ „Запискахъ Миниха-сына“ именно въ томъ, что авторъ не умалчиваетъ о самолюбивомъ стремленіи фельдмаршала получить званіе генералиссимуса.

Мы можемъ, съ своей стороны, привести примѣръ того, что гр. Эрнстъ Минихъ позволялъ себѣ иногда осуждать поступки отца. Бюшингъ ²⁾, вынужденный въ 1765 г. оставить занимаемое имъ мѣсто пастора въ церкви св. Петра въ Петербургѣ, вслѣдствіе обнаружившейся внезапно и ничѣмъ не мотивированной, вражды къ нему стараго фельдмаршала, сообщаетъ какимъ образомъ отнесся къ этому факту молодой Минихъ: „Послѣдній поступокъ его отца по отношенію ко мнѣ не понравился ему“.

¹⁾ Петръ Петровъ почерпнулъ откуда-то свѣдѣніе, что его звали Э м м е („Рус. Ст.“ 1879 г., т. XXVI, стр. 620), но онъ не указываетъ изъ какого источника это свѣдѣніе имъ заимствовано.

²⁾ См. Büschings eigene Lebensgeschichte, стр. 489 (Halle, 1789).

Мы можемъ привести еще другой примѣръ честности и справедливости гр. Эрнста Миниха, который не измѣнялъ своему долгу даже ради сыновнихъ чувствъ и родственныхъ отношеній. Послѣ ссылки, онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ таможенъ. Гадебушъ¹⁾ рассказываетъ: „мнѣ говорили, что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже своему отцу“.

„Замѣчанія“, долженствовавшія появиться безъ подписи автора, могли быть написаны болѣе объективно, нежели Записки, и Минихъ могъ рѣшиться высказать въ нихъ порицаніе отцу, если это согласовалось съ истиною.

Намъ удалось, надѣмся, доказать, по крайней мѣрѣ, что этотъ четвертый пунктъ, кажущійся П. Петрову столь вѣскимъ, не исключаетъ возможности признать авторомъ „Замѣчаній“ Миниха-сына.

5) Петръ Петровъ, находитъ, что авторъ „Замѣчаній“ такъ часто отступаетъ въ своемъ разсказѣ отъ взглядовъ, высказанныхъ Минихомъ-сыномъ въ его Запискахъ, что оба эти сочиненія никакъ не могутъ принадлежать перу одного и того же лица („Духъ автора „Замѣчаній“ является совершенно противоположнымъ и несовмѣстимымъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны“²⁾). Между тѣмъ какъ въ „Запискахъ“ Минихъ-сынъ крайне сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ, авторъ „Замѣчаній“ выражается рѣзко и нападаетъ на нѣкоторыхъ личностей, какъ, напр., на Бирона, о которомъ въ Запискахъ мы встрѣчаемъ довольно хорошій отзывъ, такъ говоритъ г. Петровъ. (см. „Записки“, стр. 27; однако, особенно благоприятнаго впечатлѣнія онъ, по нашему мнѣнію, и тутъ не производитъ!), а въ „Замѣчаніяхъ“ (155, 156) онъ названъ тираномъ, „кровожаднымъ временщикомъ“ и „иноплеменнымъ извергомъ“. Этотъ отзывъ не согласуется (по мнѣнію г. Петрова) съ кроткимъ, апатичнымъ характеромъ Миниха. Мы должны, однако, сознаться, что эта аргументація г. Петрова не достаточно убѣдительна. Во-первыхъ, Минихъ писалъ свои „Записки“ въ ссылкѣ, когда онъ не могъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что надъ нимъ не будетъ контроля, и поэтому, навѣрно, остерегался высказывать рѣзкія осужденія о любимцахъ императрицы. Во-вторыхъ, приблизительно тринадцать лѣтъ спустя послѣ окончанія „Записокъ“, и подъ вліяніемъ продолжительной ссылки, его взгляды могли нѣсколько измѣниться; наконецъ, онъ

¹⁾ Исторія ливонскаго дворянства. Рукопись въ г. Дерптѣ.

²⁾ Впрочемъ, (стр. 618 „Русской Старины“ изд. 1889 г.) онъ самъ оговаривается: „разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная“...

писалъ „Замѣчанія“, очевидно, съ намѣреніемъ остаться неизвѣстнымъ и поэтому не стѣснялся высказывать въ нихъ болѣе рѣзкія сужденія.

Далѣе¹⁾, г. Петровъ обращаетъ вниманіе на сентенціи, которыя въ „Замѣчаніяхъ“²⁾ также имѣютъ цѣлью задѣть кое-кого и въ которыхъ говорится о томъ, какъ страдаетъ государство, когда въ немъ злоупотребляютъ властью любимцы, властвующие надъ правителями.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ, что подобныя мысли не были чужды и графу Эрнсту Миниху. Въ 1765 г. онъ высказалъ Бюшингу довольно пессимистическій взглядъ, замѣтивъ аллегорически и съ ироніей, что „русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ, ибо иначе нельзя объяснить себѣ какимъ образомъ оно можетъ удѣлѣть“. Бюшингъ говоритъ по этому случаю: „я не согласился съ тѣмъ, что это особое преимущество Россіи, и мы поняли другъ друга“³⁾.

Итакъ, мы рассмотрѣли критически тѣ доводы, которые приводитъ П. Н. Петровъ, въ опроверженіе мысли, что авторомъ „Замѣчаній“ былъ Минихъ-сынъ; всѣ вышеприведенные имъ пункты и доказательства подтверждаютъ, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что „Замѣчанія“ могли быть написаны никѣмъ инымъ, какъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, къ которому они такъ или иначе подходятъ; мы-же полагаемъ, что намъ удалось, съ своей стороны, доказать, что почти всѣ эти обстоятельства точно также могутъ говорить и въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха и, во всякомъ случаѣ, не находятся въ противорѣчій съ этимъ предположеніемъ. Однако, мы не намѣрены воспользоваться этими доводами, какъ доказательствомъ положительнымъ, подтверждающимъ наше мнѣніе, такъ какъ они построены, по большей части, лишь на нашихъ собственныхъ умозаключеніяхъ и не выходятъ изъ области предположеній; но этого отрицательнаго результата для насъ пока совершенно достаточно, чтобы доказать, по крайней мѣрѣ, возможность того, что авторомъ „Замѣчаній“ былъ гр. Эрнстъ Минихъ.

Въ „Замѣчаніяхъ“ есть еще одно мѣсто, какъ бы говорящее противъ авторства Миниха-сына или, по крайней мѣрѣ, затрудняющее доказательство нашего предположенія, что именно онъ и былъ авторомъ этихъ „Замѣчаній“. На 167 стр. мы читаемъ: „Упомянемъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 622.

²⁾ Напримѣръ, на стр. 138; особенно на стр. 174 и на 199.

³⁾ Büsching, eigene Lebensgeschichte, 439.

объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны въ Петербургѣ“. Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе „Ледяной крѣпости“, воздвигнутой на Невѣ въ 1732 году, и рассказывается обстоятельно съ малѣйшими подробностями, изобличающими очевидца, о „Ледяномъ домѣ“, сооруженномъ зимою 1739 года.

Такъ какъ гр. Эрнстъ Минихъ прибылъ въ Петербургъ лишь въ апрѣлѣ 1733 г., то легко могло случиться, что онъ уже не видалъ „Ледяной крѣпости“, но въ такомъ случаѣ онъ, конечно, спрашивалъ очевидцевъ объ этомъ необыкновенномъ произведеніи искусства, о которомъ говорилъ весь городъ. Между тѣмъ, изъ таблицы о ледоходѣ на Невѣ съ 1706 по 1886 годъ, помѣщенной въ „S.-Petersburger Kalender“, изд. Шмицдорфа, 1887 г., стр. 386, оказывается, что Минихъ самъ могъ видѣть „Ледяную крѣпость“ и рассказывать о ней, какъ очевидецъ, такъ какъ въ 1733 г. ледъ на Невѣ начало ломать 6-го апрѣля, но онъ простоялъ еще недѣлю и настоящій ледоходъ начался лишь 14-го апрѣля, слѣдовательно, подъ словами „необыкновенное зрѣлище во дни Анны Іоанновны“, которое авторъ „Замѣчаній“ самъ видѣлъ, можно понимать Ледяной домъ и Ледяную крѣпость.

XI.

Обратимся теперь къ положительной сторонѣ нашихъ доказательствъ.

П. Н. Петровъ основываетъ свои заключенія, какъ уже сказано, на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, поэтому доказательства его не могутъ быть убѣдительными; кромѣ того, онъ недостаточно воспользовался текстомъ „Замѣчаній“, по которому можно вывести заключеніе о личности и общественныхъ отношеніяхъ автора. Его индуктивный методъ изслѣдованія, если можно такъ выразиться, не выдержанъ до конца и поэтому не привелъ къ положительному выводу. Г. Петровъ многого не замѣтилъ, и не провѣрилъ довольно тщательно и съ должнымъ вниманіемъ текста „Замѣчаній“, зачастую тождественнаго съ текстомъ записокъ Миниха-сына. По этой причинѣ, онъ упустилъ изъ виду, точно также, какъ до него Щербальскій, самое существенное обстоятельство, говорящее въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха.

Обстоятельство это слѣдующее: авторъ „Замѣчаній“ рассказываетъ въ первомъ лицѣ объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ

съ маркизомъ де-Ботта, и передаетъ при этомъ содержаніе этой бесѣды и свои собственныя выраженія весьма подробно.

Что же мы находимъ по этому поводу въ „Запискахъ“ Миниха-сына? Тотъ же самый рассказъ объ этой бесѣдѣ, переданный также въ первомъ лицѣ, такъ что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оба автора представляютъ одно и то же лицо. Для большей убѣдительности мы сопоставляемъ здѣсь оба эти рассказа.

„Записки Миниха-сына“, стр. 119.

„Замѣчанія“, 196, 197.

„Маркизь де-Ботта, будучи мой всегдашній другъ, побѣдилъ меня спустя нѣсколько дней послѣ увольненія отца моего отъ службы. Вопросивъ, доволенъ ли онъ графомъ Остерманомъ, не могъ онъ нахвалиться добрыми его расположеніями. Какъ онъ окончилъ свою рѣчь, то сказалъ я, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моихъ мыслей, а именно: что по мнѣнію моему вѣнскій дворъ скорѣе достигъ бы цѣли желаній своихъ, если-бъ отецъ мой при министерствѣ остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему рѣшеніе подавала; что отецъ мой внутренно никогда не отдаленъ былъ австрійскому дому способствовать, и если бы другихъ требованій кромѣ вспомогательнаго войска не было, то я увѣренъ, что не много стоило бы труда преклонить его на то; но что касается до графа Остермана, у него общать и сдержать двѣ вещи различныя; что онъ издревле былъ другъ прусскаго двора, а вѣнскому никогда не благопріятствовалъ; что теперешняя его преклонность другаго повода не имѣла, какъ чтобы раздражить принцессу на возраженія отца моего... (стр. 120). Предсказаніе мое сбылось совершенно, ибо въ самое то время графъ Остерманъ увѣрилъ прусскаго министра барона Мардефельда по довѣренности своей“, и т. д.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что Россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельд-маршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоствовать австрійскому дому тѣмъ ли другимъ средствомъ; что я увѣренъ, ежели бы Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какого непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе подобіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизь де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время графъ Остерманъ не переставалъ увѣрять барона Мардефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля“, и т. д.

Намъ могутъ на это, возразить, пожалуй, что авторъ „Замѣчаній“ списалъ, быть можетъ, по забывчивости, это мѣсто въ первомъ лицѣ изъ того источника, изъ коего онъ черпалъ свои свѣдѣнія, т. е. изъ Записокъ графа Эрнста Миниха. Однако, не трудно убѣдиться въ совершенной несостоятельности подобнаго предположенія, ибо авторъ „Замѣчаній“ отнюдь не пользуется своимъ источникомъ буквально, но отчасти измѣняетъ его и добавляетъ кое что отъ себя. Уже изъ этого видно, что онъ работалъ сознательно и со вниманіемъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гр. Эрнстъ Минихъ говоритъ въ „Запискахъ“: „Отецъ мой“, тамъ мы читаемъ въ „Замѣчаніяхъ“ постоянно „фельдмаршалъ“. Наконецъ, просматривая то мѣсто, гдѣ говорится второй разъ объ Остерманѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что авторъ „Замѣчаній“ сознательно говоритъ отъ своего имени: „что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю“, и т. д. Между тѣмъ въ Запискахъ онъ не настаиваетъ болѣе въ этомъ мѣстѣ на томъ, что онъ высказываетъ свое личное мнѣніе. Только одинъ и тотъ же авторъ могъ такъ свободно высказывать мысли и воспоминанія, принадлежащія ему лично, такъ что, желая отрицать тождественность автора въ обоихъ этихъ случаяхъ, пришлось бы отвергнуть всѣ законы психологіи и допустить, что авторъ „Замѣчаній“, — говоря въ первомъ лицѣ точно также, какъ говоритъ авторъ того сочиненія, изъ котораго онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и приписывая себѣ, такимъ образомъ, мысли и событія, пережитыя Эрнстомъ Минихомъ—умышленно хочетъ ввести читателя въ обманъ; между тѣмъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать подобное предположеніе.

XII.

Въ подтвержденіе нашего, и безъ того уже достаточно доказаннаго, мнѣнія, мы постараемся привести еще нѣсколько фактовъ, говорящихъ въ пользу того, что авторомъ „Замѣчаній“ былъ графъ Эрнстъ Минихъ, и противъ того, будто они написаны гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ; съ этой цѣлью мы просмотримъ теперь особенно тщательно самый текстъ „Замѣчаній“.

1) Авторъ „Замѣчаній“ сообщаетъ (стр. 133), что герцогъ Голштинскій многого ожидалъ отъ конгресса въ Суассонѣ, открывшагося въ половинѣ 1728 года, и отправилъ на него посломъ графа Бассевича. Этотъ послѣдній получалъ ежегодно на свое содержаніе 50,000 рейхсталеровъ, которые герцогъ, въ свою очередь,

получалъ отъ вѣнскаго двора. „Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: „не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру“. Какъ извѣстно, молодой гр. Эрнстъ Минихъ (Зап., стр. 21 и слѣд.) также находился, въ то время, на конгрессѣ въ Суассонѣ, въ свитѣ графа Головкина, который немедленно посѣтилъ кардинала Флери и, безъ сомнѣнія, тогда-же взялъ съ собою своего любимца (стр. 21, 22). Впослѣдствіи, Минихъ-сынъ остался, представителемъ Россіи, во Франціи и передъ отъѣздомъ своимъ (въ началѣ 1733 г.) лично откланивался кардиналу (Зап., 31), съ которымъ онъ, слѣдовательно, былъ знакомъ и котораго, можетъ быть, нерѣдко посѣщалъ. Точно также, онъ былъ знакомъ, безъ сомнѣнія, и съ графомъ Бассевичемъ, посланникомъ герцога Голштинскаго, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Россіи, и поэтому Минихъ могъ знать о доходахъ и о широкомъ образѣ жизни Бассевича. Вышеприведенное, случайное замѣчаніе Флери, одного изъ извѣстнѣйшихъ людей своего времени, вѣроятно такъ запечатлѣлось въ памяти юнаго дипломата, что онъ не позабылъ его и по прошествіи 40 лѣтъ. Иначе какъ-бы онъ могъ запомнить столь маловажное обстоятельство и впоследствии рассказывать о немъ?

Петру Ив. Панину было, напротивъ того, въ эпоху суассонскаго конгресса всего около 7 лѣтъ, и, безъ сомнѣнія, онъ не могъ особенно интересоваться ни этимъ конгрессомъ, ни малозначащими словами кардинала Флери объ иноземномъ посланникѣ.

2) На стр. 153 авторъ „Замѣчаній“ высказываетъ, по поводу письма фельдмаршала Миниха къ князю Лобковичу (1739 г.), которое приведено въ Запискахъ Мапштейна во французскомъ переводѣ, что оно лучше написано на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведено на французскій¹⁾, слѣдовательно, онъ читалъ его въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Но кто-же имѣлъ болѣе удобный случай просмотрѣть нѣмецкій оригиналъ, какъ не сынъ самого фельдмаршала? Безъ сомнѣнія, тотъ же гр. Эрнстъ Минихъ доставилъ и Бюшингу „точную копию“ съ этого письма, помѣщенную въ седьмомъ томѣ Бюшингова Магазина (1773 г.)²⁾. Трудно допустить, чтобы Петръ Ив. Панинъ ознакомив-

¹⁾ „Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій“, и пр.

²⁾ Стр. 233—240. Также и „отвѣтъ“ (Antwort), составляющій часть Записокъ графа Эрнста Миниха, напечатанный въ IX томѣ, свидѣтельствуетъ о близкомъ и дружескомъ отношеніи Миниха-сына къ Бюшингу. А. Ю.

шись съ этимъ письмомъ впервые изъ изданія Бюшинга (въ такомъ случаѣ „Замѣчанія“ должны были быть написаны только послѣ изданія (1773 г.) Бюшингова сборника) сталъ бы сравнивать его съ таковымъ же письмомъ, напечатаннымъ у Манштейна; гораздо правдоподобнѣе будетъ допустить, что сынъ зналъ объ этомъ письмѣ своего отца и сравнилъ его съ переводомъ, сдѣланнымъ Манштейномъ. Къ тому-же Петръ Ив. Панинъ былъ русскій; могъ-ли онъ обратить вниманіе на неправильности французскаго перевода сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ? Тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старый воинъ, врядъ ли обратилъ бы вниманіе на педантично точный переводъ, а провѣрилъ бы развѣ только общій смыслъ его и историческіе факты. Зато графъ Эрнстъ Минихъ, какъ нѣмецъ и какъ человѣкъ, получившій научное образованіе (см. Записки, стр. 11 и 14), гораздо легче могъ сдѣлать подобное филологическое замѣчаніе.

3) Подробности, сообщаемыя о дѣлѣ Волянскаго (Замѣчанія, стр. 154 — 156), изобличаютъ въ авторѣ человѣка придворнаго, хорошо знавшаго всѣ обстоятельства дѣла и, повидимому, очевидца этого событія. Все это какъ нельзя болѣе подходитъ къ графу Эрнсту Миниху.

4) „Генераль Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о проискахъ герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельница его употребленныхъ, почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя“. Такъ говоритъ авторъ „Замѣчаній“ (стр. 156) и распространяется объ этихъ событіяхъ положительно, какъ очевидецъ, который, въ противоположность Манштейну, одинъ могъ знать о нихъ что либо положительное.

Все, что онъ сообщаетъ затѣмъ объ этомъ событіи, согласуется также почти буквально съ „Записками“ Миниха-сына, но, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ, въ „Замѣчаніяхъ“ встрѣчаются еще нѣкоторыя незначительныя подробности, которыя отсутствуютъ въ Запискахъ (см. „Записки“ графа Эрнста Миниха, стр. 84, и „Замѣчанія“, стр. 156 и слѣд.)¹⁾:

„6 числа октября (1740 г.) императрица (Анна Іоанновна), сѣвши за столъ (съ герцогомъ Курляндскимъ и его супругою) и покушавъ немного, вдругъ сдѣлался съ нею обморокъ, и безъ памяти отнесли ее въ постель (въ почивальную). Герцогъ Курляндскій,

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь текстъ Записокъ Миниха-сына буквально; дополненія къ нему, встрѣчаемыя въ „Замѣчаніяхъ“, заключены въ скобкахъ.

(приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегіи, барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ), въ то-же мгновеніе приказалъ позвать къ себѣ отца моего, двухъ кабинетскихъ министровъ, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева и оберъ-маршала графа Левенвольда. (Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда)“.

Эти дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Запискахъ“ гр. Эрнста Миниха, которыя послужили, безъ сомнѣнія, основаніемъ для этого разсказа, наводятъ насъ на мысль, что оба эти сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ, дополнившимъ свой прежній разсказъ нѣкоторыми подробностями, сохранившимися въ его воспоминаніи и коихъ онъ былъ очевидцемъ.

Между тѣмъ, Петръ Ив. Панинъ не былъ ни человѣкомъ придворнымъ, ни очевидцемъ этихъ событій, и намъ кажется весьма неправдоподобнымъ, чтобы онъ могъ заимствовать столь маловажныя подробности изъ какого-нибудь другаго источника и дополнить ими въ „Замѣчаніяхъ“ разсказъ, списанный имъ изъ „Записокъ“.

Впрочемъ, эти дополненія не единственныя, встрѣчаемыя нами въ „Замѣчаніяхъ“, мы находимъ подобнаго-же рода добавленія и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр., сравн. „Замѣчанія“, стр. 175, и „Записки“ Миниха-сына, стр. 97 и пр.).

5) На стр. 180 авторъ „Замѣчаній“ сообщаетъ, въ примѣчаніи, свѣдѣнія о личности дѣйств. тайн. сов. барона Х. Миниха, брата фельдмаршала, и говоритъ, что онъ скончался въ 1768 году и пр. Весьма понятно, что графъ Эрнстъ Минихъ, воспользовался случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о своемъ дядѣ, который, не представляетъ вообще говоря, особенно большаго интереса въ историческомъ отношеніи. Но трудно допустить, чтобы Петръ Ив. Панинъ сталъ утруждать себя, сообщая эти подробности о человѣкѣ, для него чужомъ.

6) Авторъ „Замѣчаній“ упоминаетъ, между прочимъ, съ похвалою (стр. 171 и послѣд.) „особенно объ учрежденіи знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мельпомены явился Сумароковъ“, что привлекаетъ „благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ

мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое“. Этотъ кадетскій корпусъ былъ созданъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Помимо того, что намъ бросается здѣсь въ глаза восхваленіе косвеннымъ образомъ Миниха, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ въ „Замѣчаніяхъ“, тутъ невольно обращаютъ наше вниманіе классическія выраженія, употребленныя авторомъ. Они какъ нельзя болѣе подходятъ къ графу Эрнсту Миниху, получившему классическое воспитаніе, который и въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ иногда этимъ стариннымъ слогомъ. Такъ, напр., онъ примѣняетъ Цесарево „*vini, vidi, vici*“ къ побѣдѣ своего отца подъ Очаковымъ въ 1737 г., подобно тому, какъ онъ примѣшиваетъ тутъ Беллону и Мельпомену.

Въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ походъ фельдмаршала въ степи съ шестіемъ Моисея въ пустынь (Записки, стр. 57).

Петръ Ив. Панинъ, посвятившій себя съ молодыхъ лѣтъ военной службѣ, врядъ-ли обладалъ тѣми классическими познаніями, которыя замѣтны иногда въ изложеніи автора „Замѣчаній“.

Послѣдній относится, какъ видно, съ признательностью также и къ „славному“ Румянцеву, ученику и поклоннику фельдмаршала, съ которымъ онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ, Румянцевъ считался, вообще, „большимъ пріятелемъ и покровителемъ нѣмцевъ“¹⁾. Поэтому намъ весьма понятна симпатія молодого Миниха къ поклоннику и ученику его отца; точно также какъ и уваженіе Румянцева къ фельдмаршалу Миниху было искреннее и глубокое.

Бюшингъ высказалъ ему, однажды, свое удивленіе по поводу того, что генеральскій чинъ, не пользуется, по его замѣчанію, въ обществѣ особымъ почетомъ.

— „Вы правы“, отвѣчалъ Румянцевъ, „когда я былъ еще генераль-адъютантомъ генераль-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, то я считалъ себя совсѣмъ инымъ малымъ—при этомъ онъ ударилъ себя въ грудь,—нежели теперь, когда я сталъ генераль-аншефомъ“.

„Генераль-фельдмаршалъ держалъ себя какъ царь и заставилъ при дворѣ относиться къ офицерамъ съ такимъ уваженіемъ, что даже прапорщику оказывался почетъ. Теперь иное дѣло. Мнѣ остается получить только чинъ генераль-фельдмаршала; пробывъ нѣкоторое время въ этомъ званіи, я могу мгновенно сдѣлаться

¹⁾ См. Büschings eigene Lebensgeschichte.

такимъ же ничтожествомъ, какое представляютъ изъ себя многочисленные генераль-фельдмаршалы, окружающіе насъ“¹⁾.

7) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ (стр. 172) о постройкахъ, воздвигнутыхъ при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, и сознается, что архитектура ихъ была не особенно изящная и „состояла изъ смѣшенія итальянской, французской и голландской архитектуры“. Эти отзывы также болѣе всего подходятъ къ личности Миниха-сына, который посѣтилъ Италію, Францію и Голландію²⁾ и видѣлъ ихъ архитектурныя произведенія. Кромѣ того, онъ занимался рисованіемъ (впрочемъ, Панинъ также любилъ рисованіе), а въ ссылкѣ—математическими науками (ср. Зап., стр. 14 и 15).

Но, авторъ по всей вѣроятности, и тутъ заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія графа Альгаротти, который, какъ человекъ весьма образованный и знатокъ искусства, былъ, вѣроятно, знакомъ въ совершенствѣ съ архитектурными стилями. Какъ бы то ни было, оба разсказа поражаютъ своимъ сходствомъ:

Замѣчанія, стр. 172.

Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодствѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе итальянской, французской и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, изливая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россіянъ, упражняться въ строеніи кораблей.

Algarotti, Viaggi di Russia. (Opere, tomo VI, p. 64. Cremona, 1780).

Regna qui una maniera di architettura bastarda tra la Italiana, la Francese e la Olandese. Domina pero la Olandese. E non è maraviglia. In Olanda fece il Czar, per così dire, i primi suoi studi; e a Sardinia, quasi nuovo Prometeo, prese quel fuoco, di cui animo dipoi la sua nazione.

¹⁾ Büschings eigene Lebensgeschichte (Halle, 1789), стр. 485—487. „Sie haben Recht“, antwortete Rumiänzew, „als ich noch Generaladjutant des Generalfeldmarschalls Grafen von Münnich war, glaubte ich ein ganz anderer Kerl zu sein—hiebei schlug er an seine Brust—als ich mich jetzt fühle, da ich General en chef bin. Der General-feldmarschall gab sich das Ansehn eines Kaisers, und verschaffte allen Officiers am Hofe ein solches Ansehen, dasz man vor einem Fähnrich Respect hatte. Nun ist es ganz anders. Für mich ist nur noch übrig, General-feldmarschall zu werden, und wenn ich dieses eine Zeit lang gewesen bin, so kann ich plötzlich eben eine solche Null werden, als die vielen General-feldmarschälle, die hier herumgehen“. Срав. также Büsch. Magazin, III, стр. 534, внизу.

²⁾ Петръ Ив. Панинъ, насколько намъ извѣстно, не былъ въ этихъ странахъ.

8) Далѣе, авторъ „Замѣчаній“ перечисляетъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Анны Иоанновны (стр. 173); во главѣ всѣхъ стоитъ фельдмаршалъ Минихъ, за нимъ упоминаются Александръ Ив. Румянцевъ, Кейтъ и Левендалъ. Къ числу наиболѣе значительныхъ сановниковъ причисляется, правда, также одинъ Панинъ, однако, это не есть предполагаемый авторъ „Замѣчаній“, о которомъ нигдѣ не упомянуто, но его братъ, Никита Ивановичъ. Возможно-ли допустить, чтобы авторъ при этомъ совершенно умолчалъ о себѣ? Между тѣмъ, въ этомъ же сочиненіи говорится, далѣе, въ отдѣльной замѣткѣ, о Минихъ-сынѣ, историческое значеніе котораго было крайне ничтожное.

9) На стр. 194 приведена рѣчь фельдмаршала Миниха къ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, содержаніе которой заимствовано изъ „Записокъ“ его сына (стр. 117 и послѣд.); но подъ конецъ авторъ „Замѣчаній“ прибавляетъ четыре фразы, очевидно, по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, и затѣмъ снова продолжаетъ выписку изъ Записокъ гр. Эрнста Миниха¹⁾. Слѣдовательно, мы видимъ и тутъ, что авторъ „Замѣчаній“, Минихъ-сынъ, дополняетъ рассказъ, списанный имъ изъ Записокъ, нѣкоторыми подробностями, пришедшими ему на память впоследствии.

Откуда могъ бы Петръ Ив. Панинъ заимствовать эти весьма несущественныя добавленія къ рѣчи, произнесенной фельдмаршаломъ, да и вообще, какимъ образомъ могъ онъ обратить на это вниманіе? Тогда какъ сынъ фельдмаршала, къ тому же человекъ придворный, могъ быть очевидцемъ этого событія и имѣлъ возможность не разъ переспросить отца по поводу его рѣчи.

10) Точно также бросается въ глаза то, что авторъ „Замѣчаній“ говоритъ въ оправданіе фрейлины баронессы Менгденъ (стр. 198), которую, очевидно, онъ зналъ очень хорошо лично. Графъ Эрнстъ Минихъ былъ женатъ, какъ извѣстно, на баронессѣ Менгденъ и вышеупомянутая дѣвица Менгденъ была, вѣроятно, близкой родственницей его жены. Какъ придворный, очень хорошо знавшій всѣхъ фрейлинъ, онъ могъ сообщить о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія, тогда какъ отъ Панина этого нельзя ожидать.

11) На стр. 203 мы читаемъ: „Изображеніе великой княгини

¹⁾ На 176 стр. „Замѣчаній“ также сдѣлана выписка изъ Записокъ гр. Э. Миниха (Зап., стр. 99 и 100), но авторъ прибавляетъ тамъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ фамиліи: „Ханыковъ“ и „Аргамаковъ“, которыя не приведены въ Запискахъ. Также на стр. 179 „Замѣчаній“ прибавлена фамилія Грамматина (ср. Зап., стр. 102).

Анны Карловны, представленное генераломъ Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человекъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко“. За симъ слѣдуетъ обстоятельная характеристика, заимствованная отчасти изъ Записокъ гр. Эрнста Миниха (стр. 110). Если бы человекъ, „коротко знавшій великую княгиню“, не былъ самъ авторъ „Замѣчаній“, то врядъ-ли онъ прибавилъ бы слова: „имѣвшій честь“. Гр. Эрнстъ Минихъ, ея гофмаршалъ и довѣренное лицо, былъ именно такимъ человекомъ, какой тутъ описывается. Мы можемъ привести изъ Записокъ Миниха-сына (стр. 96) примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, что, говоря объ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, Минихъ выражался столь же почти-тельнымъ образомъ, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: „Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честью ей прислуживать“.

12) Характеристика фельдмаршала Миниха („Зам.“ стр. 207—209), написанная въ опроверженіе неблагопріятнаго отзыва о фельдмаршалѣ въ Запискахъ Манштейна, производитъ, какъ замѣтилъ Шебальскій, несомнѣнно такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ считаетъ этотъ вопросъ своимъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Авторъ признаетъ, до нѣкоторой степени, въ фельдмаршалѣ „вспыльчивость“ и „честолюбіе“—недостатки, присущіе иногда и „великимъ людямъ“, но хочетъ оградить его отъ упрека въ скупости, проявлявшейся временами (срав. Mémoires de Manstein, Leipzig, 1771 г., стр. 429), и говоритъ: „домашніе расходы его несоразмѣрны были доходамъ“.

Какимъ образомъ могъ Петръ Ив. Панинъ знать такъ обстоятельно домашніе доходы и расходы Миниха? Какимъ образомъ могло ему быть извѣстно, что фельдмаршалъ „о предпріятіяхъ своихъ рѣдко открывался?“ („Замѣчанія“, стр. 208). Вѣдь Панинъ не былъ его довѣреннымъ лицомъ, которому онъ повѣрялъ свои мысли; только сынъ могъ претендовать на такое довѣріе, да развѣ адъютанты его могли знать достовѣрно подобныя вещи. Допустить же, что Панинъ заручился этими свѣдѣніями у нихъ, было бы крайне неправдоподобно.

13) На стр. 213 и 214 „Замѣчаній“ находится поправка къ примѣчанію Губера (Huber), помѣщенному во французскомъ изданіи Манштейна (Лейпцигъ, 1771 г., стр. 431 и 432), въ которомъ говорится о возвращеніи Миниха изъ Сибири и о послѣдующихъ годахъ его жизни. Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ по этому поводу: „сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя

своего. Тутъ онъ нашелъ уже пріѣхавшими изъ Риги старшую дочь свою и супруга ея, барона Фитингофа“ и т. д.

Весьма неправдоподобно, чтобы Петръ Ив. Панинъ могъ знать въ подробности всѣ эти семейныя отношенія! За то отецъ тѣхъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, родившихся въ Вологдѣ, могъ по прошествіи десяти лѣтъ живо помнить всѣ подробности той великой и радостной минуты, въ которую онъ свидѣлся съ отцомъ послѣ 20-лѣтней разлуки ¹⁾.

14) Авторъ „Замѣчаній“ сообщаетъ намъ (стр. 215), что имѣніе графини Минихъ было конфисковано; далѣе онъ говоритъ (стр. 216), что Миниху-сыну „ни полушки не выдали“ изъ принадлежавшаго ему и конфискованнаго движимаго имущества и драгоценностей. Ему также извѣстны доходы Миниха-сына, въ разное время его ссылки. Врядъ-ли кто иной, кромѣ самого гр. Эрнста Миниха, могъ сообщить подобныя, чисто личныя, подробности ²⁾. Онѣ были слишкомъ маловажны для того, чтобы гр. Панинъ собиралъ о нихъ свѣдѣнія.

Этихъ примѣровъ, кажется, намъ достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что авторомъ „Замѣчаній на записки Манштейна“ не могъ быть никто иной, какъ тайный совѣтникъ гр. Эрнстъ Минихъ-сынъ фельдмаршала.

Масса новыхъ доказательствъ, заимствованныхъ нами изъ самаго текста „Замѣчаній“, говорящихъ въ пользу авторства гр. Миниха, кажется, навсегда, устраняютъ мысль о томъ, что гр. Петръ Ивановичъ Панинъ могъ быть авторомъ этого сочиненія.

¹⁾ Разсказъ о поведеніи фельдмаршала Миниха при сверженіи Петра III, сообщаемый въ „Замѣчаніяхъ“ (стр. 213), подтверждается Рюльеромъ (Rühlère, Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie, en l'année 1762. Paris, 1797, p. 116—136).

²⁾ Автору „Замѣчаній“ также извѣстно (стр. 185), что Манштейнъ пользовался многими благодѣяніями фельдмаршала Миниха, и онъ обвиняетъ его въ неблагодарности.

XIII.

Если мы зададимся теперь вопросомъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какою цѣлью были написаны „Замѣчанія“, то, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, мы будемъ вынуждены ограничиться однѣми догадками но онѣ помогутъ намъ объяснить кое-какіе факты, которые иначе остались бы неразъясненными.

Въ 1770 и 1771 гг. появились въ печати Записки Манштейна ¹⁾ (на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), въ которыхъ были высказаны довольно рѣзкія сужденія о фельдмаршалѣ Минихѣ и осуждались нѣкоторые его дѣйствія и мотивы, руководившіе его поступками. Сынъ его, тайн. сов. Эрнстъ Минихъ, считалъ своимъ долгомъ возстановить репутацію отца, насколько это было возможно, не искажая истины; при этомъ у него явилось также желаніе возстановить въ истинномъ свѣтѣ нѣкоторые факты и событія, описанные Манштейномъ изъ той эпохи, которой онъ самъ былъ очевидцемъ, и набросать вѣрными красками портреты нѣкоторыхъ личностей, которыя были ему извѣстны или стояли къ нему близко, и защитить ихъ, по мѣрѣ возможности, отъ нападковъ Манштейна. Занятіе исторіей было всегда любимымъ препровожденіемъ времени Миниха-сына; его Записки свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ занимался и ранѣе писаніемъ замѣтокъ, въ родѣ тѣхъ, каковыми оказались „Замѣчанія“.

Вотъ какимъ образомъ возникли, по всей вѣроятности, „Замѣчанія на Записки Манштейна“. При томъ авторъ просматривалъ, какъ намъ кажется, нѣмецкое и французское изданіе Записокъ Манштейна 1771 года ²⁾. То сказаніе Бюшинга, помѣщенное въ примѣчаніи ³⁾ Записокъ генерала Манштейна, къ которому авторъ „Замѣчаній“ дѣлаетъ поправку (стр. 185), упоминается съ именемъ Бюшинга только въ нѣмецкомъ изданіи, тогда какъ обширная замѣтка о возвращеніи Миниха изъ ссылки, о которой говорится въ

¹⁾ О разныхъ изданіяхъ Записокъ Манштейна см. стр. 445—452 нашего изслѣдованія: Manstein's Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739), въ журналѣ „Russische Revue“, St.-Petersburg, 1886, IV, 438—491.

²⁾ Leipzig, 1771, Weidmanus Erben und Reich.

³⁾ См. нѣмецкое изданіе Манштейна, стр. 360. Въ этомъ примѣчаніи сообщается, что фельдмаршалъ Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ. Авторъ „Замѣчаній“ ошибается, однако, считая Бюшинга авторомъ этого извѣстія. Слова Бюшинга приведены тутъ только въ примѣръ для разъясненія спорнаго пункта. А. Ю.

„Замѣчаніяхъ“ на 213 и послѣд. страницахъ, помѣщена лишь во французскомъ изданіи Записокъ Манштейна (Губера).

Надобно допустить также, что графъ Эрнстъ Минихъ мягчи твердое намѣреніе обнародовать свои „Замѣчанія“, съ цѣлью поправить или опровергнуть печатно только что появившіяся Записки Манштейна, ибо только подъ этимъ условіемъ ихъ цѣль становится понятною. Хотя Минихъ-сынъ былъ, повидимому, знакомъ съ Записками Манштейна въ рукописи, въ то время, когда онъ писалъ свои собственныя Записки (1758 г.), и пользовался ими какъ источникомъ, однако, у него явилась мысль написать, въ опроверженія на нихъ, свои „Замѣчанія“, только при появленіи этихъ Записокъ въ печати, при чемъ онъ воспользовался своими собственными „Записками“, написанными ранѣе, и выписалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста почти буквально.

Но гр. Эрнсту Миниху было неловко издать эти полемическія замѣтки подъ своимъ именемъ, ибо читатели не отнеслись бы къ нему тогда съ такимъ довѣріемъ и могли обвинить его въ пристрастіи, такъ какъ почти половина этого сочиненія (около 40 печатныхъ страницъ) посвящена защитѣ его отца, фельдмаршала, противъ неблагоприятныхъ отзывовъ и исторически невѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о немъ Манштейномъ. Кромѣ того, авторъ „Замѣчаній“ поправляетъ въ нихъ и тѣ мѣста изъ Записокъ Манштейна, въ которыхъ говорится о самомъ графѣ Эрнстѣ Минихѣ.

Въ виду всего этого, ему необходимо было остаться неизвѣстнымъ, чтобы заслужить довѣріе читателя, и по этой-же причинѣ для него было весьма важно, чтобы его сочли за человѣка вполне русскаго, и какъ таковой, онъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе объ иностранцахъ и нѣмцахъ, не смотря на то, что его собственный отецъ былъ иностранецъ и что онъ самъ, болѣе чѣмъ на половину, былъ и остался нѣмцемъ, хотя онъ былъ совершенно преданъ русскому царствующему дому и Россіи. Такимъ образомъ объясняется чувство національной гордости и чисто русскій патріотизмъ, которые проглядываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Замѣчаній“¹⁾. А такъ какъ графъ Эрнстъ Минихъ провелъ часть

¹⁾ Такъ, напр., „Замѣчанія“, стр. 146: „Свѣтъ видѣлъ съ великимъ успѣхомъ россияне дѣйствовали въ сей войнѣ“ (въ Польшѣ), стр. 156. „Анна, управляемая иноплемennымъ извергомъ (т. е. Бирономъ)“. Стр. 168: „словесность наша“. Стр. 185: „Любовь къ отечеству... руководствовали знаменитаго полководца“ (т. е. фельдмаршала Миниха). На стр. 207, отзываясь съ величайшей проніей о Шетарди и о прусскомъ посланникѣ, лишившихъ Россію ея лучшихъ силъ, онъ замѣчаетъ: „Такъ во все времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству“.

своей молодости въ Россіи, безъ сомнѣнія хорошо зналъ русскій языкъ, и Россія стала для него вторымъ отечествомъ, такъ сказать, новой родиной, а судьба его съ молодыхъ лѣтъ была связана съ русскимъ дворомъ, то этотъ русскій патріотизмъ является у него лишь искреннимъ выраженіемъ его личныхъ чувствъ и пригодился ему какъ нельзя лучше для его защитительной цѣли.

Что гр. Эрнстъ Минихъ старается говорить безпристрастно и желаетъ быть справедливымъ, видно изъ того обстоятельства, что онъ не закрываетъ глаза на недостатки отца и, упоминая, между прочимъ, о его вспыльчивости и чрезвычайномъ честолюбіи, отзываясь о нихъ съ явнымъ неодобреніемъ и отнюдь не старается игнорировать эти недостатки, тогда какъ въ своихъ Запискахъ, писанныхъ для дѣтей, онъ опускаетъ, разумѣется, эти неблагоприятные отзывы объ ихъ дѣдѣ; было бы не педагогично, какъ уже сказано, говорить съ неодобреніемъ о личности, которая должна была служить для нихъ авторитетомъ.

Объ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ также высказано въ „Замѣчаніяхъ“ строгое сужденіе и на нее возлагается тяжкая вина (стр. 174): ей поставлена въ укоръ смерть Волынскаго, такъ какъ она допустила совершиться его казни.

Между тѣмъ какъ гр. Эрнстъ Минихъ писалъ свои „Записки“ въ ссылкѣ и поэтому могъ считать неудобнымъ говорить въ нихъ о недостаткахъ отца и опаснымъ осуждать коронованныхъ особъ, въ „Замѣчаніяхъ“, писанныхъ имъ значительно позднѣе, онъ могъ позволить себѣ гораздо болѣе вольныя сужденія.

Очевидно, гр. Э. Минихъ не имѣлъ намѣренія издать свои „Записки“, ибо въ такомъ случаѣ онъ не помѣстилъ бы такъ много выписокъ изъ нихъ въ „Замѣчаніяхъ“, такъ какъ это могло выдать его инкогнито и на основаніи этихъ выписокъ можно было бы доказать, что онъ есть именно авторъ этихъ „Замѣчаній“. Издавая эти послѣднія анонимно, онъ надѣялся, что они покажутся вслѣдствіе этого болѣе достоверными и что это обстоятельство придастъ ему, автору, видъ очевидца описываемыхъ имъ событій и походовъ. Хотя онъ осуждаетъ въ нихъ отца въ нѣкоторыхъ случаяхъ, за то въ общемъ онъ могъ восхвалять и защищать его, что онъ считалъ, безъ сомнѣнія, своимъ сыновнимъ долгомъ, и что было, вѣроятно, главной побудительной причиной для составленія этихъ „Замѣчаній“.

Мы можемъ привести еще одинъ примѣръ того, что гр. Эрнстъ Минихъ, брался иной разъ за перо съ цѣлью оправдать когонибудь или возстановить историческіе факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Уже послѣ составленія „Замѣчаній“, въ 1775 г., онъ издалъ

часть своихъ Записокъ съ цѣлью оправдать своего отца, фельдмаршала Миниха, противъ обвиненій, изведенныхъ на него въ сочиненіи Бирона! Это сочиненіе Бирона, написанное на французскомъ языкѣ ¹⁾, было издано Бюшингомъ въ извѣстномъ его Сборникѣ (Magazin, IX, 383—398) и при немъ приложенъ въ видѣ опроверженія на нихъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, „отвѣтъ—(Antwort) и т. д. одного изъ ближайшихъ родственниковъ фельдмаршала графа Миниха“. Отвѣтъ этотъ оказывается отрывкомъ изъ Записокъ Миниха-сына (Записки гр. Эрнста Миниха, стр. 83—90 и 97—106).

По всей вѣроятности, Минихъ же сообщилъ Бюшингу для напечатанія „письмо фельдмаршала Миниха къ кн. Лобковичу“ (напеч. въ Büschings Magazin, VII, 235—240), такъ какъ оныя называетъ французскій переводъ этого письма, помѣщенный въ Запискахъ Манштейна, плохимъ ²⁾, о чемъ было уже говорено выше.

Наконецъ, упомянемъ еще о томъ, что авторъ „Замѣчаній“, воспользовался для своего труда, во многихъ мѣстахъ, „Записками графа Эрнста Миниха“ и сдѣлалъ изъ нихъ выписки: этотъ фактъ также говоритъ въ пользу авторства Миниха. Его „Записки“ были написаны уже въ 1758 г., мы находимъ большія выдержки изъ нихъ ³⁾ въ „Замѣчаніяхъ“; но надобно замѣтить, что „Записки“ эти не были еще изданы въ то время, а находились въ рукописи и, кромѣ того, имѣли совершенно частный характеръ и особую цѣль: онѣ были написаны для семейства, для дѣтей, и какъ таковыя держались, вѣроятно, въ тайнѣ отъ постороннихъ; никто, даже самъ Бюшингъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ семейства Миниха и описавшій жизнь фельдмаршала, не упоминаетъ въ то время объ ихъ существованіи. Даже при изданіи вышеупомянутаго „отвѣта“ (Antwort) онъ не говоритъ о томъ, что отвѣтъ этотъ составляетъ часть обширныхъ „Записокъ графа Эрнста

¹⁾ Русскій переводъ этого сочиненія помѣщенъ въ „Архивѣ кн. Воронцова“, т. XXIV (1880 г.), 12—36.

²⁾ Русскіе переводы этого письма помѣщены въ „Чтеніяхъ имп. ист. общ.“ 1863 г., IV, V, (74—80 (гдѣ, однако, невѣрно число, коимъ помѣчено это письмо) и въ „Русской Старинѣ“, въ текстѣ перевода рукописи Записокъ Манштейна, изд. 1875 г., сентябрь, стр. 168.—Въ „Сборн. русск. ист. общ.“, т. XIX (1876 г.), 3—12, напечатанъ другой, французскій, переводъ этого письма, также съ невѣрнымъ числомъ. Кромѣ того, это письмо было неоднократно помѣщено и въ другихъ изданіяхъ.

³⁾ Напр., сравни „Записки“, стр. 117, и „Замѣчанія“, стр. 194; также Записки, стр. 118 и Замѣчанія, стр. 195. Слова Бирона, Записки, стр. 84, въ косвенной рѣчи (oratio obliqua), Замѣчанія, 157, въ прямой. А. Ю. •

Миниха“; если онъ и зналъ объ ихъ существованіи, во всякомъ случаѣ онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ.

Какимъ же образомъ могъ Петръ Ив. Панинъ имѣть въ своемъ распоряженіи эту семейную рукопись? Намъ неизвѣстно даже о существованіи между нимъ и гр. Эрнстомъ Минихомъ какихъ-либо близкихъ и особенно дружественныхъ отношеній.

Тогда какъ „Записки“ и упомянутый отвѣтъ (Antwort) относятся другъ къ другу какъ переводъ къ оригиналу, „Замѣчанія“ являются, до нѣкоторой степени, какъ бы передѣлкой „Записокъ“, при чемъ нерѣдко цѣлыя періоды совершенно тождественны въ обоихъ сочиненіяхъ по содержанію, но различествуютъ по изложенію. Мѣстами, въ текстѣ „Замѣчаній“, сдѣланы, какъ уже сказано, добавленія.

Въ изслѣдованіи П. Н. Петрова, не выяснена эта связь, существующая между „Замѣчаніями“, и „Записками“, не смотря на то, что о ней давно уже извѣстно.

Лица, занимающіяся историческими изслѣдованіями, вѣроятно, будутъ намъ признательны, если мы укажемъ здѣсь на сходственныя мѣста въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ. Дѣлая это сопоставленіе, мы ставимъ нумерацію тѣхъ страницъ „Записокъ“ графа Эрнста Миниха, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ мѣстамъ въ „Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна“, въ скобкахъ и ссылаемся вездѣ на страницы настоящаго изданія, выписывая изъ „Замѣчаній“ заголовки отдѣльныхъ главъ.

Продолженіе о Биронѣ 140 (27). О размолвкѣ гр. Миниха съ Бирономъ 143 (33), 144 (34, 35), 145 (35).

Отправленіе гр. Миниха въ Польшу: 145 (38).

Прибытіе французской флотиліи: 146 и 147 (43).

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ: 147 (47).

О покореніи Очакова: 151 (62).

Описаніе послѣднихъ дней имп. Анны Иоанновны: 156 (84), 157 (84, 85), 158 (85, 86), 159 (86, 87), 160 (87, 88), 161 (88, 89), 162 (89, 90), 163 (90, 91).

Нѣкоторыя подробности и т. д.: 163 и слѣд. (96, 94, 95, 93), 165 (95, 94), 166 (92, 93, 94), 169 (95, 96), 172 (92).

Обозрѣніе Биронова регентства: 175 (97, 98), 176 (98, 99), 177 (100), 178 (100, 101), 179 (101, 102), 180 (102), 181 (103, 104), 182 (104, 105), 183 (105, 106), 184 (106).

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе и поведеніе... фельдмаршала Миниха: 185 (107, 108), 186 (108).

Милости, оказанныя правительницею: 187 (909), 188 (109, 110).

Возвращеніе... маркиза де-Ботта: 191 (114).

Замѣшательства російскаго двора: 191 (114, 115), 192 (115).

Происки вѣнскаго министерства: 192 (115, 116), 193 (116, 117).
 Мнѣніе фельдмаршала гр. Миниха: 194 (117).
 Объясненіе фельдмаршала гр. Миниха: 194 (117), 195 (118).
 Увольненіе фельдмаршала гр. Миниха: 195 (118), 196 (118, 119).
 Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись: 196 (119), 197 (119, 120).
 Избраженіе правительницы Анны Карловны: 203 (112 вверху и 110), 204 (110, 111).

Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ гр. Минихѣ: 209 (6, 7, 8), 210 (8, 9) 211 (9, 10, 11, 12, 13), 212 (17, 31).

Кажется, вотъ и всѣ сходственныя мѣста, которыя могутъ броситься въ глаза при просмотрѣ обоихъ сочиненій

XIV.

Теперь рождается вопросъ: когда и гдѣ именно были написаны графомъ Эрнстомъ Минихомъ „Замѣчанія“?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить только болѣе или менѣе правдоподобными догадками.

Такъ какъ авторъ ссылается на изданіе Записокъ Манштейна 1771 г., то этотъ годъ былъ, вѣроятно, самою раннею эпохою, въ которую онъ началъ писать.

Намъ неизвѣстно также, когда онъ окончилъ свои „Замѣчанія“, но мы знаемъ, что гр. Эрнстъ Минихъ скончался 24 января 1788 года. Весьма возможно, что „Замѣчанія“ были написаны въ Петербургѣ; довольно странно, почему они не появились въ печати при жизни графа Эрнста Миниха.

Что касается вопроса, заслуживаетъ-ли это сочиненіе довѣрія читателя, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно должно было явиться болѣе или менѣе тенденціознымъ потому, что сынъ задался въ немъ цѣлью оправдать отца. Но не смотря на это, мы не можемъ отрицать въ авторѣ честнаго стремленія къ истинѣ и объективности; взгляды Манштейна, видѣвшаго недостатки фельдмаршала Миниха черезъ „увеличительное стекло“ — чего нельзя отрицать — опровергаются весьма убѣдительно. Впрочемъ, иной разъ встрѣчаются и ошибки, которыя мы отнюдь не вправѣ признать умысленными. Такъ, напр., авторъ утверждаетъ, что фельдмаршалъ Минихъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ убійствѣ Синклера (стр. 154). Между тѣмъ какъ его виновность въ этомъ дѣлѣ доказана собственноручнымъ его приказомъ (см. С. М. Соловьевъ „Ист. Россіи“, XX приложеніе), слѣдовательно Манштейнъ въ этомъ случаѣ былъ правъ.

Далѣе, рассказъ о томъ, что фельдмаршалъ Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ

(ср. Mémoires de Manstein, Leipz., 1771 г., стр. 356), называется въ „Замѣчаніяхъ“ вымышленною сказкою. По недостатку иныхъ данныхъ, мы не можемъ высказать, по этому поводу, рѣшительнаго мнѣнія, однако, Бюшингъ также повторяетъ этотъ рассказъ, сообщенный Манштейномъ, а надобно замѣтить, что Бюшингъ заслуживаетъ полнаго довѣрія.

На стр. 139 авторъ „Замѣчаній“ говоритъ, что Манштейнъ приводитъ нѣкоторыя рѣчи, которыя никогда произнесены не были, въ этомъ случаѣ онъ, можетъ быть, правъ.

Тонъ „Замѣчаній“ замѣтнымъ образомъ разнится отъ тона „Записокъ“; первыя имѣютъ болѣе полемическій характеръ и авторъ высказываетъ въ нихъ свои мнѣнія болѣе рѣзко и энергично.

О характерѣ Бирона и о его вліяніи графъ Эрнстъ Минихъ отзывается съ дурной стороны, и противъ самой императрицы Анны Іоанновны взводитъ тяжкое обвиненіе въ томъ, что въ ней не было самостоятельности и что она легко поддавалась постороннему вліянію; подобный также упрекъ дѣлается императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

О фельдмаршалѣ Минихѣ и его генералахъ говорится подробно. „Замѣчанія“ служатъ весьма интереснымъ дополненіемъ къ „Запискамъ“ Манштейна, а равно и къ „Запискамъ“ самого графа Эрнста Миниха, не смотря на то, что болѣшая часть ихъ заимствована изъ этихъ же „Записокъ“. Но вчитавшись въ нихъ повнимательнѣе, мы увидимъ, что въ нихъ много самостоятельнаго и важнаго; такова, можно сказать, половина всего сочиненія.

„Замѣчанія на Записки генерала Манштейна“ заслуживаютъ также вниманія, какъ матеріалъ для біографіи фельдмаршала Миниха. Хотя большинство фактовъ, касающихся его жизни, заимствовано изъ „Записокъ Миниха-сына“, но въ „Замѣчаніяхъ“ мы находимъ оцѣнку его дѣйствій и его характера, что придаетъ этому сочиненію значительный интересъ.

Арведъ Юргенсонъ.

Спб. и Берлинъ.

1887 и 1891 гг.

Перечень трудовъ Арведа Яковлевича Юргенсона.

Вслѣдъ за помѣщеннымъ выше изслѣдованіемъ Арведа Яковлевича Юргенсона объ историческихъ трудахъ графа Эрнста Миниха, мы считаемъ вполне умѣстнымъ привести библиографическій перечень статей, напечатанныхъ г. Юргенсономъ въ разныхъ журналахъ, такъ какъ всѣ составленныя имъ донинѣ историческія изслѣдованія имѣютъ отношеніе къ семейству Миниховъ и составляютъ часть (около половины) его обширнаго труда: „Источники къ исторіи фельдмаршала Миниха“ (Quellen zur Geschichte des Feldmarschalls Münnich), а слѣдовательно всѣ они касаются русской исторіи XVIII вѣка.

1) „Der Generalfeldmarschall B. C. Graf Münnich (1683—1767). Eine historische Skizze mit Benutzung neuer Quellen und Manuscripte. Напечатано въ четырехъ фельетонахъ „St. Petersburger Zeitung“ 1886 г., 8—12 мая № 128—132.

2) Die Lebensbeschreibung des Generalfeldmarschalls Münnich von Kostomarov. Критическій очеркъ. Напечатанъ въ „Russische Revue“, Спб. 1886, Heft II, 220—232.

3) „Die Memoiren des Feldmarschalls Münnich und sein Ebauche“. Въ „Russische Revue“, 1886, Heft III, 318—343.

4) „Mansteins Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739). Библиографико-критическое изслѣдованіе. Въ „Russische Revue“, 1886, IV, 438—491.

5) „Фельдмаршалъ гр. Бурхардъ Христофъ Минихъ въ заботахъ о воспитаніи своихъ внуковъ“. Письмо фельдмаршала Миниха къ Рундэ, 1767 г. „Русская Старина“, изд. 1887 г., т. LIII, стр. 225—234.

6) „Algarotti und Manstein“. Изслѣдованіе источниковъ. Въ „Russische Revue“, 1887 г., Heft II, 184—204.

7) „Замѣчанія на Записки о Россіи генерала Манштейна, изданныя въ 1879 году, подъ именемъ гр. Петра Ив. Панина“. „Русская Старина“, изд. 1887 г., т. LIV, стр. 309—328, 613—628, и „Очеркъ жизни гр. Эрнста Миниха“ (1708—1788), тамъ же, стр. 629—637.

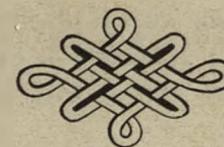
8) „Eine neue Quelle zur Geschichte der Zeit Peters des Grossen“. О депешахъ голландскаго посланника въ Россію de Bie, находящихся въ государственномъ архивѣ, въ Голландіи). Въ фельетонѣ „St. Petersburger Zeitung“ за 1889 г.

В. Т.

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1707 г. 30-го дек. ст. ст. 1788.
† 24-го янв. ст. ст.

Очеркъ его жизни.

Составила, В. В. Тимошунъ

Графъ Эрнстъ Минихъ, единственный ¹⁾ сынъ фельд-маршала, графа Бургарда Христофора Миниха, отъ его брака съ Христиною Лукреціей Вицлебенъ, родился 30-го декабря 1707 г. (10 января 1708 г.) ²⁾ въ швабской деревнѣ Гейнсфуртъ, близъ Эттингена, былъ записанъ прапорщикомъ Кетлерскаго пѣхотнаго полка; въ 1717 г. перечисленъ тѣмъ-же чиномъ въ польскую коронную гвардію. Въ 1721 г. опредѣленъ въ рижскую городовую школу, гдѣ бывший его воспитатель Виллишъ (Willisch) получилъ мѣсто субъ-инспектора ¹⁾. Въ этой школѣ онъ получилъ классическое воспитаніе.

Въ февралѣ 1723 г. Эрнстъ Минихъ отправился въ Женеву для довершенія своего образованія. Въ 1727 г. онъ предпринялъ съ научною цѣлью поѣздку въ Италію, въ томъ-же году возвратился въ Россію, опредѣленъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и получилъ мѣсто при посольствѣ, отправленномъ на конгрессъ въ Соассонъ, въ званіи дворянина посольства.

Въ 1729 г. состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, въ маѣ 1731 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ русскаго двора,

¹⁾ За годъ до его рожденія у Б. Х. Миниха родился сынъ, (р. 23 янв. 1707 г., † 22 февр. 1707 г., см. Дневн. Миниха въ Зап. одесск. общ. ист. и древн. 1860 г., т. IV, стр. 431), названный также Эрнстомъ, но онъ прожилъ всего четыре недѣли.

²⁾ Мы напоминаемъ здѣсь лишь главныя данныя изъ біографіи гр. Эрнста Миниха до его ссылки въ Вологду, такъ какъ весьма интересныя подробности изъ этого періода его жизни, рассказанныя имъ самимъ, читатель найдетъ выше, въ его Запискахъ.

въ сентябрѣ того-же года назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франціи, въ апрѣлѣ 1733 г. возвратился въ Россію, былъ представленъ императрицѣ.

1733—1736 года провелъ въ Петербургѣ при дворѣ. Въ 1736 г. былъ посланъ императрицею къ королю польскому, съ орденовыми знаками св. Андрея Первозваннаго, возвратился въ Петербургъ съ извѣстіемъ о предоставленіи Польшею курляндскому дворянству права избрать себѣ герцога. Въ 1737 г. получилъ камергерскій ключъ, помолвленъ съ фрейлиной баронессой Анной Доротеей Менгденъ. Въ февралѣ 1738 г. отправился за границу для пользованія теплыми водами въ Ахенѣ, по возвращеніи въ Петербургъ вступилъ въ бракъ съ баронессою Менгденъ 20-го февраля (3-го марта) 1739 г., получилъ по этому случаю отъ отца помѣстье Ранценъ въ Лифляндіи, около 20 гаекеновъ земли, стоимостью въ 22,000 р. ²⁾. Въ 1740 году получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

9-го мая 1740 года у графа Эрнста родился первый сынъ, Іоаннъ Готлибъ. Послѣ кончины императрицы Анны Іоанновны, во время регентства Бирона, Минихъ состоялъ камергеромъ при малолѣтнемъ императорѣ и былъ назначенъ гофмейстеромъ ко двору принцессы Анны Леопольдовны.

Въ правленіе Анны Леопольдовны назначенъ оберъ-гофмейстеромъ (1740 г.), съ чиномъ генераль-поручика и съ жалованьемъ и пенсіею по 3,000 въ годъ. Въ 1741 г. получилъ, съ разрѣшенія правительницы, орденъ Бѣлаго Орла, имѣніе Бигенъ, въ Бранденбургѣ, и 3,000 рейхсталеровъ деньгами.

Арестованъ въ ночь съ 25-го на 26-е ноября 1741 г. ³⁾.

Опала, постигшая фельдмаршала Миниха, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, коснулась и его сына, оберъ-гофмейстера правительницы Анны Леопольдовны, хотя онъ не былъ причастенъ политическимъ интригамъ отца и не содѣйствовалъ перевороту, доставившему власть правительницѣ; не смотря на это и на личное благоволеніе къ нему императрицы Елисаветы Петровны, онъ былъ арестованъ, преданъ суду, лишенъ гофмейстерской должности, чиновъ и орденовъ; въ важнѣйшую вину и преступленіе ему было вѣнено то обстоятельство, что, зная о намѣреніи Анны Леопольдовны объявить себя императрицею и о прочихъ, по тому

дѣлу происходившихъ, предпріятіяхъ, „хотя при томъ ни въ какія предосудительныя и вредныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ и совѣта и наставленія никому не давалъ“, однако, какъ было сказано въ высочайшемъ указѣ отъ 9-го февраля 1742 г., „бывъ у принцессы Анны и супруга ея въ великой милости и видя отъ того чаемое зло, оныхъ пристойными образы отвращать у нихъ не старался“.

Какъ видно, слѣдственная комиссія могла поставить Миниху въ вину только его пассивное отношеніе къ совершившимся событіямъ, и то обстоятельство, что онъ не старался отговорить Анну Леопольдовну отъ ея видовъ на престолъ.

Помѣстья, принадлежавшія Эрнсту Миниху въ Лифляндіи: Лунія, Ранценъ, Мойзекацъ и Пелькесъ, были конфискованы и, въ замѣнъ ихъ, въ его владѣніе было предоставлено выморочное, генераль-маіора Корчмина, село Вычюгъ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, съ деревнями, въ которыхъ было всего 713 душъ крестьянъ. Въ этой деревнѣ ему было указано жить безвыѣздно и для отправленія его къ новому мѣсту жительства былъ назначенъ сержантъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, Егоръ Улановъ, съ двумя солдатами.

Это рѣшеніе суда было объявлено Эрнсту Миниху 9-го февраля 1742 г., въ присутствіи сената, при чемъ съ него взята подписка о томъ, что «онъ обязуется, подѣ страхомъ смертной казни, никому не сообщать показаній, данныхъ имъ слѣдственной комиссіи, а равно и вопросовъ, предложенныхъ ему послѣдней ⁴⁾».

Современники приписывали снисходительность суда по отношенію къ гр. Эрнсту Миниху ⁵⁾ и то обстоятельство, что онъ не былъ выведенъ на лобное мѣсто и о немъ произнесенъ особый приговоръ, тому, что, „бывъ допрошеннымъ прежде всѣхъ остальныхъ, онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ совершенную правду, не утаивъ и не скрывъ ни малѣйшаго извѣстнаго ему обстоятельства“, иначе говоря, что онъ выдалъ другихъ своими показаніями, но Минихъ отрицаетъ это обвиненіе, впрочемъ совершенно не согласное съ его честнымъ и прямымъ характеромъ, и приписывалъ оказанную ему милость единственно тому, что невинность его была признана.

Такимъ образомъ, политическія событія, въ которыхъ оберъ-

гофмейстеръ Минихъ не принималъ никакого участія, будучи по своему характеру далекъ отъ всякихъ интригъ и происковъ, перевернули всю его жизнь и прервали столь блестяще начатую имъ служебную карьеру. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1742 г. ему предстояло отправиться, съ семействомъ, на житье во вновь пожалованную ему деревню въ Костромской губерніи, но отъѣздъ его изъ Петербурга былъ отложенъ на довольно долгое время. Въ виду болѣзненнаго состоянія его жены, ожидавшей въ скоромъ времени разрѣшенія отъ бремени, императрица Елисавета Петровна, указомъ отъ 15-го февраля 1742 г., разрѣшила Миниху остаться въ Петербургѣ впредь до выздоровленія графини Минихъ; а до отсылки его въ указанную деревню повелѣвалось „содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ“.

Впрочемъ, какъ видно по нѣкоторымъ документамъ того времени, сохранившимся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, этотъ указъ не примѣнялся къ гр. Миниху во всей его строгости; находясь подъ арестомъ, онъ пользовался значительною свободою, къ нему допускались разные лица и онъ самъ выѣзжалъ иногда изъ своей квартиры; такъ, напримѣръ, передъ отправленіемъ его отца изъ крѣпости въ Сибирь, Эрнстъ Минихъ и его жена получили дозволеніе проститься съ нимъ. Бывшій фельд-маршалъ подарилъ сыну при этомъ случаѣ перстень съ своего пальца, съ великолѣпнымъ брилліантомъ, оцѣненнымъ въ 4,000 рублей ⁶⁾. Но это былъ, очевидно, не единственный случай, когда гр. Эрнсту Миниху разрѣшалось выѣхать изъ дому, такъ какъ капитанъ-поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, Мягковъ, подъ „смотрѣніемъ котораго находился въ Петербургѣ Минихъ, доносилъ сенату, 2-го мая 1743 г., что содержащійся подъ арестомъ бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ, по приказу адмирала, графа Головина ^{*)}, „въ нѣкоторыя времена имѣлъ изъ квартиры своей выѣздъ“, и что по словесному приказу того-же адмирала Головина „велѣно къ нему, Миниху, допускать всѣхъ, кто къ нему пріѣдетъ, не удерживая никого“ ⁷⁾.

Такъ какъ деревня, данная оберъ-гофмейстеру, взамѣнъ его

^{*)} Дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, адмиралъ, гр. Н. О. Головинъ председательствовалъ въ комиссіи, для описанія пожитіевъ арестованныхъ графовъ Остермана, Миниха и другихъ.

лифляндскихъ имѣній, была самая бѣдная и у него было отобрано все его движимое имущество и драгоцѣнности, изъ которыхъ онъ „ни полушки не получилъ“, то Минихъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и хлопоталъ о томъ, чтобы вмѣсто деревни ему выдавали ежегодно на содержаніе известную сумму денегъ.

Просьба его была уважена и императрица Елисавета Петровна, указомъ отъ 21-го мая 1742 года, повелѣла отправить его, по выздоровленіи жены, вмѣсто деревни, въ Вологду, гдѣ ему жить „подъ смотрѣніемъ воеводы съ товарищи и никуда безъ вѣдома воеводскаго изъ города не выѣзжать; деревень ему не давать, а вмѣсто оныхъ, на его пропитаніе, давать ему въ годъ денегъ по 1,000 рублей“, выдавая ихъ поотрѣтно.

13-го іюня 1742 г. супруга Эрнста Миниха разрѣшилась отъ бремени, но, страдая весьма серьезною болѣзнию, полипомъ въ носу, отъ которой она во время беременности не могла лечиться, графиня просила разрѣшить ей остаться въ Петербургѣ, для пользованія, еще нѣсколько недѣль. Освидѣтельствованіе больпой, произведенное 8-го октября 1742 г., штадтъ-физикомъ Миниатомъ и врачомъ Эгидіемъ, вполне подтвердило ея болѣзненное состояніе и необходимость продолжительнаго лѣченія, вслѣдствіе чего семейству Миниха было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе въ столицѣ и только 22-го іюня 1743 года воспослѣдовало окончательное повелѣніе государыни бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха, въ Петербургѣ болѣе не держа, выслать безотлагательно, 24-го іюня, съ женою и дѣтьми въ Вологду, а „чтобы онъ неотмѣнно того 24-го числа изъ Санктъ-Петербурга выѣхалъ, того ради «повелѣвалось послать къ нему въ тотъ день „сенатской роты оберъ-офицера, который долженъ былъ выпроводить его за Ямскую слободу“.

Семейство графа Эрнста Миниха состояло въ то время изъ жены и двухъ дѣтей, кромѣ того, съ ними отправлялись въ Вологду кормилица, нянька, трое дѣвокъ и пять служителей мужескаго пола, а всего, не считая груднаго ребенка, тринадцать человѣкъ. Для Миниха и его супруги былъ приготовленъ запряженный шестеркою лошадей, четырехмѣстный берлинъ, за которымъ слѣдовали двѣ поевныя коляски, съ дѣтьми и

женскою прислугою, одинъ фурманъ съ поклажею и роспуски съ кухнею.

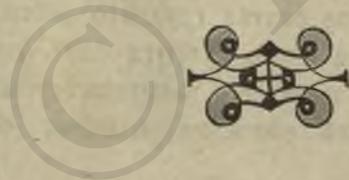
Весь этотъ поѣздъ тронулся изъ Петербурга 24-го іюня 1743 г., подъ конвоемъ унтеръ-офицера Тобольскаго пѣхотнаго полка сержанта Егора Уланова и шести солдатъ; отъ Петербурга до Твери путешествіе должно было совершиться сухимъ путемъ, а отъ Твери до Углича—водою, вслѣдствіе чего тверскому воеводѣ своевременно было дано приказаніе изготавить надлежащее для этого судно; отъ Углича до Вологды семейство Миниха ѣхало опять сухимъ путемъ, и чтобы имъ не пришлось терпѣть въ пути задержекъ при полученіи лошадей, конвоировавшему ихъ унтеръ-офицеру былъ данъ изъ сената „отверстыи указъ“.

22-го іюля 1743 года, т. е. почти черезъ мѣсяць послѣ отъѣзда своего изъ Петербурга, графъ Эрнстъ Минихъ прибылъ на мѣсто своей ссылки въ Вологду ⁸⁾, гдѣ ему суждено было провести цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ кругу своей семьи и гдѣ онъ схоронилъ нѣжно любимую имъ супругу.

Въ Вологдѣ ему была отведена мѣстными властями квартира на посадѣ и вологодскому воеводѣ было предписано накрѣпко смотрѣть, чтобы Минихъ изъ города никуда безъ его вѣдома не выѣзжалъ, чтобы уйти не могъ.

Получая на содержаніе свое съ семьею тысячу рублей въ годъ и не имѣя иныхъ доходовъ, Минихъ жилъ въ Вологдѣ скромно, довольствовался самымъ простымъ столомъ, „собственныхъ каретъ“ не имѣлъ ⁹⁾, но, живя подъ присмотромъ полиціи, пользовался, сравнительно, довольно большою свободою, могъ вести переписку съ родными и получать извѣстія о текущихъ событіяхъ; ему было также разрѣшено получать по своему выбору книги, поэтому онъ много занимался, въ особенности математикой, къ которой въ зрѣломъ возрастѣ онъ почувствовалъ склонность.

Въ Вологдѣ-же, въ ссылкѣ, написаны Минихомъ, въ 1758 г., его „Записки“, которыя были изданы впервые въ 1817 году и помѣщены въ настоящей книгѣ, см. выше стр. 1—120.

II.

Съ годами семейство Миниха значительно увеличилось; въ ссылкѣ у него родилось шестеро дѣтей, а всего отъ его брака съ баронессою Менгденъ у него было восемь человѣкъ дѣтей: четыре сына и четыре дочери. Надобно было подумать объ ихъ образованіи; въ Вологдѣ и при скудныхъ средствахъ это было крайне затруднительно а между тѣмъ графъ Эрнстъ Минихъ, какъ человѣкъ самъ прекрасно образованный и какъ заботливый отецъ семейства, желалъ дать своимъ сыновьямъ приличное и разностороннее образованіе, подобное тому, какое онъ самъ получилъ въ молодости. Старшій его сынъ воспитывался (1754 г.) у родныхъ, въ Лифляндіи ¹⁰⁾, подъ надзоромъ воспитателя своего Рунпэ, съ которымъ онъ впоследствии былъ отправленъ за границу.

Къ младшимъ сыновьямъ Минихъ пригласилъ въ 1754 году, на три года, изъ Кенигсберга учителемъ прусскаго уроженца, пастора Готфрида Каріуса, который исполнялъ въ Вологдѣ также обязанности домоваго пастора семейства Минихъ ¹¹⁾. Мы знаемъ также, что ученый Бюшингъ рекомендовалъ ему гувернеромъ для младшихъ его сыновей, въ Вологду, извѣстнаго впоследствии историка, Шмидта Физельдэка ¹²⁾.

Само собою разумѣется, что эти новыя потребности семьи влекли за собою новыя, довольно значительныя, расходы, поэтому Минихъ былъ вынужденъ обратиться, въ маѣ мѣсяцѣ 1756 г., къ государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ просьбою, увеличить сколько-нибудь назначенное ему отъ казны жалованье, въ виду того, что расходы его на содержаніе, а главное на ученіе дѣтей «годъ отъ года столь умножились, что производить оныя съ пропитаніемъ» семьи онъ не имѣлъ возможности. «Мое же всеусерднѣйшее желаніе, какъ всегда было, такъ и нынѣ въ томъ состоитъ, писалъ Минихъ въ своемъ прошеніи на высочайшее имя, «четыре-рехъ сыновей моихъ такъ воспитать, чтобы могли удостоены быть въ службѣ вашего императорскаго величества» ¹³⁾.

Государыня отнеслась къ этой просьбѣ благосклонно, но указъ о прибавкѣ Миниху, къ получаемой имъ тысячѣ рублей, еще четырехсотъ рублей «на содержаніе и обученіе дѣтей его», былъ

подписанъ Елисаветой Петровной лишь 26 марта 1758 года, т. е. почти черезъ два года послѣ подачи вышеупомянутаго прошенія, и только съ этого числа Минихъ сталъ получать отъ казны по 1,400 рублей въ годъ.

Причину этого замедленія слѣдуетъ искать, вѣроятно, въ томъ обстоятельствѣ, что у опальнаго Миниха не нашлось въ этомъ случаѣ энергичнаго ходатая при дворѣ, хотя въ Петербургѣ и находился его родной дядя, баронъ Христіанъ-Вильгельмъ Минихъ (р. 1686 г., † 1768 г.), который пользовался милостью императрицы и не отказывался, какъ увидимъ, иной разъ помочь племяннику въ его хлопотахъ.

Баронъ Х. В. Минихъ, о которомъ идетъ рѣчь, младшій братъ фельдмаршала, былъ принятъ, въ 1731 г. ¹⁴⁾, по его просьбѣ на русскую службу, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и въ царствованіе Елисаветы Петровны, не смотря на опалу, постигшую его брата, фельдмаршала, не только удержался при дворѣ, но даже повысился по службѣ, будучи назначенъ, 25 ноября 1742 г., во смерти графа Сем. Андр. Салтыкова, на его мѣсто, оберъ-гофмейстеромъ; онъ пользовался благоволеніемъ императрицы, удостоенъ знаками отличія и получилъ отъ нея въ 1744 г., въ подарокъ, конфискованныя у племянника лифляндскія помѣстья: Лунія, подъ Дерптомъ, Мойзекацъ и Пельксъ.

Къ этому, довольно вліятельному при дворѣ, дядюшкѣ графъ Эрнстъ Минихъ обращался неоднократно изъ Вологды въ 1756—1758 гг., съ просьбою похлопотать о томъ, чтобы ему было дозволено отправить его старшаго сына года на три или на четыре въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, для довершенія его образованія.

Старшій сынъ графа, о которомъ онъ хлопоталъ, Іоаннъ Готлибъ, родившійся въ 1740 г., былъ, въ то время, уже взрослымъ юношею, воспитывался, какъ мы уже сказали, въ Лифляндіи и настолько успѣлъ въ наукахъ, по отзыву отца, что «приватныя» занятія были для него недостаточны; забота о дальнѣйшемъ образованіи этого сына лежала у гр. Миниха тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, онъ готовъ былъ самъ перебиваться кое какъ, лишь бы отправить его за границу, въ университетъ, для того, чтобы онъ, какъ человѣкъ вполне образованный, сдѣлался достойнымъ чести быть принятымъ на службу ея величества, и чтобы онъ ознакомилъ съ нравами, обычаями и хозяйствомъ

Германіи, такъ какъ отецъ надѣялся, что ему, какъ главѣ семейства (*caput familiae*) придется со временемъ управлять ихъ тамошними имѣніями ¹⁵⁾.

Не довольствуясь перепискою, по этому поводу, съ дядей и просьбою замолвить кому слѣдуетъ словечко о его сынѣ, графъ Эрнстъ Минихъ обращался съ подобными же просьбами, за совѣтомъ и содѣйствіемъ, къ тещѣ своей, баронессѣ Менгденъ и къ другимъ родственникамъ, а также къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, какъ напр. къ кн. Трубецкому, гр. П. И. Шувалову и др., но многіе изъ нихъ не считали даже нужнымъ отвѣчать на его письма. Не смущаясь этимъ, Минихъ хлопоталъ неустанно, предвидя, что ему не легко будетъ добиться желаемаго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ за границу былъ сопряженъ въ 1750-хъ годахъ съ большими затрудненіями, въ виду продолжавшейся семилѣтней войны.

Хлопоты его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ; получивъ въ 1758 г. давно желанное извѣстіе и остановивъ свой выборъ на геттингенскомъ университетѣ, Минихъ, со свойственною ему осторожностью и осмотрительностью, рѣшилъ отправить туда сына не прежде, какъ посоветывавшись съ дядей и узнавъ отъ него о томъ, какъ взглянуть при дворѣ на выборъ этого университета, который считался однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ Германіи; получивъ, изъ Петербурга вполне успокоительныя, на этотъ счетъ, вѣсти, гр. Э. Минихъ тотчасъ написалъ (въ іюль 1758 г.) роднымъ, въ Лифляндію, чтобы они, не теряя времени, отправили его сына въ Германію, такъ, чтобы онъ могъ воспользоваться, для своего путешествія моремъ, лучшимъ временемъ года.

Почти два года спустя послѣ отъѣзда его старшаго сына за границу, въ ночь на 1 марта 1760 г., скончалась въ Вологдѣ супруга Миниха, съ которою онъ жилъ весьма счастливо и которую долго оплакивалъ; желая похоронить ее въ Лифляндіи, онъ хлопоталъ, черезъ вологодскую провинціальную канцелярію, о разрѣшеніи перевезти туда ея тѣло, но просьба его не была уважена и графиня Минихъ погребена въ Вологдѣ ¹⁶⁾.

III.

Императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, возвратилъ Миниху свободу; бывший оберъ-гофмейстеръ получилъ, въ январѣ 1762 года, позволеніе выѣхать изъ Вологды и, прибывъ въ Петербургъ со своими тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными въ ссылкѣ, ранней весной 1762 года *), онъ имѣлъ радость свидѣться, послѣ двадцатилѣтней разлуки, съ отцомъ, возвратившимся изъ Сибири, и представить ему цѣлое поколѣніе внучать, выросших за эти двадцать лѣтъ.

Петръ III пожаловалъ Миниху, взаменъ конфискованнаго у него имѣнія Ранценъ, другое имѣніе—Шваненбургъ, возвратилъ ему постепенно и всѣ прочія его лифляндскія помѣстья, и имѣлъ намѣреніе назначить его посланникомъ въ Стокгольмъ, но это назначеніе не состоялось ¹⁷⁾.

9-го іюня 1762 г. Петръ III возвратилъ ему орденъ Александра Невскаго.

Императрица Екатерина II также относилась къ гр. Эрнсту Миниху весьма благосклонно, давала ему лестныя порученія по службѣ, полагалась на его взгляды по многимъ вопросамъ величайшей важности и цѣнила его мнѣніе.

Въ имѣнии Лунія, принадлежавшемъ Миниху, сохранилось шестнадцать писемъ къ нему императрицы Екатерины II отъ 1765—1775 гг., которыя свидѣтельствуютъ о ея милостивомъ отношеніи къ нему; въ этихъ письмахъ государыня проситъ его о присылкѣ книгъ и сообщаетъ ему о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Зналъ Миниха за человѣка весьма образованнаго, государыня выражала иногда желаніе знать его мнѣніе о той или другой книгѣ; такъ напр. однажды она поручила ему прочесть въ сочиненіи Рейналя „L'Histoire philosophique du commerce des Indes“ статью, касающуюся Россіи, и подать ей письменно замѣчанія на эту книгу ¹⁸⁾.

*) Вѣроятно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1762 года, такъ какъ въ „Замѣчаніяхъ на Записки Маиштейна“ Минихъ говоритъ, что онъ прибылъ нѣсколько недѣль раньше отца, а отецъ его, фельдмаршалъ, возвратился изъ Сибири въ началѣ апрѣля 1762 г. (См. „Сборн. русск. ист. общ.“, томъ XVIII, стр. 63).

Екатерина II пожаловала Миниху чинъ дѣйствит. тайн. совѣт. и со свойственною ей прозорливостью и умѣньемъ пользоваться людьми, сообразно ихъ уму и познаніямъ, назначила его въ 1763 г. на вновь учрежденную ею должность, главнымъ директоромъ всѣхъ таможенныхъ сборовъ въ имперіи ¹⁹⁾; этотъ важный, по своему значенію; служебный постъ вполне соответствовалъ той подготовкѣ, которую Минихъ получилъ въ молодости, за границую, его основательному знанію юридическихъ наукъ и политической экономіи, которыми онъ постоянно интересовался. Теперь ему представился отличный случай примѣнить къ дѣлу свои теоретическія познанія и поставить ввѣренное ему дѣло на такихъ началахъ, при которыхъ оно могло-бы приносить государству наибольшую пользу, вслѣдствіе правильнаго поступленія въ казну таможенныхъ сборовъ, тѣмъ болѣе, что эта отрасль государственнаго хозяйства настоятельно требовала преобразованія: сборъ пошлинъ находился, съ 1758—1764 гг., въ частныхъ рукахъ, онъ былъ отданъ на откупъ оберъ-инспектору Шемякину; можно думать, насколько подобный порядокъ былъ невыгоденъ для государственной казны; только съ учрежденіемъ вышеупомянутой должности, предоставленной Миниху, всѣ таможи и таможенные сборы были подчинены главной надъ таможенными сборами канцеляріи, которая должна была слѣдить за точнымъ соблюденіемъ таможеннаго устава, въ который были включены въ 1755 г., всѣ изданные до этого года законы о пошлинахъ ²⁰⁾.

Графъ Эрнстъ Минихъ былъ человѣкъ вполне подходящій для вновь созданной императрицею должности, не только по своей научной подготовкѣ, по своему знакомству съ юридическими науками, но также и по своей безупречной честности и справедливости, о которыхъ свидѣтельствуютъ единодушно всѣ его современники.

„Мнѣ говорили“, передаетъ о немъ Гадебушъ, „что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже родному отцу“ ²¹⁾.

По должности главнаго директора надъ таможенными сборами, гр. Эрнстъ Минихъ входилъ неоднократно въ 1765—1774 гг. въ сенатъ и къ самой государынѣ съ докладами по разнымъ вопросамъ своего вѣдомства *), участвовалъ въ обсужденіи

*) См. далѣе, приложеніе, стр. 303—304.

вопросовъ о пошлинахъ, о тарифахъ, о разныхъ торговыхъ проектахъ, въ которыхъ онъ обнаружилъ свое знакомство съ нуждами русской торговли и промышленности; съ 1764—1788 гг. (до самой кончины своей) онъ былъ членомъ „таможенной комиссіи о комерціи“, учрежденной именнымъ указомъ 8-го декабря 1763 г.²²⁾, для изысканія средствъ къ увеличенію отпускной торговли Россіи и къ поднятію кредита русскаго купечества, какъ внутри государства, такъ и за границу. По этимъ и по другимъ торговымъ вопросамъ онъ неоднократно подавалъ свое мнѣніе, вмѣстѣ съ прочими членами этой комиссіи: кн. Шаховскимъ, гр. Чернышевымъ, гр. Шуваловымъ и другими.

Въ 1767—1769 гг. Минихъ, какъ депутатъ главной канцеляріи надъ таможенными сборами, принималъ участіе въ знаменитой екатерининской комиссіи „о сочиненіи проекта новаго уложенія“, и въ этомъ званіи подавалъ свое мнѣніе о вексельномъ уставѣ и о крестьянскомъ торгѣ, когда купечествомъ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи права крестьянъ на розничную торговлю, которую купцы хотѣли забрать въ свои руки. Минихъ отстаивалъ право крестьянъ на торговлю своими продуктами и издѣліями, основывая свое мнѣніе на томъ, что отъ изыятія изъ торговли крестьянъ съ ихъ капиталами потерпятъ не только ихъ личные интересы, но должна пострадать торговля всего государства *).

Въ ноябрѣ 1768 г. Минихъ былъ въ числѣ лицъ, избранныхъ законодательной „комиссіей“ для принесенія императрицѣ, отъ имени этой комиссіи, поздравленія съ выздоровленіемъ, по случаю привитія оспы²³⁾.

Къ Миниху же, какъ къ человѣку близко знакомому съ таможеннымъ дѣломъ, обратился въ 1771 г. графъ Никита Ивановичъ Панинъ съ просьбою подать свое мнѣніе „о русской торговлѣ съ Пруссіей“, по поводу домогательства прусскаго посланника, гр. Сольмса, объ уменьшеніи пошлины съ фабричныхъ произведеній, ввозимыхъ въ Россію изъ Пруссіи.

Записка, поданная по этому вопросу гр. Минихомъ, свидѣтельствуетъ о его вѣрномъ взглядѣ на домогательство прусскаго

*) См. Приложение, стр. 304.

посланника и о честномъ его отношеніи къ интересамъ Россіи. Отстаивая въ ней интересы русской торговли, Минихъ доказывалъ, что существовавшія пошлины не могли быть обременительны для прусскаго купечества, которое всегда имѣло возможность выручить свои убытки съ покупателя, и что уменьшеніе этихъ пошлинъ только доставило бы Пруссіи преимущество торговли съ Россіей передъ прочими государствами, а это отнюдь не согласовалось съ интересами Россіи и могло нанести ущербъ нашей промышленности²⁴⁾.

Помимо участія въ разныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ его служебной дѣятельности, гр. Эрнстъ Минихъ получалъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, и разныя другія порученія, свидѣтельствовавшія о довѣрїи къ нему государыни и о лестномъ ея мнѣніи объ его умѣ и познаніяхъ.

Весьма любопытно, что въ 1766 г., до назначенія директоромъ академіи наукъ гр. Орлова, императрица хотѣла ввѣрить управленіе этой академіей Миниху, какъ это доказываетъ сохранившійся, въ бумагахъ тайн. сов. Теплова, отрывокъ проекта сенатскаго указа, съ собственноручною припискою Екатерины о назначеніи гр. Миниха управлять академією наукъ; но это назначеніе не состоялось²⁵⁾.

Въ 1767 г., Миниху, какъ члену опекунскаго совѣта, было поручено рассмотреть, вмѣстѣ съ гр. Панинымъ, кн. Голицынымъ и гр. Чернышевымъ, генеральный планъ московскаго воспитательнаго дома, представленный И. И. Бецкимъ; въ 1771 г. онъ разсматривалъ планъ коммерческаго училища, составленный тѣмъ-же Бецкимъ, въ 1772 г. подавалъ свое мнѣніе о планѣ дополнительныхъ при воспитательномъ домѣ учрежденій: вдовьей, ссудной и сохранной казны. Въ 1774 г. императрица пожаловала ему Андреевскую ленту и назначила его президентомъ коммерцъ-коллегіи, должность, въ которой онъ оставался до своей кончины²⁶⁾.

Въ бумагахъ императрицы Екатерины II сохранилось въ двухъ редакціяхъ собственноручное ея шутивное описаніе рода смерти, отъ которой должны умереть нѣкоторые изъ ея приближенныхъ (написано между 1768—1775 гг.); графу Миниху предвѣщалась въ немъ смерть отъ удушія: „Le comte Munich d'un asthme“²⁷⁾.

Хотя императрица не поясняетъ о какомъ именно Минихѣ тутъ идетъ рѣчь, но такъ какъ этотъ документъ относится къ 1768—1775 гг., то не подлежитъ сомнѣнію, что императрица говоритъ въ немъ именно о гр. Эрнстѣ Минихѣ, такъ какъ его отецъ скончался въ 1767 г., братъ фельдмаршала, баронъ Х. В. Минихъ, въ 1768 г., а сыновья Эрнста Миниха и барона Х. В. Миниха были еще слишкомъ молоды въ то время, чтобы можно было предсказывать имъ смерть, тѣмъ болѣе отъ удущья.

IV.

Въ 1770-хъ годахъ гр. Эрнстъ Минихъ взялся за перо, съ цѣлью оправдать своего отца, фельдмаршала, отъ нѣкоторыхъ нападокъ, высказанныхъ на его счетъ въ Запискахъ Манштейна; которыя появились въ печати въ 1770 и 1771 гг. Графъ Эрнстъ Минихъ написалъ на нихъ свои „Замѣчанія“, которыя оказались не простыми замѣтками на эти Записки, но весьма любопытнымъ историческимъ сочиненіемъ престарѣлаго уже, но все еще бодрого умомъ, гр. Эрнста Миниха. Эти „Замѣчанія“ появились въ выдержкахъ въ «Отеч. Запискахъ» П. И. Свиньина изд. 1825—1828 гг., затѣмъ въ полномъ текстѣ, въ 1879 г. въ «Русской Старинѣ», и, наконецъ въ настоящей книгѣ (см. выше стр. 121—222).

Графъ Эрнстъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, скончался въ Петербургѣ 24-го января ст. ст. 1788 г., на 81 году жизни, и погребенъ въ Лунѣ, гдѣ покоятся также останки его отца, фельдмаршала Миниха ²⁸⁾.

Эрнстъ Минихъ не наследовалъ „блистательныхъ“ качествъ своего отца, говоритъ о немъ Манштейнъ, но наследовалъ многія его хорошія свойства, не получивъ ни одного изъ дурныхъ. Онъ имѣетъ ровный и основательный умъ и чрезвычайно честенъ ²⁹⁾.

Объ умѣ, безупречной честности Миниха, объ его дарованіяхъ и скромности современники отзываются единодушно; доказательствомъ того уваженія, съ какимъ относились къ нему люди, знавшіе его близко, можетъ служить слѣдующій отзывъ, заимствованный изъ письма ген.-поручика Якова Ефимовича Сиверса къ

дядѣ Карлу Ѳедоровичу Крузе, къ которому Сиверсъ писалъ въ 1779 г. *) по дѣлу о своемъ разводѣ съ женою.

„Не имѣя никакихъ извѣстій о выборѣ судьи со стороны жены моей“, пишетъ Сиверсъ, „слышалъ я вчера, будто его сіятельство гр. Минихъ вознамѣрился взять на себя сіе печальное дѣло. Я весьма тому радъ: онъ есть человѣкъ безпорочной совѣсти и добродѣтельной; я бы самъ хотѣлъ его избрать“ ³⁰⁾.

Въ архивѣ кн. Воронцова, въ которомъ помѣщено настоящее письмо, мы находимъ еще одинъ, весьма интересный, отзывъ современника о личности гр. Эрнста Миниха и, главнымъ образомъ, о его Запискахъ.

Этотъ отзывъ принадлежитъ перу весьма просвѣщеннаго человѣка и извѣстнаго государственнаго дѣятеля, гр. Семена Романовича Воронцова, бывшаго въ 1818 г. нашимъ полномочнымъ посланникомъ при лондонскомъ дворѣ.

Вотъ что пишетъ онъ своему сыну, графу (впосл. князю) Михаилу Семеновичу Воронцову изъ Лондона, 29-го мая нов. ст. 1818 г., т. е. тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти гр. Эрнста Миниха и вскорѣ послѣ изданія его Записокъ.

(Переводъ съ франц.). «Я прочелъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. Я хорошо зналъ его; онъ былъ очень друженъ съ моимъ братомъ, который любилъ и уважалъ его, какъ человѣка весьма образованнаго и честнаго, при томъ права кроткаго и обходительнаго. Эти Записки написаны съ такою простотою и чистосердечіемъ, которыя приковываютъ читателя. Такъ слѣдовало-бы писать исторію своего времени, чтобы она служила источникомъ для будущихъ Юмовъ и Робертсоновъ. Однако, въ нихъ замѣтно явное пристрастіе, съ его стороны, по отношенію къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и это можно извинить ему, ибо она была его благодѣтельница. Въ этомъ пристрастіи та особенность, что оно не высказывается въ преувеличенныхъ похвалахъ дѣяніямъ этой государыни, но въ совершенномъ умолчаніи объ одномъ общеизвѣстномъ фактѣ, омрачившемъ навсегда славу этой государыни, я говорю о процессѣ, осужденіи и казни знаменитаго графа (sic)

*) Число не помѣчено.

Артемія Петровича Вольтскаго, человѣка въ высшей степени достойнаго, истинно государственнаго дѣятеля, который служилъ Петру Великому и пользовался его уваженіемъ, но былъ казненъ, не смотря на свою невинность, хорошо ей извѣстную, и принесенъ въ жертву потому, что того хотѣлъ Биронъ»³¹⁾.

Въ имѣніи Лунія находится поясной портретъ гр. Эрнста Миниха въ натуральную величину. «Всматриваясь въ его грустные, задумчивые глаза, съ отяжелѣвшими вѣками, невольно приходитъ на мысль», говоритъ А. Я. Юргенсонъ, видѣвшій этотъ портретъ³²⁾, „что печальная участь Миниха и несчастье, постигшее его отца, нанесли его сердцу тяжкую рану, которую самое время не могло вполне залечить“.

Приложенія къ очерку жизни графа Эрнста Миниха.

I.

Въ Полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 по 1825 гг. изданномъ въ 1830 г. въ С.-Петербургѣ, въ XVII и XIX томахъ, мы находимъ рядъ высочайше утвержденныхъ указовъ, состоявшихся по докладамъ дѣйств. тайн. сов. Миниха; эти указы относятся къ 1765—1774 гг., т. е. къ тому времени, когда гр. Эрнстъ Минихъ стоялъ во главѣ таможеннаго вѣдомства, въ качествѣ главнаго директора надъ таможенными сборами въ имперіи и президента коммерцъ-коллегіи.

1765 г. января 15-го. Высочайше утвержденный докладъ д. ти. сов. гр. Миниха, объ измѣненіи таможенныхъ штатовъ, конфирмованныхъ 12 февр. 1764 г., съ приложеніемъ оныхъ въ новомъ видѣ (т. XVII, 10).

1765 г. марта 14-го. Именной, данный д. ти. сов. гр. Миниху. О неконфискованіи кавалерскихъ лентъ, привозимыхъ изъ чужихъ земель, кои будутъ нѣсколько шире даннаго образца (т. XVII, 86).

1765 г. августа 26-го. Утвержденъ докладъ сената, по представленію, сдѣланному д. ти. сов. гр. Минихомъ, объ отпускѣ пиленныхъ досокъ, по сту на тысячу подъ желѣза, на подстилку въ корабляхъ (т. XVII, 314).

1765 г. августа 31-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. ти. сов. Миниха о взиманіи пошлинъ со старыхъ и поновленныхъ карстъ и колясокъ, изъ-за границы ввозимыхъ (т. XVII, 317).

1766 г. апрѣля 10-го. Сенатскій указъ, по докладу д. ти. сов. Миниха. О выпускѣ ревеня изъ Риги за границу и о сборѣ пошлинъ съ онаго, а также и съ клею пошлины, равной противу с.-петербургскаго порта (т. XVII, 659).

1766 г. мая 10-го. Высочайше утвержденный докладъ д. ти. сов. гр. Миниха. О неосматриваніи въ рижской порторіи слѣдующихъ изъ иностранныхъ государствъ въ Россію чрезъ Ригу сухимъ путемъ всякихъ товаровъ и вещей, объ опечатаніи только мѣстъ товарныхъ, на основаніи указа 1734 г., и о препровожденіи таковыхъ товаровъ при письменныхъ извѣстіяхъ въ с.-петербургскую таможеню (т. XVII, 684).

1766 г. іюля 24-го состоялась высочайшая резолюція на докладъ д. ти. сов. гр. Миниха, о невзыскиваніи пошлинъ съ оказывающейся при досмотрахъ разбитой посуды (т. XVII, 859).

1766 г. октября 21-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. ти. сов. гр. Миниха, о продажѣ контрабандныхъ товаровъ съ аукціоннаго торга и объ отдачѣ изъ вырученной суммы одной половины помщику, а другой въ казну (т. XVII, 1025).

1766 г. октября 27-го состоялся сенатскій указъ о невзиманіи пошлины съ соли, провозимой изъ Крыму чрезъ Новороссійскую губернію въ Польшу (т. XVII, 1026).

1770 г. марта 2-го. Именной указъ, данный д. тн. сов. гр. Миниху. О зачетѣ вдвое пошлинъ съ вещей, привозимыхъ къ министрамъ римско-императорскаго двора (т. XIX, 17).

1770 г. іюля 22-го. Высочайше утвержденъ докладъ гр. Миниха о невзысканіи пошлинъ съ вывозимыхъ для Воспитательнаго дома аптекарскихъ матеріаловъ (т. XIX, 92).

1770 г. ноября 1-го. По докладу члена комисіи о коммерціи гр. Миниха, высочайше утвержденъ докладъ этой комисіи о правилахъ, какъ поступать при отпускѣ изъ Россійскихъ портовъ иностранные товары обратно (т. XIX, 165).

1770 г. декабря 13-го состоялся именной указъ, данный гр. Миниху о взиманіи пошлины съ Россійскаго льнянаго сѣмени, при выпускѣ его за границу по 43 $\frac{1}{2}$ копѣйки (т. XIX, 177).

1772 г. іюня 15-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о смотрѣніи надзирателю главной надѣ таможенными сборами канцеляріи, какъ за кассиромъ, такъ и за таможенными служителями и дѣлами и о дачѣ ему инструкціи (т. XIX, 524).

1772 г. октября 25-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о высылкѣ обратно привезенныхъ къ с.-петербургской таможнѣ запрещенныхъ товаровъ, по взятіи съ нихъ акциденціи (т. XIX, 605 и 606).

1774 г. марта 31-го. Состоялась высочайшая резолюція на докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, объ отсылкѣ въ воспитательный домъ хранящихся въ таможняхъ денегъ, выручаемыхъ за проданные товары незвѣстныхъ хозяевъ (т. XIX, 937).

II.

Въ числѣ бумагъ, сохранившихся въ Государственномъ архивѣ объ Екатерининской комисіи, изданныхъ Императорскомъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ 1871 г. ¹⁾, находится: „Мнѣніе депутата отъ главной надѣ таможенными и сборами канцеляріи, гр. Эрнста Миниха, о крестьянскомъ торгѣ, или рѣшеніе вопроса, надлежитъ-ли дозволить русскимъ крестьянамъ торговать или имъ это запретить?“ (Собственноручное).

Склоняясь въ этомъ „мнѣніи“ въ пользу крестьянъ, Минихъ полагалъ возможнымъ дозволить имъ производить торгъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Всякому крестьянину дозволить привозить на рынокъ, во всѣ города своей провинціи, свои продукты, сырые и выработанные имъ самимъ, и продавать оные гуртомъ и въ подробности мѣщанамъ и городскимъ жителямъ, 2) таковой-же торгъ дозволить ему и во всѣхъ селахъ его уѣзда, въ которыхъ нѣтъ мѣщанъ. Тамъ онъ можетъ и въ лавкѣ торговать, 3) дозволить ему скупать и складывать въ анбары сѣстные припасы и разные товары въ своемъ уѣздѣ, и продавать ихъ купцамъ и мѣщанамъ городовъ его провинціи, но не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, 4) но лавокъ въ городахъ держать ему не

¹⁾ См. Сборн. рус. ист. общества, т. VIII, стр. 200.

дозволять и товары покупать запретить, кромѣ необходимыхъ для его домашняго употребленія, развѣ онъ запишется (съ разрѣшенія помѣщика) въ мѣщанство.

Дозволить имъ быть разнощиками въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но до тѣхъ только поръ, пока можно будетъ наполнить необходимо нужное въ большихъ городахъ число таковыхъ людей бѣдными мѣщанами, ихъ женами и дѣтьми.....

Къ этому мнѣнію гр. Миниха присоединились многіе другіе депутаты.

Въ „мнѣніи“ своемъ о вексельномъ уставѣ, гр. Эрнстъ Минихъ высказалъ необходимость внести въ этотъ уставъ поправку, для того, чтобы охранить отъ раззоренія юношей, дѣлающихъ долги, въ расчетѣ на будущее наслѣдство, котораго не хватаетъ иной разъ даже на уплату по векселямъ.

„Для предупрежденія такой настоящей гибели гражданамъ, для сохраненія благоденствія общества и искорененія равныхъ злоупотребленій, депутатъ гр. Минихъ предложилъ слѣдующее ¹⁾: если окажется, что вексель былъ данъ отъ человѣка не совершенныхъ лѣтъ, или не имѣющаго собственнаго своего имѣнія, или состоящаго во власти родителей или опекуновъ, то надлежитъ такой вексель уничтожить и чтобы никто уже не могъ домогаться по немъ взыскація.

22 марта 1891.

Слб.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОЧЕРКУ ЖИЗНИ ГР. ЭРНСТА МИНИХА.

- 1) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 630.
- 2) „Familienbuch“ въ Mittheilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-Est und Curlands, 1843, стр. 356. и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 631.
- 3) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 320. По Бюшнгу, Минихъ, былъ арестованъ въ ночь съ 24 на 25 ноября, см. Büsching Magazin, III, 506.
- 4) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1547 и слѣд.
- 5) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. VI, 409 и слѣд., допесенія Пепольда.
- 6) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 633.
- 7) „Русскій Архивъ“, 1886 г., стр. 1555.
- 8) Тамъ-же, стр. 1549—1560.
- 9) „Русская Старина“ 1887 г., т. LIII, стр. 232.
- 10) Тамъ-же, т. LIV, стр. 227, 320, 466 и 634.
- 11) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1564.
- 12) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIII, стр. 227.
- 13) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1561 и 1565.
- 14) „Архивъ кн. Воронцова“, т. II, стр. 471 и 435.
- 15) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIII, стр. 466 и 469.

¹⁾ Сборн. русск. ист. общ., т. VIII, 2.

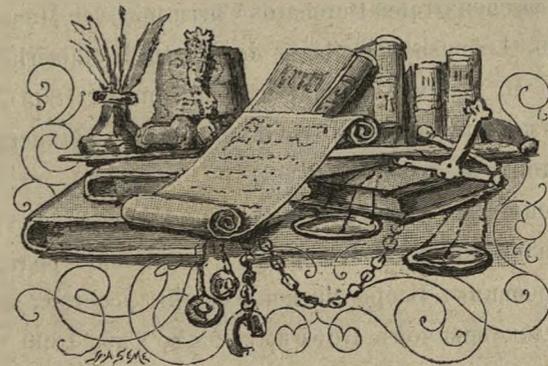
- 16) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1566 и 1567.
 17) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XVIII, стр. 372, и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 634.
 18) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 636. и „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XXIII, стр. 13.
 19) Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XXII, стр. 156.
 20) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII, стр. 4.
 21) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 636.
 22) „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, т. XVI, стр. 452, Описание архива вѣдшей торговли, изд. Кайданова и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 638.
 23) „Сборникъ русск. истор. общества“, т. XXXVI, стр. 110, 220 и 273.
 24) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XXVI, стр. 237—241.
 25) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. X, стр. 134.
 26) „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, т. XVIII, стр. 291, и „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1546.
 27) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. X, стр. 321.
 28) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 636.
 29) „Маништейнъ“, записки, изд. 1875 г., стр. 240.
 30) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XXVI, стр. 278.
 31) Тамъ-же, т. XXVII, стр. 476.
 32) „Русская Старина“, т. LIV, стр. 637.

РОДОСЛОВІЕ

ФАМИЛІИ ГРАФОВЪ МИНИХОВЪ,

Составила В. В. Тимошукъ.

Родословіе графовъ Миниховъ, напечатанное въ „Россійской родословной книгѣ“, изд. кн. П. В. Долгоруковымъ, Спб. 1855 г., ч. 2-я стр. 137—142, не отличается полнотою свѣдѣній о лицахъ, упомянутыхъ во второмъ, третьемъ и четвертомъ колѣнахъ фамиліи Миниховъ, а именно: у внесенныхъ въ нее лицъ не достаетъ многихъ чиселъ, у бывшаго гофмейстера графа Эрнста Миниха показано пять сыновей и одна дочь, между тѣмъ какъ у него было четыре сына и четыре дочери; въ томъ же родословіи опущены нѣкоторыя другія подробности.

Въ виду этого, помѣщаемая въ настоящемъ изданіи родословная дополнена нами въ этихъ трехъ колѣнахъ по разнымъ источникамъ, таковы: Hempel, Leben, Thaten und betrubter Fall dess weltberufenen russischen Grafen Burchards Christophs von Münnich, Bremen, 1743; Halem, Lebensbeschreibung des russisch Kaiserlichen Generalfeldmarchalls В. С. von Münnich (Oldenburg. 1803), гдѣ перечислены ближайшіе потомки фельдмаршала; „Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. IV, стр. 423, гдѣ напечатанъ „Дневникъ генерала Бургарда Христофора Миниха“, съ приложеніемъ генеалогической таблицы его рода; „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи“, составленный гр. Александромъ Алексѣвичемъ Бобринскимъ, Спб. 1890 г., часть II, стр. 412—414, и, наконецъ, статья А. Я. Юргенсона въ „Russische Revue“ 1886, Heft II, стр. 325, и III, стр. 323 и 325.

Графы Минихи.

I.

- | № | № отцов-
скій. |
|----|--|
| 1. | Антонъ Гиптеръ von Münnich, датскій тайн. сов.; р. 9 іюня 1650 † 14 февр. 1721; жен. на Софіи-Екатериѣ Этенкестъ, р. 13 іюня 1659 † 27 мая 1710. |

II.

2.	Іоаннъ-Рудольфъ, начальникъ надъ приморскими плотинами въ графствѣ Ольденбургскомъ, † 8 апр. 1731 г.	1
3.	Графъ Бургардъ-Христофоръ, Россійскій фельдмаршалъ и св. Андрея кав.; р. 9 мая 1683 † 16 окт. 1767; жен. 1) съ 28 апр. 1705 г. на Христинѣ-Лукреціи фонъ-Вицлебенъ, р. 14 авг. 1685 г. † 1727 г., 2) съ 1728 г. на Барбарѣ Элеонорѣ, рож. фонъ-Мольцанъ, въ первомъ бракѣ Салтыкова, (всѣ дѣти отъ перваго брака)	1
4.	Баронъ Христіанъ-Вильгельмъ, Россійскій оберъ-гофмейстеръ и св. Андр. кав.; род. 1688 † 11 апр. 1768 г.; жен. съ 12 окт. 1717 г. на Аннѣ-Елисаветѣ фонъ, Вицендорфъ, дочери тайн. сов. Дидриха Вильгельма фонъ-Вицендорфъ.	1
	Елена-Елисавета, за фонъ-Рѣтбергъ	1
	Шарлотта-Амалія, за фонъ Рѣль.	1
	Доротея-Елисавета, за прусскимъ ген.-маіоромъ фонъ-Вильдеманъ.	1

III.

5. Георгъ Дидрихъ, полковникъ польскихъ войскъ. 2
6. Графъ Эрнстъ, дѣйств. тайн. сов. и св. Андр. кав., русскими называемый „Сергѣй Христофоровичъ“, р. 30 дек. 1707 ст. ст. † 24 янв. 1788 г., жен. съ 20 февр. 1739 г. на баронессѣ Аннѣ-Доротеѣ Менгденъ 3
7. Баронъ Н. Н. Минихъ, полковникъ русской службы, умеръ бездѣтный. 4
- Графиня Софія-Анна-Луиза, р. 10 февр. 1709 г., за полковникомъ барономъ Альбрехтомъ - Германомъ фонъ-Мольцанъ 3
- Графиня Христина-Елисавета, р. 30 окт. 1711 г., за барономъ Иоанномъ-Генрихомъ фонъ-Менгденъ († 1768 г.). 3
- Графиня Луиза-Доротея, р. 30 сент. 1713 г., въ 1-мъ бракѣ за барономъ Иоанномъ-Вильгельмомъ фонъ-Шаумбургъ, во 2-мъ за графомъ Фридрихомъ-Лудвигомъ Сольмсъ-Вильденфельсъ 3
- Баронесса Н. Н. Минихъ, за гр. Гаральдомъ Густавомъ Игельштромъ 4
- Баронесса Н. Н. Минихъ, по смерти сестры своей вышла замужъ за того же гр. Гаральда Густава Игельштрома. 4

IV.

8. Графъ Иоаннъ-Готлибъ, дѣйств. стат. сов., лифляндскій ландратъ, р. 9 мая 1740 † 18. . . г., женатъ на дѣвицѣ Фитингофъ, имѣлъ двухъ дочерей 6
9. Графъ Эрнстъ-Густавъ (Сергѣй Сергѣевичъ), ген.-маіоръ, род. 6 ноября 1744 † 1812 г. 6
10. Графъ Бурхардъ-Христофоръ (Сергѣевичъ), тайн. сов. и св. Алекс. Нев. кав.; род. 1 янв. 1747 г. † 22 мая 1824 года, жен. на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Ефимовской. 6
11. Графъ Лудвигъ-Антонъ (Сергѣевичъ), гвардіи ротмистръ, род. 5 янв. 1748 † 1800 г., жен. на Вѣрѣ Николаевнѣ Чоглоковой. 6
- Графиня Анна-Ульрика, р. 4 мая 1741 † 18 янв. 1811 г., за дѣйств. тайн. сов. барономъ Иваномъ Андреевичемъ Фитингофъ 6

Одна изъ трехъ дочерей баронессы Фитингофъ (у нея было три дочери и одинъ сынъ), баронесса Юлія Фитингофъ, род. 21 нояб. 1764 г. въ Ригѣ, вышла замужъ за бар. Крюднера и прославилась тѣмъ влияніемъ, которое она имѣла нѣкоторое время на императора Александра I. Графиня Н. Н., род. 13 іюня 1742 г. 6

Графиня Доротея, р. 9 янв. 1746 г., зам. за ассесоромъ Бергомъ. 6

Графиня Юліана-Элеонора, р. 30 апрѣля 1749 г., зам. за графомъ Мантейфель-Цеге 6

V.

12. Графъ Фридрихъ-Францъ, былъ въ 1855 г. Ольденбургскаго двора оберъ-гофмаршалъ; владѣлъ старинными родовыми помѣстьями фамиліи Миниховъ въ Ольденбургѣ, р. 1 окт. 1788; жен. на Христинѣ-Луизѣ фонъ Плессенъ. 9
13. Графъ Петръ-Христофоръ (Петръ Сергѣевичъ), малороссійскаго Кирасирскаго полка подполковникъ; жен. на баронессѣ Генріэттѣ Каролинѣ Клодъ фонъ-Юргенбургъ, † отъ ранъ въ 1813 г. 9
- Грофиня Екатерина, за барономъ Нолькенъ 9
- „ Анна-Доротея, за полковникомъ Глинка 9
- „ Елисавета 9
14. Графъ Сергій Христофоровичъ, полковникъ и адъютантъ е. и. в. цесаревича великаго князя Константина Павловича; р. 1773 † 12 марта 1808 10
- Графиня Екатерина Христофоровна, † 1724 10
15. Графъ Александръ Антоновичъ, подполковникъ С.-Пб. драгунскаго полка. 11
- Графиня Марія Антоновна, за маіоромъ барономъ Карломъ Павловичемъ Розенъ 11
- Графиня Екатерина Антоновна, за графомъ д'Аллонвилль (d'Allonville) 11
- Графиня Елисавета Антоновна, за ген.-лейтен. Михайломъ Дмитріевичемъ Хрущовымъ. 11
- Графиня Наталія Антоновна, за ген.-лейтеп. графомъ Иракліемъ Ивановичемъ Морковымъ. 11
- Графиня Христина-Софія-Элеонора 9

VI.

Графиня Гоанна-Георгина-Элеонора-Цецилія, за гапновскимъ маіоромъ гвардіи Вильгельмомъ фонъ-Бюловъ	12
Графиня Паулина-Албертина, за графомъ Вильгельмомъ-Фридрихомъ-Христіаномъ Бентипкъ	12
Графиня Аделаида, за ольденбургскимъ камергеромъ Германомъ фонъ-Рёссингъ.	12
Графиня Эмма-Вильгельмина	12
„ Амалия-Эрнестина-Екатерица	12
„ Александра-Фредерика	12
16. Графъ Христофоръ Петровичъ, р. 27 авг. 1825	13

О происхожденіи фамилии Миниховъ существуетъ два противоположныхъ мнѣнія: одни біографы фельдмаршала (Halem, Neupel), къ которымъ присоединились М. Д. Хмыровъ (см. его очеркъ: „Фельдцейхмейстерство гр. Миниха“ въ изд. „Записки иностранцевъ XVII стол.“, т. II, стр. 217) и Н. И. Костомаровъ („Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи“, „Вѣстникъ Европы“, изд. 1884 г., стр. 511) говорятъ, что родъ Миниховъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію и что только отецъ фельдмаршала, Антонъ Гинтеръ Минихъ, ольденбургскій помѣщикъ, возведенъ въ дворянское достоинство королемъ датскимъ Христіаномъ V, 24 мая 1686 г. (Родосл. книга кн. Долгорукова, 1855 г., ч. 2-я, стр. 140). Между тѣмъ А. И. Юргенсонъ, близко изучившій различные источники къ жизнеописанію фельдмаршала Миниха, оспариваетъ это мнѣніе, (см. Russische Revue, Heft II, 225), на основаніи генеалогической таблицы, приложенной самимъ фельдмаршаломъ къ его „Дневнику“, который напечатанъ въ оригиналѣ и въ переводѣ въ „Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей“, т. IV, и перепечатанъ на русскомъ языкѣ въ „Запискахъ иностранцевъ XVIII столѣт.“, т. II. Изъ этой генеалогической таблицы видно, что дворянскій родъ Миниховъ восходитъ до начала XVI вѣка, и что въ числѣ ихъ предковъ двое, именно прадедъ и дѣдъ фельдмаршала, были главными начальниками Вюстенландскаго округа въ Ольденбургѣ; то-же повторяетъ и Хмыровъ въ своей статьѣ (стр. 218), прибавляя что они были извѣстны своими заслугами по части гидравлики (см. также Halem, 7, ч. I), и что склонность къ занятіямъ гидравлическимъ была наследственна въ семействѣ Миниховъ.

Столь видное служебное положеніе, какое занимали эти два Миниха, врядъ-ли могло быть совмѣстимо съ ихъ крестьянскимъ званіемъ.

Изъ той же генеалогической таблицы видно, что одинъ изъ болѣе дальнихъ предковъ Миниха находился въ началѣ XVI столѣт. въ Баваріи, гдѣ онъ владѣлъ помѣстьемъ, а сынъ его, Германъ Минихъ, былъ владѣтель Рамшауера и Мансфельда, изгнанъ изъ Баваріи въ 1526 г. во время крестьянской войны; другой Минихъ былъ убитъ въ томъ же году, сражаясь за права господъ, и, наконецъ, двое Миниховъ, изъ боковой вѣтви, были по очереди настоятелями монастыря въ Бланкенбургѣ.

Все эти факты говорятъ въ пользу ихъ дворянскаго происхожденія, которое подтверждается также выпискою изъ Гербовника, I, № 18, приведенною въ книгѣ „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссийской имперіи“, составленной А. А. Бобринскимъ (Спб. 1890 г., ч. II, 412—414); въ этой выпискѣ говорится, что „гр. В. Х. Минихъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, Минихъ, находился сперва въ Баваріи, потомъ въ Остфриеландіи, а на послѣдокъ поселился въ графствѣ Ольденбургскомъ и владѣлъ тамъ помѣстьями и сего же рода Антонъ Генрихъ (Гинтеръ?) Минихъ королемъ датскимъ Христіаномъ V въ 1686 г. пожалованъ въ достоинство датскаго дворянина“.

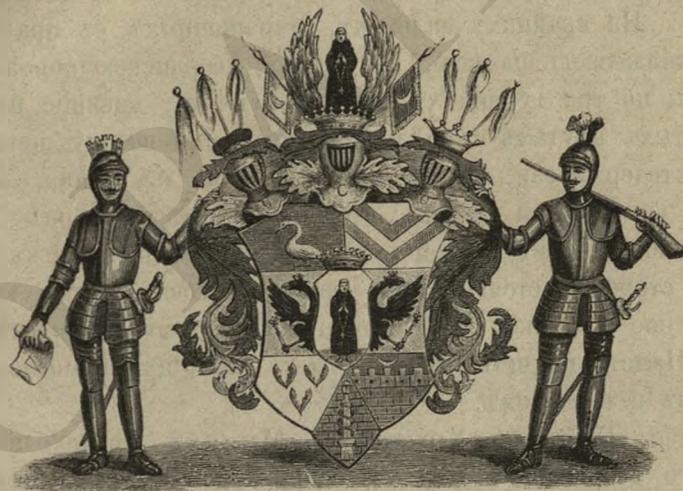
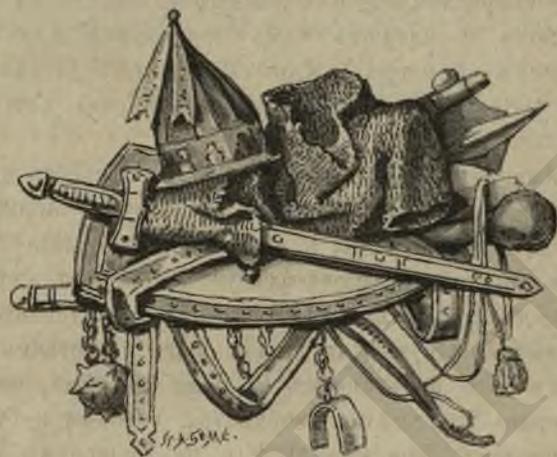
Эта выписка изъ Гербовника вполне согласуется съ тѣми данными, которые мы находимъ въ генеалогической таблицѣ, написанной самимъ фельдмаршаломъ, и поэтому пожалованіе Антона Гинтера Миниха дворяниномъ званіемъ слѣдуетъ понимать, вѣроятно, не въ томъ смыслѣ, что онъ изъ крестьянъ былъ пожалованъ въ дворяне, а въ томъ смыслѣ, что, будучи владѣльцемъ помѣстьевъ въ графствѣ Ольденбургскомъ и поселившись въ немъ навсегда, онъ пожелалъ пріобрѣсти права датскаго дворянства, которые и были пожалованы ему королемъ Христіаномъ V и подтверждены впоследствии королемъ Леопольдомъ, въ 1702 г. (см. Neupel, стр. 1—20).

Второй сынъ Антона Гинтера Миниха, Бургардъ-Христофоръ, обезсмертившій въ исторіи имя Миниха, служилъ въ молодости подъ начальствомъ знаменитаго принца Евгенія Савойскаго; вызванъ былъ въ русскую службу российскимъ посломъ въ Варшавѣ, кн. Григ. Фед. Долгоруковымъ; былъ, при Петрѣ Великомъ, генералъ-поручикомъ: при Екатеринѣ I получилъ Александровскую ленту; при Петрѣ II былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и генералъ-губернаторомъ петербургскимъ, и возведенъ, 24 февраля 1728 года,

въ графское Россійской имперіи достоинство. При Аннѣ Іоановнѣ получилъ Андреевскую ленту, былъ фельдмаршаломъ, президентомъ военной коллегіи и кабинетъ-министромъ, а 4 февраля 1741 г. возведенъ въ графское Римской имперіи достоинство викаріемъ Римской имперіи, курфирстомъ саксонскимъ. Переводъ съ диплома, даннаго ему на это званіе, хранится въ герольдіи. Отправленный въ Сибирь, 1742 года, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, графъ Бурхардъ Минихъ провель двадцать лѣтъ въ Пелымѣ, возвращенъ въ 1752 году Петромъ III, получилъ снова орденъ и жезлъ фельдмаршальскій; пользовался отъѣзнымъ уваженіемъ Великой Екатерины и скончался въ 1767 г., 85-ти лѣтъ.

Биографическія свѣдѣнія о его сынѣ, гр. Эрнстѣ Минихѣ историческіе труды котораго вошли въ настоящее изданіе, см. выше въ очеркѣ его жизни и въ его Запискахъ.

Потомковъ знаменитаго фельдмаршала Миниха, носящихъ фамилію графовъ Минихъ, въ настоящее время въ Россіи не существуетъ.

Гербъ рода графовъ Миниховъ.

Въ щитѣ, раздѣленномъ на четыре части, посрединѣ на золотой полосѣ находится малый щитокъ серебряный, украшенный графскою короною, въ коемъ изображенъ стоящій босый монахъ въ черномъ одѣяніи, держащій въ поднятыхъ вверхъ рукахъ чотки; по сторонамъ сего щитка виденъ располовинчатый черный орелъ, имѣющій на двухъ главахъ короны, а въ лапахъ златяя російско-императорскимъ орломъ украшенная булава. Въ первой части, въ голубомъ полѣ, серебряный лебедь. Во второй части, въ серебряномъ полѣ, два опрокинутыя стропила краснаго цвѣта. Въ третьей части, въ серебряномъ же полѣ, три красныя трилистныя цвѣтка. Въ четвертой части, въ голубомъ полѣ, видна кирпичная зубчатая стѣна и надъ оною восходящая серебряная луна. Между сими послѣдними полями въ нижней части означена сооруженная изъ кирпичей пирамида съ воздвигнутымъ на ней золотымъ столбомъ, обвитымъ двумя зміями. На поверхности сего-жъ столба видна голова Януса, золотая, въ зубчатой коронѣ. Щитъ увѣнчанъ тремя шлемами, украшенными клейнодами, изъ коихъ средній покрытъ графскою короною, на которой видны два турецкія знамя, изъ нихъ правое бѣлое,

а лѣвое красное, имѣютъ: первое золотую, а второе серебряную луну, и позади сихъ знаменъ, между распростертыми серебряными орлиными крылами, является описанный въ среднемъ щиткѣ монахъ. На крайнихъ шлемахъ, украшенныхъ съ правой стороны княжескою шапкою, а съ лѣвой дворянскою короною, помѣщены по три турецкихъ бѣлыхъ бунчука, висящіе плетнями на золотыхъ прутахъ съ бѣлыми и красными вверху щетками.

Щитодержатели, облеченные въ латы, два воина, имѣютъ сверхъ шлемовъ на главахъ: стоящій на правой сторонѣ—каменную корону, и въ правой рукѣ геометрической чертежъ; а на лѣвой сторонѣ, стоящій-же,—три страусовыя пера: красное, серебряное и черное, и лѣвою рукою держитъ на плечѣ карбинъ. Наметь на щитѣ голубаго и краснаго цвѣта, подложенный золотомъ и серебромъ.

Графъ Бургардъ Христофоръ Минихъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, Минихъ, находился сперва въ Баваріи, потомъ въ Остфрисландіи, а на послѣдокъ поселился въ графствѣ Ольденбургскомъ, владѣлъ тамо помѣстьями; и сего-же рода Антонъ Гинтеръ Минихъ королемъ Датскимъ Христианомъ Пятымъ въ 1686 году пожалованъ былъ въ достоинство датскаго дворянина.

Въ новѣйшія-же времена помянутый графъ Бургардъ Христофоръ Минихъ, находясь въ російской службѣ, стяжалъ имени и всему роду своему славу трудами и подвигами, на службу и пользу російскому государству подъятыми.

Блаженные и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ Петръ Второй въ 1728 году февраля въ 24 день всемилостивѣйше соизволилъ возвести сего Миниха съ потомствомъ его въ графское Всероссийской имперіи достоинство.

Сей-же Російской имперіи графъ Минихъ пожалованъ былъ и графомъ Римскія имперіи, что доказывается дипломомъ, даннымъ ему 1742 года февраля 4 дня, съ коего переводъ хранится въ Герольдіи.

„Общій Гербовникъ Дворянскихъ родовъ Всероссийскія имперіи, начатый въ 1797 году. Часть первая. № 18“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

- Августъ II, кор. польскій, род. 1670 г., † 1733 г., 6, 8, 9, 34, 35, 144, 209, 210.
 Августъ III, кор. польскій, род. 1696 г., † 1763 г., 37, 39, 41, 44, 45, 46, 48, 52, 177, 197, 229, 233, 235, 288.
 Агя-паша, сераскиръ, 61, 83.
 Адеркасъ, воспит-ца Анны Леопольдовны, 205.
 Адольфъ-Фридрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, кор. шведскій съ 1751 г., р. 1710, † 1771 г., 218.
 Александръ I, императоръ, 311.
 Алексѣй Петровичъ, царевичъ, род. 1690 г., † 1718 г., 129, 203.
 Али-паша, великій визирь, 61.
 д'Аллонвиль, гр-ня, Екатерина Антоновна, см. Минихъ, гр-ня.
 д'Аллонвиль, гр., Родосл. № 15, 311.
 Альгаротти, Франческо, гр. итальянск., ученый и художн., р. 1712 г., † 1764 г., 258, 259, 261, 262, 273, 284.
 Анна Иоановна, императрица, р. 1694, † 1740 г., 4, 24, 69, 79, 89, 92, 100, 110, 113, 123, 125, 129, 135—283, 288, 301, 313.

- Анна Леопольдовна, принцесса брауншвейгъ-люнебургская, правительница Россіи, р. 1718 г., † 1745 г., 32, 69, 71, 73, 84—123, 134, 135, 141, 145, 157—163, 174—282, 288, 289.
 Анна Петровна, царица, герцог. голштейнъ-готторпская, р. 1708, † 1728 г., 13, 130, 132, 133.
 Антонъ Ульрихъ, герцогъ Бланкенбургскій, 21.
 Антонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскій, генерал-инженеръ русскихъ войскъ, 21, 60, 69, 71—73, 82, 85, 90, 97, 102—263.
 Апраксинъ, гр. Степ. Ѳед., ген.-м. 1739 г., вносл. ген.-фельдм., р. 1702 г., † 1758 (1760?), 109, 173, 187.
 Аргамаковъ, поруч. 1740 г., 176.
 Арембергской, герцогъ, 21.

Б.

- Валакиревъ, Иванъ Александровъ, шутъ при Аннѣ Иоанновнѣ, 166.
 Бараль, флотск. офц. франц. службы 1734 г., 43, 147, 233.

Вартеневъ, Петръ Ив., изд. «XVIII вѣка» и «Русск. Архива», р. 1829 г., 226.
 Бассевичъ, гр. Генрихъ-Фридрихъ, голштинскій посоль при русск. дворѣ, р. 1680, † 1749 г., 129—133, 268, 269.
 Бауръ, Фёдоръ Вилимовичъ, ген.-поручикъ, ген.-квартирмейст., р. 1731 г., † 1773 г., 127.
 Бахметевъ, ген.-майоръ 1737 г., 63.
 Вевернскіе, принцы, 21.
 де-Беллефонъ, маркизъ, полковн. франц. службы 1734 г., 47, 147.
 Бентинъ, гр., Вилгелмъ-Фридрихъ-Христианъ. Родосл. № 15, 312.
 Бентинъ, гр-ня, Паулина-Альбертина, см. Минихъ, гр-ня.
 Бергъ, Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
 Бергъ, ассесоръ, Родосл. № 11, 311.
 Беренклау, австр. полковникъ, 243.
 Вестужева-Рюмина, гр-ня, Анна Гавр., рожд. гр. Головкина, 220, 221.
 Вестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петровичъ, каб.-мин., госуд. канцл., род. 1693, † 1766 г., 84—86, 98, 106, 157, 158, 176, 184, 201, 217, 271.
 Вестужевъ-Рюминъ, Конст. Николаев., профес., р. 1829 г., 254.
 Вестужевъ-Рюминъ, Мих. Петров., рус. посоль въ Стокгольмъ 1741 г., 220.
 Вестужевы, русск. дворянскій родъ, 173.
 Веджій, Иванъ Ив., д. ин. сов., дѣйств. камергеръ, презид. акад. худ., госуд. дѣят. при Екатеринѣ II, р. 1704 г., † 1795 г., 216, 299.
 де Ви (de Vie), голланд. посланникъ въ Россіи, 284.
 Вибиковъ, 173.
 Виронъ, герцогиня, Бевигна-Готлиба, рожд. Тротта-фонъ-Грейденъ, 32, 72, 82, 184, 270.
 Виронъ, Густавъ, командиръ л. - гв. Изм. полка 1740 г., русск. ген. аншефъ, 82, 102, 106, 180, 184.
 Виронъ, Іоганнъ Эрнстъ, герц. курляндскій, регентъ российский, р. 1690 г., † 1772 г., 27, 28, 32—35, 53, 56, 62, 64, 70, 73, 82—169, 173—190, 225—228, 250—256, 264, 270—283, 288, 302.

Виронъ, герцогъ, Петръ, команд. коннаго полка 1740 г., р. 1724, † 1800 г., 102, 180.
 Висмаркъ, ген.-поруч., рижск. ген.-губернаторъ 1733 г., 35, 82, 120.
 Вобринскій, гр. Алексѣй Алексѣев., составит. Родослов., 308, 313.
 Волтинъ, Ив. Никитичъ, ген.-м., чл. воен. коллег., р. 1735 г., † 1792 г., 133.
 Вонафу, полковн. 1720 г., 9, 210, 250.
 Воневаль, Клавдій - Александръ, графъ, а также Ахмедъ - паша, авантюристъ, р. 1675 г., † 1747 г., 152.
 Вѳта де Адорно, маркизъ, австр. посланникъ въ Петербургѣ, 64, 70, 71, 73, 114, 115, 116, 119, 120, 191, 192, 193, 196, 197, 204, 220, 221, 267, 281.
 Брауншвейгскія, герцогини, 116, 193.
 Брауншвейгскій, принцъ, Людвигъ, братъ Антона Ульриха, 21, 200.
 Врилъ, гр., саксонск. мин. 1741 г., 192.
 Брюсъ, гр., Александръ Романовичъ, генералъ, 135.
 Вутурлинъ, гр., Александръ Борисов., р. 1704, † 1767; возвед. 1760 г. въ гр. достоин., ген.-майоръ 1737 г., 173.
 фонъ - Бюловъ, Вильгельмъ, майоръ. Родосл. № 15, 312.
 фонъ - Бюловъ, Іоанна - Георгина, см. Минихъ, гр-ня.
 Бюшингъ, Антонъ - Фридрихъ, нѣмецк. ученый, р. 1724, † 1793 г., 185, 226, 250, 251, 252, 253, 263, 265, 299—273, 277, 280, 283, 293, 305.

В.

Валенъ, бургомистръ Данцига 1734 г., 47.
 Валлисъ, гр., австр. фельдмаршалъ, 153.
 Вейсенфельскій, герцогъ, 46, 233.
 Вели-паша, бендерскій сераскиръ, 75.
 Вельяминовъ, 173.
 Вельцегъ, послан. въ Польшѣ, 1733 г., 229.
 Видлишъ, воспитат. гр. Эрнста Миниха, 287.
 Вильбоа, статсъ-лама, 128.
 Вильбоа, адмиралъ 1706 г., 128.

Вильдеманъ, Доротея-Елизавета см. Минихъ.
 Вильдеманнъ, ген.-ад. 1736 г., 62, 244.
 Вильдеманъ, прусск. ген.-м. Родосл. № 4, 309.
 Вильневъ, маркизъ, франц. посланникъ въ Турціи 1736 г., 79, 153.
 Винтерфельтъ, ген.-ад. прусск. службы 1741 г., 113, 114.
 Висковатовъ, Александръ Вас., воен. историкъ, р. 1804, † 1858 г., 124.
 Висковатовъ, Конст. Александр., д. ст. сов., 124.
 Вицендорфъ, Анна-Елизавета, см. Минихъ, баронесса.
 Вицендорфъ, Дидрихъ-Вильгельмъ, тн. сов., 309.
 Вицлебенъ, Анна Дебора, рожд. Себахъ, 14.
 Вицлебенъ, Христина - Лукреція, см. Минихъ, графиня.
 Вольнскій, Артемій Петров., обер-штаб-лейст., каб.-министръ, р. 1689 г., † 1740, 82, 154—156, 173, 227, 270, 279, 302.
 Вольтманъ, 243, 244.
 Воронцовъ, гр., Мих. Иларіон., госуд. канцл. съ 1758 г., р. 1714 г., † 1767 г., 202, 259.
 Воронцовъ, гр., впол. кн., Мих. Семен., р. 1782 г., † 1856 г., 225, 226, 301.
 Воронцовъ, кн., Семень Мих., 226, 227, 251, 253, 280, 301, 305, 306.
 Воронцовъ, гр., Семень Романовичъ, ген.-поруч., чрезвыч. посл. и полномоч. мн. при Великобританск. дворѣ, р. 1744 г., † 1832 г., 227, 301.
 Вратиславъ, гр., австр. послан. въ Петербургѣ, 141.

Г.

Гадебушъ, писатель, 264, 297.
 Галлатинъ, Езекиль, пасторъ-професоръ 1724 г., 14, 16.
 Галемъ, Бернардъ - Антонъ, нѣмецкій историкъ, † 1819 г., биографъ гр. В. Х. Миниха, 250, 308, 312.

Геймбургъ, подполк. 1737 г., 60, 243.
 Гемпель, (псевдонимъ Флема), авт. биограф. В. Х. Миниха 1742 г., 234, 308, 312, 313.
 Генрихъ, де Валоа, король франц. 229.
 Генрихъ III, герц. анжуйск., кор. польскій 1574, кор. французск. съ 1574—1589 г., р. 1551, † 1589 г., 37.
 Гендризовы, графы, 128.
 Герцъ, бар., 8, 130, 209.
 Гика, Григорій II, молдавскій господарь въ 1733—1752 гг., 78.
 Глинка, Анна-Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
 Глинка, полковн. Родосл. № 13, 311.
 Глинка, издат. Зап. Мавштейна 1810 г., 255.
 Глюкъ, Эрнстъ, ливляндскій пасторъ, † 1706 г., 126, 128.
 Голицыны, русскій княж. родъ, 136.
 Голицынъ, кн., Василій Васильевичъ, генералиссимусъ, † 1713 г., 52, 237.
 Голицынъ, кн., 299.
 Головинъ, гр., Никол. Фёд., д. т. сов., сенаторъ, адмир., презид. адмир. кол. и конференцл.-мин., 88, 109, 187, 290.
 Головкина, гр., Анна Гавр., см. Вестужева-Рюмина.
 Головкина, гр-ня, рожд. гр-ня фонъ-Дона, 20, 21, 23.
 Головкина, гр-ня, Екат. Ив. рожд. княж. Ромодановская, р. 1702, † 1791 г., 178, 215.
 Головкинъ, гр., Александръ Гаврилов., послан. въ Берлинъ 1727 г., 17, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 30, 31, 109, 269.
 Головкинъ, гр., Гавр. Ив., госуд. канцл., сенат., каб.-мин., род. 1660, † 1734 г., 178.
 Головкинъ, гр., Мих. Гаврилов., вице-канцл., каб.-мин., † 1756 г., 29, 100—109, 173, 178, 186, 187, 199, 206, 207, 220.
 Голштинскій, герцогъ, супругъ царевны Анны Петровны, 18, 268, 269.
 Горниъ, педагогъ, 11.
 Гохгольцеръ, австр. резидентъ въ Петербургѣ 1741 г., 116.
 Гохмутъ, генер. 1736 г., 173.

Грамматинъ, адъютантъ принца Антона Ульриха 1740 г., 179, 180.
Губеръ, (Huber), издатель записокъ Манштейна на франц. языкѣ 1771 г., 231, 236, 275, 278,

Д.

Дебрины, генералъ 1736 г., 173.
Деламаркъ, графъ, 21.
Деламоть, бригадиръ 1734 г., 41, 42.
Долгорукая, княжна, Екатерина Алексевна, невѣста Петра II, въ замуж. гр-ня Брюсъ, р. 1711, † 1729 г., 135.
Долгорукой, кн., Алексѣй Григорьев., д. тн. сов., чл. верховн. сов., воспитат. Петра II, † 1734 г., 135.
Долгорукой, кн., Ив. Алексѣев., об.-камергеръ, чл. тн. верховн. сов., наперсникъ Петра II, р. 1708, † 1750 г., 18, 20, 24, 135.
Долгорукой, кн., Василій Владиміров., ген.-фельдмаршалъ, чл. тн. сов., подполковн. л.-гв. Семен. пол., сосл. 1730 г., презид. воен. кол., р. 1667, † 1746 г., 139, 140.
Долгорукой, кн., Василій Лукичъ, д. тн. сов., членъ верховн. сов., дипломатъ. † 1739 г., 24, 139.
Долгорукой, кн., Григ. Фед., послан. въ Польшу въ 1700—1720 гг., д. тн. сов., р. 1656, † 1723 г., 9, 10, 211, 313.
Долгорукой, кн., П. В., состав. Родосл. писатель, 308, 312.
Долгорукой, кн., Сергѣй Григорьев., послан. въ Варшаву въ 1721—1725 гг., † 1739 г., 135.
Долгорукие, русскій княжескій родъ, 18, 23—26, 124, 125, 136—138.
фонъ-Дона, гр-ня, см. Головкина.
Дона, графиня, въ зам. гр-ня Нейвидская, 23.

Е.

Евгеній, принцъ Савойскій, полководецъ, р. 1663, † 1736 г., 5, 49, 148, 313.

Евдокія, Димитріевна, великая княгиня, супруга Дмитрія Донскаго, † 1425 г. въ монашествѣ, 129.
Евдокія Оеодоровна Лопухина, въ инокиняхъ Елена, царица, первая супруга Петра В., р. 1669, † 1731 г., 128, 129.
Екатерина I, императрица, р. 1684, † 1727 г., 14, 16, 17, 22, 53, 70, 124, 126—132, 136, 139, 170, 172, 212, 313.
Екатерина II, императрица, р. 1729, † 1796 г., 167, 173, 206, 212, 213, 214, 216, 222, 296, 297, 299, 314.
Екатерина Иоанновна, царевна, въ супружествѣ герцог. мекленбургъ-шверинская, мать Анны Леопольдовны, р. 1692, † 1732 г., 32, 203.
Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1709, † 1761 г., 226.
Елисавета Петровна, императрица, р. 1709, † 1761 г., 17, 19, 32, 69, 72, 73, 90, 98, 99, 123—125, 134—142, 163, 189, 197, 200—222, 251, 261, 283, 288, 290, 291, 293, 294, 314.
Еропкинь, Петръ Мих., гофъ-бау-интенд. р. 1689, † 1740 г., 156.
Ефимовская, гр-ня, Анна Андреев., см. Минихъ, гр-ня.
Ефимовскіе, графы, 128.

Ж.

Жермень, золотыхъ дѣлъ мастеръ во Франціи, 1730 г., 30.

З.

Загряжскій, генералъ 1735 г., 173.
Зеддлеръ, баронъ, издатель «Военно-энциклопед. лексик.», 255.
Зуда, тайн. секретарь кабинета, 1740 г., 156.

И.

Игельштромъ, гр., Гаральдъ Густавъ. офид. Ингерманланд. полка 1756 года. Родосл. № 7, 310.

I.

Иоанна II, королева неаполит., 156.
Иоаннъ V Алексѣевичъ, царь, 24, 163, 203.
Иоаннъ VI Антоновичъ, имп., р. 1740 г., † 1764 г., 86—89, 125, 137, 159, 160, 175.
Иоганъ-Адольфъ, герцогъ Саксенъ-Вейсенфельскій, 43.
Иосифъ I, импер. австр., 210.

К.

Кайдановъ, 306.
Калга-султанъ, 54, 238.
Калчаъ-баша, татарскій ханъ 1739 г. 77, 247, 248.
Кантакувель, валахскій князь, бригадиръ 1738 г. 78, 248.
Кантемиръ, кн., Антиохъ Дм., писат., р. 1708 г., † 1744 г., 168.
Кариусъ, Готфр., пасторъ 1754 г., 293.
Карлъ VI, императ. герман., р. 1665 г., † 1740 г., 17, 48, 55, 70, 100, 135, 140, 141, 173, 177, 190, 191.
Карлъ XII, кор. шведскій, р. 1682 г., † 1718 г., 6, 8, 77, 130, 144, 209.
Карлъ, марграфъ бранденб. 1728 г., 134.
Карлъ-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, отецъ Анны Леопольдовны, 85, 203.
Карлъ-Фридрихъ, герцогъ шлезвиг-голштинскій, супругъ царевны Анны Петровны, 130—133.
Карлъ-Фридрихъ-Ульрихъ, герцогъ Голштинскій, см. Петръ III.
Кейзерлингъ, бар., Германъ-Карлъ, русскій дипломатъ, р. 1677, † 1764, въ русской службѣ съ 1730 г., 53, 181.
Кейтъ, Яковъ Вилимовичъ, генералъ-поруч., † 1758 г., 60, 82, 140, 152, 173, 207, 219, 220, 243, 261, 262, 274.
Кинсбергъ, г-жа, 17.
Кинсбергъ, об.-гофмарш. маркграфа анипахскаго 1724 г., 13.
Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронес. Генриетта Каролина, см. Минихъ, гр-ня.

де-ла-Елювюръ, франц. резид. въ Женевѣ 1724 г., 15.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, ген.-адмиралъ, 123, 222.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, р. 1779 г., † 1834 г., 311.
Корчминъ, ген.-майоръ 1735 г., 289.
Костомаровъ, Никол. Ив., род. 1817 г., † 1885 г., 254, 312.
Крамъ, брауншвейгскій посланникъ въ Петербургъ 1739 г., 70.
Крузе, Карлъ Фед., 301.
Ерюднеръ, баронес., Юлія, см. Фитингофъ.
Ерюднеръ, баронъ, Родосл. № 11, 311.
Кульмбажскій, принцъ, вполн. маркиграфъ Баврейтскій, 14.
Кунинъ, Аристъ Аристовичъ, академикъ 1891 г., 226.
Куракинъ, кн. Александръ Борисов., об.-шталмейстеръ 1740 г., 88, 109, 187.
Куракинъ, кн., Александръ Борисов., полномочный посолъ въ Парижъ, тайн. сов., р. 1696 г., † 1749 г., 22.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., полномочн. посолъ при разн. европейск. дворахъ, р. 1676 г., † 1727 г., 19, 173.

Л.

Ласпергъ, г-жа, 17.
Ласпергъ, об.-егермейстеръ въ Эттингенѣ 1724 г., 14.
Лассій, гр., Петръ Петров., ген.-фельдмарш., рижск. ген.-губ., род. 1678 г., † 1752 г., 37, 38, 40, 41, 49, 50, 81, 82, 145, 148, 152, 173, 196, 228, 229, 232, 262.
Левальдъ, прусск. ген.-фельдм., р. 1685 г., † 1768 г., 129, 187.
Левашевъ, Василій Яковлевичъ, генералъ, р. 1667 г., † 1751 г., 50, 173.
Левенвольдъ, гр., Карлъ-Густавъ, об.-шталмейст., ген.-поруч., ген.-ад., подполковн. Измайл. пол., † 1735 г., 25—28, 31—36, 137, 138, 144, 145.
Левенвольдъ, гр., Рейнгольдъ, об.-гофмаршалъ, † 1758 г., 82—86, 109, 118,

- 137, 157, 158, 174, 187, 196, 214, 215, 220, 226, 271.
- Левенвольдъ, гр., Фридрихъ-Казимиръ, русский посланникъ въ Польшѣ 1733 г., 146, 229.
- Левенгауптъ, гр., швед. главноком., 216.
- Левендаль, гр., Владим., генер.-поруч., р. 1700, † 1755 г., 60, 82, 140, 173, 207, 208, 218, 219, 243, 261, 262, 274.
- Леклеркъ, писат.-историкъ, 133.
- Леонтьевъ, Мих. Ив., генер., † 1753 г., 54, 173, 236.
- Леопольдъ, кор. датскій, 1702 г., 313.
- Лестокъ, гр., Иоганъ-Германъ, хб.-мед. им-цы Елисаветы Петровны, р. 1738 г., † 1815 г., 202.
- Лефорть, Францъ Яковлевичъ, первый адмиралъ русскаго флота, род. 1656, † 1699 г., 134.
- Линарь, гр., саксонск. посланникъ въ Петербургъ 1741 г., 114, 201.
- Лобковичъ, князь, 153, 269, 280.
- Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., 168.
- Лонгиновъ, Ник. Мих., секретарь им-цы Елисаветы Алексѣевны, впол. ст.-секрет., чл. госуд. сов., † 1853 г., 226.
- Лопухина, Нат. Фед., рожд. Балкъ-Полева, статсъ-дама 1740 г., 220, 221.
- Лопухинъ, Авраамъ Федоровичъ, 129.
- Лопухинъ, Василій Авраамов., генер.-аншефъ, † 1757 г., 129.
- Лопухинъ, Владим. Ив. флотск. ген.-кригсъ комисаръ, р. 1705, † 1797 г., 220.
- де-Люберасъ, бар., Лудвигъ-Иоаннъ, ген.-аншефъ рус. службы, † 1752 г., 146, 218.
- Людовикъ XV, король французскій, 144, 221.
- де-ла-Люцернъ, маркизъ, полковникъ французской службы 1734 г., 47, 147.
- Мантейфель-Цеге, гр., Родосл. № 11, 311.
- Манштейнъ, подполков. 1740 г., впол. ген.-м. прус. службы, 104, 106, 121—222, 226, 230, 255, 258—283, 300, 306.
- Маньянъ, повѣрен. въ дѣлахъ Франціи при сиб. дворѣ 1733 г., 34.
- Мардефельдъ, баронъ, прус. послан. въ Спб. 1741 г., 112, 120, 190, 197, 267.
- Марія-Жозефина, эрцгерцогиня австр., дочь Иосифа I, 8, 210.
- Марія-Терезія, императрица австрійск., † 1780, 177, 192, 221.
- Матвѣевъ, гр., Фед. Артамоновичъ, 139.
- Махметъ-Бей, 76, 247.
- Менгденъ, баронесса, Анна Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
- Менгденъ, баронъ, Иоганнъ-Генрихъ, † 1768 г., Родосл. № 7, 20, 310.
- Менгденъ, баронесса, Юліана, фрейлиня Анны Леопольдовны 1740 г., 104, 105, 182, 198, 205, 274.
- Менгденъ, бар., Карлъ-Лудвигъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, камергеръ 1740 г., 108, 109, 114, 157, 161, 162, 185—187, 256, 262, 263, 271.
- Менгденъ, баронесса, Христина Елисавета, см. Минихъ, графиня.
- Менгденъ, баронесса, 293, 295.
- Менгденъ, бар., лифлянд. ландрагъ, 31.
- Меншиковъ, кн., Александръ Даниловичъ, генералиссимусъ, род. 1673 г., † 1729 г., 18, 19, 53, 127, 129—134.
- Минихи, графы, ихъ родословіе, 307—316, упом. 284.
- Минихъ, гр-ня Аделаида, въ зам. Ресингъ, Родосл. № 15, 312.
- Минихъ, гр-ня, Александра-Фредерика, Родосл. № 15, 312.
- Минихъ, гр., Александръ Антоновичъ, подполковн., Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, гр-ня, Амалія-Эрнестина Екатерина, Родосл. № 15, 312.
- Минихъ, гр-ня, Анна Андреевна, рожд. гр-ня Ефимовская, Родосл. № 10, 310.
- Минихъ, гр-ня, Анна Доротея, въ зам. Глинка, Родосл. № 13, 311.
- Минихъ, гр-ня, Анна-Доротея, рожд. баронесса Менгденъ, Родосл. № 6,

М.

- Макиавели, дипломатъ, р. 1469, † 1527 г., 155.
- Мальборо, герцогъ, 3, 5, 15.
- Мантейфель-Цеге, гр-ня, Юліана-Элеонора, см. Минихъ, гр-ня.

- ландрагъ, р. 1740 г., Родосл. № 8, 84, 288, 294, 310.
- Минихъ, Иоганнъ-Рудольфъ, нач. надъ плотинами въ Ольденбургѣ, † 1731 г., Родосл. № 2, 309.
- Минихъ, гр., Лудвигъ-Антонъ (Сергѣев.), ротм., род. 1748, † 1800 г., Родосл. № 11, 310.
- Минихъ, гр-ня, Луиза-Доротея, въ 1-мъ бракѣ баронесса Шаумбургъ, во 2-мъ графиня Сольмсъ-Вильденфельсъ, род. 1713 г., Родосл. № 7, 81, 310.
- Минихъ, гр-ня, Марія Антоновна, въ зам. баронес. Розенъ, Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, гр-ня, Наталія Антонов., въ зам. гр-ня Морцова, Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, гр-ня, Паулина Албергина, въ зам. гр-ня Бентинкъ, Родосл. № 15, 312.
- Минихъ, гр., Петръ Христофоръ (Петръ Сергѣев.), подполковникъ, † 1813 г., Родосл. № 13, 311.
- Минихъ, гр-ня, Софія-Анна-Луиза, въ зам. баронесса ф.-Мольцанъ, р. 1709 г., Родосл. № 7, 23, 31, 49, 310.
- Минихъ, Софія-Екатерина, рожд. Элквенсъ, р. 1659, † 1710 г., Родосл. № 1, 309.
- Минихъ, гр., Сергій Христофоровичъ, полковн., адъют. цесарев. Константина Павловича, р. 1773, † 1808 г., Родосл. № 14, 311.
- Минихъ, гр., Фридрихъ-Францъ, Ольденбург. об.-гофмарш. 1855 г., р. 1788 г., Родосл. № 12, 311.
- Минихъ, гр-ня, Христина-Елисавета, въ зам. баронес. Менгденъ, р. 1711, Родосл. № 7, 20, 31, 310.
- Минихъ, гр-ня, Христина-Луиза, рожд. фонъ-Плессенъ, Родосл. № 12, 311.
- Минихъ, графиня, Христина-Лукреція, рожд. Видлебенъ, род. 1685, † 1727 г., Родосл. № 3, 5, 287, 309.
- Минихъ, гр-ня, Христина-Софія-Элеонора, Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, баронъ, Христіанъ-Вильгельмъ, об.-гофмейст., род. 1688 г., † 1768 г., Родосл. № 4, 34, 103, 109, 180, 187, 271, 294, 300, 309.
- Минихъ, гр., Христофоръ Петровичъ, р. 1825 г., Родосл. № 16, 312.
- 64, 68, 69, 104, 181, 182, 215, 274, 276, 288, 290, 291, 310.
- Минихъ, баронесса, Авна-Елисавета, рожд. Вицендорфъ, Родосл. № 4, 309.
- Минихъ, гр-ня, Анна-Ульрика, р. 1741 г., † 1811 г., въ зам. Фитингофъ, Родосл. № 11, 310.
- Минихъ, Антонъ-Гинтеръ, тв. сов., р. 1650, † 1721 г., Родосл. № 1, 10, 211, 309, 312, 313, 316.
- Минихъ, гр-ня, Барбара-Элеонора, рожд. Мольцанъ, въ перв. бракѣ Салтыкова; Родосл. № 3, 19, 22, 23, 309.
- Минихъ, гр., Бургардъ-Христофоръ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1683, † 1767 г., Родосл. № 3, 5, 44, 49, 52, 59, 68, 81, 108, 109, 114, 118, 119, 141—285, 308—316.
- Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофоръ (Сергѣев.), тв. сов., р. 1747, † 1824 г., Родосл. № 10, 310.
- Минихъ, графиня, Вѣра Никол., рожд. Чоглокова, Родосл. № 11, 310.
- Минихъ, гр-ня, Генриетта Каролина, рожд. баронесса Клодтъ-фонъ-Юргенбургъ, Родосл. № 13, 311.
- Минихъ, бар., Георгъ Дидрихъ, полковн., Родосл. № 5, 310.
- Минихъ, Гермавъ, 1526 г., 313.
- Минихъ, гр-ня, Доротея, р. 1746 г., въ зам. Бергъ, Родосл. № 11, 311.
- Минихъ, Доротея-Елисавета, въ зам. Вильдеманъ, Родосл. № 4, 309.
- Минихъ, графиня, Екатерина, въ зам. баронес. Нолькенъ, Родосл. № 13, 311.
- Минихъ, гр-ня, Екатерина Антоновна, въ зам. гр-ня д'Алловиль, Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, гр-ня, Екатерина Христофоровна, † 1824 г. Родосл. № 14, 311.
- Минихъ, Елева-Елисавета, въ зам. фонъ-Рётбергъ, Родосл. № 4, 309.
- Минихъ, гр-ня, Елисавета, Родосл. № 13, 311.
- Минихъ, гр-ня, Елисавет. Антонов., въ зам. Хруцова, Родосл. № 15, 311.
- Минихъ, гр-ня, Иоанна-Георгина-Элеонора-Цецилія, въ зам. фонъ-Бюловъ, Родосл. № 15, 312.
- Минихъ, гр., Иоаннъ-Готтлибъ, д. ст. сов.,

Минихъ, Шарлотта - Амалия, въ зам. фонъ-Рель, Родосл. № 4, 309.
 Минихъ, гр-ня, Эмма - Вильгельмина, Родосл. № 15, 312.
 Минихъ, гр., Эрнстъ, д. тв. сов., об-гофмейстеръ, авторъ Записокъ, род. 1707 г., † 1788 г., Родосл. № 6, 1—316.
 Минихъ, Эрнстъ, род. и † 1707 г., 287.
 Минихъ, гр., Эрнстъ - Густавъ (Серг. Сергѣев.), ген.-м., р. 1744, † 1812 г., Родосл. № 9, 310.
 Минихъ, гр-ня, Юліана Элеонора, въ зам. гр-ня Мантейфель-Цеге, р. 1749 г., Родосл. № 11, 311.
 Минихъ, бар-са, въ зам. гр-ня Игельштромъ, Родосл. № 7, 310.
 Минихъ, баронъ, русскій полковникъ, Родосл. № 7, 310.
 Миниатъ, Матвѣй, штатдт-физикъ 1742 г., 291.
 фонъ-Мольцанъ, бар., Альбрехтъ-Германъ, полковн., Родосл. № 7, 31, 49, 310.
 Мольцанъ, Барбара-Элеонора, см. Минихъ, гр-ня.
 Мольцанъ, бар-са, Софія-Анна, см. Минихъ, гр-ня.
 де-Монти, маркизъ, 39, 41, 44—46, 234.
 Морицъ, графъ, курфирстъ саксонскій, р. 1521 г., 53.
 Моркова, гр-ня, Наталія Антонов., см. Минихъ.
 Морзовъ, гр., Ираклій Ив., ген.-лейтен. р. 1753 г., † 1829 г. Родосл. № 15, 311.
 де-ла-Мотъ-Перуазъ, франц. бригадиръ 1734 г., 47, 147.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., Платонъ Ив., тайн. сов., сенат., презид. коммерц-коллегіи 1740 г., 156.
 Мюнхгаузенъ, 21.
 Мягковъ, капит.-поруч. 1742 г., 290.

Н.

Наталія Алексѣевна, царевна, сестра Петра II, р. 1714 г., † 1728 г., 18, 128.
 Нацдусъ, пасторъ, 1739 г., 69.
 Нейбауръ, полковн. саксонск. службы 1741 г., 114.

Нейвидскій, графъ, 23.
 Нейпергъ, графъ, ген., 1739 г., 79, 153.
 Некверъ, Корн-Фридрихъ, профессоръ, † 1760 г., 14.
 Нолькенъ, баронес., Екатерина, см. Минихъ, гр-ня.
 Нолькенъ, баронъ, Родосл. № 13, 311.
 Нолькенъ, бар., швед. послан. въ Петерб. 1740 г., 218.

О.

Орлеанскій, герцогъ, 26.
 Орловъ, гр., Влдим. Григор., ген.-поруч. президентъ акад. наукъ, род. 1743 г., † 1831 г., 299.
 Османъ-бей, 61.
 Остейнъ, гр., австр. послан. въ Сиб. 1737 г., 64.
 Остерманъ, бар., Андр. Ив., кабинетъ-министръ, р. 1686 г., † 1747, 19, 28, 29, 34—36, 82, 87—90, 97, 98, 107—125, 136, 137, 144, 145, 159—162, 173—176, 186—207, 252, 267.
 Остерманъ, гр., Иванъ Андреевичъ, канцлеръ, р. 1725 г., † 1811 г., 125, 255, 257.
 Остерманъ, Ѳедоръ Иванович., 125, 255, 257.

П.

Панинъ, гр., Никита Ив., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, род. 1718 г., † 1783 г., 173, 274, 298, 299.
 Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1721 г., † 1789 г., 125, 255—283.
 Петръ Великій, императоръ, р. 1672 г., † 1725, 10—22, 32, 77, 92, 96, 125—148, 163, 168—172, 201, 206, 207, 211, 215, 262, 284, 302, 313.
 Петръ II, императоръ, р. 1715 г., † 1730 г., 16, 17, 20, 24, 70, 87, 128, 129, 134, 135, 136, 139, 172, 212.
 Петръ III, Ѳедоровичъ (Карлъ-Фридрихъ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій), императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., 133, 212, 213, 214, 276, 296, 314.

Петровъ, Петръ Николаевичъ, писатель, † мартъ 1891 г., 125, 126, 255—283.
 Пецольдъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ, 305.
 де-Шлело, гр., французс. посланникъ въ Копенгагенъ 1734 г., 42, 233.
 фонъ-Плессенъ, Христина-Луиза, см. Минихъ, гр-ня.
 Потоцкій, гр., великій гетманъ Польши, 1738 г., 66, 245.
 Потоцкій, воевода кievскій, 1734 г., 48.
 Прасковья Ѳедоровна, изъ дома Салтыковыхъ, царица, р. 1664 г., † 1723 г., 139, 163, 178.
 Путятинъ, кн., капит., 1740 г., 102, 180.
 Пьеро Мира (Педрилло), придворный шутъ, 93, 166.

Р.

Рабутинъ, гр., австр. послан. при русск. дворѣ, 1727 г., 17.
 Разумовскій, гр., Алексѣй Григор., ген.-фельдмарш., р. 1709 г., † 1771 г., 202.
 Разумовскій, гр., Кириль Григорьевичъ, ген.-фельдмаршалъ и членъ совѣта, р. 1724 г., † 1803 г., 202.
 Ребиндеръ, фельдмаршалъ, 1726 г., 16.
 Рейналь, писатель, 296.
 фонъ-Рель, Шарлотта-Амалия, см. Минихъ.
 Репнинъ, князь, Вас. Аникит., ген.-м., 1736 г., ген.-фельдцейхмейст. 1748 г., 173, 219.
 фонъ-Рессингъ, Аделаида, см. Минихъ, гр-ня.
 фонъ-Рессингъ, Германъ, камергеръ, Родосл. № 15, 312.
 фонъ-Ретбергъ, Елена-Елисавета, см. Минихъ.
 Розенъ, бар., Карлъ Павлов., маіоръ, Родосл. № 15, 311.
 Розенъ, баронесса, Марія Антоновна, см. Минихъ, гр-ня.
 Романовы, русскій царствующій домъ, 251.
 Ромодановская, княжна, Екатер. Ив., см. Головкина.

Ромодановская, Нат. Ѳед., см. Салтыкова.
 Ромодановскій, кн., Ив. Ѳед., 178.
 Ромодановскіе, русск. княж. родъ, 215.
 Румянцевъ, гр., Александръ Ив., ген.-аншефъ 1735 г., 173, 218, 274.
 Румянцовъ, гр., Никол. Петров., государств. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., 218.
 Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдмаршалъ, р. 1725 г., † 1796 г., 171, 217, 272.
 Рунце, воспитатель сыновей гр. Э. Миниха, 284, 293.
 Руссо, Жанъ Баптистъ, писатель, 21.
 Рюльберъ, 276.

С.

Саксенъ-Гильдбурггаузенскій, пр-цъ 14.
 Де-Саксъ, графъ, 219.
 Салтыкова, Барбара Элеонора, см. Минихъ, графиня.
 Салтыкова, гр-ня, Наталія Ѳед., въ зам. княг. Ромодановская, 178.
 Салтыкова, гр-ня, рожд. княжна Черкаская, 138, 139.
 Салтыковъ, гр., Вас. Ѳед., ген.-ад., об.-полиціймейстеръ и сенаторъ, 202.
 Салтыковъ, гр., Семенъ Андреевичъ, ген.-ад., подполковн. л.-гв. Преобр. пол. 1730 г., 139, 173, 215, 294.
 Салтыковъ, гр., Серг. Вас., ген.-поруч., подп. Преображ. пол., 1740 г., 88.
 Салтыковъ, 215.
 Салуцкій, аббатъ, 7.
 Свининъ, Павелъ Петровичъ, основ. и редакторъ „Отеч. Зап.“ за 1818—1830 гг., р. 1787 г., † 1839 г., 123, 124, 218, 254, 255, 300.
 Себахъ, Анна-Дебора, см. Видлебенъ.
 Секендорфъ, гр., фельдмаршалъ австр. службы 1737 г., 64.
 Сераскиръ-паша, 241, 242.
 Сиверсъ, Яковъ Ефимов., ген.-поруч. 1779 г., 300, 301.
 Сиверсъ, адмиралъ, 1730 г., 141, 142.

Синявскій, польскій корон. гетманъ 1720 г., 9, 210.
 Славронскіе, графы, 128.
 Соймоновъ, генераль-кригсъ-коммисаръ 1740 г., 156.
 Сольмсъ-Вильденфельсъ, гр-ня, Луиза Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
 Сольмсъ-Вильденфельсъ, гр., Фридрихъ-Людвигъ, рус. послан. при саксонск. дворѣ 1741 г., Родосл. № 7, 114, 230, 243, 244, 310.
 Сольмсъ, гр., прус. послан. въ Петербургѣ 1771 г., 298.
 Соловьевъ, Серг. Мих., акад., профес., историографъ, р. 1820 г., † 1879 г., 254, 282.
 Спарейтеръ, ген.-маіоръ 1736 г., 173.
 Спенсеръ, 15.
 Станиславъ-Августъ (Лещинскій), кор. польскій, р. 1662 г., † 1766 г., 30—39, 41, 44—49, 144—147, 153, 154, 229, 234.
 Стояновъ, полковн., 1736 г., 241.
 Стрѣшневъ, Василій Ив., тв. сов., сенат. 1740 г., 187.
 Стрѣшневъ, камергеръ 1741 г., 109.
 Строгоновы, владѣльцы заводовъ въ Соликамскѣ, 214.
 Сумароковъ, адъютантъ гр. Ягужинскаго 1731 г., 137.
 Сумароковъ, Александр. Петр., писат., дир. имп. театра, р. 1718 г., † 1777 г., 168, 172, 271.
 Сумъ, саксонск. послан. при Берлинск. дворѣ 1724 г., 13.

Т.

Талызинъ, Ив. Лукьяновичъ, адмиралъ съ 1757 г., 214.
 Тарло, предвод. польск. конфедератовъ 1734 г., 48.
 Татищевъ, Алексѣй Давидовичъ, камергеръ, † 1760 г., 167.
 Татищевъ, Василій Никитичъ, писатель, р. 1686 г., † 1750 г., 171, 173.
 Тепловъ, тайн. сов. 1766 г., 299.
 Терскій, кастелланъ, 41.
 Тимковскій, Ив., цензоръ, 2.

Тимошукъ, Вѣра Васильевна, 223, 255, 284—316.
 Трейденъ, фрейлина 1727 г., 32.
 Тротта-фонъ-Трейденъ, Беннигна-Готлиба, см. Виронъ.
 Трубецкой, кн. Пв. Юрьевичъ, генер.-фельдм., сенат., р. 1667 г., † 1750 г., 25, 138, 295.
 Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и ген.-фельдм., род. 1700 г., † 1767 г., 88, 97, 149, 173, 174.

У.

Улановъ, Егоръ, сержантъ 1742 г., 289, 292.
 Ушаковъ, гр. (съ 1744 г.), Андрей Ив., ген.-анш., нач. тайн. капл., р. 1670 г., † 1747 г., 82, 88, 109, 187.

Ф.

Фенелонъ, Франсуа де-Сальвякъ, архіеп. камбрейскій, р. 1651 г., † 1715 г., 5.
 Фердинандъ, герц. Курляндскій, посл. изъ рода Кетлеровъ, 53.
 Фердинандъ, герц. Брауншвейгъ-Вольфенбит., 203.
 Ферморъ, полковн. 1737 г., 173.
 Финъ, англійск. послан. въ Петербургѣ, 141, 204.
 Фитингофъ, баронеса, Анна-Ульрика, см. Минихъ, графиня.
 Фитингофъ, бар., Ив. Андреев., Родосл. № 11, 213, 276, 310.
 Фитингофъ, баронесса, Юлія, въ зам. бар-са Крюднеръ, Родосл. № 11, 311.
 Флеммингъ, гр., фельдмаршалъ 1723 г., 7, 8, 9, 209, 210, 211.
 Флери (Fleury), кардиналъ, р. 1653 г., † 1743 г., 22, 31, 34, 133, 144, 147, 192, 269.
 Фремери, флотск. офицеръ 1734 г., 43, 147, 234.
 Фридрихъ I, король прусскій, 1710 г., 393, 163.

Ш.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, кор. прусскій въ 1713—1740 г., 13.
 Фридрихъ II Великій, кор. прусскій (1740—1786), 17, 191, 192, 203, 219, 220.
 Фридрихъ-Августъ, кор. польскій, 53.
 Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ курляндскій 1710 г., супругъ Анны Иоанновны, 163, 164.
 Фришъ, секретарь гр. Б. Х. Миниха, 252.

Х.

Ханызовъ, капит. 1740 г., 176.
 Хмыровъ, М. Д., 312.
 Христианъ V, король датскій, 1686 г., 312, 313, 316.
 Хрущова, Елисаб. Антон., см. Минихъ, графиня.
 Хрущовъ, Мих. Дм., ген.-лейт., Родосл. № 15, 311.
 Хрущовъ, Андрей Ѳед., тайн. совѣтн., совѣтн. бергъ-коллегии, † 1740 г., 156.

Ц.

Цедеррейцъ, баронъ, шведск. сенаторъ, 218.
 Цинклеръ, шведскій маіоръ 1739 г., 154, 228, 282.

Ч.

Черкасскій, кн., Алексѣй Михайловичъ, д. тайн. сов., канцлеръ, каб.-министръ, р. 1680 г., † 1742 г., 25, 29, 81, 84, 85, 90, 98, 101, 102, 107—109, 138, 157, 158, 176, 179, 186, 187, 252, 253, 271.
 Чернышевъ, гр., Петръ Григорьев., д. тайн. сов., р. 1712 г., † 1773 г., 173, 298, 299.
 Чоголова, Вѣра Николаевна, см. Минихъ, графиня.

Шарлота-Христина, принцесса брауншвейгъ-вольфенбюттельск., супруга царевича Алексѣя Петровича, 203.
 Фонъ-Шаумбургъ, баронъ, Иоаннъ-Вильгельмъ, об.-шталмейст. маркграфа аншпахск. 1728 г., Родосл. № 7, 310.
 Шаумбургъ, баронесса, Луиза-Доротея, см. Минихъ, графиня.
 Шаховской, кн., 298.
 Шахъ-Надиръ, персидскій шахъ 1731 г., 197, 198.
 Шварцбургъ-Рудольстатскій, князь, 14.
 Шейнъ, Алексѣй Семенов., бояринъ, 215.
 Шемякинъ, об.-инспекторъ надъ тамож. сборами въ 1758—1769 гг., 297.
 Шепелевъ, Дм. Андреев., ген.-анш., † 1759 г., 87, 109, 186.
 Шереметевъ, гр., Борисъ Петров., ген.-фельдмарш., р. 1652 г., † 1719 г., 127.
 Де-ла-Шетарди, маркизь, Жанъ, франц. дипломатъ и воинъ, р. 1705 г., † 1758 г., 198, 200—206, 216, 217, 221, 232, 278.
 Шлиппенбахъ, баронъ, шведск. генераль-маіоръ 1702 г., 127.
 Шмидтъ-Физельдевъ, нѣмецкій историкъ, 241, 242, 243, 244, 293.
 Шмицдорфъ, издатель, 266.
 Шовелинъ, мин. иностр. дѣлъ во Франціи 1728 г., 22, 31.
 Шпигель, ген.-маіоръ 1736 г., 173.
 Штейнфлихтъ, генераль 1734 г., 44, 234.
 Штофельнъ, генераль-маіоръ 1736 г., 63, 173, 244.
 Шубинскій, Сергѣй Николаев., генер.-маіоръ, ред. «Историческаго Вѣстника», писатель, 252.
 Шуваловъ, гр., Александръ Ив., фельдмаршалъ съ 1761 г., † 1769 г., 202.
 Шуваловъ, гр., Петръ Иванович., р. 1711 г., † 1762 г., 202, 295, 298.

Щ.

Щебальскій, Петръ Карлов., писатель-историкъ, 126, 226, 255—257, 266, 275.

Э.

Эгидіусъ, Ергардъ - Христіанъ, врачъ 1741 г., 291.

Эмануилъ, принцъ португальскій, 141.

Эйхлеръ, тайный кабинетскій секретарь 1740 г., 156.

Эмме, секрет. гр. Б. Х. Млнха (?), 263.

Этвенсъ, Софія-Екатерина, см. Мннихъ.

Эттингенскій, князь, 17.

Ю.

Юнкеръ, авторъ Дневника, 236, 237, 238, 249.

Юргенсонъ, Арведъ Яковл., писатель, 126, 223—284, 301, 302, 308, 312.

Юсонъ-Даллонъ (Usson d'Aillon), маркизь, французск. полномочн. мин. въ Петербургъ 1742 г., 221.

Юстъ-Липсій, писат.-историкъ, 155.

Юсуповъ, кн., Борисъ Григ., тв. сов., моск. губернат., р. 1695 г., † 1759 г., 109, 187.

Я.

Ягужинскій, гр. (съ 1725 г.), Пав. Ив., ген.-анш., каб.-мин., р. 1683, † 1736 г., 31, 137.

Ю.

Юефанъ Прокоповичъ, архіеп. псков., съ 1724 г. арх. новгор., † 1736 г., 168.

изя
сна